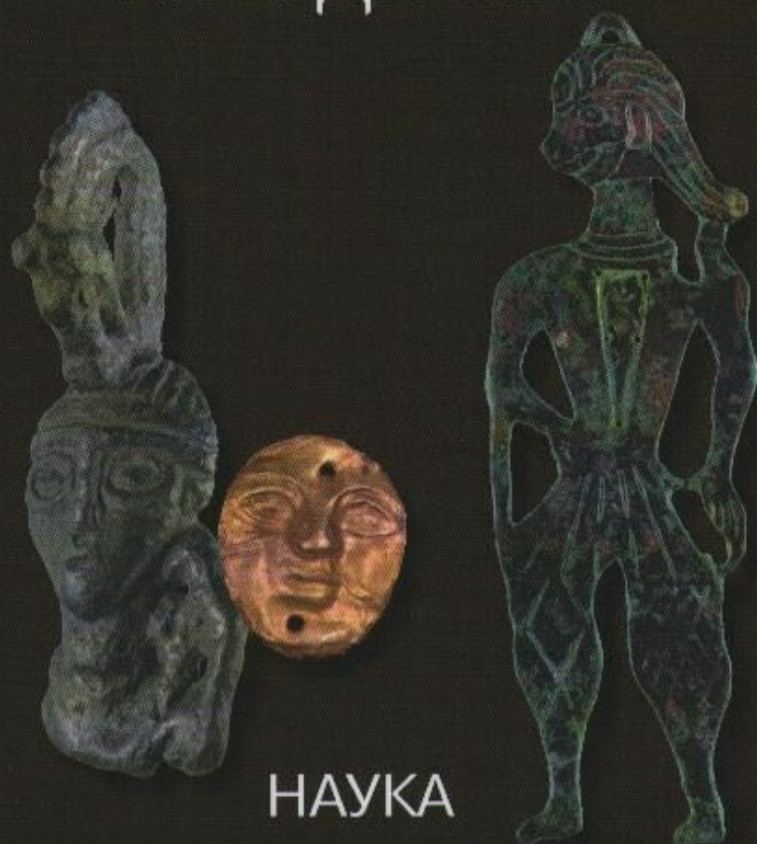

В. Р. Эрлих

Святилища некрополя Тенгинского городища II

IV в. до н.э.

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ
ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES MINISTRY OF CULTURE
OF RUSSIAN FEDERATION

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY STATE MUSEUM
OF ORIENTAL ART

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

V. R. Erlikh

The Shrines
in the Necropolis
of the 2nd Tenginskaya
Settlement
4th Century BC

MOSCOW NAUKA 2011

В. Р. Эрлих

Святилища некрополя Тенгинского городища II IV в. до н.э.

МОСКВА НАУКА 2011

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 10-01-16036д*

Ответственный редактор
доктор исторических наук *В.И. Козенкова*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *С.Б. Вальчак*,
кандидат исторических наук *В.Е. Маслов*

Эрлих В.Р.

Святынища некрополя Тенгинского городища II, IV в. до н.э. / В.Р. Эрлих ; Ин-т археологии РАН ; ГМИНВ. – М. : Наука, 2011. – 212 с. – ISBN 978-5-02-036762-3 (в пер.).

Монография посвящена полной публикации трех подкурганных святынищ, исследованных Кавказской археологической экспедицией Государственного музея Востока в 2000–2002 гг. у станицы Тенгинской Усть-Лабинского района Краснодарского края на некрополе Тенгинского городища II. В работе приведен подробный отчет о раскопках конструкций культовых сооружений. В отдельной главе рассмотрена вся совокупность жертвенных приношений, включающая местную и привозную керамику, элементы наступательного и защитного вооружения, колесного снаряжения, в том числе выполненного в прикубанском зверином стиле, многочисленные украшения из золота, золоченой терракоты и стекла, а также культовые предметы (высокохудожественные навершия, золотые накладки на деревянную чашу). Круг обозначенных аналогий и привозные предметы, прежде всего импортная керамика, позволили датировать все три кургана в пределах второй половины IV в. до н.э. В специальной главе меотские святынища рассматриваются как историко-культурный феномен, дается краткий обзор известных на сегодняшний день культовых сооружений меотской археологической культуры с VIII по II в. до н.э. В Приложении приведены результаты остеологических определений жертвенных животных и биоморфного анализа остатков растений.

Для археологов, историков, этнографов, культурологов и религиоведов.

По сети "Академкнига"

ISBN 978-5-02-036762-3

© Институт археологии РАН, Государственный музей искусства народов Востока, 2011
© Эрлих В.Р., 2011
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2011

Предлагаемая вниманию читателя книга доктора исторических наук Владимира Роальдовича Эрлиха является итогом трудного и крайне кропотливого этапа научной работы от, в буквальном смысле, физического извлечения из земли необычных по характеру археологических древностей до пристального их изучения и осмысления.

Памятники ритуального характера, в том числе эпохи раннего железного века, – не легкая задача для анализа. Отражая былую духовную, отнюдь не примитивную жизнь успешных народов, они, большей частью, доходят до наших дней в том виде, когда об их целостности не может быть и речи. В подавляющем случае об их формах, модификациях, а главное, об их содержании исследователи могут лишь догадываться, привлекая для этого разрозненные археологические детали из раскопок, какие-то косвенные полумифические свидетельства античных авторов и даже некоторые этнографические данные. Но и тогда воссозданная картина, как правило, представляет лишь приблизительное подобие некой реальности, существовавшей в древности.

Еще более сложная ситуация складывается в случае, когда исследователи сталкиваются с совершенно новой неизвестной формой явно ритуальных памятников. Именно такими оказались необычные сооружения под кургаными насыпями, открытые на территории Адыгси всего чуть более четверти века тому назад. Сколько же с начала 80-х годов XX века было споров, сколько предложено гипотез о характере и сути сенсационных богатейших изысканных изделий из раскопок Кавказской археологической экспедиции Музея Востока под руководством А.М. Лескова близ аула Уляп! Сначала даже сам руководитель работ полагал, что выявленные подкурганые сооружения представляют собой особый тип погребений, несмотря на отсутствие здесь достоверных антропологических материалов. С годами на территории Прикубанья открывались новые объекты подобного типа. Совершенствовалась методика исследований этих необычных и чрезвычайно трудных для раскопок памятников. Но важным было осознание того, что

археологическая наука столкнулась с совершенно неизвестным типом памятника, имющего отношение к древним культурам. Более четко стал вырисовываться их характер как особых святилищ, а также их взаимосвязь с ближайшими в округе действительно подлинными древними некрополями жившего здесь в далеком прошлом коренного населения – легендарных меотов античных авторов. Наиболее значительный вклад в дальнейшее изучение подкурганых ритуальных площадок Адыгси внесли открытия, раскопки и анализ аналогичных памятников на территории Тенгинского 2-го городища. Три кургана-святилища и грунтовый могильник были исследованы в 2000–2002 гг. экспедицией Музея Востока под руководством автора данной книги. Публикации тенгинских материалов и результатам их научной обработки и посвящено предлагаемое исследование. Одним из важных бесспорных итогов этого исследования является вывод В.Р. Эрлиха о том, что такие сооружения – норма, а не исключение в религиозной жизни меотов не только в VI – первой половине IV в. до н.э., как это показали раскопки в Уляпе, но и во второй половине IV в. до н.э. Работа теперь велась не вслепую, а с применением наработок особой методики раскопок данных необычных объектов. Эта методика заключалась в ювелирной фиксации результатов тонкими срезами слоев, что позволило засвидетельствовать мельчайшие подробности ритуала. Была обозначена топография около 1000 вещей на трех площадках, и удалось уловить разнообразные детали наземной конструкции, в которой эти ценные приношения складывались и хранились.

Тенгинский жертвенный центр полностью вошел по ведущим признакам в контекст не только аналогичных памятников Северного Кавказа, но и, как выяснилось, более широкого ареала, вплоть до территории Абхазии. Как полагает автор, там они являются свидетельством проникновения меотских всадников из Прикубанья.

Важной частью монографии является самая полная на сегодняшний день публикация сводки близких видов святилищ. Но автором предоставле-

но не просто последовательное перечисление подобных, но разной степени близости, памятников, а показаны этапы развития и угасания форм этого ритуала, запечатленных в особенностях наземных конструкций от сравнительно простых протогеотского периода VIII в. до н.э. до изживающих себя форм II в. до н.э.

На основе множества предметов быта и войны, но главным образом принесенных в дар богам изящных ювелирных золотых изделий, восстанавливается картина широких, необычайно активных связей хозяев Тенгинских святилищ — представителей властвующей элиты местного меотского общества. Об обоюдном интересе местных и далеских мастеров из Греции, Малой Азии, Переднего Востока и других регионов свидетельствуют фрагменты античной посуды и амфор, украшения костюма в виде золотых нашивных бляшек, фрагменты ажурной золотой диадемы, кулоны с личинами, многоцветье ожерелий из стеклянных и керамических бус. Весь этот комплекс убедительно использован автором для уточнения абсолютной

хронологии ритуальных площадок из Тенгинской. Привлекательно и красочно выглядит в книге реконструкция разных типов конской уздечки, основанная на реальном расположении вещей близ остовов лошадей, представлявших одну из характерных черт ритуала на площадках-святилищах.

Особо следует отметить более высокий уровень обработки материала, по сравнению с прежними раскопками. Тщательность изучения автором артефактов дополнена данными специальных анализов костного материала и биоморфных образцов. Они значительно расширяют наши знания о древней экологии и среде обитания людей этого региона.

Уверена, книга В.Р. Эрлиха даст пиццу для размышлений не только коллегам-археологам, учающим древности Кавказа, но и специалистам по собственно античности, знатокам ювелирного искусства и этнографам, проявляющим научный интерес к ретроспекции бытоустройства кавказских народов от современности в глубину веков.

Доктор исторических наук

В.И. Козенкова

(Копировано из рукописи, предоставленной автором)

Предлагаемая читателю книга содержит в себе полную публикацию материалов трех подкурганых святилищ, исследовавшихся в окрестностях станицы Тенгинской Усть-Лабинского района Краснодарского края Кавказской археологической экспедицией Государственного музея Востока в 2000–2002 гг. под руководством автора. Эти курганы являются составной частью археологического комплекса VI–IV вв. до н.э. Тенгинского городища II – одного из интереснейших памятников меотской археологической культуры.

Следует отметить, что святилища среди памятников меотской культуры стали выделяться исследователями лишь с 80-х годов прошлого столетия. В то же время, как сейчас выясняется, один из первых памятников, исследованных на Кубани В.Л. Беренштамом на столетие раньше – в 1879 г., – курганы у станицы Некрасовской, также являлись подкурганными святилищами (*Беренштам*, 1882. С. 314–321; *Эрлих*, 2009. С. 456–460). Знаменитые Ульские курганы, исследованные Н.В. Веселовским в конце XIX – начале XX в. также, скорее всего, полностью или частично следует относить к ритуальным памятникам (*Эрлих, Маслов, Брилева*, 2008. С. 395–396; *Erlikh*, 2010. P. 55–58; *Эрлих*, 2010б). Таким образом, данная публикация затрагивает важный и пока еще плохо изученный аспект меотской культуры: ритуальные комплексы, которые, как нам представляется, составляют сейчас значительную часть открытых памятников меотской археологической культуры.

Несколько слов необходимо сказать и о нашем понимании самого содержания понятий “меоты” и “меотская культура”. Название археологической культуры основывается на античной литературной традиции. К меотам античные авторы, начиная с VI в. до н.э., относили население, жившее вокруг Меотиды (Азовского моря). Первое упоминание об одном из меотских племен – дандариях, “народе, живущем у Кавказа”, мы находим у Гекатея Милетского. К концу VI в. до н.э., очевидно, восходит указание Псевдо-Скилака о том, что меоты и синды живут “в Азии” (т.е. за р. Танаисом (Доном), считавшимся у греков границей между Европой

и Азией), и соседствуют с “женоуправляемыми” савроматами. В V в. до н.э. о синдах и меотах упоминает Гелланик Митиленский. Его современник “отец истории” Геродот, описывая скифов, указывает, что в суровые зимы скифы могли через Керченский пролив по льду “пересезжать на своих повозках до земли синдов” – одного из меотских племен (*Геродот*, IV, 28). Из посвященных надписей боспорских царей, перечислявших все подвластные Боспору народы, мы узнаем, что “меотами” назывались различные племена и народы (как местные кавказские, так и пришлые сарматские) на протяжении одного лишь IV в. до н.э. Например, правитель Боспора Левкон I (389–349 гг. до н.э.) провозглашает себя “архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов, торетов, дандариев и псесов”. А его сын Перисад I (349–310 гг. до н.э.) уже добавляет в свой титул племена досхов и фатесв и объявляет себя царем всех меотов.

В настоящее время понятие “меотская археологическая культура” признается подавляющим большинством исследователей, занимающихся проблемами раннего железного века. Эта культура объединяет памятники как Левобережья, так и Правобережья Кубани. Однако локальные особенности ряда микрорегионов настолько велики, что иногда даже давали основание для выделения особых культур¹.

В интерпретации памятников меотской культуры существуют две противоположные точки зрения. Первая была высказана Н.В. Анфимовым и поддержана В.П. Шиловым, И.С. Каменецким и другими исследователями. Она заключается в понимании меотов как единого этноса. Локальные же варианты меотской культуры этими исследователями трактуются как материальные остатки

¹ Например, И.С. Каменецкий особо обозначил памятники Нижнего и Среднего течения р. Лабы, где им была выделена так называемая “тенгинская культура” (*Гей, Каменецкий*, 1986. С. 47). Но в дальнейшем исследование могильника, святилищ, ряда городищ и поселений в окрестностях ст. Тенгинской В.Р. Эрлихом и Е.А. Бегловой показали, что археологический материал этой территории не выходит за рамки меотской культуры.

различных меотских племен, известных по письменным источникам (Анфимов, 1954; Шилов, 1950; Каменецкий, 1989. С. 224–228). Наиболее видимое противоречие в этой концепции – наличие в Левобережье Кубани синхронных курганных могильников, содержащих материал, аналогичный тому, что встречается в грунтовых могильниках, и в то же время составляющий общность с культурами раннескифской архаики Северного Кавказа и Украинской лесостепи. Это противоречие разными исследователями объясняется по-разному. Одни ученые, следуя за Б.Н. Граковым, отрицают принадлежность кубанских курганов к раннескифской общности, считая их меотскими. В настоящее время наиболее последовательный защитник этой точки зрения – И.С. Каменецкий, который полагает, что «скифские» могилы, вкрапленные в «меотские» грунтовые могильники без рядового скифского населения или хотя бы дружины, выглядят несколько странно». Единственной причиной живучести гипотезы скифской принадлежности таких курганов, как Келермес, Ульские и Костромской, по его мнению, «заключается в нежелании скифологов расстаться с этими яркими памятниками» (Каменецкий, 1990. С. 81). Тем не менее все-таки значительная часть исследователей, как скифологов, так и специалистов по памятникам меотов, продолжает считать курганы проявлением скифского присутствия в меотской среде (Ждановский, Марченко, 1989, 1998; Махортых, 1991; Галанина, 1997). Все эти противоречия нивелируются, однако, если принять во внимание другую точку зрения на понятие «меоты», которая, на наш взгляд, завоевывает в настоящее время все большее число сторонников. Она заключается в следующем.

Под «меотами» древних авторов следует понимать всякое негреческое население, жившее восточнее и юго-восточнее Меотиды (Азовского моря) и изначально именованное так древними греками в соответствии с названием самого моря. Таким образом, это, скорее всего, так называемый экзоэтноним (иноназвание), обозначающий не единый этнос или близкородственную группу этносов, а разноязычные народы. Именно поэтому, как заметили исследователи, среди народов (племен), входящих в это собирательное понятие, имеются этнонимы как иранского, так и кавказского происхождения. Характерно, что на протяжении одного только IV в. до н.э., в начале, в середине и в конце этого столетия, под понятие «меоты» попадают различные племена и народы, что доказал, анализируя письменные источники, австралийский ученый Джон Гардинер-Гарден (*Gardiner-Garden*, 1986). Впрочем, еще ранее подобных взглядов придерживались Л.А. Ельницкий и В.Е. Максименко (Ельницкий, 1961; Максименко, 1983. С. 15–17), к сходному мнению подошли в своей работе 1990 г. Л.К. Галанина и А.Ю. Алексеев (Галанина,

Алексеев, 1990. С. 49–50). К чему же склоняется большинство лингвистов.

Следует признать, что реконструкция этнической ситуации, существовавшей на Северо-Западном Кавказе в эпоху раннего железного века, – занятие чрезвычайно сложное, если не безнадежное. Однако, несмотря на полиэтничность меотов, их объединяла схожая материальная культура и погребальная обрядность, что и обусловило наличие на данной территории единой меотской археологической культуры с неповторимым, присущим только ей набором признаков.

Тот факт, что у племен разного происхождения и различающихся по языку материальная культура может быть сходной и даже почти единой, можно подтвердить многочисленными примерами из этнографии современных разноязычных горцев Кавказа, близких по традиционной культуре.

О том, что археологическая культура не всегда является «материальным слепком» этноса, свидетельствует множество примеров. Именно с этой точки зрения следует, на наш взгляд, подходить и к изучению материальной культуры Прикубанья. Например, не следует исключать, изучая меотскую культуру, и комплексы курганов. Курганы такой же ее компонент, как и грунтовые могильники. Их содержимое не кажется чуждым на фоне находок, полученных из грунтовых могильников. Если и существуют некоторые различия, то они скорее носят социальный характер, чем этнический. Кроме того, как мы уже указали выше, значительное число курганов сейчас можно отнести не к погребальным памятникам, а к подкурганам святилищам, что также является характерной чертой меотской культуры. Поэтому под понятием «меоты» я прежде всего подразумеваю носителей меотской археологической культуры.

Публикуемый в книге материал, возможно, послужит неплохой иллюстрацией вышеприведенным суждениям. Три невысоких кургана, расположенных на территории грунтового могильника-некрополя, относятся, вне всякого сомнения, к одному из периодов существования меотского поселения – Тенгинского городища II. Не вызывает сомнения и ритуальный характер тенгинских курганов – в них практически полностью отсутствуют кости человека. Надеюсь, что этот материал будет полезен как и специалистам – исследователям древностей юга России, так и всем тем, кто интересуется древней историей Кубани. В предлагаемой монографии я старался дать наиболее полное (отчетное) описание раскопанных объектов. Возможно, оно сможет послужить исследователям источником для дальнейших реконструкций древних верований народов Кавказа.

Настоящее издание было бы невозможно без рисунков художника Отдела археологии ГМИИВ Н.С. Сурвилло. Полевая съемка всех объектов

выполнена автором, чертежи на раскопе – Е.А. Куриной и Е.И. Телишевым. Чертеж конской могилы кургана 2 – Суджатой Чандросекаран. Фотографии находок – фотографами ГМИНВ Е.И. Желтовым и Э.Т. Базилия.

Автор благодарен многочисленным сотрудникам Кавказской археологической экспедиции 2000–2002 гг. и коллегам-археологам, в разные годы принимавшим участие в исследовании Тенгинских святилищ: О.А. Брильской, С.Б. Вальчаку, Е.Е. Васильевой, А.Р. Канторовичу, А.А. Пелиху, А.Ю. Скакову, Суджете Чандрасекаран, реставраторам Отдела археологии ГМИНВ Д. Иванову, О.А. Мя-

ковой, Е.Д. Коняевой, кропотливо работавшим несколько лет над материалами этого памятника.

Особо хочу отметить неоценимый вклад в данную работу А.Р. Канторовича, который помог мне в распознавании образов животных на ряде изделий из Тенгинских курганов, выполненных в зверином стиле, и составил подробные описания уникальных бронзовых наверший из кургана 2. Совместно с ним мной написан и раздел, посвященный этим предметам.

Автор выражает искреннюю признательность Российскому гуманитарному научному фонду за поддержку подготовки книги к изданию.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕНГИНСКОГО ГОРОДИЩА II И ЕГО НЕКРОПОЛЯ

Тенгинское городище II находится на правой высокой террасе р. Лабы в 3 км от станицы Тенгинской (Усть-Лабиинский район Краснодарского края) в сторону ст. Воздвиженской. В этом месте терраса имеет небольшой полукруглый выступ. Протяженность городища около 1 км с юга-запада на северо-восток, а в поперечнике оно около 350 м в самой широкой части в районе мыса террасы. Площадь памятника составляет около 13 га. Памятник сильно поврежден распашкой, на его поверхности найдено большое количество фрагментов керамики.

На аэрофотоснимке (рис. 1) и визуально хорошо заметны защищающие городище с напольной стороны ров полуовальной формы и вал, который повторяет его форму. Лишь на востоке между рвом и валом имеется свободное пространство в виде треугольника, возможно, загон для скота? На севере вал и ров имеют разрыв (въездные ворота?). Вал лучше сохранился в восточной части городища, где его высота достигает 1,5 м от подошвы.

Внутри вала прослеживается 14 холмиков, которые и идут двумя цепочками вдоль террасы р. Лабы, вероятно являясь двумя линиями жилищ.

Впервые Тенгинское городище II было введено в научный оборот разведками первого разведочного отряда Северокавказской археологической экспедиции Института археологии под руководством С.А. Науменко в 1981 г. Тогда же был сделан первый план городища (Науменко, 1981). Однако, по-видимому, этот памятник был известен Н.В. Анфимову и ранее. На карте-вклейке к его брошюре "Древние поселения Прикубанья" им между станицами Тенгинской и Воздвиженской обозначено городище. Вероятнее всего – это Тенгинское II городище (Анфимов, 1953. Карта).

В 1982 г. И.С. Каменецким был собран и описан в Отчете подъемный материал с этого городища (Каменецкий, 1982). Поскольку в сборах с этого памятника практически отсутствовала сероглиняная гончарная керамика, исследователь предположил, что "мы имеем дело с особой культурой, вероятно, не меотской, значительно отличающейся

по керамике от ранее известных памятников" (Каменецкий, 1982. С. 6). Тогда же городище им было предварительно датировано V–III вв. до н.э. (Каменецкий, 1982. С. 11).

И.С. Каменецкий обратил внимание на то, что на Тенгинском городище II отсутствует укрепленная "центральная часть" или цитадель, которая характерна для позднейших меотских городищ. Именно это и послужило тогда одной из причин выделения здесь отличной от меотской особой тенгинской культуры (Гей, Каменецкий, 1986. С. 47).

Начиная с 1994 г. работы на памятнике были возобновлены Кавказской археологической экспедицией Государственного музея Востока под руководством автора этих строк. В апреле 1994 г., во время разведочных работ на городище, был заложен шурф на самом высоком холме, примыкающем с запада вплотную к гравийной дороге. В том же году и в 1995 г. вокруг этого шурфа нами были разбиты два раскопа (раскопы II и III). Мощность слоя в них составляла около 160 см (8 штыков). Судя по встреченным здесь античным импортам, городище относилось к периоду с конца VI по IV в. до н.э. Наиболее массовый материал – фрагменты лепной керамики достаточно хорошо известных форм меотской кухонной и столовой керамики: горшки, корчаги, миски, горшкообразные сосуды, кружки, солонки, вазочки, кувшины, котлы.

Весьма незначительный процент составляла гончарная красноглиняная (вероятно привозная) и местная сероглиняная керамика, которая в меотской культуре появляется в конце V в. до н.э. В разных штыках он колеблется от 2 до 4%. Круговая керамика представлена, главным образом, фрагментами мисок, фрагментами венчиков, стенок и доньшками кувшинов. Поверхность некоторых сосудов слегка лощеная. Орнаментация отсутствует. По мнению обрабатывавшей керамический комплекс городища Е.А. Бегловой, он находит полное соответствие в синхронных погребальных памятниках этой территории, в частности, в Уляпском могильнике (Беглова, Эрлих, 1998б).

В силу своей традиционности местная посуда дает очень мало или почти ничего не дает для деления слоя городища на хронологические периоды. В то же время, постоянно присутствующий в слоях городища незначительный процент привозной греческой керамики и прежде всего амфор – около 3%, позволил определить хронологию и выделить периоды существования памятника. Определения и подсчеты привозной керамики для раскопа II были выполнены А.А. Малышевым (Малышев, 1996), который выделил два периода поступления импортов.

Среди находок первого периода (конец VI – первая половина V в. до н.э.), особенно велик удельный вес клазоменских амфор и амфор на усеченно-коническом поддоне. Засвидетельствованы обломки хиосских пухлогорлых амфор и коричневоглиняных амфор с усеченно-коническим основанием. Характерной особенностью Тенгинского городища является большой процент амфор типа Клазомены, достаточно редких на других памятниках Кубани.

Второй период (конец V (?) – третья четверть IV в. до н.э.) представлен фасосскими амфорами первой половины IV в. до н.э., мецдейскими, гераклейскими, типа Солоха I. По глине выделены амфоры Синопы.

Столовая импортная посуда представлена только образцами позднеархаического периода, в отличие от амфор, которые здесь встречаются до третьей четверти IV в. до н.э. В основном она представлена обломками чернолаковых и чернофигурных киликов на дисковидном основании. Обломок подобного чернофигурного килика обнаружен в нижних штыках раннего горизонта городища (Ср.: Sparkes, Talcott, 1970. N 398).

На основании подсчетов нами выделены два хронологических периода существования городища. Позднесархаический (штыки 8–6) и период IV в. до н.э. (штыки 3–1). Штыки 5 и 4 можно считать переходными.

Исследование городища позволило получить и ценную информацию о хозяйственной жизни его обитателей. Костные остатки из слоя свидетельствуют, что как в ранний, так и в поздний периоды существования поселения (конец VI–V в. до н.э. и IV в. до н.э.) первое место в стаде занимал крупный рогатый скот. Его удельный вес остается неизменным (около 40%). На втором месте среди остатков мясной пищи в нижнем горизонте – свинья (22,5%), а в верхнем – лошадь (23%). К IV в. до н.э. удельный вес костей свиньи снижается до 13%. Мелкий рогатый скот (овцы и козы) занимают и в нижнем, и в верхнем горизонте третье место и имеют соответственно 19,5% и 14%.

Среди костей диких животных, свидетельствующих прежде всего об охотничьих предпочтениях населения, встречаются единичные кости зайца (русака), водоплавающей птицы и одиночная находка

верхнего зуба благородного оленя. Среди костей крупного рогатого скота встречены остатки быка, по морфологии отличающегося от домашнего. Не исключена принадлежность этих остатков зубру (*bison bonasus*). Кость рыбы встречена только в одном случае.

Исследование остатков культурных растений из слоя Тенгинского городища II, проведенное в 1994 г. Е.Ю. Лебедевой, показало явное преобладание наиболее совершенной мягкой кустистой или карликовой пшеницы в спектре культурных растений. Зерна пленчатых пшениц – однозернянки и двузернянки (полбы) – присутствовали лишь в очень незначительном количестве. Мягкая кустистая и карликовая пшеница (*Tr. Aestivio/compactum*) традиционно считается основной культурой, являющейся предметом экспорта в Грецию, о котором свидетельствуют эпиграфические источники и античные авторы (Лебедева, 1994. С. 109). Доля ячменя (*Hordeum*), составляет 5% от общего числа зерен культурных растений Тенгинского городища. Такой же процент этой зерновой культуры засвидетельствован на других поселениях Прикубанья (Лебедева, 1994. С. 109). Интересно полное отсутствие на Тенгинском городище зерен проса, традиционно считающегося основной пищей месоитов.

Изучение строительных остатков данного памятника позволило убедиться, что его жители практиковали не турлучное, а саманное домостроительство. Турлучный (каркасный) способ строительства жилищ характерен для западных поселений Прикубанья. Остатки таких построек находят на левом берегу Краснодарского водохранилища и в Приазовье. Напротив, для восточной части Прикубанья, приблизительно от места впадения Лабы в Кубань до места поворота Кубани, свойственно уже не турлучное, а саманное домостроительство (без деревянного каркаса). Подобная техника прослежена при исследовании городища Медовка в Шовгеновском районе Адыгеи, на VI Кавказском городище на правом берегу Кубани, на поселении у Ульского пенькозавода и на Тенгинском городище II (Беглова, Эрлих, 19986).

Одним из направлений наших исследований на Тенгинском городище было изучение фортификации. Первые почвенные пробы из-под вала, взятые А.Л. Александровским в 1994 г. в восточной его части, не в самом высоком месте показали, что в палинологическом спектре погребенной почвы отсутствуют признаки земледелия. Это скорее всего свидетельствовало о том, что вал насыпался во время образования здесь поселения. В противном случае пыльца с окружающих полей попала бы в почву под валом.

Исследования рва и вала городища, проведенные в 1995–1996 гг., в целом подтвердили это предположение. Сделанный в эти годы разрез рва

и вала позволил воссоздать картину его сооружения и продемонстрировал сложную структуру. Первоначально была выкопана центральная часть рва. Затем несколько выше с двух сторон были вырыты еще два дополнительных ровика с достаточно крутыми внешними стенками. Выброшенная из основного рва погребенная почва пошла на сооружение первоначального вала. Какое-то время фортификационные сооружения функционировали в таком виде. Когда городище уже просуществовало в течение продолжительного времени и вырос культурный слой, ров вычистили, досыпав вал. Его вершину укрепили сырцово-обмазкой и галечной вымосткой сверху. С этого уровня обмазки вала происходят фрагменты амфор, датируемые IV в. до н.э., показывая время ремонта фортификаций. В то же время стерильность почвы, из которой был сложен первоначальный вал, и отсутствие следов жизнедеятельности человека под ним, свидетельствуют в пользу того, что оборонительные сооружения возводились одновременно с возникновением городища, т.е. в VI – начале V в. до н.э.

На сегодняшний день фортификация Тенгинского городища – древнейшая среди известных укреплений меотских городищ (Беглова, Эрлих, 1998а. С. 86). В Правобережье Кубани исследовались укрепления Старокорсуньского городища № 2, относящиеся к IV в. до н.э., (Лимберис, Марченко, 1998. С. 41–58). К IV в. до н.э. относил появление укреплений на правобережных городищах и Н.В. Анфимов (1953. С. 21). И.С. Каменецкий время появления фортификации в Прикубанье датировал среднемеотским I периодом (V–III вв. до н.э.) своей периодизации (Каменецкий, 1989. С. 235). Однако все эти выводы делались исследователями на памятниках Правобережья, где возникновение фортификации в IV в. до н.э. можно объяснить появлением в прикубанских степях сарматских племен.

В Закубанье, помимо Тенгинского городища, укрепления в позднеархаическое время появляются лишь на широко известном Семибратнем городище в низовьях Кубани. Здесь в конце VI – начале V в. до н.э. город обносится стеной из плит ракушечника, что вполне объяснимо

ролью этого городища в колонизации Боспора греками.

Отметим, что характер укреплений Тенгинского городища II удивляет своей развитостью. Таким хорошо организованным линиям укреплений (рва и вала) мы не знаем ни прототипов, ни синхронных аналогий. Развитая фортификация, появившаяся внезапно, без видимых на то причин, а также присутствие в этой глубинной меотской территории греческой керамики (около 3%), обнаруженной в самых нижних слоях городища, наводят на мысль об особом статусе этого памятника. Можно предположить, что этому памятнику была отведена какая-то особая роль в торговых отношениях греков с окружающим населением. Пока следует признать, что среди известных городищ Среднего Закубанья фортификация Тенгинского городища II, без сомнения, является древнейшей.

Могильника, связанного с Тенгинским городищем, долгое время обнаружить не удавалось. Причина заключается в меотском обряде грунтовых погребений, когда отсутствуют внешние признаки погребальных сооружений. Могильники находят, как правило, случайно – при земляных работах, в осыпях речных террас или при исследовании курганов эпохи бронзы, в чьих полах часто бывают впускные погребения раннего железного века.

Некрополь раннеэллинистического времени был открыт за пределами рва и вала, около их разрыва в северной части – “ворот” (рис. 1 и 2), благодаря изучению аэрофотоснимка городища, где в этом месте имелись слабо различимые пятна. В свежей распахке осенью 1999 г. удалось обнаружить три сильно распаханных кургана, впоследствии оказавшихся святилищами.

Исследования некрополя велись в течение трех лет, с 2000 по 2002 г. За это время здесь нами было раскопано три кургана-святилища и выявлен грунтовый могильник в межкурганном пространстве (рис. 3). Полученные материалы показали, что данный некрополь и имеющиеся на нем святилища относятся к финальному периоду существования Тенгинского городища – ко второй половине IV в. до н.э. Могильник позднеархаического времени пока не обнаружен.

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ КУЛЬТОВЫХ КОМПЛЕКСОВ НЕКРОПОЛЯ ТЕНГИНСКОГО ГОРОДИЩА

Данная глава посвящена описанию исследованных в 2000–2002 гг. трех курганов некрополя Тенгинского городища II. Отметим, что определенной системы в расположении этих курганов не наблюдалось. Курганы 1 и 2 – наиболее высокие, находились в 150 м к северо-западу от въездных ворот один подле другого, почти соприкасаясь краями

распаханных насыпей. Курган 3 находился в 50 м к северо-востоку от края насыпи кургана 1 (рис. 3). В процессе съемки топографического плана выявлено еще два невысоких всхолмления высотой 0,3 м, одно из которых оказалось отвалом, созданным при строительстве дороги, другое – естественным холмиком.

КУРГАН 1 (рис. 4)

Находился приблизительно в 40 м к северу от автодороги. Насыпь кургана сильно распахана и гораздо светлее окружающего чернозема. Ее диаметр визуально по поверхности около 40 м. Высота насыпи от ее вершины с востока и юга около полуметра, а с севера и северо-запада превышала 1 м. Верхний слой насыпи (30–40 см) в центре и полы кургана вскрывались бульдозером методом параллельных траншей с оставлением одной центральной бровки. Южная пола кургана вскрывалась лишь частично, поскольку по ней проходил телефонный кабель РОСТЕЛЕКОМа, охранная зона которого составляет 2 м в обе стороны от него. Однако, как показало исследование бровок, реальная насыпь кургана не попала в охранную зону кабеля.

Описание разрезов кургана

Центральная бровка. Восточный фас (рис. 5, А). Под слоем дерна мощностью 25–30 см в центральной части кургана обнаружена распаханная насыпь высотой здесь около метра. Цвет насыпи в центральной части не однородный. В ней заметны пятна прокала и углистые участки. В 4 м от центра кургана в обе стороны выявлен слой гальки в нижней части насыпи. Над ним – также пятна прокаленной земли. Погребенная почва в виде темнова-

то-серой супеси прослеживалась на глубине около 1,2 м на расстоянии 6–9 м от центрального репера (ЦР) на север и 6–10 м на юг. Таким образом, устанавливается, что первоначальный диаметр насыпи был около 20 м. В центральной части кургана погребенную почву проследить не удалось. Ниже находился предматериковый слой светло-коричневого цвета с темными включениями. Материк, представленный однородным светлым суглинком, выявлен на глубине около 1,5–1,6 м.

Центральная бровка. Западный фас (рис. 5, Б). Под слоем пахоты мощностью около 25 см обнаружена насыпь кургана, в центральной части имеющая пеструю структуру с большим пятном прокаленной земли в центре. На север от ЦР (4–6 м) на глубине около 1 м обнаружена линза прокала, под которой прослеживались сгоревшие древесные плахи, лежащие на гальке. Небольшие галечные линзы отмечены в профиле на этой же глубине в центре и 3 м к югу от ЦР. Погребенная почва здесь также прослеживалась только на периферии насыпи. На севере между 10-м и 6-м метрами, на юге – также между 10-м и 6-м метрами на глубине около 1,2 м. Ниже до глубины 1,2–1,5 м находился предматериковый слой светло-коричневого цвета с темными включениями. Светлый материковый суглинок выявлен на глубине около 1,5 м.

Скопление I (ритуальный комплекс)

В центре кургана, практически под уровнем поверхностного почвенного слоя начали встречаться отдельные пятна прокаленной земли и куски обожженной глины (рис. 6). На глубине 50–60 см эти пятна увеличились, в связи с чем зачистка прокаленного слоя проводилась вручную. В центре кургана были оставлены бровки. Одна – по линии север–юг (совпадающая с бровкой кургана) и вторая – запад–восток, проходящая через ЦР. Расчистка верхнего уровня скопления на глубине 0,5–0,8 м, выявила площадь с тремя мощными пятнами прокала, удаленными на 3–4 метра от центра кургана в северо-западном, юго-западном и северо-восточном секторах. В юго-восточном секторе прокаленная земля не обнаружена. Но именно здесь встречено максимальное количество находок.

Для более точной фиксации остатков выявленного объекта исследование велось по трем уровням: верхний (глубина 0,5–0,8 м), средний (глубина 0,98–1,08 м) и нижний (глубина 1,15–1,2 м). Совмещение всех трех планов при дальнейшей работе позволило произвести ряд реконструкций, прежде всего уздечных комплексов.

Ниже описание скопления дается по уровням расчистки, по условным квадратным секторам, начиная с СЗ сектора по часовой стрелке. Описание содержит ссылки на единый список (каталог находок), номера которого совпадают с номерами находок на всех трех планах этого комплекса. Сам каталог помещен в конце описания кургана.

Верхний уровень расчистки (рис. 6). К этому уровню относится материал, зафиксированный на глубине 0,5–0,8 м от вершины кургана.

В северо-западном секторе выявлено пятно прокала, удаленное на 4 м к СЗ от ЦР. Пятно неправильной формы представляло собой красную прокаленную глину, на периферии имелись отдельные следы прокала – менее прокаленная почва. Непосредственно среди пятен прокала обнаружены: фрагмент крупной бусины синего стекла (28), фрагмент звена удила (29) и бронзовая уздечная бляшка (45). В пространстве между пятнами прокала и центром кургана в этом секторе обнаружены: в разных местах железные наконечники стрел (3, 8), фрагменты чернолаковых сосудов (4). Кроме этого, здесь были найдены: фрагмент железного ножа (5), золотая напивная бляшка с изображением человеческой личины (10), фрагмент ручки сосуда, бронзовое колечко от конского нагрудника (47).

Небольшое пятно прокаленной глины диаметром около 40 см выявлено в этом секторе у центрального репера. В процессе расчистки также встречались отдельные невыразительные фрагменты лепной и гончарной керамики.

В северо-восточном секторе пятно прокала, имевшее форму полудуги, было расчищено на глубине 65–66 см на расстоянии около 3,5 м от центра кургана. У западного края пятна прокала обнаружены два фрагмента железного псаля (140), а у южного – бронзовое уздечное кольцо (139).

В юго-восточном секторе мощные следы прокала выявлены не были. Лишь два небольших пятна имелись на глубине 60 см от ЦР в северной части сектора. Однако в этом секторе оказалась наибольшая концентрация вещей, фрагментов керамики и костей животных, причем это скопление имеет контуры, близкие к прямоугольнику, ориентированному с юго-востока на северо-запад. В юго-восточной части скопления обнаружены: крупный фрагмент красноглиняного мортара (2); фрагменты железных предметов (6, 7, 9, 12, 35, 38), фрагменты чернолаковой керамики (4), стеклянная бусинка (14), железные наконечники стрел (15, 22, 25), фрагменты железных панцирных пластин (12, 18, 35, 38), фрагменты лезвия кинжала (20), фрагмент железной пластины с бронзовыми колечками (19), фрагмент донца красноглиняного сосуда (21), фрагменты амфорной керамики (23, 43), несколько золотых нитей (26), фрагменты железных ножей (7, 9, 27, 37), фрагмент бронзового стержня (42), а также фрагмент железного предмета неопределимой формы (6).

В центральной части “прямоугольника” обнаружены: золотая подвеска (11), бронзовые и железные фрагменты панцирных пластин (13, 18), фрагменты железной пластины с бронзовыми колечками (19), фрагменты лезвия железного кинжала (16, 17), золотая бляшка (24), железные наконечники стрел (15, 25), фрагменты лешных и гончарных сосудов (32, 33), фрагменты неясных железных предметов (122).

В южной его части найдены кости лошади (зубы и отдельные фрагменты трубчатых костей) с предметами узды, названные конским погребением (КП) 2¹. Вокруг костей лошади концентрировались отдельные находки (частично заходящие и в юго-западный сектор), относящиеся к конскому снаряжению, фрагменты керамики и железных предметов. Из конского снаряжения здесь имелись: фрагменты железных удила (120), фрагмент биметаллического псаля (146), конские бляхи (119, 154), наносник (123), уздечное кольцо (125). Кроме этого здесь обнаружены фрагменты конского нагрудника (128, 132). Отмечены также фрагменты железных предметов (122, 129), амфорная ручка с клеймом и стенки амфоры (133), бронзовые пронизи (124) и фрагмент золотой ленты пальметт (142). Здесь также встречались бронзовые и железные наконечники стрел (131, 141).

¹ Конское погребение 1 – отдельный объект. Это дополнительное жертвоприношение было обнаружено к югу от основного ритуального комплекса. Его описание дано ниже.

В юго-западном секторе скопления на глубине 63–73 см были выявлены пятна прокаленной земли. Скопление пятен, близкое по форме к полуокружности, обнаружено на расстоянии 2–4 см от центра кургана. Внутри этой полуокружности также имелось пятно обожженной глины неправильной формы. В северной части этого сектора найдены железная пластина (51), бронзовая бляшка (59), фрагмент железных удилов (60). В центральной части – блок железных наконечников стрел (61). В юго-восточной части сектора – бронзовая пронизка (72) и фрагмент красноглиняного мортара (67).

Некоторые уздечные принадлежности из верхнего уровня расчистки скопления в зависимости от места их нахождения нами в процессе обработки материала были отнесены к тем или иным конским жертвоприношениям, нанесенным на план среднего уровня расчистки.

Средний уровень расчистки (рис. 7; цв. вкл., рис. 1, 1, 2). На глубине 0,98–1,08 м, чему соответствует средний уровень расчистки, были расчищены остатки ритуальных жертвоприношений 10 коней. Жертвоприношения совершались на специально подготовленных местах, выложенных речной галькой. Галечная вымостка практически образует полукольцо в северной части скопления. Характеристика остатков жертвоприношений дается в том же порядке по часовой стрелке, начиная с *северо-западного сектора*.

Самое западное в этом секторе *конское погребение 9*. Оно находилось на расстоянии 5,5 м к северо-западу от ЦР. Галька и кости покрыты слоем золы. Кости лошади сильно фрагментированы и обожжены. Сохранились кости конечностей, ребра и зубы. Судя по ним, лошадь (была положена целая туша) лежала на правом боку головой на северо-восток. Около остатков костей черепа были обнаружены бронзовые ромбовидные бляхи (167).

Следующее (по часовой стрелке) – *конское жертвоприношение – КП-6* (рис. 7). Оно находилось на расстоянии 6 м к северо-северо-западу от ЦР. Здесь расчищены сильно обгоревшие зубы лошади. Очевидно, был положен только череп животного. К востоку от него лежали шесть бронзовых бляшек (158, 159), фрагменты биметаллических псалий (160 а–в), бронзовая ворворка (161) и фрагменты железных удилов (162).

Рядом с конским черепом КП-6, к юго-востоку от него обнаружены остатки еще одного конского жертвоприношения *КП-7* (цв. вкл., рис. 2, 4). От него сохранились только обгоревшие зубы животного. К востоку от зубов находилась узда этой лошади (рис. 27). Здесь были обнаружены фрагменты железных петельчатых удилов и псалий (163), две бронзовые уздечные бляшки (164) и бронзовый наносник (165).

К северу от ЦР, на расстоянии 5 м, на границе северо-западного и северо-восточного секторов най-

дены остатки конского жертвоприношения *КП-10*. Здесь, по всей видимости, на галечную вымостку была положена целая туша животного, поскольку помимо зубов сохранились и отдельные кости ног. О положении лошади судить трудно, ориентировка головы ее – юго-западная. В районе зубов животного были обнаружены три бронзовых уздечных колечка (168 а–в) и фрагмент биметаллического псалия (169).

На расстоянии 1 м к югу от КП-10 в слое золы были расчищены остатки еще одного конского жертвоприношения *КП-12*, от которого уцелели обгоревшие зубы и кости черепа, а также фрагменты костей ноги, лежавшие к югу от зубов. Возможно, были положены голова и нога животного. К северу от зубов лошади был расчищен конский наносник в виде человеческой головы, которую терзает кошачий хищник (188). С севера и юга от конского черепа лежали фрагменты петельчатых удилов (189), а к востоку от него найдены фрагменты железных псалий (190).

В этом же северо-восточном секторе на расстоянии 4,5 м к ССЗ от ЦР и в 1,5 м к востоку от КП-12 обнаружено еще одно конское жертвоприношение – *КП-5* (цв. вкл., рис. 2, 2; рис. 24). От костей животного сохранились только сильно обгоревшие зубы. Очевидно, и здесь была захоронена только голова коня. Около зубов, к северо-востоку лежал конский наносник (155). К западу от зубов находились фрагменты железных петельчатых удилов с двумя бронзовыми псалиями по бокам (156). У одного псалия, а также под зубами были найдены бронзовые уздечные колечки (157).

В этой же части сооружения на краю большого зольного пятна, на галечной вымостке, на расстоянии 4 м к северо-востоку от ЦР находилось конское жертвоприношение *КП-4* (цв. вкл., рис. 2, 3). Оно представляло собой также сильно обгоревшие зубы животного. Очевидно, была положена только голова коня. К югу от зубов находился бронзовый наносник (145), а с двух сторон от них фрагменты железных удилов и фрагмент псалия (150).

Приблизительно в 2 м к югу от этого жертвоприношения обнаружено скопление предметов конской уздечки, очевидно, от подобного конского жертвоприношения, остатки которого полностью сгорели ("*КП 4а*"). В этом месте, судя по зольному пятну, огонь был особенно сильным. Этому жертвоприношению принадлежат: бронзовый наносник в зверином стиле (186), ворворка (187), два бронзовых уздечных кольца (185 а, б). Чуть севернее найдены еще одна ворворка (151) и еще одно бронзовое колечко (152).

В *юго-восточном секторе* было обнаружено только одно конское жертвоприношение *КП-2*, остатки которого были расчищены при расчистке верхнего уровня описанного выше ритуального комплекса.

Еще три конских жертвоприношения были обнаружены в юго-западном секторе кургана (рис. 7).

Конское жертвоприношение *КП-3* расчищено в слое золы на галечной вымостке. Остатки лошади подверглись сильному воздействию огня. Судя по ним и достаточно большой площади, занятой фрагментами костей и уздечными принадлежностями, здесь была принесена в жертву целая туша животного, ориентированного головой на юг. К юго-востоку от зубов животного был найден бронзовый наносник (98). К северу от него находился фрагмент кольца и звено петельчатых удиц (96, 97). Севернее найдены 3 бронзовых ворворки, колечко (99 а-г) и бляшка со сферическим щитком (105).

Еще севернее, на этой же галечной вымостке, был засвидетельствован еще один комплект узды, очевидно от полностью выгоревшего конского жертвоприношения — *КП-3а*. В комплект входили конский наносник (110), три фрагмента железных петельчатых удиц (111), фрагменты биметаллических псалий (109, 115) и бронзовые уздечные бляхи (113, 114).

Севернее от *КП-3* на расстоянии 3,2 м к ВЮВ от ЦР выявлены фрагменты конского жертвоприношения *КП-11*, от которого сохранилось лишь несколько зубов. К нему относятся бронзовая бляха (183), бронзовый нащечник в зверином стиле (184) и фрагмент железных удиц (191).

В пределах внутреннего кольца, образуемого конскими жертвоприношениями, обнаружена вымостка на глубине -93 см, состоящая из гальки и фрагментов стенок лощных сосудов в северо-западном секторе. Она имела подпрямоугольную форму с размерами 70 × 70 см (рис. 7; цв. вкл., рис. 1, 2). Ее продолжение по линии С-3-Ю-В имело место и в Ю-В секторе. На вымостке и вокруг нее располагались железные наконечники стрел и их фрагменты (62, 103); фрагменты железного ножа (53) и клинка кинжала (130), бусы и бисер (92, 104, 107, 116, 138, 193), фрагменты биметаллического псаля (115) и бронзового предмета (117), фрагменты конского нагрудника в виде железной пластины с бронзовыми колечками (74, 91), фрагменты краснофигурной пелики (63) и стеклянной подвески (108).

В северо-восточном секторе во внутреннем кольце ритуального комплекса основные находки находились на западе. Здесь найдены фрагмент гончарной мисочки (200), два фрагмента амфорной керамики (192), фрагменты железного клинка (182), навершие и окончание биметаллического псаля (181) и фрагмент железных удиц (180). Кроме этого были расчищены бусинки (193 а, б, 178).

Большое количество находок обнаружено в юго-восточном секторе внутреннего кольца, причем их плотность увеличивалась по направлению к юго-востоку. В северо-западной части этого секто-

ра найдены фрагменты железных ножей и клинка кинжала (88, 89, 179); фрагменты железных панцирных пластин (50, 70), фрагмент стержня удиц и лопасть псаля (48, 90), блок железных наконечников стрел (103а), бусинки и прощизки (69, 93, 198).

В юго-восточной части сектора обнаружена основная масса находок. Компактно лежали железные и бронзовые пластины панциря (50, 64, 70, 78), железные наконечники стрел (58), фрагменты железных ножей и предметов неясного назначения (55, 56, 81, 82), бусины (71, 75), фрагменты красноглиняного мортара и гончарной миски (49, 194), фрагмент железных удиц (77), золотая серьга (73), уздечное колечко (65) и фрагмент шипа удиц (66).

В южной части этого сектора расчищена галечная вымостка неправильной формы, частично заходившая и в юго-западный сектор. К северу от нее обнаружены два бронзовых наконечника стрелы (174), к востоку — фрагмент крышки красноглиняного сосуда (177), а к югу — фрагмент бронзового наконечника стрелы (175) и фрагменты железного ножа (176).

В юго-западном секторе между ЦР и конскими жертвоприношениями обнаружено: фрагмент железного предмета с бронзовым колечком (74), фрагмент гончарной мисочки (171). К юго-западу от этих находок оказались два фрагмента панцирных пластин (144).

В этом же секторе на глубине 63 см была обнаружена яма 1, неправильной овальной формы с заполнением из темноватого гуммуированного слоя. Дно ямы достигало отметки 1,18 м. По-видимому, она явилась результатом попытки ограбления кургана.

Нижний уровень расчистки (рис. 8; цв. вкл., рис. 1, 3). После разборки бровок и снятия галечных вымолок была произведена на всей площади объекта горизонтальная зачистка на глубине 1,15–1,20 м, что являлось уровнем, близким к древнему горизонту. На нем выявлена серия округлых ям (ямы 2–7), а на востоке ряд небольших и неглубоких ямок.

Яма 2 обнаружена в 2 м к юго-юго-западу от ЦР на глубине 1,15 м. Яма имеет округлые очертания с диаметром около 1 м. В зачистке она была выявлена по круглому пятну прокаленной земли со следами золы по периметру (рис. 9). Заполнение ямы рыхлое, в нижней части обнаружена галька для забутовки пустоты вокруг столба. Дно ямы находилось на глубине - 1,73 м. В ней были обнаружены железный предмет — “костылек” (201), уздечная бляшка (202), золотая ажурная бляшка (203), фрагмент золотой пластины (204).

Яма 3 находится на расстоянии 3 м к северо-северо-западу от ЦР. Выявлена по пятну округлой формы с прокалом по краям и золистому заполне-

нию (рис. 9). Диаметр ямы около полуметра. На дне ямы обнаружена галька для забутовки пустот вокруг столба. Дно ямы находилось на глубине 1,73 м от ЦР.

Яма 4 находится на расстоянии 4,5 м к северо-северо-западу от ЦР и в 1,5 м к северо-западу от ямы 3. Выявлена по пятну на глубине 1,2 см. Пятно округлой формы с прокалом по краям и золистым заполнением внутри. Диаметр ямы около полуметра. Заполнение ямы состояло из угля, темной земли, гальки в придонной части, возможно для забутовки пустот (рис. 9). Дно ямы находится на глубине 1,77 м.

Яма 5 выявлена на расстоянии 4 м к западу от ЦР на глубине 1,41 м по овальному пятну прокаленной земли с прослойками золы. Размеры ямы в верхней части 1,2 × 0,6 м. В придонной части прокаленности нет. Здесь также выявлена галька для забутовки пустот. Дно находится на глубине 1,68 м.

Яма 6 выявлена по пятну прокала с прожилками золы на глубине 1,16 м. Заполнение ямы аналогично заполнению ям 2–5. Диаметр 0,6 см. Дно ямы находится на глубине 1,7 см от ЦР.

Яма 7 обнаружена на расстоянии 4,7 м к востоку от ЦР. Выявлена по пятну прокала с золистыми прослойками. Заполнение ямки аналогично заполнению столбовых ямок 2–6. Дно находится на глубине 1,65 м. У восточного края ямки был найден бронзовый псаллий (208).

Возможно, столбовой являлась также и *яма 8*. Однако она имеет неправильную овальную форму и небольшую глубину от уровня древней дневной поверхности – 25 см.

На северо-востоке и востоке от ЦР на глубине 1,20 м выявлена серия мелких ямок, располагавшихся вместе с ямами 6–8 по линии северо-западно-юго-восток. Ямки имеют неправильную форму с размерами 10–15 см и глубину 5–15 см от уровня зачистки (рис. 8). Не исключено, что это ямки от “частокола” из деревянных жердей, ограждавших жертвенник с востока. У северо-восточной оконечности ряда ямок, с внутренней стороны его, обнаружены бронзовая ворворка (205) и уздечное колечко (206). На краю одной из мелких ямок этого ряда обнаружен фрагмент биметаллического псаллия (207). В ближней к северу ямке от столбовой ямы 6 найдены два бронзовых уздечных колечка (209 а, б).

Кроме этого с ритуальным комплексом, по-видимому, связаны два конских жертвоприношения (КП-1 и КП-8) и жертвоприношение собаки (КЖ.1). Они были совершенны за пределами ритуальной площадки и не подверглись воздействию огня.

Конское погребение 1 (рис. 32). Обнаружено на расстоянии 9 м от нулевого репера в центре кургана на глубине 0,57 м. Представляет собой сильно потревоженные (через погребение прошла

траншея кабеля) кости лошади, лежавшей головой на юго-восток предположительно на левом боку (сохранилось сочленение передней ноги). У зубов лошади обнаружен фрагмент железного ножа. Размеры фрагмента – 3,5 × 1,9 см. К западу от задних ног лежали фрагменты плохо обожженного лепного сосуда (горшка?).

Конское погребение 8 (рис. 33). Обнаружено на расстоянии 5 м от нулевого репера кургана в юго-восточном углу ритуальной площадки за пределами галечной вымостки, на глубине 0,70 м. Остатки представляли собой кости двух коней без голов, лежавших предположительно на боку с северо-западной ориентировкой. У задней ноги одной из лошадей обнаружены фрагменты лепного черноглиняного горшка.

Кости животных 1 (рис. 34). Обнаружены в северо-западном углу ритуальной площадки за пределами галечного кольца на расстоянии 9,7 м от нулевого репера кургана, на глубине 1,19 м. Животное (собака или волк)² захоронено на левом боку головой на юго-запад. Позвоночник изогнут. К югу от хребта животного обнаружены остатки деревянного (дубового) изделия, предположительно деревянного штандарта в форме головы птицы (цв. вкл., рис. 2, 1).

Каталог находок

1. Фрагмент бронзовой пластины со слегка утолщенным краем (пластинка от панциря либо оковка). Пластина имеет отверстие, пробитое с одной стороны. Размеры пластинки 1,7 × 1,7 см (рис. 18, 1).
2. Фрагмент красноглиняного открытого сосуда – мортара (рис. 12, 3).
3. Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел с треугольной головкой. Высота целых экземпляров 3,1 см (рис. 16, 1).
4. Фрагменты чернолаковой и краснофигурной керамики. Различаются несколько типов сосудов.

А. Краснофигурная пелика в “керченском стиле” предположительно с вакхической сценой между фризами из “ов”. Такой же фриз проходит и по венчику сосуда (рис. 10). Размеры сосуда не восстанавливаются.

Б. Фрагмент миски на кольцевом поддоне (Д – около 8 см), покрытой черным лаком хорошего качества. На внутренней поверхности чаши имеется штампованный орнамент (“шпеленка” в два ряда и расположенные, судя по всему, довольно хаотично небольшие пальметки) (рис. 11, 2).

В. Фрагменты “сетчатого” лекифа с округлым туловом диаметром около 6 см (рис. 11, 4).

² Определение Ю. Спасовского.

- Г. Фрагменты чернолакового сосуда с полосами коричневой лакообразной краски (рис. 11, 1).
5. Фрагмент лезвия железного ножа со слегка изогнутой спинкой. Размеры: 1,9 × 4,9 см (рис. 18, 1).
 6. Фрагмент железного предмета, форма и размеры не восстанавливаются.
 7. Фрагмент железного ножа. Лезвие и спинка слабо изогнуты. Длина 4,5 см (рис. 18, 2).
 8. Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел. Контур головки в виде треугольника с тупо срезанными краями. Длина наиболее сохранных экземпляров 2,6–2,9 см (рис. 16, 2–6).
 9. Фрагмент железного предмета – ножа. Лезвие прямое, спинка слабо изогнута. Размеры сохранившейся части – 3,6 × 1,6 см (рис. 18, 4).
 10. Золотая бляшка с изображением человеческого лица. Глаза крупные, нос толстый, губы пухлые. Пряди волос разделены на прямой пробор. По бокам два отверстия для пришивания. Размер: 1,35 × 1,2 см. Проба 538°. ГМВ 2258 М-IV³ (рис. 17, 4; цв. вкл., рис. 16, 1в).
 11. Подвеска в виде невысокой полусферы, украшенной концентрическими чередующимися поясами зерни (2 пояса) и скани – “веревочки” (3 пояса). К краю полусферы припаяно 5 истелек, к которым привешены дисковидные подвески на цепочках крупного плетения. Высота подвески 0,65 см; диаметр – 2,3 см; длина цепочек с подвесками 2,65; 2,9; 2,4; 2,5; 2,8 см. Проба 750°. ГМВ 2257М-IV (рис. 17, 5; цв. вкл., рис. 16, 1д).
 12. Фрагменты железных предметов, возможно спекшихся прямоугольных панцирных пластин. Размер наиболее крупных – 4,8 × 2,7 см (рис. 20, 6).
 13. Бронзовые чешуйки панциря (рис. 19, 2).
 14. Бусы трех разновидностей.
 - А. Кольцевидная бусина глухого белого стекла. Диаметр – 0,6 см (цв. вкл., рис. 22, 1).
 - Б. Две тонкие кольцевидные гепировые пронизки. Диаметры 0,4 и 0,5 см (цв. вкл. рис. 22, 2).
 - В. Бисер желтоватого глухого стекла (цв. вкл. рис. 22, 9).
 15. Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел (два целых и три фрагмента). Контур головки треугольные, у одного наконечника лопасти срезаны под прямым углом, у другого – под тупым. Высота целых наконечников стрел 2,7 и 3,1 см (рис. 16, 7, 8).
 16. Фрагмент железного предмета (острие клинка кинжала или меча?). Длина фрагмента – 3,9 см (рис. 19, 45).
 17. Фрагменты железного предмета (лезвия ножа или кинжала?). Размер наиболее крупного фрагмента 3,1 × 1,5 см (рис. 19, 46, 47).
 18. Фрагменты железных пластин (панцирных). Размер наиболее крушой 3,8 × 3,5 см (рис. 19, 26, 27).
 19. Фрагменты железной пластины с бронзовыми колечками для подвешивания (конский нагрудник?). Размер наиболее крупного фрагмента 2,8 × 2 см (рис. 19, 28–35).
 20. Фрагменты лезвия железного кинжала? Полностью форма и размер не восстанавливаются.
 21. Фрагмент донца красноглиняного гончарного сосуда на кольцевом поддоне. Полностью форма не восстанавливается. Высота поддона 1,5 см, диаметр 9 см (рис. 14, 8).
 22. Фрагменты железных спекшихся предметов. Форма и размеры не восстанавливаются.
 23. Фрагменты стенок красноглиняной амфоры, фрагмент ручки амфоры?; фрагмент донца и ручки небольших красноглиняных гончарных сосудов (рис. 13, 1).
 24. Бляшка золотая нашивная круглой формы, в центре помещена девятилепестковая розетка с чередующимися широкими и более узкими лепестками. Вокруг розетки поясик “жемчужника”. Три отверстия для пришивания. Диаметр – 1,8 см. Проба 500°. ГМВ 2256 М-IV (рис. 17, 8; цв. вкл., рис. 16, 1а).
 25. Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел (три целых и фрагменты). Контур головки – треугольный, лопасти срезаны под углом, близким к прямому. Длина целых наконечников: 3,8; 4,2; 3,3 см (рис. 16, 9–12).
 26. Нити из крученой золотной проволоки (рис. 17, 2).
 27. Черешок железного ножа. Размеры: 3,3 × 1,2 см (рис. 18, 11).
 28. Фрагмент крушой бусины синего стекла. Сохранилась часть канала. Размеры фрагмента 1,1 × 0,7 см (цв. вкл., рис. 22, 4).
 29. Фрагменты звена железных петельчатых удил, имеющего крестовидную “строгую” насадку. Длина фрагментов – 5,4 см; 6,7 см (рис. 31, 1, 2).
 30. Бронзовая уздечная бляха с округлым выпуклым щитком. На обороте – петля для подвешивания. Диаметр щитка – 3 см (рис. 22, 12).
 - 30а. Бронзовая часть биметаллического S-видного псаля с “шишечкой” на конце. Длина фрагмента – 4,4 см (рис. 22, 2).
 - 30б. Три пронизки цилиндрической формы из бронзовой пластинки. Высота – 0,7 см, диаметр – 0,6 см (рис. 22, 8–10).
 31. Фрагмент коричнево-глиняной ручки сосуда (лепного?). Сечение ручки – овальное. По внешнему краю на ней имеются три ямочки-вдавления. Длина фрагмента – 5,5 см. Размеры сечения: 2,9 × 1,9 см (рис. 14, 6).
 32. Фрагменты лепной и гончарной керамики. Форма и размеры сосудов не восстанавливаются.

³Здесь и ниже указывается инвентарный номер Государственного музея Востока, там где он имеется.

33. Фрагмент красноглиняной гончарной мисочки. Полностью форма и размеры не восстанавливаются (рис. 14, 3).
34. Биссер белого стекла. Диаметр — 0,3 см (цв. вкл., рис. 22, 5).
35. Фрагменты железных панцирных пластин подпрямоугольной формы. Размеры наиболее крупных кусков — 3,8 × 3,1; 3,5 × 2,8 см (рис. 19, 38, 39).
36. Фрагменты стенок красноглиняных гончарных сосудов.
37. Фрагмент железного предмета (ножа или наконечника копья). Предмет имеет подтреугольную форму с углом-острием. Размеры: 5,3 × 1,7 см.
38. Фрагменты железных панцирных пластин. Наиболее целые имеют подпрямоугольную форму (рис. 19, 41–44).
39. Фрагменты крупных железных пластин (от панциря?). Размер наиболее крупных фрагментов — 4,1 × 2,8; 3,5 × 2,6 см.
40. Фрагмент железного предмета. Полная форма и размеры не восстанавливаются.
41. Фрагмент железного предмета (лезвия ножа?). Размеры фрагмента — 2,1 × 2 см (рис. 18, 5).
42. Фрагмент бронзового стержня. Длина фрагмента — 2,4 см (рис. 19, 48).
43. Фрагмент венчика красноглиняной амфоры (рис. 13, 2).
44. Бронзовая коническая ворворка. Высота — 1,2 см, диаметр основания — 1,8 см (рис. 22, 14).
45. Уздечная бронзовая бляшка с округлым слабо-выпуклым щитком и петлей на обороте. Диаметр щитка — 2,2 см (рис. 31, 15).
46. Гешировая тонкая бусина кольцевидной формы. Диаметр — 0,5 см (цв. вкл., рис. 22, 11).
47. Колечко из бронзовой проволоки, свернутое в 1,5 оборота (от конского нагрудника?). Диаметр — 0,7 см (рис. 19, 8).
48. Фрагмент железного стержня (звена удил?). Длина фрагмента — 5,9 см (рис. 20, 12).
49. Фрагменты венчика от красноглиняной гончарной миски — мортара. См. № 2.
50. Мелкие фрагменты железных предметов (чешуек панциря?). Форма наиболее целых подпрямоугольная. Размер наиболее крупной пластины — 3,2 × 3; 4,2 × 2,6 см (рис. 20, 1, 2).
51. Железная вытянутая и изогнутая пластишка. Длина — 3,3 см (рис. 20, 3).
52. Фрагменты железных предметов. Полностью форма и размеры не восстанавливаются (рис. 20, 10).
53. Три фрагмента железного предмета (ножа?). Полностью форма и размеры не восстанавливаются (рис. 20, 8).
54. Фрагмент колечка из тонкой бронзовой проволоки. Длина фрагмента — 0,9 см (рис. 19, 9).
55. Фрагмент железного ножа с прямым лезвием и слегка изогнутой спинкой. Длина — 4,1 см (рис. 18, 12).
56. Два фрагмента железного предмета. Полная форма не восстанавливается (рис. 20, 4).
57. Фрагмент тощего бронзового колечка. Длина фрагмента — 0,7 см (рис. 19, 10).
58. Железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел с треугольным контуром головки и их фрагменты. Длина целых наконечников — 3,6; 3,3; 3,8; 4,3 см (рис. 16, 13–16).
59. Бронзовая уздечная бляха с массивным выпуклым щитком и петлей на обороте (частично утрачена). Диаметр щитка — 3,2 см (рис. 31, 5).
60. Фрагмент (центральная часть — два внутренних кольца) железных петельчатых удил. Длина фрагмента — 4,7 см (рис. 22, 5).
61. Блок из трех спекшихся втульчатых трехлопастных наконечников стрел с треугольным контуром головки. Высота — 3,3–3,4 см (рис. 16, 17).
62. Фрагменты железных трехлопастных наконечников стрел. Полностью размер не восстанавливается (рис. 16, 18, 19).
63. Фрагменты красноглиняного чернолакового краснофигурного сосуда (целики?). Сохранился фрагмент фриза с “овами”, и фрагмент одеяния человеческой фигуры (см. № 4А; рис. 10).
64. Фрагмент бронзовой панцирной чешуйки. Первоначальная форма предположительно подпрямоугольная. Имеет четыре отверстия для пришивания. Размер 2 × 1 см (рис. 19, 3).
65. Бронзовое колечко от узды из линзовидной в сечении пластины. Диаметр колечка — 1,6 см, ширина пластины 0,7 см (рис. 22, 18).
66. Фрагмент железного предмета-шипа удил. Размер: 1,9 × 1,3 см (рис. 22, 6).
67. Фрагмент красноглиняной гончарной миски со сложнопрофилированным венчиком — мортара (см. № 2).
68. Фрагменты бронзовых предметов. Среди них выделяются панцирные чешуйки, обоймы, стерженьки. Форма и размеры не восстанавливаются (рис. 19, 18–20).
69. Бусина желтого глухого стекла округлой формы. Диаметр — 0,4 см (цв. вкл., рис. 22, 6).
70. Фрагменты железных предметов: панцирных пластин и стрел. Полностью форма не восстанавливается (рис. 20, 17, 22).
71. Стеклянная глазчатая бусина округлой формы темного глухого стекла. Диаметр — 0,6 см (цв. вкл., рис. 22, 7).
72. Бронзовая пронизка цилиндрической формы. Длина — 0,8; диаметр — 0,7 см (рис. 19, 22).
73. Золотая серьга в виде колечка из проволоки круглого сечения, свернутой в два оборота. Концы обрублены. На нее надето колечко меньшего диаметра, свернутое из узкой пластинки.

- Диаметр — 1,3 см; диаметр малого кольца — 0,55 см; толщина — 0,25 см; диаметр сечения — 0,1 см. Проба 850°. ГМВ 2260 М-IV (рис. 17, 6; цв. вкл., рис. 16, 1ж).
74. Фрагменты железной пластины с бронзовыми колечками (от конского нагрудника?). Диаметр колечек 0,7–0,8 см (рис. 19, 23–25).
 75. Бисер глухого желтого стекла. Диаметр — 0,3 см (цв. вкл., рис. 22, 8).
 76. Фрагмент лезвия железного ножа. Лезвие и спинка — прямые. Длина — 5,1 см (рис. 18, 16).
 77. Фрагмент железного кольца от петельчатых удил. Диаметр — около 2,5 см (рис. 22, 4).
 78. Фрагмент железного предмета (панцирной пластины?). Размер: 3 × 2,1 см (рис. 20, 14).
 79. Фрагмент аналогичной пластины. Размер: 3,7 × 2,9 см.
 80. Три фрагмента железного ножа с прямым лезвием и слабоизогнутой спинкой. Полностью размеры не восстанавливаются (рис. 18, 17, 18).
 81. Фрагмент железного предмета (рис. 20, 16).
 82. Фрагмент лезвия железного ножа. Размеры фрагмента 2,2 × 1,6 см (рис. 18, 9).
 83. Нити золотые — из тонкой золотой фольги. Длина — около 7, 3, и 2 см (рис. 17, 1).
 84. Половинка керамического диска со птампованным односторонним изображением. На лицевой стороне по контуру проходят “перлы”. Сохранилась часть изображения “Афины в шлеме”. Обратная сторона кружка гладкая, слегка выпуклая. Диаметр — 2 см (цв. вкл., рис. 22, 25).
 85. Два фрагмента створки раковины мидии; в створке проделано отверстие для подвешивания. Длина — 6 см (рис. 12, 1).
 86. Бляшка золотая с изображением человеческой маски. Нос прямой длинный, глаза — вытаращенные, волосы изображены в виде коротких прямых лучей. Верхняя часть бляшки не сохранилась. По бокам — два отверстия для пришивания. Размер: 1,45 × 1,5 см. Проба 375°. ГМВ 2252 М-IV (рис. 17, 9; цв. вкл., рис. 16, 1з).
 87. Фрагмент бронзовой цилиндрической проныжки. Высота — 0,8 см, диаметр — 0,6 см (рис. 19, 21).
 88. Фрагмент железного предмета. Форма не восстанавливается. Длина фрагмента — 3,9 см (рис. 20, 15).
 89. Фрагмент железного лезвия (кинжала?). Размеры: 4,6 × 2,2 см.
 90. Фрагмент железного предмета. Вероятнее всего, лопасть железного псаля. Размеры: 8 × 2,6 см (рис. 18, 3).
 91. Фрагмент предмета из бронзового стерженька (колечка?). Размеры: 0,4 × 0,9 см (рис. 21, 3).
 92. Бисер желтоватого глухого стекла. Диаметр — 0,3 см (цв. вкл., рис. 22, 9).
 93. Кольцевидная гешпировая бусина. Диаметр — 0,5 см (цв. вкл., рис. 22, 10).
 94. Бисер желтого глухого стекла. Диаметр — 0,3 см (цв. вкл., рис. 22, 12).
 95. Фрагмент лезвия железного ножа. Предположительно спинка слабо изогнута. Длина лезвия — 5,3 см (рис. 18, 13).
 96. Фрагмент железного кольца удил. Диаметр 2,2 см (рис. 23, 1).
 97. Фрагмент звена петельчатых удил. Не сохранился.
 98. Наносник бронзовый в зверином стиле в виде головки грифона на плоской пластине. Размеры: 7,6 × 2,8 см. ГМВ 2264 М-IV (рис. 23, 3; цв. вкл., рис. 13, 16).
 - 99а. Ворворка бронзовая конической формы. Высота — 1,2 см, диаметр — 1,8 см (рис. 23, 4).
 - 99б. Бронзовая ворворка конической формы. Высота — 1,3, диаметр основания — 1,9 см (рис. 23, 6).
 - 99в. Бронзовая коническая ворворка. Высота — 1,4, диаметр основания — 1,7 см (рис. 23, 5).
 - 99г. Уздечное колечко бронзовое, полукруглое в сечении. Диаметр — 2,1 см, высота — 0,9 см (рис. 23, 7).
 100. Три фрагмента бронзового колечка (от конского нагрудника?). Диаметр — 0,8 см (рис. 21, 4).
 101. Фрагмент железного предмета (рукоять меча?). Размеры: 7 × 2,5 см.
 102. Бусина синего прозрачного стекла округлой формы. Диаметр — 0,5 см (цв. вкл., рис. 22, 14).
 103. Блок железных спекшихся трехлопастных наконечников стрел. Размеры блока — 4,3 × 2,6 см (рис. 16, 20).
 104. Бусинка бронзовая. Не сохранилась.
 105. Бляшка уздечная бронзовая, со щитком полусферической формы, с петлей на обороте. Диаметр — 2 см (рис. 23, 2).
 106. Фрагмент железного предмета с бронзовым колечком от подвески. Форма и размеры полностью не восстанавливаются. Диаметр колечка — 1 см (рис. 21, 5).
 107. Бусина округлой формы голубого глухого стекла. Диаметр — 0,4 см (цв. вкл., рис. 22, 13).
 108. Подвеска синего прозрачного стекла с двусторонним изображением в виде бородатой человеческой личины. Петелька в верхней части утрачена. Размеры — 1,5 × 1,6 см (цв. вкл., рис. 22, 26, 27).
 109. Два фрагмента концевой части биметаллического S-видного псаля с “шишечками” на конце. Под “шишечками” следы “ложной обмотки”. Длина фрагментов — 4,8 и 3,8 см (рис. 23, 8).
 110. Наносник конский, бронзовый в виде головы оленя с рогом горного козла, превращенным в голову хищной птицы). Часть наносника утрачена. Размер — 4,8 × 4,2 см (рис. 23, 12).

111. Три фрагмента железных петельчатых удил. Сохранились два внутренних кольца, часть стержня и часть "строгой" насадки. Полностью форма и размеры не восстанавливаются (рис. 23, 9).
112. Два фрагмента тонкой бронзовой пластины (от панциря?) (рис. 21, 2).
113. Бронзовая уздечная бляшка с полусферическим щитком и массивной петлей на обороте. Размеры: 2,7 × 2,3 см (рис. 23, 11).
114. Бронзовая уздечная бляха с полусферическим щитком и петлей на обороте. Размеры: 2,1 × 2,3 см (рис. 23, 10).
115. Фрагмент биметаллического псалия. Представляет собой бронзовую изогнутую трубочку с железом внутри. Длина фрагмента – 3,9 см.
116. Бусинка синего глухого стекла округлой формы. Диаметр – 0,4 см (цв. вкл., рис. 22, 17).
117. Фрагмент бронзового предмета (обоймы?). Полная форма не восстанавливается. Размер: 2,1 × 1,6 см.
118. Фрагменты биметаллического псалия, S-видного, имеющего железную основу с двумя отверстиями, бронзовое навершие в виде головы пантеры с раскрытой пастью и бронзовое окончание в виде конского копыта (рис. 28, 3; цв. вкл. рис. 13, 2б).
119. Бронзовая уздечная бляха с округлым выпуклым щитком (частично утрачен) и петлей на обороте. Диаметр бляхи – 2,7 см (рис. 22, 11).
120. Фрагмент железных петельчатых удил. Размеры фрагмента – 3,4 × 1,7 см (рис. 22, 3).
121. Нити золотые, аналогичные номеру 26 (рис. 17, 3).
122. Фрагменты железных изделий. Форма и размер не восстанавливаются.
123. Фрагментированный бронзовый конский наносник в виде головы оленя с рогом горного козла, превращенным в головку хищной птицы. В нижней части сохранилась петля для крепления к ремню. Размеры 2,8 × 2 см (рис. 22, 7).
124. Бронзовая пронизка цилиндрической формы. Высота 0,8 см, диаметр – 0,8 см (рис. 22, 7).
125. Бронзовое колечко от уздечки, полукруглое в сечении. Диаметр – 1,7 см, высота – 0,9 см (рис. 22, 15).
126. Фрагмент бронзовой конской бляхи. Не сохранился.
127. Фрагмент лезвия железного ножа. Форма и размеры не восстанавливаются (рис. 18, 10).
128. Фрагмент железного предмета с бронзовым колечком для подвески (от конского нагрудника). Диаметр колечка – 1,2 см.
129. Фрагмент железного предмета. Форма и размеры не восстанавливаются.
130. Два фрагмента железного предмета (меча или кинжала?).
131. Железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы. Головка сильно корродирована. Высота наконечника – 3,1 см (рис. 16, 21).
132. Фрагменты бронзовых пластин (чешуйки панцирного пояса или конского нагрудника). Выделяются пластины с "зубчатым" краем. Размеры фрагмента – 3,4 × 2,2 см; 2,4 × 2,2 см (рис. 21, 1).
133. Ручка амфоры с клеймом. Длина 24,9 см. (рис. 13, 4). Два фрагмента стенок амфоры.
134. Три фрагмента крупного чернолощеного лепного сосуда (корчаги?).
135. Фрагмент красноглиняного гончарного сосуда.
136. Фрагмент железного панциря, состоящий из трех чешуек. Размеры железных чешуек – 2,3 × 1,4 см.
137. Фрагмент железного ножа. Полностью форма и размеры не восстанавливаются.
138. Округлая бусина желтого глухого стекла. Диаметр – 0,4 см (цв. вкл., рис. 22, 15). Мелкие фрагменты бусины темного стекла. Форма не восстанавливается.
- 139 (а, б). Два бронзовых уздечных кольца полукруглых в сечении. Диаметры колец – 2,0 и 2,1 см (рис. 22, 16, 17).
140. Фрагментированный железный прямой двудырчатый псалий, стержень на концах имеет утолщение. Длина псалия – 11,2 см (рис. 30, 2).
141. Бронзовый трехгранный наконечник стрелы с опущенными жальцами и фрагмент такого же наконечника. Длина целого наконечника – 2,9 см (рис. 16, 30, 31).
142. Фрагмент золотой ажурной пластины в виде пальметты. Размеры: 1,4 × 1,5 см. Проба 750°. ГМВ 2255 М-IV (рис. 17, 13).
143. Круглая бусина глухого синего стекла с глазками синего цвета на желтом фоне. Диаметр – 0,9 см (цв. вкл., рис. 22, 19).
144. Фрагмент двух панцирных пластин. Полная форма не восстанавливается.
145. Наносник конский бронзовый, в зверином стиле в виде головки хищной птицы с сильно загнутым клювом на плоской пластине. Размеры наносника: 4,4 × 4 см. ГМВ 2266 М-IV (рис. 25, 4; цв. вкл., рис. 13, 1а).
146. Фрагмент (бронзовая часть) биметаллического S-видного псалия с "шипечками" на концах. Длина фрагмента – 5,3 см (рис. 22, 2).
147. Бронзовое уздечное кольцо полукруглое в сечении. Диаметр кольца – 2 см (рис. 31, 6).
148. Фрагменты железного прямого двудырчатого псалия. Стержень имеет "шипечки" на конце. Полностью размеры не восстанавливаются.

149. Фрагменты железных петельчатых удил со "строгими" насадками. Размеры не восстанавливаются.
150. Два фрагмента железных петельчатых удил со "строгими" насадками и фрагмент стержня прямого двудырчатого псаля. Длина сохранившихся звеньев удил – 10,9 см, 7,3 см; длина стержня псаля – 6 см (рис. 24, 1, 2).
151. Ворворка бронзовая усеченно-конической формы. Диаметр (максимальный) – 1,9 см, высота 1 см (рис. 25, 8).
152. Бронзовое биконическое колечко от уздечки. Диаметр колечка – 2,2 см (рис. 25, 9).
153. Фрагменты небольшого красноглиняного кубка на низком кольцевом поддоне. По стенкам проходят две полосы лака. Диаметр поддона – 4,3 см, диаметр по краю – 9 см, высота сосуда – 9 см (рис. 11, 5).
154. Бронзовая уздечная бляха с округлым слабо-выпуклым щитком и петлей на обороте. Диаметр бляхи – 3,5 см (рис. 22, 13).
155. Бронзовый плоский конский наносник в зверином стиле в виде головы оленя с рогом горного козла, превращенным в голову хищной птицы. Размеры наносника – 6 × 5 см. ГМВ 2279 М-IV (рис. 24, 9; цв. вкл., рис. 11, 2а).
156. Фрагменты железных петельчатых удил со "строгими" крестовидными насадками, сочетающимися с бронзовыми S-видными псалями, имеющими "пишечки" на кошцах. Полные размеры удил не восстанавливаются. Высота псаляев – 16 см (рис. 24, 2, 3, 5).
- 157 (а–в). Бронзовые уздечные кольца с полукруглым сечением. Диаметр колец – 2,1; 1,9; 1,8 см (рис. 24, 6–8).
158. Бронзовая уздечная бляшка с округлым выпуклым щитком и петлей на обороте. Диаметр – 2,3 см (рис. 26, 5).
- 159 (а–д). Пять бронзовых уздечных блях с округлым слабо выпуклым щитком и петлей на обороте. Диаметры бляшек – 1,9–2,2 см (рис. 26, 6–10).
160. Биметаллические фрагментированные S-видные псаляи. Состояли из железной центральной части (не сохранилась), к которой с двух сторон были прилиты бронзовые окончания в виде трубочек с раскованными лопастями. Размеры четырех бронзовых окончаний: 7,2; 5,4; 5,3; 5,1 см (рис. 26, 2, 3).
161. Бронзовая ворворка усеченно-конической формы. Высота 1,1 см, максимальный диаметр – 2 см (рис. 26, 11).
162. Фрагмент железных петельчатых удил. Сохранился железный стержень со "строгой" насадкой и два мелких фрагмента. Длина фрагмента – 7,7 см (рис. 26, 1).
163. Фрагменты железных петельчатых удил со "строгими" насадками и псаляев. Длина цело-
- го звена удил – 9,8 см. Сохранились также два фрагмента железного (С-видного?) двудырчатого псаля. Полные его размеры не восстанавливаются (рис. 27, 1, 2).
- 164 (а, б). Две бронзовые уздечные бляшки с округлыми слабо выпуклыми щитками, со следами не сохранившихся петель на обороте петли. Диаметры щитков: 2,2 и 2,3 см (рис. 27, 4, 5).
165. Бронзовый конский наносник в виде "олени-козла", аналогичный наноснику 155. Размеры наносника – 6 × 5 см. ГМВ 2263 М-IV (рис. 27, 3; цв. вкл., рис. 11, 2б).
166. Наносник бронзовый в виде схематично переданной головы оленя с рогом горного козла, превращенным в головку хищной птицы. Размер: 5,6 × 4,8 см (рис. 26, 4; цв. вкл., рис. 11, 3с).
167. Три уздечные бляшки со щитком подромбической формы, имеющие по шесть выпуклых кружков на лицевой стороне. На обороте бляшек – петля. Размеры бляшек: 3,3 × 2,0 × 1,5; 3,6 × 2,2 × 1,3; 3,0 × 2,0 × 1,6 см (рис. 29, 1–3).
- 168 (а–в). Три бронзовых уздечных кольца с полукруглым сечением. Диаметры колец: 1,7; 1,6; 1,6 (рис. 29, 5–7).
169. Фрагмент биметаллического псаля в виде бронзовой трубочки с железом внутри. Длина стержня – 5 см (рис. 29, 4).
170. Фрагмент красноглиняного чернолакового сосуда (сетчатого лекифа). Тулово шаровидное покрыто орнаментом в виде сетки из темно-коричневого лака. Полная форма и размеры не восстанавливаются (рис. 11, 4).
171. Фрагмент сероглиняной гончарной мисочки. Верхняя часть сосуда цилиндрическая, нижняя – полусферическая. Высота около 3 см, диаметр – около 8 см (рис. 14, 1).
172. Бисер желтого стекла. Распался.
173. Нити золотые аналогичные номеру 26 (рис. 17, 2).
174. Два бронзовых наконечника стрелы – трехлопастных с длинной втулкой и треугольным контуром головки. Высота наконечников: 3,3 и 2,1 см (рис. 16, 28, 29).
175. Фрагменты (верхняя часть и втулка) бронзового трехгранного наконечника стрелы. Высота – 0,3 см (рис. 16, 22).
176. Два фрагмента железного ножа с прямым лезвием и изогнутой спинкой. Длина ножа – 7,4 см (рис. 18, 15).
177. Фрагмент крышки красноглиняного сосуда (леканы?), имеющего усеченно-коническую ручку (рис. 14, 7).
178. Бусинка синего прозрачного стекла неправильной округлой формы. Диаметр – 0,4 см (цв. вкл., рис. 22, 16).

179. Фрагмент железного ножа. Форма не восстанавливается. Длина 3,7 см (рис. 18, 14).
180. Фрагмент звена железных петельчатых удил с крестовидными насадками. Длина – 4,8 см.
181. Фрагменты биметаллических псалий. Верхняя бронзовая часть в виде пантеры с раскрытой пастью, окончание (также бронзовое) в виде конского копыта. Средняя – железная часть псалия не сохранилась (рис. 28, 4; цв. вкл., рис. 13, 2а). Полностью размеры не восстанавливаются.
182. Фрагменты железного предмета (клинка меча?). Форма и размеры не восстанавливаются (рис. 21, 13).
183. Бронзовая бляшка с округлым выпуклым щитком и петлей на обороте. Диаметр – 3 см (рис. 28, 2).
184. Конская нащечная бронзовая бляха с плоским щитком в виде двух сдвоенных головок хищной птицы. Лицевая сторона покрыта гравировкой – ребриком по краю. Глаз птицы со слезницей передан волутой с завитком. Размеры 4,6 × 2,5 см (рис. 28, 1; цв. вкл., рис. 11, 16).
- 185 (а, б). Два уздечных колечка с полукруглым сечением. Диаметры – 2,1 и 1,9 см (рис. 29, 6, 7).
186. Наносник конский бронзовый, плоский в зверином стиле в виде сдвоенных стилизованных головок хищника и петли для ремня. Размер: 5,9 × 3,6 см. ГМВ 2265 М-IV (рис. 25, 10; цв. вкл., рис. 11, 3а).
187. Бронзовая ворворка усеченно-кошачьей формы. Диаметр 1,8 см, высота 1 см (рис. 25, 5).
188. Бронзовый конский наносник в виде пантеры, терзающей человеческую голову. На обороте петля. Размеры наносника – 8,3 × 3,2 см. ГМВ 2267 М-IV (рис. 30, 3; цв. вкл., рис. 14).
189. Два фрагмента железных петельчатых удил со “строгими” крестовидными насадками. Размеры удил не восстанавливаются (рис. 30, 1).
190. Фрагменты двух железных прямых двудырчатых псалий. Размеры полностью не восстанавливаются (рис. 30, 2).
191. Фрагмент железного стержня удил (рассыпался).
192. Два фрагмента амфорной керамики.
- 193 (а-в). Три бусины округлой формы глухого стекла голубого (2 шт.) и желтого (1 шт.) цвета. Диаметр – 0,5; 0,4; 0,3 см (цв. вкл., рис. 22, 20–22).
194. Фрагмент стенки чернолощеной гончарной миски.
195. Фрагмент красноглиняного сосуда.
196. Пронизка кольцевидной формы из синего прозрачного стекла. Диаметр – 0,4 см (цв. вкл., рис. 22, 23).
197. Фрагмент бронзовой иглы. Сохранилась часть стержня с частью уплощенного ушка. Длина фрагмента – 4,1 см (рис. 21, 16).
198. Плоская пронизка из камня белого цвета. Размеры – 1,1 × 1,1 × 0,4 см (цв. вкл., рис. 22, 24).
199. Дно красноглиняного кубка с низким кольцевым поддоном. Диаметр дна – 4,5 см (рис. 11, 5).
200. Фрагмент светлоглиняной мисочки с цилиндрической верхней частью и полусферической нижней. Размеры не восстанавливаются (рис. 14, 1).
201. Железный предмет в виде четырехгранного шпенька со шляпкой или гвоздика. Высота – 2,5 см (рис. 21, 15).
202. Бронзовая уздечная бляшка с полусферическим щитком и массивной петлей на обороте. Размеры 2,4 × 1,9 см (рис. 31, 8).
203. Бляшка золотая ажурная в виде схематично выполненного изображения стоящей хищной птицы или грифона в профиль вправо, крыло поднято вверх. Сверху и снизу изображение ограничено рамкой – “жемчужником”. Проба 800°. ГМВ 2261 М-IV. Размеры: 1,5 × 1,8 см (рис. 17, 7; цв. вкл., рис. 16, 1д).
204. Фрагмент узкой золотой ажурной пластины, состоящей из ряда чередующихся цветков лотоса и пальметт. Проба 750°. ГМВ 2254 М-IV. Размер: 6,3 × 1,6 см (рис. 17, 11; цв. вкл., рис. 16, 1з).
205. Бронзовая ворворка конической формы. Высота – 1,3 см, максимальный диаметр – 1,7 см (рис. 31, 11).
206. Бронзовое уздечное кольцо полукруглое в сечении. Диаметр кольца – 2 см (рис. 31, 14).
207. Фрагмент стержня биметаллического псалия. Высота фрагмента – 3,1 см, диаметр – 1,1 см (рис. 31, 17).
208. Бронзовый S-видный двудырчатый псалий с “пищечками” на конце. Длина псалия – 12,7 см (рис. 31, 3).
- 209 (а, б). Бронзовые уздечные кольца с треугольным сечением. Диаметры колец – 1,6 и 1,8 см (рис. 31, 7, 9).

Кроме этого из ритуального комплекса кургана I происходит ряд предметов, точное местонахождение которых зафиксировать не удалось. К ним относятся:

А. Фрагмент округлой бусинки синего глухого стекла. Диаметр – 0,5 см.

Б. Бронзовая цилиндрическая пронизка. Длина – 1,3 см; диаметр – 0,4 см.

В. Два бронзовых колечка-обоймы и их фрагменты. Размеры целых – 1,9 × 1,1 см и 1,6 × 1,3 см.

Г. Бронзовая конская бляха с округлым выпуклым щитком и массивной петлей на обороте. Диаметр бляхи – 2,6 см (рис. 31, 10).

Д. Массивная конская бляха со слабовыпуклым округлым щитком и петлей на обороте. Диаметр щитка – 3,8 см (рис. 31, 4).

Е. Фрагменты маленьких подпрямоугольных панцирных пластин с четырьмя отверстиями. Размер наиболее целых – 1,9 × 0,4 см.

Ж. Фрагмент ажурной золотой пластины в виде чередующихся цветков лотоса и пальметт. Высота – 1,45 см; ширина – 1,5 см. Проба 850°. ГМВ 2259 М–IV (рис. 17, 12).

З. Бронзовое колечко подпрямоугольное в сечении. Диаметр – 1,2 см (рис. 31, 13).

И. Изделие из мелкозернистого песчаника, овальное в сечении (оселок?). Длина – 9,8 см, диаметр – 4,6 см (рис. 12, 2).

К. Уздечная бронзовая бляшка с полусферическим щитком и массивной петлей на обороте. Размеры 2,7 × 2,1 см (рис. 31, 16).

Л. Бронзовая ворворка конической формы. Высота – 1,1 см, диаметр – 1,9 см (рис. 31, 12).

М. Бронзовый фрагмент биметаллического S-видного двудырчатого псаля с “пищечками” на конце. Длина фрагмента – 5,3 см (рис. 24, 4).

КУРГАН 2

(рис. 35)

Центр этого кургана находился на расстоянии 50 м к западу от кургана 1 и в 65 м от автодороги Усть-Лабинск – Курганинск. Насыпь кургана сильно распахана, поверхность по цвету отличается от окружающего чернозема. Диаметр кургана по уровню современной дневной поверхности был около 50 м, однако, как показали раскопки, реальная насыпь была гораздо меньшего диаметра – около 25 метров. Курган сильно поврежден распашкой. Высота кургана с юга, запада и востока – около 1 метра, с севера (там, где имелась ложбинка) – более 1 м.

Исследование данного кургана было начато в 2000 г. При помощи землеройной техники были заложены две параллельные траншеи, ориентированные по линии север–юг. При закладке их на глубине около полуметра от поверхности в центральной части кургана начали появляться отдельные фрагменты дерева – очевидно остатки деревянной конструкции. Работы механизмов были прекращены, а в восточной траншее в юго-восточном секторе кургана был зачищен так называемый “пробный участок”, в котором выявлены части деревянной конструкции размерами 2 × 3 м и часть ритуального комплекса, лежавшего на перекрытии конской могилы (рис. 39). На чертеже верхнего плана ритуального комплекса (рис. 38) участок, открытый в 2000 г., выделен пунктиром, а находки на нем обозначены римскими цифрами. Дальнейшие раскопки показали, что по ряду параметров курган 2 близок кургану 1.

В связи со сложностью конструкции и ограниченным временем работы экспедиции в 2000 г. было принято решение законсервировать курган и продолжить работы в следующем сезоне.

После расконсервации этого участка летом 2001 г. работы были продолжены. Расчистка поверхности проводилась последовательно с фиксацией находок на планы разных уровней.

Стратиграфия кургана

Западный фас центральной бровки (рис. 36, А, разрез север–юг) Под пахотным слоем мощностью 0,15–0,2 м находился слой насыпи, представленный темно-серым суглинком, его мощность около 1,5 м. В центре разреза видна грабительская яма. Ее длина по разрезу 5 м, а глубина от поверхности около 1,5 м. Уровень древнего горизонта прослежен на глубине 1,50–1,55 м. На нем лежит слой камыша мощностью около 8 см. Ниже идет предматерик и материк. В разрез попали большая яма и яма конской могилы, а также части деревянной конструкции.

Восточный фас центральной бровки (рис. 36, Б, разрез север–юг) В целом разрез “Б” подтверждает стратиграфию кургана, представленную в западном фасе бровки, с той лишь разницей, что грабительская яма здесь видна небольшим светлым пятном размерами 2,25 × 0,6 м, начинающимся под пахотным слоем и заканчивающимся на глубине 0,75 м. Кроме того, в разрез попала балка деревянной конструкции, лежащая на уровне древнего горизонта толщиной 30–50 см.

Расчистки верхнего уровня в 2000 г. – “пробный участок”

(рис. 38, внутри пунктирной линии; 39)

Эта часть деревянной конструкции была обнаружена на расстоянии 1,4 м к юго-востоку от ЦР и 1,2 м к востоку от репера 4Ю. Деревянные дубовые плахи, покрытые золистым тленом (угли отсутствовали), лежали радиально по направлению от центра кургана и имели большой высотный перепад: от 0,63 м на северо-западе до –1,3 м на ЮВ. Липь самая крайняя северо-западная плаха лежала перпендикулярно общему направлению бревен.

В северо-западной части участка, несколько выше деревянных плах было расчищено дно крупной лепшой корчаги (I). Фрагменты лепшого сосуда находились и в северо-восточной части исследованного участка (II). На северной оконечности раскрытого участка конструкции, а также в его центре обнаружены железные наконечники стрел (III). На крайней северной плахе также расчищены фрагменты железного ножа (III A). На западе "пробного участка" найдены сильно окисленные фрагменты железного предмета (IV). В центре участка обнаружены фрагменты бронзовой проволоочной гривны (VI), а на западном краю стеклянная бусинка (VII).

В северо-восточном углу вычищенного участка чуть ниже фрагментов сосуда (II), а также частично под ними начали встречаться фрагменты панцирного пояса (V) и отдельные мелкие золотые пластины (VIII). Ниже был расчищен панцирный пояс (IX), под который частично заходили фрагментированные золотые накладки деревянной чаши (VIII) (цв. вкл., рис. 4, 1). Здесь же был найден блок железных трехлопастных наконечников стрел (III).

К северу от вскрытого в 2000 г. участка под деревянным перекрытием на глубине -93 см были найдены три сильно фрагментированных наконечника копья, лежавших остриями на восток (рис. 39). Перо одного наконечника копья удалось восстановить - оно имело остролистую форму (рис. 66, 1).

Каталог находок "пробного" участка 2000 г.

- I. Дно сероглиняной лепшой корчаги. Форма и размеры полностью не восстанавливаются.
- II. Фрагменты лепших сосудов. Форма не восстанавливается.
- III. Спекшиеся трехлопастные втульчатые наконечники стрел. Имеется несколько блоков. В одном - около 50 наконечников, в другом - 11, в третьем 4. Все наконечники имеют треугольный контур головок. Высота наиболее сохранившихся около 3 см (рис. 48, 7, 8).
- III A. Несколько фрагментов железных ножей.
 - Фрагмент железного ножа. Лезвие прямое, спинка слегка изогнута. Длина фрагмента - 3,6 см.
 - Фрагменты железного ножа. Спинка слегка изогнута, лезвие почти прямое. На черешке, находящемся под прямым углом к лезвию, с одной стороны сохранилась костяная накладка рукояти украшенная кружками с точкой посередине. Длина ножа - 13,3 см (рис. 48, 1).
- IV. Фрагменты железного предмета. Форма и размер не восстанавливаются (рис. 48, 4).
- V. Фрагменты бронзовых пластин от панцирного пояса. Наиболее крупные фрагменты имеют подпрямоугольную и трапециевидную форму и размеры: $3,5 \times 0,6$ и $3,2 \times 0,7$ см.
- VI. Фрагменты предмета из тонкой бронзовой проволоки (гривны?) диаметром около 15 см.

Диаметр самой проволоки разный - $0,3-0,4$ см (рис. 48, 5).

- VII. Фрагмент стеклянной бусины синего непрозрачного стекла округлой формы. Диаметр - около 0,6 см.
- VIII. Четыре золотые обкладки деревянной чаши, выполненные выколоткой по одной деревянной матрице. Обкладки имеют форму в виде вытянутых треугольников - "флажков" с отверстиями по краям для крепления. Узкие окончания пластин загнуты. На пластинах имеется рельефное изображение лежащего либо скачущего оленя с головой, повернутой назад. Грудь передана двумя концентрическими окружностями с точкой посередине. Ребра - несколькими рельефными полосками. Задняя часть оленя имеет изображение головы хищной птицы. Размеры пластин - $14,5 \times 5$; 14×5 ; $14,8 \times 4,9$; $12,3 \times 5$ см. Проба 400°. ГМВ 2484, 2485, 2486, 2487 MIV (рис. 47, 1, 2; цв. вкл., рис. 19, a-z).
- IX. Панцирный пояс. Сохранилась примерно половина. Остатки пояса представляют собой кожаный ремешок шириной около 5 см, обшитый трапециевидными вертикальными бронзовыми полосками размерами $3,5 \times 0,7$ см. Причем в верхней части пояс бронирован с двух сторон. Пояс сужается к концу, от трех рядов пластин к одному; последние концевые пластины набраны горизонтально (рис. 49).

Верхний уровень расчистки (2001 г.) (рис. 38)

Расчистка верхнего уровня насыпи кургана была начата с севера на юг с последовательной фиксацией первых выявленных объектов. Это остатки жертвоприношения животных - "кости животных 1", скопление керамики и конская могила под деревянным перекрытием, на котором обнаружены сакральные предметы - "навершие".

После расчистки всей площади верхнего уровня сооружения выявилась следующая двучастная конструкция: центральное сооружение (цв. вкл., рис. 3, 3) и траншея (или ров) конской могилы, перекрытая деревом (цв. вкл., рис. 3, 2; 4, 2). Она имела форму подковы, огибающей центральное сооружение с восточной стороны. Пространство между ними занимал камышовый настил, расположенный радиально вокруг центрального сооружения. Как выявил биоморфный анализ, камыш (*Scirpus*) был положен кое-где прямо на древнюю дневную поверхность, на траву, так как образцы из нижнего слоя камыша содержали фитоциты диких

злаков⁴. Уровень камышового слоя находился на глубине 1,4–1,5 м от вершины кургана. На камыше находок почти не было, лишь в юго-западном секторе обнаружены фрагменты бронзового и железного предметов (№ 37, 38 каталога находок верхнего уровня).

Кости животных 1 (рис. 37). Обнаружены в северо-западном секторе кургана на расстоянии 5,5 м с СЗ от центра кургана, на глубине 1,15 м. Как показали остеологические определения, здесь находились остатки трех лошадей и двух особей крупного рогатого скота. Животные лежали головами на юго-запад. Их позу из-за плохой сохранности костей проследить не удалось.

Скопление керамики 1 (рис. 40). Находилось в юго-западном секторе ритуальной площадки на расстоянии 2 м к югу и 1,2 м к западу от центра кургана. Здесь среди фрагментов древесного тлена на глубине 1,1–1,28 м найдены развалы четырех сосудов: красноглиняной кружки (1), сетчатого лекифа (2), чернолакового сосуда (3) и лешного горшка (4). Севернее этих сосудов обнаружена стеклянная подвеска (5).

1. Красноглиняная гончарная кружечка на кольцевом поддоне с биконическим туловом и расширяющейся верхней частью. Сосуд имеет овальную в сечении ручку, крепящуюся верхней частью к основанию венчика, нижней – к месту перегиба тулова. Выше перегиба тулова сохранилась местами полоска красного лака. Следы лака имеются местами и в верхней части тулова. Высота сосуда – 6,7 см. Диаметр поддона – 3,4 см, диаметр края 6,6 см (рис. 68, б; цв. вкл., рис. 21, 3а).
2. Лекиф красноглиняный на низком кольцевом поддоне. Тулово яйцевидной формы переходит в узкое цилиндрическое горло с растругообразным краем. Сосуд имеет полуовальную в сечении ручку, крепящуюся одним концом к верхней части горла, другим – к верхней части тулова. Воротничок сосуда и верхняя часть ручки покрыты слоем черного лака. Тулово покрыто полосками лака, образующими сетчатый орнамент, на верхней части тулова имеются “перлы” белой краски. Высота сосуда – 12,1 см. Диаметр поддона – 5,1 см; диаметр тулова – 7 см, диаметр горла 1,6 см. Диаметр по краю – 2,8 см (рис. 68, 5, цв. вкл., рис. 21, 3в).
3. Чернолаковый сосуд на низком поддоне, тулово – близкое к цилиндрическому, сужается к горлу. Низкое горло переходит в резко отогнутый венчик. На тулове, в верхней его части сохранился корень отбитой ручки, другой конец которой крепился к венчику сосуда. Внешняя и внутренняя поверхность сосуда покрыта качественным блестящим черным лаком. Лаковая окружность

имеется и на дне сосуда. Высота сосуда – 7,8 см. Диаметр поддона – 6,1 см, максимальный диаметр тулова – 8,2 см. Диаметр края – 8,2 см (рис. 68, 7, цв. вкл., рис. 21, 3б).

4. Фрагменты лешного сероглиняного сосуда. Полностью форма и размеры не восстанавливаются. Внутри сосуда находилось вещество белого цвета – мел?
5. Стеклянная подвеска-птичка. Подвеска в виде голубя голубоватого прозрачного стекла. В нижней части, около шеи птицы, имеются два отверстия, переходящие в единый канал. Очевидно, сюда вставлялась проволочка для подвешивания (не сохранилась). Размеры – 1,9 × 1,3 см (цв. вкл., рис. 23, 18).

Перекрытие конской могилы (рис. 38, цв. вкл., рис. 3, 1). Выявлено к северу и востоку от центра кургана. Перекрытие имело форму подковы, огибавшей центральную площадку на юге, востоке и севере. Северное окончание ее выявлено на расстоянии 8,2 м к северо-западу от ЦР; внутренний восточный край – на расстоянии 4 м к востоку, а южный внутренний край – на расстоянии около 5 м к юго-западу. Перекрытие, состоявшее из дубовых плах и древесного тлена, выявилось на глубине –1,65–1,67 м по краям. К центру траншеи или рва конской могилы оно понижалось до уровня 1,77–2,0 м в разных местах. Наиболее узким перекрытие было в северной части – местами меньше двух метров, на юге оно было шире – около 2,5 м. На юго-востоке конской могилы деревянное перекрытие соединялось с плахами “языка” верхнего скопления “пробного участка 2000 г.”, шириной около 2 м и длиной около 3 м, доходящего до центрального сооружения, на котором находились сакральные предметы – пояс и чаша.

Недалеко от них в южной части перекрытия конской могилы, в юго-восточном секторе кургана найдены лежавшие попарно бронзовые навершия.

Пара наверший 1 (см. план верхнего уровня – рис. 38; цв. вкл., рис. 3, 2). Обнаружена в 5,5 м к югу и 2 м к востоку от центра кургана, на глубине 1,59–1,79 м на наклонном перекрытии конской могилы. Бронзовое и биметаллическое навершия, лежали вершинами по направлению к центру кургана, а втулками на юг и юго-запад.

Ажурное бронзовое навершие (рис. 50; цв. вкл., рис. 8), литое по восковой модели с односторонней гравировкой. Насад втульчатый, сечение втулки подпрямоугольное, во втулке сохранились остатки древка. Навершие в целом выполнено в виде головы оленя с рогами. Втулка, играющая роль шеи, переходит в уплощенную голову и плоские ажурные рога. Размеры 24,5 × 17 см. ГМВ 2278 МIV⁵.

Второе навершие – биметаллическое (рис. 53; цв. вкл., рис. 10, 2). Оно также изображает голову

⁴См. Отчет о результатах биоморфного анализа доктора географических наук А.А. Гольевой в Прил. 2.

⁵Подробное описание изображений на навершиях дано в главе III.

оления вращено. Навершие уплощенное профильное, имеет втульчатый насад. Втулка округлая в сечении. Навершие было обломано и подверглось ремонту, здесь присутствует как сохранившаяся нижняя часть первоначального изделия, так и приклепанная к ней двумя железными заклепками новая верхняя часть. Последняя воспроизводит четыре крупных дуговидных оленьих рога, симметричных относительно вертикальной линии, проходящей по центру навершия. Все отростки рогов оленя оформлены в виде птичьих голов. Размеры навершия 25 × 17,5 см.

Пара наверший 2 (рис. 51; 52; цв. вклейка, рис. 9, 10, 1) находилась среди древесного тлена перекрытия конской могилы в южной ее части. На расстоянии 6,2 м к югу и 0,5 м к востоку от центра кургана на глубине 1,92 м. Симметричные бронзовые навершия лежали верхней частью к северу, а втулками к югу.

Ажурные втульчатые навершия отлиты по восковой модели в виде симметричных рогов оленя, превращенных в головки хищных птиц. Имеют односторонние гравированные изображения. В нижней части имеются изображения оленьих морд, на одном навершии – вправо, на другом – влево. Гравировкой переданы глаза и восковицы птичьих головок. Во втулках имеются отверстия, в которые вставлен железный шпенец для крепления к древку. Размеры наверший – 27 × 16,5 и 26,5 × 16,5 см. ГМВ 2276, 2277 М-IV.

Конская могила (рис. 41; цв. вкл., рис. 4, 3)

Групповое захоронение коней было открыто под дубовым перекрытием на глубине 1,45 м. По своей конфигурации конская могила имела форму полукруглого (“подковообразного”) рва, выкопанного с уровня древнего горизонта, огибающего центральную площадку с северной, восточной и южной стороны. Внешний диаметр этого полукруга – 16,2 м, внутренний – 12,6 м. Ширина рва конской могилы в северной части – 1,6–1,8 м, на западе – 1,80–2,2 м, на юге – 1,70–2,10 м. Стенки рва имели небольшой скос внутрь. Дно рва находилось на глубине 2,14–2,26 м на севере, 2,21–2,23 – на востоке и 1,84–2,32 м – на юге. Причем дно заметно повышалось к южной оконечности рва.

Во рву были обнаружены не только конские жертвоприношения. Как показало последующее определение костей⁶ здесь находились 23 лошади и 6 быков. 19 лошадей имели уздечные принадлежности. Сохранность костей чрезвычайно плохая. Закономерность в позах жертвенных животных

проследить не удалось. Ниже дается их описание в той последовательности, в какой они расчищались в процессе работы. На рисунке 41 все погребения животных обозначены условно КП. В связи с этим погребения крупного рогатого скота обозначены в тексте лишь условно как “конские” (КП. 12, 18, 19, 22, 24, 25).

Конское погребение 1 (рис. 41, КП-1; 54, 1, 2). Обнаружено в северо-восточной части рва конской могилы. Судя по фрагментам костей, взрослая лошадь была положена на живот головой на северо-запад. В зубах лошади находились остатки железных петельчатых удиц и прямых двудырчатых псалиев. На одном из звеньев удиц сохранилась крестовидная “строгая” насадка с шипами. Длина звеньев удиц – 13 см. Форма и размеры псалиев полностью не восстанавливаются.

Конское погребение 2 (рис. 41, КП-2; 54, 3, 4). Находилось в северо-восточной части рва конской могилы, рядом с КП-1. Судя по фрагментам костей, эта взрослая лошадь также была положена на живот головой на северо-восток. Среди зубов лошади обнаружены фрагментированные железные петельчатые удила с крестовидными насадками и S-видные железные псалии. Длина звеньев удиц – около 12 см. Длина псалиев – 18,2 см.

Конское погребение 3 (рис. 41, КП-3; 55, 1–5). Находилось в северной части рва конской могилы на глубине 2,15–2,23 м. Сохранились фрагменты трубчатых костей и зубы взрослой лошади. Судя по ним, она лежала на животе головой на северо-восток. Среди костей черепа животного обнаружены фрагменты удиц и псалиев и стеклянные бусы. Железные петельчатые удила имеют крестовидные “строгие” насадки с шипами. Псалии прямые, двудырчатые, со слегка расширяющимися концами. Длина звеньев удиц – 12 и 14 см. Длина псалиев – 14,5 и 15 см (рис. 55, 1, 2). Бусины темно-синего стекла округлой и округло-кольцевидной формы (6 шт.). Диаметр – 1,6–1,9 см (рис. 55, 3–5).

Конское погребение 4 (рис. 41, КП-4; 55, 6, 7). Находилось в северо-восточной части рва конской могилы. Кости взрослой лошади очень плохой сохранности (сохранились фрагменты трубчатых костей и зубы). Животное лежало предположительно на боку головой на юго-восток. Около зубов лошади найдены фрагменты железных петельчатых удиц, имеющих крестовидные “строгие” насадки с шипами и Г-образные двудырчатые железные псалии. Длина звена удиц – 13,8 см, длина псалиев – 16 и 15,7 см.

Конское погребение 4а (рис. 41, КП-4а; 56, 1). Находилось в северо-восточной части рва конской могилы. Судя по фрагментам костей, взрослая лошадь лежала предположительно на животе, головой на северо-запад, так что череп этой лошади находился рядом с черепом лошади 4. У зубов этой лошади обнаружены железные петельчатые удила,

⁶ Костный материал проанализирован зоологом – научным сотрудником Кавказского биосферного заповедника Ю.Н. Спасовским.

имеющие крестовидные "строгие" насадки с шипами и Г-образные двудырчатые железные псалии. Окончания псалий раскованы в виде грифонных головок. Длина звеньев удил – 12,5 см. Длина псалий – 21 и 19,5 см.

Конское погребение 5 (рис. 41, КП-5; 57 1–9). Находилось в северо-восточной части рва конской могилы. Судя по сохранившимся костям, можно предположить, что взрослая лошадь (жеребец) лежала головой на юг. Поза не устанавливается. Среди костей черепа лошади обнаружены следующие детали конской узда.

1. Фрагменты железных петельчатых удил, имели крестовидные "строгие" насадки с шипами. Полная длина звеньев удил не восстанавливается (рис. 57, 1).
2. Бронзовые S-видные псалии, имеют расширяющиеся окончания ромбического сечения. Длина псалий – 11,8 и 11,5 см (рис. 57, 7).
3. Четыре бронзовых уздечных бляшки в виде округлого выпуклого щитка с петлей на обороте. Диаметры щитков – 2,9; 3; 3,2 см (рис. 57, 3–6).
4. Бронзовый налобник в виде хищника, принавшего на лапы с открытой частью и закинутыми на спину задними ногами. Длина – 6,4 см. ГМВ 2269 М-IV (рис. 57, 9; цв. вкл., рис. 12, 16).
5. Бронзовый плоский, ажурный наносник, выполненный в зверином стиле с отверстием для наносного ремня. Размеры – 7,5 × 4,5 см. ГМВ 2270 М-IV (рис. 57, 8; цв. вкл., рис. 11, 36).
6. Бронзовая ворворка конической формы. Высота – 1,6 см, максимальный диаметр – 1,9 см (рис. 57, 2).

Конское погребение 5а (рис. 41, КП-5а; 56, 2–5). Находилось в восточной северо-восточной части рва конской могилы. Предположительно взрослая лошадь лежала на правом боку головой на север к голове коня 5. Среди костей черепа обнаружены железные петельчатые удила, имеющие крестовидные "строгие" насадки с шипами и прямые двудырчатые железные псалии с расширяющимися окончаниями. Длина звеньев удил – 12,5 и 12 см. Длина псалий – 11,5 и 11,7 см (рис. 56, 3).

Рядом находились стеклянные бусы двух видов: – округлые бусины темно-синего непрозрачного стекла (5 целых и фрагменты). Диаметр целых бусин 1,7–1,9 см (рис. 56, 4);

– две бусины округло-цилиндрической формы темно-голубого непрозрачного стекла с синими глазками на белом фоне. Диаметр бусин 2 и 3,5 см (рис. 56, 2, 5).

Конское погребение 6 (рис. 41, КП-6; 58, 1–6). Находилось в восточной части рва конской могилы. Взрослая лошадь лежала головой на юг, поза не устанавливается. Среди костей черепа этой лошади находились железные удила и псалии и стеклянные бусы.

Фрагменты железных петельчатых удил имели крестовидные "строгие" насадки. Псалии – S-видные двудырчатые, с "шишечками" на концах. Длина наиболее сохранимого звена удил – 9,5 см; длина псалий – 20,5 и 20 см (рис. 58, 1, 2).

Бусы стеклянные трех разновидностей: – три округло-кольцевидные бусины синего глухого стекла. Диаметры: 2,7; 2,5; 2,4 см (рис. 58, 5, 6); – четыре округлые бусины темно-синего глухого стекла. Диаметр – 1,7–1,9 см (рис. 58, 3); – бусина кольцевидной формы синего глухого стекла с синими глазками на белом фоне. Размеры – 2,2 × 1,7 см (рис. 58, 4).

Конское погребение 6а (рис. 41, КП-6а; 58, 7–9, 9а). Находилось в восточной части рва конской могилы. Сохранились лишь кости черепа взрослой лошади и остатки костного тлена. Предположительно лошадь лежала головой на север. В районе костей черепа найдены железные удила с биметаллическими псалиями и бронзовый налобник.

Железные двучастные удила со строгими крестовидными насадками сочетались с фрагментированными S-видными двудырчатыми псалиями, имевшими железную основу с бронзовыми шаровидными окончаниями. Длина звеньев удил – 13,5 и 14 см. Длина псалий полностью не восстанавливается (рис. 58, 8, 9, 9а).

Бронзовый налобник имел форму принавшего на лапы кошачьего хищника с закинутыми на спину задними ногами. С лицевой стороны предмет покрыт гравировкой. На обороте – петля. Размеры – 12,5 × 3,5 см. ГМВ 2273 М-IV (рис. 58, 7; цв. вкл., рис. 12, 1а).

Конское погребение 7 (рис. 41, КП-7; 59, 1–5). Находилось в восточной части рва конской могилы. Судя по сохранившимся костям, взрослая лошадь лежала предположительно на животе головой на юг. У черепа лошади расчищены железные удила с псалиями и стеклянные бусы.

Фрагментированные железные петельчатые удила со строгими крестовидными насадками сочетались с Г-образными двудырчатыми псалиями. Длина наиболее сохранимого звена удил – 13,5 см; длина псалий – 17,9 и 19,3 см (рис. 59, 1, 2).

Бусы двух разновидностей. – Две кольцевидные бусины темно-синего глухого стекла. Размеры – 2,2 × 1,6 и 1,7 × 1,4 см (рис. 59, 4, 5). – Семь округлых бусин темно-синего стекла с крупными синими глазками на белом фоне. Диаметр – 1,5–1,7 см (рис. 59, 3).

Конское погребение 8 (рис. 41, КП-8; 59, 6–10). Находилось в восточной части рва конской могилы на глубине 2,21 м. Сохранились кости черепа (зубы) и костный тлен. Судя по ним, лошадь лежала головой на восток, предположительно на

животе. У черепа лошади расчищены железные удила с псалиями и стеклянные бусы.

Двучастные петельчатые железные удила со строгими насадками встречены с S-видными двудырчатыми железными псалиями, имеющими расширения — “шишечки” на концах. Длина звеньев удил — 14,5 см, длина псалиев — 18,4 и 17,2 см (рис. 59, 6, 7). Бусы округлой формы глухого темно-синего стекла (6 экземпляров и фрагменты). Диаметр бусин — 1,7–1,9 см (рис. 59, 8–10).

Конское погребение 9 (рис. 41, КП-9; 60, 1, 3). Находилось в юго-восточной части рва конской могилы. Судя по остаткам костей, лошадь лежала на животе головой на юго-юго-запад. На черепе расчищены железные удила и псалии. Железные двучастные петельчатые удила со строгими насадками. Г-образные железные двудырчатые псалии. Один сохранившийся наполовину псалий имеет утолщение — “шишечку” на конце (рис. 60, 2). Длина сохранившегося звена удил — 11 см, длина целого псалия — 18 см (рис. 60, 3).

Конское погребение 10 (рис. 41, КП-10; 61, 1–6; цв. вкл., рис. 4, 6). Находилось в юго-восточной части рва конской могилы. Взрослая лошадь, судя по сохранившимся костям, лежала предположительно на левом боку головой на восток. У черепа лошади обнаружены удила и псалии, бронзовый налобник и стеклянные бусы.

Фрагменты железных петельчатых удил со строгими крестовидными насадками и S-видных (?) двудырчатых железных псалиев с “шишечками” на концах. Длина звеньев удил — 12,5 и 13,5 см. Размеры псалиев полностью не восстанавливаются (рис. 61, 1, 2). Бронзовый налобник в виде плоской ромбической пластины с петлей на обороте. Лицевая пластина орнаментирована гравировкой в виде ленты из двух линий с косыми насечками, идущей по краю и образующей два симметричных завитка в центральной части. Часть налобника утрачена в древности. Размеры — 5 × 3,6 см (рис. 61, 6; цв. вкл., рис. 11, 1).

Шесть округлых бусин темно-синего глухого стекла и фрагменты. Диаметр — 1,7–1,8 см (рис. 61, 3–5).

Конское погребение 11 (рис. 41, КП-11; 60, 4, 5). Расчищено в южной части рва в скоплении костей животных между КП-12 и КП-17. Среди костей обнаружены кости как взрослой лошади, так и крупного рогатого скота. Ориентировка черепа лошади — северная. Положение животного не восстанавливаемо. В районе зубов животного лежали железные удила и псалии (бронзовый и биметаллический). От удил сохранились лишь мелкие фрагменты. Один псалий сильно фрагментирован. Он биметаллический двудырчатый (S-видный?) с окончаниями в виде бронзовых приливов, имеющих два ряда утолщений (по три пояса в каждом ряду) и уплощением на конце. Размер прилива —

5,1 см (рис. 60, 4). Вторым псалием — бронзовым, Г-образный двудырчатый с ажурной пластиной в виде стилизованной головки оленя с рогами, заканчивающимися головками хищных птиц. Длина псалия — 7,5 см. ГМВ 2271 М-IV (рис. 60, 5; цв. вкл., рис. 12, 2а).

“Конское погребение 12” (рис. 41, КП-12). Расчищено в южной части рва. Между КП-14 и КП-11. Как оказалось, здесь находились кости не лошади, а взрослой особи крупного рогатого скота, лежавшей головой на север. Тем не менее, к северу от костей найдены фрагменты железной уздечки, форма и размеры которой не восстанавливаемы, а также бронзовая уздечная бляшка с круглым слабовыпуклым щитком и петлей на обороте. Диаметр щитка 1,7 см.

Конское погребение 13 (рис. 41, КП-13; 62, 1–8; цв. вкл., рис. 4, 4). Находилось в юго-восточной части рва конской могилы на глубине 2,21 м. Сохранились кости черепа и фрагменты трубчатых костей взрослого жеребца, лежавшего головой на юго-запад. Среди костей черепа обнаружены:

Железные петельчатые удила с крестовидными насадками и железные S-видные псалии с “шишечками” на конце. Длина сохранившегося звена удил — 14 см; длина наиболее сохранившегося псалия — 20 см (рис. 62, 1, 2).

Бронзовый наносник в виде двух головок хищника, исходящих из петли для крепления к ремню. Гравировкой нанесены глаза и рты животных. Размер — 4,6 × 2,7 см. ГМВ 2268 М-IV (рис. 62, 7; цв. вкл., рис. 11, 3в).

Фрагмент трехгранного бронзового наконечника стрелы. Размеры полностью не восстанавливаются (рис. 62, 8).

Бусина синего глухого стекла кольцевидной формы с синими глазками на белом фоне. Размер 2,3 × 1,7 см (рис. 62, 6).

Четыре округло-кольцевидные бусины. Три темно-синего глухого стекла. Одна — синего глухого стекла. Диаметры 1,4–1,9 см (рис. 62, 3–5). Кроме этого имеются фрагменты от нескольких бусин.

Конское погребение 14 (рис. 41, КП-14; 63, 1–6; цв. вкл., рис. 4, 5). Находилось в южной части конской могилы между КП-16 и КП-12. Кости взрослой лошади лежали предположительно на левом боку головой на север. Среди зубов найдены железные фрагментированные удила и биметаллические псалии. Чуть восточнее лежал бронзовый налобник. Под костями обнаружены бронзовые бляшки.

Фрагменты железных петельчатых удил со строгими насадками сочетались с биметаллическими S-видными (?) псалиями с рельефными бронзовыми приливами. Полностью размеры не восстанавливаются (рис. 63, 1, 2).

Бронзовый налобник в виде фигурки человека. Голова и ноги переданы в профиль, туловище — в

фас. На голове гравированными линиями показана прическа, выступ-коса спускается на плечи. Имеются гравированные линии на шее, передающие гривну. Рельефом передан кафтан, гравировкой – орнамент на шароварах. Фигурка имеет петлю на обороте для крепления к ремню. Размеры фигурки 16 × 5,5 см. (ГМВ 2275 М-IV; рис. 63, 6; цв. вкл., рис. 15). Три бронзовые бляшки с округлым выпуклым щитком и петлей на обороте. Диаметры щитков – 2,2–2,4 см (рис. 63, 3–5).

Конское погребение 15 (рис. 41, КП-15; 64, 1–8; цв. вкл., рис. 4, 4). Находилось в юго-восточной части рва конской могилы, чуть южнее КП-13. Сохранились кости черепа и остатки нескольких трубчатых костей. Судя по ним, взрослая лошадь лежала головой на юго-запад. В районе зубов лошади распилены железные удила с бронзовыми псалями, бронзовый налобник, стеклянные бусины и бронзовая бляха.

Фрагменты железных петельчатых удил со строгими крестовидными насадками и бронзовые двудырчатые псалии. Один псалий – прямой, другой – немного изогнут (деформирован?). Окончания псалиев имеют каплевидные утолщения, под которыми расположено несколько гравированных линий. Размеры удил не восстанавливаются. Длина псалиев – 20; 19,4 см (рис. 64, 1, 2).

Бронзовый ажурный налобник в виде антистической композиции из стилизованных рогов оленя. Лицевая сторона имеет гравировку. На обороте – петля. Размеры – 12,5 × 5 см. ГМВ 2274 М-IV (рис. 64, 8; цв. вкл., рис. 13, 3б).

Бусина синего глухого стекла кольцевидной формы с синими глазками на белом фоне. Размеры – 2,2 × 1,6 см (рис. 64, 7).

Две бусины округлой формы, одна синего прозрачного, а другая темно-синего глухого стекла, и фрагменты. Диаметр бусин – 1,9 см (рис. 64, 3, 5, 6).

Бронзовая бляха со щитком в виде четырехлепестковой розетки с рельефным кружком в центре и петлей на обороте. Размеры щитка – 3,4 × 3,2 см (рис. 64, 4).

Конское погребение 16 (рис. 41, КП-16; 65, 1–3). Находилось в южной части рва конской могилы. Это крайнее конское погребение с запада. Взрослая лошадь лежала на правом боку головой на северо-восток. В районе костей черепа лошади обнаружены железные удила и бронзовый псалий, чуть восточнее – бронзовый налобник.

Фрагменты железных петельчатых удил с крестовидными строгими насадками встречены вместе с бронзовым Г-образным псалием с ажурной лопастью в виде стилизованной головы оленя, обращенной вправо. Рога оленя заканчиваются головками хищных птиц. Высота псалия 11,8 см. ГМВ 2272 М-IV (рис. 65, 1, 3; цв. вкл., рис. 12, 2б).

Бронзовый налобник в виде многоярусных оленьих рогов. Лицевая сторона имеет гравировку, на обороте – петля. Размеры – 15,5 × 4 см. ГМВ 2480 М-IV (рис. 65, 2; цв. вкл., рис. 13, 3а).

Конское погребение 17 (рис. 41, КП-17; 65, 4–6). Находилось в южной части рва конской могилы между КП-11 и КП-18. Взрослая лошадь лежала предположительно на левом боку головой на север. Под костями лошади обнаружены бронзовые бляшки с округлым выпуклым щитком и петлей на обороте. Диаметры щитков – 2; 1,8; 1,6 см.

“Конское погребение” 18 (рис. 41, КП-18). Находилось в южной части рва конской могилы. Как выяснилось, кости очень плохой сохранности принадлежали особи крупного рогатого скота, лежавшей головой на север.

“Конское погребение” 19 (рис. 41, КП-19). Находилось в юго-восточной части конской могилы на глубине 2,32 м, восточнее КП-18. Кости плохой сохранности также принадлежали особи крупного рогатого скота, лежавшей головой на северо-северо-запад. Поза не определима.

Конское погребение 20 (рис. 41, КП-20). Находилось в северной части конской могилы рядом с конским погребением 3 на глубине 2,19 м. Сохранились отдельные трубчатые кости. Поза и ориентировка неопределимы.

Конское погребение 21 (рис. 41, КП-21). Находилось в северной части конской могилы к западу от КП-20. Фрагменты метаподий и трубчатых костей взрослой лошади, по которым определить позу и ориентировку невозможно.

“Конское погребение” 22 (рис. 41, КП-22). Находилось в северной части рва конской могилы. Кости плохой сохранности принадлежали взрослой особи крупного рогатого скота, лежавшей головой на север.

Конское погребение 23 (рис. 41, КП-23). Находилось в северной части рва конской могилы. Взрослая лошадь лежала предположительно на животе головой на северо-запад.

“Конское погребение” 24 (рис. 41, КП-24). Находилось в северной части рва конской могилы. Трубчатые кости и кости черепа плохой сохранности принадлежали взрослой особи крупного рогатого скота. Поза не установима, кости черепа ориентированы на север.

“Конское погребение” 25 (рис. 41, КП-25). Обнаружено в северной части конской могилы, южнее КП-24. Трубчатые кости и зубы принадлежат взрослой особи крупного рогатого скота. Поза и ориентировка животного неопределимы.

Конское погребение 26 (рис. 41, КП-26). Найдено в северной части конской могилы. Это кости крайнего с запада животного. Трубчатые кости конечностей и метаподий принадлежат взрослой лошади. Кости черепа отсутствовали.

Из отвала конской могилы происходит бронзовая ворворка с цилиндрической втулкой и кольцом на конце. Высота — 2,7 см. Диаметр втулки — 1,5 см, диаметр кольца — 2 см (рис. 77, 11).

Кости животных 2 (рис. 41). Обнаружены чуть выше уровня древнего горизонта к югу от ямы (между ямой и южной частью конской могилы) на глубине 1,29–1,37 м. Представляли собой мелкие фрагменты костей животного (молодой лошади или особи крупного рогатого скота). Рядом найдены невыразительные фрагменты ссороглиняного лешного сосуда.

Центральное культовое сооружение (верхний уровень расчистки)

(рис. 38; цв. вкл., рис. 3, 3)

Центральное сооружение представляло собой остатки деревянной конструкции с галечными вымостками и большим скоплением находок посередине. Основная часть комплекса находилась в западной половине кургана (рис. 38). На этом уровне на глубине 0,91–1,10 м от ЦР выявлены остатки деревянной рамы из дубовых деревянных плах и древесного тлена, которая имела форму прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии север–юг. Причем крупная плаха в восточной половине кургана лежала почти параллельно линии север–юг, в то время как плахи на западной половине имели сильное отклонение. Окружающий центральную площадку камышовый тлен лежал и поверх деревянных плах. Особенно это было заметно в восточной и северо-восточной частях конструкции. Кроме того, уже на этом уровне выявлено два вертикальных столба конструкции — северо-западный (столб 1) на глубине 85 см и юго-восточный (столб 2) на глубине 94 см.

Внутри деревянной конструкции расчищены четыре галечные вымостки. Поверх них, а также вокруг них найдено большое количество находок: золотых нашивных бляшек, бус, наконечников стрел, остатков металлического панциря, фрагментов лешной и гончарной керамики, лежащих вне всякой системы. В восточной части конструкции галька отсутствовала и грунт был более перемешанный. Как выяснилось впоследствии, здесь оказалась грабительская яма диаметром на этом уровне более двух метров. Она также была отмечена и в разрезах бровки (рис. 36).

В северной части объекта, внутри деревянной “рамы” на глубине 1,16–1,35 м отмечено скопление, состоявшее из фрагментов керамики и мелкой речной гальки. Оно имело форму неправильного прямоугольника, ориентированного длинной осью с юго-запада на северо-восток, размерами — 1,9 × 1,6 м. По всей галечной вымостке обнаружены находки (см. с. 33–37, № 66, 68, 73, 76, 82, 158, 159, 162, 167, 180, 185, 213, 216).

Большинство находок концентрировалось у западной и южной оконечности этой вымостки, а также между северо-восточной и западной вымосткой.

Западная вымостка выявлена на глубине — 1,36–1,54 м. Она имела неправильную форму. С юго-востока на северо-запад ее протяженность — 1,9 м, с запада на восток — около 1 м. На ней, и особенно к востоку от нее, концентрируется множество находок (более 80; см. рис. 38).

Юго-восточная галечная вымостка находится на расстоянии 0,5 м от восточной на глубине 1,26–1,31 м. Она также имела неправильную форму. Ее максимальный размер с востока на запад — 2,3 м, с севера на юг — 1,5 м. На ней, а также к востоку от нее обнаружено большое количество находок (около 60 предметов, рис. 38), среди которых обнаружена и центральная часть золотой ажурной пластины-диадемы (262) (рис. 69, 2).

Небольшая галечная вымостка расчищена на юге центрального сооружения на глубине 1,31 м. Она имела треугольную форму и размеры 50 × 60 см. На ней находок не было. К западу от нее найдены: нашивные бляшки (289, 293), фрагмент железного предмета (291) и керамическая позолоченная бусина (292).

К востоку от юго-западного скопления у восточной плахи “рамы”, на глубине 1,23 и 1,28 м обнаружена площадка древесного тлена формы неправильного прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии север–юг с размерами 1,8 × 1 м (рис. 38, в центре). На ней найдены фрагменты железных и бронзовых предметов (20, 21), фрагменты лешного сосуда (97), фрагменты панцирных чешуек (100), терракотовых прощизок (101, 103а, 271) (цв. вкл., рис. 23, 2, 3), железные наконечники стрел (102, 200, 210) (рис. 76, 3, 18, 19, 26), фрагменты железного предмета и бронзового предмета (108, 109) (рис. 73, 12), фрагмент красноглиняной и лешной керамики (106, 107), фрагмент золотой ажурной пластины (120) (рис. 71, 8).

В юго-восточном углу площадки, ограниченной “рамой”, обнаружены фрагменты бронзовой височной подвески (283) (рис. 77, 27) и амфорной керамики (284), а также керамическая бусина (295) и два железных втока копий (296) (рис. 66, 5).

Всего на верхнем уровне ритуальной площадки оказалось 296 находок самой разной сохранности.

Каталог находок верхнего уровня расчистки центрального сооружения (рис. 38)

1. Два фрагмента железного панциря. Длина 3,2 и 2,1 см (рис. 75, 1).
2. Золотая нашивная штампованная бляшка-личина. Размеры — 2 × 1,5 см. Проба 583°. ГМВ 2345 М–IV (рис. 70, 1; цв. вкл., рис. 17, 1).

3. Фрагмент железного панциря. Размер $5,4 \times 4,4$ см (рис. 75, 2).
4. Фрагмент железного предмета, предположительно части пластины панциря (рис. 75, 10).
5. Фрагмент золотой ленты диадемы в виде двух завитков на ребристом канте. Размеры — $2,5 \times 2,2$ см. Проба 500°. ГМВ 2400 М-IV (рис. 69, 16; цв. вкл., рис. 18, 1).
6. Фрагменты железных пластин панциря (рис. 75, 3).
7. Два мелких фрагмента панцирных пластин (рис. 75, 4).
8. Фрагмент стенки красноглиняной амфоры. Форма и размеры не восстанавливаются.
9. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры — $11 \times 0,9$ см (цв. вкл., рис. 23, 23).
10. Фрагментированная золотая нашивная бляшка в виде хищной птицы, обращенной вправо. Туловище птицы и лапки образуют пальметту. Головка утрачена. Размеры — $2,7 \times 2$ см. Проба 650°. ГМВ 2374 М-IV (рис. 70, 20; цв. вкл., рис. 17, 26).
11. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размеры — $0,9 \times 0,8$ см (цв. вкл., рис. 23, 27).
12. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры — $0,9 \times 0,7$ см (цв. вкл., рис. 23, 29).
13. Наборное ожерелье (цв. вкл., рис. 24), в которое входят:
 - две золотые пронизи в виде рифленой трубочки. Длина 2,2 и 2,5 см. Проба 583°. ГМВ 2392, 2393 М-IV;
 - две пирамидальные терракотовые подвески. Высота 1,7 и 1,6 см;
 - пять терракотовых гладких бусин со следами золочения (размер $1,0 \times 1,1$ – $0,9 \times 0,7$ см);
 - три терракотовые биконические бусины со штампованным орнаментом, имитирующим зернь и скань, и следами золочения (диаметр $1,1$ – $0,9$ см);
 - пять маленьких и одна большая гешировая бусины формы, близкой к округлой (диаметр маленьких — 0,5 см; диаметр большой 1 см).
14. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размеры — $1,1 \times 1$ см (см. цв. вкл., рис. 23, 24).
15. Фрагмент стенки красноглиняного гончарного сосуда (рис. 79, 5).
16. Фрагмент железной панцирной пластины. Размер — $2,9 \times 2,6$ см (рис. 75, 5).
17. Фрагменты железных панцирных пластин. Размеры наиболее крупного блока — $4,7 \times 3,8$ см (рис. 75, 6).
18. Фрагмент золотой пластинки (диадемы?) в виде головки хищной птицы. Размеры — 2×1 см. Проба 500°. ГМВ 2386 М-IV (рис. 69, 4; цв. вкл., рис. 18, 1).
19. Округлая выпуклая золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр — 0,8 см. Проба 500°. ГМВ 2316 М-IV (рис. 72, 1).
20. Фрагмент железного панциря из скипевшихся пластин. Блок имеет размеры 9×7 см.
21. Фрагмент бронзового предмета. Не сохранился.
22. Фрагмент железного предмета. Не сохранился.
23. Фрагмент железного предмета. Не сохранился.
24. Фрагмент стенки крупного красноглиняного гончарного сосуда. Внутренняя часть покрыта черным лаком хорошего качества. Следы лака имеются и на внешней поверхности (рис. 79, 1).
25. Терракотовая штампованная бусина биконической формы с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размер: $1,1 \times 0,9$ см (см. цв. вкл., рис. 23, 27).
26. Два блока панцирных пластин. Размеры наиболее крупного 9×7 см.
27. Фрагменты бронзового предмета. Форма и размеры не восстанавливаются (рис. 77, 23, 24).
28. Восемь фрагментов железных панцирных пластин. Размер наиболее крупного — $4 \times 4,3$ см (рис. 75, 12).
29. Фрагменты железных панцирных пластин. Размеры наиболее крупной пластины $3,4 \times 3,6$ см (рис. 75, 13).
30. Фрагмент красноглиняного гончарного сосуда (рис. 79, 2).
31. Фрагмент сероглиняного лепного сосуда (рис. 79, 4).
32. Фрагмент спекшихся железных пластин панциря. Размер $4,4 \times 3,7$ см (рис. 75, 14).
33. Нашивная фрагментированная золотая бляшка-личина. Размер $1,8 \times 1,6$ см. Проба 333°. ГМВ 2346 М-IV (рис. 70, 2).
34. Два фрагмента (две волюты) нашивной бляшки в виде сдвоенной спирали. Диаметры — 1,5 и 1,3 см. Проба 583°. ГМВ 2364 М-IV (рис. 72, 23; цв. вкл., рис. 18, 2).
35. Блок железного панциря. Размер 6×5 см (рис. 75, 16).
36. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры: $11 \times 0,9$ см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
37. Три фрагмента плоского железного предмета (рис. 75, 19).
38. Фрагмент бронзовой пластинки. Размеры — $1,7 \times 2,5$ см (рис. 77, 20).
39. Фрагмент железного предмета. Панцирной пластины? Размеры — $3,2 \times 3,1$ см (рис. 75, 8).
40. Фрагмент терракотовой округлой бусины со следами золочения. Диаметр — 0,3 см.

41. Два мелких фрагмента панцирных пластин (рис. 75, 9).
42. Треугольная головка железного втульчатого трехлопастного наконечника стрелы (рис. 77, 9).
43. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размеры — $1 \times 1,1$ см (см. цв. вкл., рис. 23, 24).
44. Два фрагмента бронзовой панцирной пластинки. Форма и размер не восстанавливаются (рис. 77, 21, 22).
45. Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел (3 целых и втулка). У целых экземпляров лопасти срезаны под тупым углом. Высота 3,1–3,6 см (рис. 77, 3–5).
46. Половинка золотой нашивной бляшки в виде двойной волноты. Диаметр — 1,7 см. Проба 583°. ГМВ 2365 М-IV (рис. 72, 24).
47. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры: $1,2 \times 0,9$ см.
48. Бусинка терракотовая биконической формы со штампованными “жемчужинками” и следами золочения. Размеры — $0,3 \times 0,4$ см (цв. вкл., рис. 25, 1).
49. Фрагмент втулки железного наконечника копья. Полностью форма и размер не восстанавливаются (рис. 75, 15).
50. Фрагменты железной пластины (от панциря?). Размеры — $3,8 \times 4,2$ см (рис. 75, 18).
51. Втулка железного трехлопастного наконечника стрелы.
52. Фрагмент пластины железного панциря. Размер — $2,6 \times 2$ см (рис. 75, 11).
53. Фрагменты панцирных пластин. Размеры наиболее крупного блока $5,4 \times 4$ см.
54. Фрагмент железного предмета (пера наконечника копья?). Форма и размер не восстанавливаются (рис. 75, 20).
55. Три фрагмента красноглиняного гончарного крупного сосуда или амфоры. Форма не восстанавливается.
56. Фрагмент амфорной стенки (рис. 79, 3).
57. Фрагмент железного предмета. Не сохранился.
58. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размеры — $0,9 \times 0,9$ см (тип см. цв. вкл., рис. 23, 30).
59. Железная фрагментированная пластинка панциря. Размеры — $3,4 \times 4,1$ см (рис. 75, 17).
60. Фрагментированные железные трехлопастные наконечники стрел.
61. Круглая выпуклая золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр — 0,6 см. Проба 500°. ГМВ 2317 М-IV (рис. 72, 2).
62. Фрагмент амфорной стенки (рис. 79, 6).
63. Фрагменты стенок сероглиняной корчаги. Форма и размеры не восстанавливаются.
64. Крупные фрагменты толстостенной сероглиняной корчаги. Форма и размеры не восстанавливаются.
65. Бусинка терракотовая округлой формы со следами золочения. Диаметр — 0,3 см (цв. вкл., рис. 25, 2).
66. Мелкие фрагменты стенок серебряного предмета (сосуда). Форма и размеры не восстанавливаются.
67. Фрагмент ручки и стенка красноглиняного лепного сосуда. Форма не восстанавливается.
68. Крупная ребристая бусина. Диаметр 3 см (цв. вкл., рис. 23, 22).
69. Мелкие фрагменты бронзовой пластины. Форма и размеры не восстанавливаются.
70. Мелкие фрагменты серебряного сосуда. Форма и размеры не восстанавливаются.
71. Мелкие фрагменты серебряного сосуда. Форма и размеры не восстанавливаются.
72. Бусинка округлой формы глухого белого стекла. Диаметр — 0,3 см (см. цв. вкл., рис. 25, 14).
73. Фрагмент стенки красноглиняного сосуда (амфоры?).
74. Железный втульчатый трехлопастный наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Длина — 3,4 см (рис. 77, 7).
75. Мелкие фрагменты бронзового предмета (сосуда?). Форма и размеры не восстанавливаются.
76. Фрагментированная красноглиняная вазочка. Ножка не сохранилась, чаша усеченно-конической формы. Край загнут внутрь. По внутренней поверхности сосуда проходят две полосы красного лака. Максимальный диаметр сосуда — 9,7 см. Внутренний диаметр — 9,8 см (рис. 67, 3).
77. Фрагмент лепного сосуда. Не сохранился.
78. Три спекшихся железных втульчатых трехлопастных наконечника стрел с треугольным контуром пера. Длина — 2,9–3,4 см (рис. 77, 10).
79. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры — 12×1 см.
80. Фрагмент железного предмета (втулки копья?). Форма и размеры не восстанавливаются.
81. Фрагментированная сероглиняная гончарная вазочка. Ножка не сохранилась, чашечка полусферической формы. Венчик имеет внутренний бортик. В верхней части тулова чашечки проходят два врезных желобка. Максимальный диаметр сосуда — 12 см (рис. 67, 4).
82. Фрагмент стенки амфорной керамики.
83. Две головки железных трехлопастных втульчатых наконечника стрел. Полностью размеры не восстанавливаются (рис. 77, 8, 9).
84. Стенка сероглиняной гончарной миски.
85. Два железных трехлопастных втульчатых наконечника стрелы с треугольным контуром

- головки. Лопасты срезаны под прямым углом. Высота наконечников – 3,1 и 3,2 см (рис. 76, 1).
86. Мелкие фрагменты бронзовой бляшки. Форма и размеры полностью не восстанавливаются (рис. 73, 4).
87. Две золотые круглые выпуклые бляшки с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,9 см. Проба 500°. ГМВ 2318, 2319 М-IV (рис. 72, 3).
88. Две терракотовые пронизки конической формы. У широкой части имеются “перлы” – имитация зерни. На пронизках – следы золочения. Размеры – 1,8 × 0,5 см и 1,4 × 0,3 см (цв. вкл., рис. 23, 1).
89. Стенка толстостенной сероглиняной лепной корчаги.
90. Фрагменты железных предметов.
91. Мелкие фрагменты стенок серебряного сосуда. Форма и размеры не восстанавливаются.
92. Фрагмент рукояти и части лезвия железного ножа. Размер – 5,6 × 1,8 см (рис. 74, 2).
93. Мелкие фрагменты железного панциря. Форма и размеры чешуек не восстанавливаются.
94. Фрагментированная красноглиняная лепная кружка, с плоским дном и цилиндрическим туловом. По тулову проходит накольчатый орнамент. Верхняя часть сосуда не сохранилась. Максимальный диаметр сосуда – 8,7 см (рис. 67, 2).
95. Фрагменты двух бронзовых пластин, вероятно панцирных. На одной из сторон у них имеются следы прикипевшего железа.
96. Фрагмент железного предмета (рис. 73, 5).
97. Два фрагмента стенки лепного красноглиняного сосуда.
98. Стенка красноглиняной лепной корчаги.
99. Фрагментированные железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел с треугольным контуром головки (5 шт.). Высота наиболее целого наконечника – 3,6 см. Лопасты срезаны под тупым углом (рис. 77, 2).
100. Фрагменты железного панциря. Форма и размеры не восстанавливаются.
101. Терракотовая пронизка конической формы. У широкой части имеются “перлы” – имитация зерни. Сохранились следы золочения. Размеры – 1,8 × 0,4 см (цв. вкл., рис. 23, 2).
102. Фрагменты железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел с треугольной головкой (рис. 76, 3).
103. Фрагмент бронзового височного кольца (?), имеющего окончание в виде шарика. Размеры полностью не восстанавливаются (рис. 73, 11).
- 103а. Две терракотовые пронизки конической формы. У широкой части имеются “перлы” – имитация зерни. На пронизках – следы золочения. Размеры – 1,6 × 0,5 см и 1,2 × 0,3 см (цв. вкл., рис. 23, 3).
104. Мелкие фрагменты бронзовой пластины. Форма и размеры не восстанавливаемы.
105. Фрагменты золоченой керамической бусины яйцевидной формы (см. цв. вкл., рис. 23, 29).
106. Фрагменты амфорной красноглиняной керамики. Форма и размеры не восстанавливаются.
107. Фрагменты стенок сероглиняной лепной корчаги. Форма полностью не восстанавливается.
108. Два фрагмента бронзового браслета с шипечками на конце. Диаметр прута – 3 мм (рис. 73, 12).
109. Фрагменты железной втулки. Максимальный диаметр – 4 см.
110. Фрагменты панцирных железных пластин. Размер наиболее крупного блока – 4,2 × 3,8 см.
111. Биконическая бусина белого глухого стекла. Размер – 1,5 × 1,3 см (цв. вкл., рис. 25, 5).
112. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размер – 0,9 × 0,8 см (см. цв. вкл., рис. 23, 27).
113. Фрагмент золотой нашивной пластины (каймы диадемы) в виде бегущей волны. “Гребень” волны отсутствует. Размеры – 1,5 × 1,5 см. Проба 500°. ГМВ 2401 М-IV (рис. 69, 12).
114. Терракотовая пронизка конической формы. Сохранились следы золочения. Размер – 1,7 × 0,4 см (цв. вкл., рис. 23, 4).
115. Штампованная золотая бляшка-“личина”. Имеется утрата края. Размеры – 1,7 × 1,8 см. Проба 500°. ГМВ 2347 М-IV (рис. 70, 6).
116. Блок спекшихся железных наконечников стрел (45 шт.). Все они втульчатые трехлопастные с треугольным контуром головки. Длина наконечников – 3,1–3,4 см (рис. 78, 15).
117. Мелкие фрагменты серебряного сосуда.
118. Половинка (волюта) нашивной золотой бляшки в виде двойной спирали. Диаметр – 1,2 см. Проба 583°. ГМВ 2366 М-IV (рис. 72, 30; цв. вкл., рис. 18, 2).
119. Две терракотовые бусинки округлой формы. Диаметры – 0,5 и 0,4 см (цв. вкл., рис. 25, 4).
120. Фрагмент золотой нашивной пластины в виде полукружий “ов” на ребристом канте. Между “овами” – трилистник. Размер – 4 × 1,2 см. Проба 583°. ГМВ 2379 М-IV (рис. 71, 8; цв. вкл., рис. 16, 2).
121. Золотая нашивная бляшка в виде двойной волюты. Длина – 3,7 см. Диаметры волют – 1,5 и 1,7 см. Проба 500°. ГМВ 2367 М-IV (рис. 72, 31; цв. вкл., рис. 16, 2).
122. Фрагмент золотой накладки (диадемы ?) в виде части фигурки птицы (?) на ребристом канте. Размеры 2 × 1 см. Проба 583°. ГМВ 1414 М-IV (рис. 69, 1; цв. вкл., рис. 18, 1).

123. Три фрагмента золотой нашивной пластины в виде полукружий "ов" на ребристом канте. Между "овами" – трилистник. Ширина пластины – 1,3 см. Длина фрагментов – 4,5; 4,3; 3,7 см. Проба 583°. ГМВ 2380, 2381, 2382 М-IV (рис. 71, 11–13; цв. вкл., рис. 16, 2ж).
124. Бусины двух разновидностей:
Две терракотовые яйцевидной формы, с остатками золочения. Размеры – $1 \times 0,9$ и $1,1 \times 1$ см. (цв. вкл., рис. 25, б).
– Две округлые бусинки белого глухого стекла и половинка. Диаметр целых – 0,4 и 0,5 см.
125. Фрагменты серолинейной вазочки. См. № 81.
126. Терракотовая штампованная бусина округлой формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Диаметр 1,1 см (см. цв. вкл., рис. 23, 15).
127. Боченковидная бусина бирюзового прозрачного стекла. Размеры – $0,8 \times 0,9$ см (цв. вкл., рис. 23, 20).
128. Два фрагмента железного предмета, возможно ножа или клинка кинжала. Полностью форма не восстановима (рис. 74, 9, 10).
129. Фрагментированная золотая нашивная бляшка в виде пяти треугольных лепестков, исходящих из круга. Диаметр бляшки – 3,5 см. Проба 583°. ГМВ 2397 М-IV (рис. 71, 2; цв. вкл., рис. 16, 2e).
130. Бусинка терракотовая (?) округлой формы со следами золочения. Диаметр – 0,4 см (цв. вкл., рис. 25, 8).
131. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры – $1,1 \times 0,9$ см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
132. Фрагмент золотой бляшки в виде завитка. Размеры – $1 \times 0,5$ см (рис. 71, 19).
133. Две пронизки из желтого металла в виде маленьких трубочек. Длина – 1,1 и 1 см (рис. 71, 18).
134. Фрагмент золотой пластины в виде ребристого канта. Размеры – $1,3 \times 0,3$ см (рис. 71, 29).
135. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры: $1,1 \times 0,9$ см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
136. Втулка железного наконечника стрелы. Длина 1,5 см (рис. 76, 4).
137. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры: $1,1 \times 0,9$ см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
138. Золотая нашивная бляшка в виде двойной спирали. Длина – 3,6 см. Диаметры волот – 1,6 и 1,7 см. Проба 583°. ГМВ 2368 М-IV (рис. 72, 32; цв. вкл., рис. 18, 2).
139. Круглая золотая выпуклая нашивная бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,7 см. Проба 500°. ГМВ 2320 М-IV (рис. 72, 12).
140. Бусина округлой формы коричневого стекла. Диаметр – 0,5 см (цв. вкл., рис. 23, 21).
141. Золотая нашивная бляшка в виде птицы, обращенной влево. Лапы и нижняя часть тела птицы имеют форму пальметты. Размер – $2,5 \times 2$ см. Проба 650°. ГМВ 2375 М-IV (рис. 70, 23; цв. вкл., рис. 17, 2б).
142. Пронизка цилиндрической формы из гладкого золотого листа. Размеры $1 \times 0,3$ см (рис. 71, 20).
143. Золотая нашивная бляшка в виде уточки, обращенной вправо. Размеры – $2,2 \times 2,2$ см. Проба 650°. ГМВ 2376 М-IV (рис. 70, 21; цв. вкл., рис. 17, 2c).
144. Фрагмент бронзовой пластины. Размер – $2,6 \times 1,7$ см (рис. 73, 13).
145. Фрагмент пластины-края диадемы (?) в виде "бегущей волны" на ребристом канте (два завитка). Размеры – $2,5 \times 1,8$ см. Проба 500°. ГМВ 2402 М-IV (рис. 69, 10; цв. вкл., рис. 18, 1).
146. Терракотовая штампованная бусина округлой формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Диаметр 1,1 см (см. цв. вкл., рис. 23, 24).
147. Половинка золотой бляшки-личины. Размеры – $1,2 \times 2$ см. Проба 400°. ГМВ 2348 М-IV (рис. 70, 7).
148. Мелкие фрагменты серебряного сосуда.
149. Три золотые выпуклые круглые нашивные бляшки с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,7 см. Проба 500°. ГМВ 2321, 2322, 2323 М-IV (рис. 72, 15).
150. Мелкие фрагменты серебряного сосуда. Форма и размеры не восстанавливаются.
151. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры – $1,1 \times 1$ см (тип см. цв. вкл., рис. 23, 23).
152. Втулка железного наконечника стрелы. Длина – 1,8 см (рис. 76, 6).
153. Фрагмент терракотового медальона (рис. 68, 2).
154. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры – $1,1 \times 1$ см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
155. Золотая подвеска амфоровидной формы. Высота – 1,4 см. Проба 600°. ГМВ 2389 М-IV (рис. 71, 4; цв. вкл., рис. 16, 2д).
156. Железные трехлопастные втульчатые наконечники стрел с треугольным контуром головки (7 шт. и фрагмент). Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечников – 2,7–3,2 см (рис. 76, 7, 8).
157. Бусина голубого стекла кольцевидной формы. Размеры – $0,8 \times 0,4$ см (цв. вкл., рис. 25, 9).
158. Золотая нашивная выпуклая бляшка в виде многолепестковой розетки. Диаметр – 2 см. Проба 583°. ГМВ 2396 М-IV (рис. 71, 1; цв. вкл., рис. 16, 2c).
159. Фрагментированный железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечника – 3 см (рис. 76, 9).

160. Мелкие фрагменты серебряного сосуда.
161. Фрагменты железного трехлопастного втульчатого наконечника стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечника около 3 см (рис. 76, 10).
162. Золотая выпуклая круглая нашивная бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр — 1,8 см. Проба 500°. ГМВ 2324 М-IV (рис. 72, 13).
163. Железные трехлопастные наконечники стрел с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под прямым углом. Длина целых — 3,5–4 см (рис. 76, 13–15).
164. Мелкие фрагменты золоченого терракотового штампованного медальона (рис. 68, 1).
165. Золотая нашивная бляшка-личина. Размеры — 1,8 × 2 см. Проба 500°. ГМВ 2349 М-IV (рис. 70, 8; цв. вкл., рис. 17, 1).
166. Фрагмент браслета из бронзового прута. Диаметр прута — 0,4 см (рис. 73, 16).
167. Фрагмент золотой нашивной пластины в виде «ов» на ребристом канте. Между «овами» — трилистники. Ширина пластины — 1,2, длина — 4,5 см. Проба 583°. ГМВ 2383 М-IV (рис. 71, 9; цв. вкл., рис. 16, 2ж).
168. Фрагмент золотой пластины аналогичной предыдущей. Ширина — 1,2, длина — 3,4 см. Проба 583°. ГМВ 2384 М-IV (рис. 71, 10).
169. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры — 1,2 × 0,9 см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
170. Железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечника — 3,5 см (рис. 76, 11).
171. Золотая выпуклая круглая нашивная бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр — 1,8 см. Проба 583°. ГМВ 2385 М-IV (рис. 72, 11; цв. вкл., рис. 18, 2, в центре).
172. Терракотовая бусина яйцевидной формы, с остатками золочения. Размер — 1,2 × 0,8 см.
173. Мелкие фрагменты золотой фольги. Форма не определима (рис. 71, 17).
174. Блок железных втульчатых наконечников стрел (не менее 8 штук). Длина наконечников 3,8–4 см (рис. 76, 16).
175. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размер: 0,9 × 0,8 см (см. цв. вкл., рис. 23, 27).
176. Фрагмент пластины-каймы диадемы в виде завитков-волн на ребристом канте. Размеры — 3 × 2,2 см. Проба 500°. ГМВ 2401 М-IV (цв. вкл., рис. 18, 1).
177. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры — 1 × 0,8 см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
178. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры — 0,9 × 0,7 см (см. цв. вкл., рис. 23, 29).
179. Золотая нашивная бляшка в виде птицы, обращенной влево. Лапы и нижняя часть тела птицы имеют форму пальметты. Размер — 2,4 × 2 см. Проба 650°. ГМВ 2377 М-IV (рис. 70, 22; цв. вкл., рис. 17, 2д).
180. Фрагмент двух сникшихся панцирных пластин подпрямоугольной формы. Размер их полностью не восстановим (рис. 73, 7).
181. Фрагменты ребристого канта золотых ажурных пластин. Длина — 0,8 и 1,1 см (рис. 71, 16).
182. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры — 1,0 × 0,7 см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
183. Терракотовая штампованная бусина округлой формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Диаметр 1 см (цв. вкл., рис. 23, 30).
184. Два фрагмента золотой пластины, очевидно, центральной части диадемы (ребристый кант и фрагмент головки хищной птицы). Размеры — 1,5 × 0,3 см; 1,5 × 1,2 см. Проба 583°. ГМВ 2412 М-IV (рис. 69, 2, 5; цв. вкл., рис. 18, 1).
185. Подвеска в виде усеченной пирамидки белого глухого стекла. Размеры — 1,8 × 0,4 см (цв. вкл., рис. 23, 17).
186. Фрагмент ажурной золотой пластины в виде пальметт между ребристым кантом. Размеры — 4,2 × 1,8 см. Проба 583°. ГМВ 2412 М-IV (рис. 71, 14; цв. вкл., рис. 16, 2а).
187. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размеры — 1 × 0,9 см.
188. Два фрагмента окончания железного меча или кинжала. Сечение линзовидное. Длина — 7,1 см (рис. 74, 5).
189. Мелкие фрагменты бронзового сосуда. Форма и размеры не восстанавливаются.
190. Мелкие фрагменты серебряного сосуда. Форма и размеры не восстанавливаются.
191. Фрагментированный железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечника — 2,3 см (рис. 76, 17).
192. Фрагментированная стеклящая бусина глухого белого стекла округлой формы. Диаметр — 0,3 см.
193. Золотая пронизка в виде ребристой трубочки. Длина — 2,8 см; диаметр — 0,5 см. Проба 700°. ГМВ 2394 М-IV (рис. 71, 23; цв. вкл., рис. 16, 2в).
194. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размеры — 1,1 × 1,2 см (см. цв. вкл., рис. 23, 27).

195. Железные втульчатые трехлопастные наконечники стрел. Два блока (10 целых и фрагменты). Длина целых наконечников стрел — 3,2–4 см.
196. Фрагмент венчика бронзового сосуда. Форма и размеры полностью не определимы (рис. 73, 15).
197. Округлая гешировая бусинка. Диаметр — 0,6 см.
198. Круглая выпуклая золотая нашивная бляшка. Имеет два отверстия для пришивания. Диаметр — 1,9 см. Проба 583°. ГМВ 2327 М-IV (рис. 72, 7).
199. Гешировая бусина кубической формы. Размер — 0,6 × 0,5 см (см. цв. вкл., рис. 23, 8).
200. Два железных трехлопастных втульчатых наконечника стрелы с треугольным контуром головки. Концы головок обломаны. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наиболее целого наконечника — 3,6 см (рис. 76, 18, 19).
201. Две бусины:
— два фрагмента гладкой терракотовой бусины боченковидной формы со следами золочения. Длина — 0,4 см;
— кольцевидная бусина голубого стекла с синими глазками. Размер — 0,6 × 0,4 см (цв. вкл., рис. 25, 11).
202. Железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечника — 3,4 см (рис. 76, 20).
203. Три железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под прямым углом. Высота наконечников — 3,3–3,4 см (рис. 76, 21, 22).
204. Железный трехлопастный наконечник стрелы, втулка утрачена. Высота головки — 2,3 см (рис. 76, 24).
205. Втулка железного наконечника стрелы. Высота — 1,7 см (рис. 76, 23).
206. Фрагмент железного трехлопастного наконечника стрелы (рис. 76, 12).
207. Железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечника — 3,3 см (рис. 76, 25).
208. Круглая выпуклая нашивная бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Проба 583°. ГМВ 2328 М-IV.
209. Терракотовая маленькая штампованная бусинка биконической формы с маленькими рельефными жемчужинами и остатками золочения. Размер — 0,4 × 0,3 см (цв. вкл., рис. 25, 12).
210. Блок фрагментированных железных трехлопастных втульчатых наконечников стрел с треугольным контуром головки (5 шт.). Высота наконечников — 3,6–3,9 см (рис. 76, 26).
211. Верхняя часть железного трехлопастного втульчатого наконечника стрелы. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота головки — 2,3 см (рис. 76, 27).
212. Железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы. Длина — 3,3 см (рис. 76, 28).
213. Два железных втульчатых трехлопастных наконечника стрел с треугольной головкой и срезанными под прямым углом лопастями. Длина — 2,2 и 3,7 см (рис. 76, 29).
214. Фрагментированная кольцевидная бусина голубого стекла. Диаметр около 0,7 см (цв. вкл., рис. 25, 13).
215. Фрагмент золотой пластинки с выпуклым точечным орнаментом. Размеры — 1,5 × 0,4 см (рис. 71, 25).
- 215а. Головка трехлопастного наконечника стрелы. Длина — 2,3 см (рис. 76, 30).
216. Круглая выпуклая нашивная бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Проба 583°. ГМВ 2329 М-IV (цв. вкл., рис. 18, 2, в центре).
217. Бусина глухого белого стекла округлой формы. Диаметр — 0,4 см (цв. вкл., рис. 25, 14).
218. Три фрагмента стенок бронзового сосуда. Наиболее крупный имеет размеры 5,7 × 3,2 см (рис. 73, 20).
219. Фрагментированная нашивная бляшка-личина. Размеры 1,8 × 1,8 см. Проба 400°. ГМВ 2350 М-IV (рис. 70, 5).
220. Терракотовая бусина. Не сохранилась.
221. Терракотовая маленькая штампованная бусинка биконической формы с маленькими рельефными жемчужинами и остатками золочения. Размеры — 0,3 × 0,4 см (цв. вкл., рис. 25, 20).
222. Золотая нашивная бляшка-личина. Размеры — 2 × 1,7 см. Проба 583°. ГМВ 2351 М-IV (рис. 70, 3; цв. вкл., рис. 17, 1).
223. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры — 1,2 × 0,9 см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
224. Фрагмент втулки железного наконечника стрелы. Размер сохранившейся части 1,7 см (рис. 76, 31).
225. Гешировая бусинка боченковидной формы. Размер — 0,6 × 0,5 см (цв. вкл., рис. 25, 16).
226. Терракотовый медальон со штампованным односторонним изображением женского персонажа, имеющего “рожки” или рогатую диадему. Медальон имеет петельку для подвешивания. Диаметр — 1,3 см (рис. 68, 4; цв. вкл., рис. 20; 21, 1).
227. Терракотовая штампованная бусина округлой формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Диаметр — 1 см (см. цв. вкл., рис. 23, 30).
228. Венчик сероглиняного гончарного сосуда.

229. Половица (волота) золотой нашивной бляшки в виде двойной спирали. Диаметр – 1,9 см. Проба 583°. ГМВ 2369 М-IV (рис. 72, 28).
230. Терракотовая пронизка конической формы. Длина – 1 см (цв. вкл., рис. 23, 6).
231. Терракотовая бусинка боченковидной формы. Размеры – 0,4 × 0,3 см (цв. вкл., рис. 25, 17).
232. Втулка железного наконечника стрелы. Диаметр – 0,6 см (рис. 76, 5).
233. Фрагменты бронзовой пластины (рис. 66, 2).
234. Терракотовая коническая пронизка со следами золочения. Украшена “жемчужинами” псевдозерни. Размеры – 2 × 0,6 см (цв. вкл., рис. 23, 2).
235. Фрагмент золотой пластины – края диадемы в виде завитков “бегущей волны” на ребристом канте. Размеры – 1,9 × 1,8 см. Проба 500°. ГМВ 2404 М-IV (рис. 69, 14; цв. вкл., рис. 18, 1).
236. Золотая пронизка в виде ребристой трубочки. Длина – 2,8 см, диаметр – 0,5 см. Проба 583°. ГМВ 2395 М-IV (рис. 71, 24; цв. вкл., рис. 16, 2в).
237. Железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с вытянутой треугольной головкой и срезанными под тупым углом лопастями и фрагменты. Длина целого наконечника – 3,9 см.
238. Бусина из гешира кубической формы. Размеры – 0,7 × 0,7 см (цв. вкл., рис. 23, 8).
239. Бусина темно-синего стекла кольцевидной формы. Размеры – 1 × 0,6 см (цв. вкл., рис. 23, 13).
240. Фрагментированный железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы (рис. 76, 33).
241. Золотая нашивная бляшка-личина. Размеры 2 × 1,5 см. Проба 500°. ГМВ 2352 М-IV (рис. 70, 4; цв. вкл., рис. 17, 1).
242. Мелкие фрагменты серебряного сосуда. Форма и размеры не восстанавливаются.
243. Железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под прямым углом. Высота наконечника – 2,8 см (рис. 76, 34).
244. Круглая выпуклая золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8 см. Проба 583°. ГМВ 2330 М-IV (рис. 72, 8).
245. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры – 0,9 × 0,7 см.
246. Фрагмент золотой нашивной бляшки-личины. Размеры – 1,5 × 1 см (рис. 70, 9).
247. Фрагмент амфорной керамики.
248. Мелкие фрагменты бронзовой пластины (рис. 73, 9).
249. Две втулки железных наконечников стрел (рис. 76, 35).
250. Стеклоянная кольцевидная бусина бирюзового цвета. Размеры – 0,9 × 0,5 см.
251. Два железных трехлопастных втульчатых наконечника стрел с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечников – 2,5; 3,8 см (рис. 77, 12, 13).
252. Фрагментированный железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечника – 2,5 см (рис. 77, 14).
253. Железные втульчатые наконечники стрел (три целых и фрагменты). Имеют треугольный контур головки со срезанными под тупым углом лопастями. Длина – 4; 3,3 и 2,8 см (рис. 77, 15, 16).
254. Золотая нашивная бляшка – личина. Размер – 2 × 1,6 см. Проба 583°. ГМВ 2353 М-IV.
255. Круглая выпуклая золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8 см. Проба 583°. ГМВ 2331 М-IV (рис. 72, 9).
256. Железный втульчатый наконечник стрелы с вытянутой треугольной головкой и срезанными под тупым углом лопастями. Длина 3,9 см (рис. 77, 17).
257. Золотая нашивная бляшка в виде двойной спирали. Утрачена часть одной волоты. Длина – 3,5 см, диаметры волот – 1,7 и 1,6 см. Проба 583°. ГМВ 2370 М-IV (рис. 72, 29).
258. Мелкие обломки золотой фольги.
259. Мелкие фрагменты серебряного сосуда.
260. Круглая выпуклая золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8 см. Проба 500°. ГМВ 2332 М-IV (рис. 72, 6).
261. Окончание браслета из серебряного прута диаметром – 0,5 см. Длина фрагмента – 2,2 см.
262. Фрагментированная ажурная пластина (центральная часть диадемы). Представляет собой геральдическую композицию в виде двух фигурок птиц, стоящих у “древа жизни”, прорастающего птичьими головами и тамгообразным знаком. Пластина окаймлена ребристым кантом. Размеры пластины: 9,5 × 5,5 см. Проба 583°. ГМВ 2413 М-IV (рис. 69, 2; цв. вкл., рис. 18, 1).
263. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры – 0,9 × 0,8 см (см. цв. вкл., рис. 23, 29).
264. Округлая бусинка бирюзового стекла. Диаметр – 0,6 см (цв. вкл., рис. 25, 19).
265. Золотая подвеска амфоровидной формы. Высота – 1 см. Проба 600°. ГМВ 2390 М-IV (рис. 71, 6; цв. вкл., рис. 16, 1д).
266. Мелкий фрагмент золотой нашивной бляшки.
267. Фрагмент золотой пластины (два завитка) – каймы диадемы в виде “бегущей волны” на ребристом канте. Размер – 2,5 × 2 см. Проба 500°. ГМВ 2405 М-IV (рис. 69, 13; цв. вкл., рис. 18, 1).
268. Фрагмент золотой пластины (два завитка) – каймы диадемы в виде “бегущей волны” на

- ребристом канте. Размеры – 2,5 × 2,5 см. Проба 500°. ГМВ 2406 М-IV (рис. 69, 15; цв. вкл., рис. 18, 1).
269. Фрагмент терракотовой конической пронизки со следами золочения. Длина – 1,5 см. Максимальный диаметр – 0,4 см (см. цв. вкл., рис. 23, 4).
270. Четыре мелких фрагмента золотой фольги. Форма не восстанавливается (рис. 71, 31).
271. Фрагмент терракотовой пронизки со следами золочения. Длина – 0,8 см. Диаметр – 0,3 см (см. цв. вкл., рис. 23, 6).
272. Фрагмент железного предмета (вероятно наконечник кинжала с прикипевшим окончанием ножен). Длина – 4,8 см (рис. 74, 7).
273. Терракотовая штампованная бусина округлой формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Диаметр – 1 см (см. цв. вкл., рис. 23, 24).
274. Фрагмент ажурной пластины – диадемы в виде двух птичьих головок на ребристом канте. Проба 500°. ГМВ 2388 М-IV (рис. 69, 3; цв. вкл., рис. 18, 1).
275. Золотая пронизка в виде трубочки треугольного сечения. Размер 0,9 × 0,3 см. Проба 400°. ГМВ 2398 М-IV (рис. 71, 32).
276. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры: 1,3 × 1 см (см. цв. вкл., рис. 23, 29).
277. Втулка железного наконечника стрелы.
278. Железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечника – 2,8 см (рис. 76, 18).
279. Мелкие фрагменты серебряного сосуда.
280. Фрагмент ажурной пластины в виде “ов” с трилистниками. Размеры – 1,9 × 1,2 см. Проба 500°. ГМВ 2386 М-IV (рис. 71, 7).
281. Фрагмент бронзовой пластины с железной клепкой. Размер – 1,4 × 1,4 см (рис. 73, 19).
282. Глиняное пряслице конической формы. Высота – 2 см, диаметр – 3,2 см (рис. 79, 7).
283. Мелкий фрагмент бронзовой височной подвески с грибовидным расширением на конце. Длина – 0,7, диаметр – 0,2 см (рис. 77, 27).
284. Фрагменты амфорной керамики.
285. Маленькая терракотовая штампованная бусинка биконической формы с рельефными “жемчужинами” и следами золочения. Размеры – 0,4 × 0,3 см (цв. вкл., рис. 25, 20).
286. Фрагмент железного панциря (три пластины). Размеры – 3,8 × 3,1 см (рис. 74, 12).
287. Мелкие фрагменты серебряного сосуда.
288. Круглая выпуклая золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8 см. Проба 500°. ГМВ 2334 М-IV (рис. 72, 5).
289. Половинка (волота) золотой нашивной бляшки в виде двойной спирали. Диаметр волоты – 1,7 см. Проба 583°. ГМВ 2371 М-IV (рис. 72, 27).
290. Фрагмент золотой пластины – каймы диадемы (?) в виде завитков “бегущей волны” на ребристом канте. Размеры – 2,9 × 1,8 см. Проба 500°. ГМВ 2407 М-IV (рис. 69, 6; цв. вкл., рис. 18, 1).
291. Железная пластина, вероятно от панциря. Размер – 3,7 × 3,3 см (рис. 73, 1).
292. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размер – 1,2 × 1 см (см. цв. вкл., рис. 23, 27).
293. Половинка (волота) золотой нашивной бляшки в виде двойной спирали. Диаметр волоты – 2,9 см. Проба 583°. ГМВ 2372 М-IV (рис. 72, 25).
294. Золотая нашивная бляшка в виде двойной спирали. Длина – 3,5 см; диаметр волот – 1,6 и 1,5 см. Проба 583°. ГМВ 2373 М-IV (рис. 72, 26; цв. вкл., рис. 18, 2).
295. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры: 1,2 × 0,9 см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).
296. Два железных втока копий в виде полых незамкнутых цилиндров. Длина – 9,8 и 7,2 см. Диаметр – 2,3 и 2,4 см (рис. 66, 5).

После снятия верхнего уровня находок стала более явно выявляться деревянная конструкция. Выяснилось также, что она не находится на древнем горизонте, а заглублена в большую прямоугольную яму. По уровню перекрытия этой ямы была проведена зачистка, которая выявила ряд столбовых ямок внутри нее, а также остатки больших деревянных столбов, дерево которых достаточно хорошо сохранились. Ниже мы даем описание уровня перекрытия большой ямы.

Уровень перекрытия большой ямы (глубина 1,20–1,73 м от ЦР; рис. 42; цв. вкл., рис. 5)

При расчистке этого уровня выяснилось, что деревянная “рама” держалась на столбах, находящихся в большой прямоугольной яме. Она была ориентирована длинной осью по линии северо-северо-запад – юго-юго-восток. Ее размеры – 5,1 × 6,7 см. Деревянные дубовые плахи хорошо прослеживались на глубине 1,43–1,54 м на западе конструкции (ширина 25–30 см) и на востоке – на глубине 1,20–1,54 м (ширина – 50–70 см). На юге на глубине 1,24 м прослежены только два фрагмента “рамы” толщиной около 30 см. На севере остатки балки вообще не сохранились.

Над горизонтом уровня “рамы”, по двум ее углам возвышались два мощных столба. Верхушка северо-восточного столба (столб 1) находилась на глубине 0,90 м. Он был сделан из ствола мощного дуба диаметром не менее 70 см. Столб на

юго-западном углу сооружения (столб 2) выявлен на глубине 0,94 м. Его диаметр был не менее полуметра.

Внутри деревянной рамы на глубине 1,52–1,64 м расчищены остатки гальки, на которой находились жертвенные предметы. Так, в северо-восточном углу расчищено большое скопление лепной керамики – очевидно, фрагменты нескольких сероглиняных лепных корчаг. Одна из них имела цилиндрическое горло и отогнутый наружу венчик (рис. 67, 1). Упомянутая выше грабительская яма, прослеженная в северной половине конструкции, оказалась неглубокой. Дно ее находилось несколько ниже уровня гальки на глубине 1,90 м, а ее размеры на этом уровне – 1,40 × 1,50 м. Внутри грабительской ямы обнаружена терракотовая пронизка (2), железный наконечник стрелы, фрагмент железной пластины, а также фрагменты лепной и гончарной красноглиняной керамики.

В северо-западной четверти перекрытия ямы галька была наиболее густой. На ней на этом уровне обнаружены: многочисленные золотые нашивные бляшки (№ 1, 4, 8, 9, 11, 19, 22–24, 27–30, 32, 34); наконечники стрел (5, 6, 13, 36, 37); фрагмент бронзового предмета (7); золотая фольга (12, 31), фрагмент железного перстня (15), фрагменты панцирных пластин (14), фрагмент красноглиняной миски (25), стеклянная и гепировая бусины (16, 26). К северу от галечной вымостки находился фрагмент части диадемы (18).

В южной половине площадки гальки было меньше. Здесь также на глубине 1,50–1,73 м найдены следующие предметы, которые в основном находились вблизи западной балки: фрагмент втулки кошья (38), фрагменты железного панциря (39), терракотовая бусина (41). Вблизи столба 2 найден обломок железного топора (40), очевидно, сломавшегося во время его подтески. Севернее у этой же (западной) балки отмечено еще одно скопление предметов: два терракотовых медальона (49, 50), фрагмент золотой фольги (51), золотая бляшка (52).

При зачистке перекрытия большой ямы – “котлована” в его северо-восточной части обнаружена яма 1, которая по своей конфигурации и размерам не могла быть столбовой (рис. 42). Уровень ее впуска прослежен на глубине 1,58–1,66 м. Она имела овальную форму размерами 1 × 0,7 м и доходила до дна большой ямы – “котлована” – глубины 2,78 м. Заполнение – рыхлая серая супесь.

При разборке заполнения большой ямы были обнаружены столбы, стоящие на дне ямы или несколько в нее заглубленные. Ниже мы даем их описание.

Помимо мощных угловых столбов 1 и 2, выступавших над уровнем древней дневной поверхности, при разборке ямы были обнаружены угловые столбы 3 и 5.

Дубовый столб 3 находился в юго-восточном углу и был заглублен в дно большой ямы. Его диаметр – 30 см. Столб 5 находился в северо-западном углу, его диаметр – 35 см.

Кроме угловых были прослежены и дополнительные столбы, стоявшие вдоль стен ямы и державшие балки перекрытия.

Столб 4 дубовый диаметром 25 см прослежен вблизи юго-восточного угла. Он не был заглублен в дно большой ямы. Из заполнения ямы происходит терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размеры – 1 × 1,1 см (см. цв. вкл., рис. 23, 27).

Столб 6 был прослежен на расстоянии 70 см к югу от углового столба 5 под западной балкой. Его диаметр 40 см. Он не был заглублен в дно большой ямы.

Столб 7. Столбовая яма обнаружена ближе к юго-восточному углу сооружения вблизи столба 1. Эта яма столба, слегка углубленного в дно большой ямы. Она была прослежена с глубины 1,63 м, а основание столба находилось на глубине 3,15 м. Очертания ямы округлые, диаметр 35 см. В нижней части обнаружены фрагменты истлевшего дуба.

Столб 8 обнаружен в юго-восточном углу сооружения. Прослеживался при разборке большой ямы с глубины 1,70–1,80 м. Яма от столба слегка заглублена в дно большой ямы (глубина 2,95 м). Столбовая яма имеет округлые очертания диаметром около 50 см. В нижней ее части обнаружены остатки дерева (дубового столба), а также находки, очевидно, упавшие сверху, когда столб сгнил, – золотая пластинка (43), фрагмент железной пластины панциря (44) и человеческая фаланга (45). Рядом с этой ямой ниже уровня перекрытия большой ямы (глубина 1,99 м) найдены нашивная бляшка (46) и две керамические бусины с позолотой (47, 48).

Столб 9 был прослежен с уровня –1,70 м между стенкой ямы и западной балкой. Его размеры по верху – 25 × 40 см. Он был заглублен на 20 см в дно большой ямы.

Столб 10 прослежен к юго-востоку от столба 9, он слегка заходил под западную балку. Не был заглублен в дно ямы, диаметр около 30 см.

Каталог находок с уровня перекрытия большой ямы и из столбовых ямок

1. Круглая вышуклая золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8 см. Проба 500°. ГМВ 2335 М-IV (рис. 72, 4).
2. Терракотовая пронизка конической формы со следами золочения. Размеры 1,4 × 0,5 см (типа цв. вкл., рис. 23, 4) и гепировая бусина кубической формы. Размер – 0,6 × 0,6 см.
3. Фрагмент (носик) красноглиняного светильника (рис. 80, 1).

4. Круглая выпуклая золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,9 см. Проба 500°. ГМВ 2342 М-IV (рис. 72, 22).
5. Два фрагмента железного наконечника стрелы. Полностью форма и размеры неопределимы (рис. 77, 25).
6. Фрагментированный железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота наконечника – 3,2 см (рис. 78, 1).
7. Фрагмент бронзовой пластины. Размеры – 2,8 × 1,7 см (рис. 77, 26).
8. Фрагментированная нашивная золотая бляшка-личина. Размеры – 1,5 × 1,8 см. Проба 500°. ГМВ 2354 М-IV (рис. 70, 10).
9. Золотая нашивная бляшка-личина. Размеры – 2 × 1,6 см. Проба 583°. ГМВ 2355 М-IV (рис. 70, 11; цв. вкл., рис. 17, 1).
10. Фрагмент бронзового предмета. Не сохранился.
11. Золотая штампованная нашивная бляшка-личина. Размеры – 1,8 × 1,9 см. Проба 583°. ГМВ 2356 М-IV (рис. 70, 12; цв. вкл., рис. 17, 1).
12. Мелкий фрагмент золотой фольги.
13. Фрагментированный железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под прямым углом. Высота наконечника – 2,8 см (рис. 78, 2).
14. Железная чешуйка панциря подпрямоугольной формы со скругленным концом и тремя отверстиями. Размеры – 2,2 × 1,3 см (рис. 73, 6).
15. Фрагментированный железный перстень с овальным щитком. Диаметр – 2,1 см, размер щитка – 1,1 × 1,5 см (рис. 73, 14).
16. Гешировая бусинка кубической формы. Размеры – 0,6 × 0,6 см (см. цв. вкл., рис. 23, 8).
17. Два фрагмента серебряного браслета. Диаметр прута – 0,4 см. Длина фрагментов – 3 и 2,2 см.
18. Фрагмент (два завитка) золотой каймы диадемы в виде “бегущей волны” на ребристом канте. Размеры – 2,5 × 2,2 см. Проба 500°. ГМВ 2408 М-IV (рис. 69, 10; цв. вкл., рис. 18, 1).
19. Ажурная нашивная пальметка. Размеры – 2,4 × 2,3 см. Проба 583°. ГМВ 2399 М-IV (рис. 71, 3; цв. вкл., рис. 16, 2б).
20. Гешировая бусинка кубической формы. Размер – 0,6 × 0,6 см (см. цв. вкл., рис. 23, 8).
21. Кольцевидная бусина коричневого глухого стекла. Размер – 1 × 0,5 см (цв. вкл., рис. 25, 21).
22. Три круглые выпуклые золотые бляшки с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8 см. Проба 583°. ГМВ 2411 М-IV (рис. 72, 16).
23. Три круглые золотые бляшки с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8–1 см. Проба 583°. ГМВ 2336, 2337 М-IV (рис. 72, 17).
24. Фрагмент ребристого канта золотой пластины, окаймляющей диадему. Длина – 1,5 × 4 см (рис. 71, 28).
25. Венчик красноглиняной мисочки (вазочки?). Венчик загнут внутрь. Размеры не восстанавливаются (рис. 80, 2).
26. Округлая бусина синего стекла. Диаметр – 0,7 см (цв. вкл., рис. 23, 19).
27. Три круглые золотые бляшки с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8–1 см. Проба 583°. ГМВ 2338 М-IV (рис. 72, 18).
28. Три круглые золотые бляшки с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8–0,9 см. Проба 500°. ГМВ 2339 М-IV (рис. 72, 19).
29. Фрагменты золотой ажурной пластины с пальметтами и ребристым кантом. Длина фрагмента около 2,5 см. (рис. 71, 15; цв. вкл., рис. 16, 2а).
30. Круглая золотая бляшка с двумя отверстиями для пришивания. Диаметр – 0,8 см. Проба 583°. ГМВ 2340 М-IV (рис. 72, 20).
31. Фрагмент золотой пластинки. Размер – 1,4 × 0,6 см (рис. 71, 26).
32. Золотая нашивная бляшка-личина. Часть верхнего края утрачена. Размеры – 2 × 1,6 см. Проба 500°. ГМВ 2357 М-IV (рис. 70, 13).
33. Золотая нашивная бляшка в виде хищной птицы, обращенной вправо. Нижняя часть тулова и лапы имеют форму пальметты. Размеры – 3 × 2,2 см. Проба 650°. ГМВ 2378 М-IV (рис. 70, 19; цв. вкл., рис. 17, 2а).
34. Золотая нашивная бляшка-личина. Размеры – 1,8 × 1,8 см. Проба 500°. ГМВ 2358 М-IV (рис. 70, 14; цв. вкл., рис. 17, 1).
35. Фрагмент золоченой терракотовой пронизки. Размеры – 0,8 × 0,3 см.
36. Железные наконечники стрел – 10 целых и множество фрагментов, трехлопастные втульчатые с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом. Высота целых наконечников – 2,8–3,8 (рис. 78, 3–5).
37. Железные втульчатые наконечники стрел с треугольной головкой и срезанными под тупым углом лопастями. Два целых и фрагменты. Длина 2,6 и 3,2 см (рис. 77, 6).
38. Фрагмент втулки железного наконечника копья либо втока. Длина – 7,1 см, диаметр – 2,3 см (рис. 74, 4).
39. Фрагменты железного панциря. Форма и размеры пластин не восстанавливаются.
40. Фрагмент рабочей части железного топора. Имеет треугольное сечение (рис. 74, 11).
41. Терракотовая бусина яйцевидной формы со следами золочения. Размеры – 1,2 × 0,9 см (см. цв. вкл., рис. 23, 23).

42. Фрагмент клинка однолезвийного железного меча или кинжала. Длина — 12,5 см. Ширина клинка — 3 см (рис. 74, 1).
 43. Фрагменты золотой пластинки. Не сохранились.
 44. Фрагменты железной пластины (от панциря?). Размеры — 3,5 × 2,1 см (рис. 73, 2).
 45. Кость фаланги пальца человека.
 46. Золотая нашивная бляшка-личина. Размеры — 1,6 × 2 см. Проба 583°. ГМВ 2361 М-IV (рис. 70, 17; цв. вкл., рис. 17, 1).
 47. Терракотовая штампованная бусина биконической формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения. Размер — 0,9 × 0,8 см (см. цв. вкл., рис. 23, 27).
 48. Маленькая терракотовая штампованная бусинка биконической формы с рельефными “жемчужинами” и следами золочения. Размеры — 0,3 × 0,4 см (цв. вкл., рис. 25, 22).
 49. Фрагменты терракотового штампованного медальона, аналогичного № 50.
 50. Терракотовый штампованный медальон с изображением женского лица в “рогатом” венке. По краю “жемчужины”. Лицевая и обратная стороны имеют следы позолоты. Медальон имеет петельку для подвешивания. Диаметр — 1,2 см (рис. 68, 4; цв. вкл., рис. 21, 1).
 51. Мелкие фрагменты золотой фольги.
 52. Золотая нашивная бляшка-личина. Размеры — 1,8 × 1,5 см. Проба 500°. ГМВ 2410 М-IV (рис. 70, 18).
 53. Фрагменты железного пластинчатого панциря из пластин прямоугольной формы. Размеры наиболее крупной — 4,3 × 3,8 см.
- Кроме того, при расчистке верхнего уровня центральной конструкции и уровня перекрытия ямы были обнаружены следующие находки, точное местоположение которых не удалось зафиксировать.
1. Две круглые нашивные бляшки с двумя отверстиями для пришивания. Диаметры — 1,9 и 1,8 см. Проба 500°. ГМВ 2341 М-IV (рис. 72, 21).
 2. Две нашивные бляшки-личины. Размеры — 1,7 × 1,9 и 1,7 × 1,9. Проба 583°. ГМВ 2359 М-IV (рис. 70, 15, 16; цв. вкл., рис. 17, 1).
 3. Бляшка в виде двойной спирали. Диаметр воллот — 1,7 см. Проба 583°. ГМВ 2361 М-IV (рис. 72, 33; цв. вкл., рис. 18, 2).
 4. Фрагмент золотой фольги. Форма не восстанавливается. Размеры — 1,3 × 0,5 см (рис. 71, 27).
 5. Фрагмент золотой фольги (диадемы?). Размеры — 0,9 × 0,7 см (рис. 71, 34).
 6. Гешировая бусинка кубической формы. Размеры — 0,7 × 0,7 см (см. цв. вкл., рис. 23, 8).
 7. Маленькая биконическая бусина из штампованной терракоты с “жемчужинами”. Размеры — 0,5 × 0,3 см (см. цв. вкл., рис. 25, 20).
 8. Коническая терракотовая пронизка со следами золочения. Размеры — 1,4 × 0,5 см (цв. вкл., рис. 23, 7).
 9. Гешировая бусина округлой формы. Диаметр — 0,5 см.
 10. Гешировая бусинка бочонковидной формы. Размеры — 0,7 × 0,6 см (цв. вкл., рис. 25, 18).
 11. Терракотовые бусины яйцевидной формы со следами золочения. Размеры: 1,1 × 0,9 см; 1,2 × 0,9; 1,2 × 0,9 см (см. цв. вкл., рис. 23, 23, 26, 29).
 12. Терракотовые штампованные бусины округлой формы, с имитацией скани (спирали) и зерни (жемчужины) и остатками золочения (см. цв. вкл., рис. 23, 15, 24).
 13. Фрагментированный железный трехлопастный втульчатый наконечник стрелы с треугольным контуром головки. Лопасты срезаны под тупым углом.
 14. Фрагмент железного клинка кинжала (рис. 74, 8).
 15. Фрагмент терракотового медальона (рис. 68, 3).
 16. Фрагмент железного ножа.
 17. Железные втульчатые наконечники стрел (рис. 78, 7–14, 16).
 18. Фрагменты бронзовых и железных панцирных пластин (рис. 73, 8; 74, 10).
 19. Стеклянная сдвоенная бусина (цв. вкл., рис. 23, 10).
 20. Кольцевидная бусина синего стекла (цв. вкл., рис. 23, 13).
 21. Маленькая бусинка белого прозрачного стекла (цв. вкл., рис. 23, 14).
 22. Большая стеклянная фрагментированная бусина синего стекла с белыми глазками (цв. вкл., рис. 23, 16).
 23. Фрагменты стеклянного медальона с односторонним рисунком накладной краской (женская головка?). Диаметр медальона около 4 см. (цв. вкл., рис. 21, 2).

Большая яма-“котлован”. (рис. 43, цв. вкл., рис. 7)

Выборка заполнения ямы-“котлована” производилась с оставлением разрезов-бровок, по которым удалось проследить характер заполнения ямы. Таких профилей два: разрез В-В' (рис. 44) и С-С' (рис. 45).

В разрезе ямы-“котлована” В-В', по линии север — юг (рис. 44) в верхнем слое, находящемся сразу под галькой, заполнение ямы состояло из серого однородного суглинка. По краям его мощность была 10–15 см, а в средней части углубления доходила до 80 см. Слой суглинка подстилал натечный слой сероватой глины с белесыми карбонатными включениями. Он был более тонкий в

середине ямы (25–30 см) и более мощный на периферии (50–70 см). На дне ямы прослежен слой серо-коричневого суглинка, который “западал” с южной стенки ямы, – вероятно, первоначальная переотложенная материковая засыпка. Его мощность – 10–30 см в северной части ямы. Ниша (№ IV на плане) была сверху донизу заполнена серо-коричневым суглинком.

В разрезе ямы С–С' по линии запад – восток (рис. 45) в верхней части под слоем гальки также прослежен серый однородный суглинок. В западной части разреза он доходил до дна ямы. Здесь же проходил деревянный столб. Остатки дерева прослежены только в верхней части, однако там, где он проходил, грунт был более рыхлый. Под слоем серого суглинка находился слой сероватой глины с карбонатными белыми включениями – натека, который здесь западал с восточной стенки. Его мощность в разных частях ямы 25–70 см.

В центре и восточной части разреза видно, что его подстилал серо-коричневый суглинок, западавший с восточной стенки: очевидно слой первоначальной засыпки ямы-“котлована”. На него легла рухнувшая балка перекрытия всего сооружения.

После зачистки большой ямы-“котлована” до дна (примерно от глубины 1,48 до 2,8 м) и выборки его заполнения на нижнем уровне (рис. 43) была выявлена следующая картина.

Большое подпрямоугольное углубление со скошенными стенками было вырыто в материке с уровня древнего горизонта (глубина 1,50 м) и имело почти квадратную форму. Ориентировка его стенок была по сторонам света, со смещением около 20°. Размеры – 5,8 × 5,7 м. Однако поскольку северная стенка имела углубления – ниши, ось север – юг оказалась длиннее (на глубину ниши – 1 м). Дно ямы-“котлована” прослежено на глубине 2,67–2,80 м. Поверхность дна – светлая материковая глина с темными пятнами и карбонатными включениями.

На дне ямы по углам имелись углубления. Углубление подтреугольной формы размерами 2 × 1,6 м и глубиной около 20 см прослежено в юго-восточном углу (Яма I). Внутри этого углубления выявлены углубленные на 20–25 см ямки от столбов 3 и 8.

Углубление (Яма II), прослеженное в юго-западном углу, имело подовальную форму и также было на 13–15 см ниже дна ямы. Здесь прослежены ямки от столбов 1 и 7.

У западной стенки сооружения, приблизительно у ее середины, также прослежено углубление округлой формы глубиной 10–13 см (рис. 43, яма III). Здесь был вырыт столб 10 (см. рис. 42).

В северо-западном углу обнаружена округлая ямка от столба 5 (яма V). Ее диаметр – около 50 см, а глубина 30 см (рис. 46).

В центре северной стены прослежено углубление – ниша-“апсида” округлой формы диаметром около 1 м. Ее дно было выше уровня дна большой ямы-“котлована” примерно на 30 см (рис. 43, яма IV).

Северо-восточный угол сооружения выделялся округлым выступом диаметром 1,1 м. Глубина его дна была одинакова с дном в центре “котлована”. Здесь, ближе к западному краю находилась ямка от основания столба 1 диаметром 40 см (см. рис. 42).

На дне ямы и в заполнении отсутствовали какие-либо свидетельства ритуальных действий. Вещи, найденные в верхнем слое заполнения большой ямы и ямок столбов, скорее всего попали туда сверху при разрушении деревянной конструкции.

Таким образом, судя по конструкции сооружения, характеру находок, их расположению, отсутствию человеческих останков (за исключением фаланги пальца, найденной в одной из столбовых ямок), курган 2 следует отнести к культовым памятникам – святилищам. Памятник интересен тем, что впервые в святилище обнаружена такая конструктивная деталь, как большая яма-“котлован”, что до сего времени не было известно. Однако в самой яме ритуальные действия не совершались.

В целом же можно предположить следующую последовательность сооружения святилища под курганом 2.

Первоначально была вырыта яма-“котлован”, в который разместили несущую столбовую конструкцию. После установки массивных столбов яма была вновь засыпана. Выступающие из “котлована” столбы держали деревянный каркас-раму, служившую основой камышового перекрытия. Верх заполнения “котлована” был выложен галькой, на которой и совершались ритуальные действия. Сюда были положены многочисленные предметы, причем некоторые из них специально портили согласно ритуалу.

Очевидно, после сооружения ямы было совершено жертвоприношение жеребенка либо бычка (КЖ-2). Об этом свидетельствует факт перекрытия его слоем камыша. После этого центральное сооружение было перекрыто камышом, который частично покрывал и деревянную конструкцию святилища. Важно отметить, что камыш на своей периферии лежал не на специально подготовленной площадке, а прямо на древней дневной поверхности (травяном покрове). Это удалось проследить благодаря исследованию нижнего уровня камышового слоя.

Одновременно или несколько позже сооружения деревянной конструкции была вырыта конская могила, куда поместили принесенных в жертву лошадей и быков (коров). Могила животных была перекрыта дубовыми плахами, поверх которых также совершались жертвоприношения.

Важным в ритуальном отношении, видимо, являлись южная и юго-восточная части перекрытия. Здесь были найдены особо почитаемые высокохудожественные бронзовые культовые предметы – навершия. Рядом, на специальном деревянном помосте, идущем от перекрытия конской могилы к центру кургана, находился целый комплекс ритуальных предметов – пояс, чаша с

золотыми накладками, колчан, наконечники копий. Возможно, данные приношения были более поздними, так как под этим помостом прослежен камыш, перекрывавший центральное сооружение культового места. Представляется, что одним из наиболее поздних ритуалов было жертвоприношение лошадей и быков в северо-западном секторе кургана (КЖ-1).

КУРГАН 3

Центр этого кургана находился на расстоянии 95 м к северу от автодороги Усть-Лабинск – Курганинск (рис. 2). Насыпь кургана сильно распахана, поверхность по цвету отличается от окружающего чернозема. Диаметр кургана на поверхности был около 30 м. Курган сильно поврежден распашкой и в связи с этим имел расплывчатые очертания. Высота кургана с юга – около 0,2 м, с востока – 0,35 м, с запада – 0,5 м, с севера (там, где идет общее понижение рельефа) – 0,8 м. Но скорее всего и до распашки курган был невысоким.

Исследование кургана проведено в 2002 г. при помощи землеройной техники. Были заложены две параллельные траншеи, ориентированные по линии север – юг, с оставлением центральной бровки шириной около 1 м (рис. 81).

В южной поле кургана на расстоянии 7 м от ЦР обнаружена охранная лента оптоволоконного кабеля, проложенного вопреки согласованному проекту поздней осенью 2001 г. После обнаружения ленты были вызваны представители Кубаньтелекома, составлен акт и информирован Комитет по охране историко-культурного наследия Краснодарского края. В связи с этим фактом южная поля кургана целиком вскрыта не была.

Описание разрезов

Восточный фас (рис. 82). Пахотный черноземный слой достигал 50–70 см. Под ним находился слой сероватого суглинка мощностью 0,1–1 м. К северу от центрального репера (ЦР) его мощность на небольшом участке достигала 1,5 м. Очевидно, это утолщение серого слоя было связано с процессами разложения органики на ритуальной площадке. Под этим слоем находился материк, представленный светлой глиной. Четкий погребенный дерн не прослеживался.

Западный фас (рис. 83). В разрезе западного фаса бровки прослеживалась аналогичная ситуация, что и в восточном фаса, за исключением того, что понижение темного-серого слоя в районе центрального репера здесь не обнаружено.

На уровне древнего горизонта и в слое насыпи были обнаружены следующие культурные остатки.

В северо-восточной части насыпи на глубине 47 см от вершины кургана выявлены две бронзовые уздечные бляшки (1, 2) и бронзовая ворворка (3).

1. Бронзовая бляшка с округлым уплощенным щитком, имеющим отверстие овальной формы в центре и петлю на обороте. Часть щитка утрачена. Диаметр бляшки – 2,6 см (рис. 87, 2).
2. Округлая выпуклая бляшка с округлым отверстием в центре без петли. Диаметр – 2,8 см (рис. 87, 3).
3. Бронзовая ворворка усеченно-биконической формы. Диаметр – 1,5 см (рис. 87, 1).

Скопление I (СК-1) (рис. 84). На глубине 0,26 м от ЦР в юго-восточном секторе кургана выявлены фрагменты красноглиняной остродонной амфоры, зубы и отдельные кости лошади⁷.

Кости животного 1 (КЖ-1).

Кости сочленения ноги лошади. Расчищено в юго-западном секторе кургана на глубине 0,66 м от ЦР и могло относиться к жертвоприношению, совершенному на ритуальной площадке, хотя находилось на расстоянии 1,5 м к югу от ее предполагаемого края.

Кости животного 2 (КЖ-2) (рис. 85).

Обнаружены на глубине 0,67–0,71 м от ЦР также в юго-западном секторе кургана, однако на значительном расстоянии от основных жертвоприношений на ритуальной площадке. Состояло из фрагментов костей конечностей и неполных аркад верхних и нижних зубов коровы (быка), а также костей осевого скелета лошади.

Ритуальный комплекс (рис. 86)

Обнаружен в центре кургана (глубина 0,52–0,8 м от ЦР) и представлял собой скопление костей животных: лошадей, козы/овцы, быков, а также битой посуды и других культурных остатков.

⁷Здесь и ниже остеологические определения Ю.Н. Спасовского.

По конфигурации это ритуальное скопление размерами 6 × 5 м имело подпрямоугольную форму, ориентированную длинной осью по направлению северо-восток – юго-запад.

Среди битой посуды определяются фрагменты нескольких сосудов: красноглиняной амфоры (1), фрагменты крупного сероглиняного гончарного сосуда (типа пифоса) (2), фрагменты лепного горшка (3), а также фрагменты гончарной желтоглиняной керамики (4).

Кроме этого по ритуальной площадке были разбросаны фрагменты бронзовых и железных панцирных пластин (5, 6). В центре скопления к северу от центра кургана обнаружена золотая бляшка (7), а у северной оконечности ритуального комплекса – наконечник дротика (8). В северо-восточной оконечности ритуального комплекса на глубине 68–76 см обнаружены остатки двух черепов лошади с уздой, а северо-восточнее – кости конских конечностей – конское погребение 1 (рис. 86). Среди костей черепов лошадей обнаружены: бронзовый наносник (9), пять бронзовых уздечных бляшек (10), бронзовая пронизка (11) и ворворка (12). Кроме этого, среди конских зубов обнаружены фрагменты биметаллических псалиев (13) и двух пар удиц (14).

Среди костей ритуального комплекса, приблизительно в центре, выявлен зуб и кости черепной крышки человека.

1. Фрагменты красноглиняной амфоры, предположительно кийской (рис. 88, 2а-в).
2. Фрагменты сероглиняной керамики от следующих сосудов:
 - А. Крупного гончарного толстостенного сосуда с округлым туловом и толстым дном. По плечикам проходит орнамент в виде валика с пальцевыми зацепами. Максимальный диаметр тулова – 40 см (рис. 88, 4).
 - В. Фрагменты сероглиняной гончарной мисочки на кольцевом поддоне с усеченно-коническим туловом и загнутым внутрь венчиком, подчеркнутым желобком (рис. 88, 5).
3. Фрагменты лепного толстостенного сосуда, форма которого не восстанавливается.
4. Фрагменты гончарного желтоглиняного тонкостенного сосуда – кувшинчика либо кубка (рис. 88, 3).
5. Фрагменты мелких бронзовых пластин, вероятно панцирных. Форма полностью не восстанавливается.
6. Фрагменты тонких железных пластин, вероятно, от панциря. Размеры наиболее крупных – 3,4 × 2,8; 4 × 2; 2,9 × 2,7 см. (рис. 87, 7).
7. Золотая бляшка в виде головы Медузы (без языка). В районе глаз имеются два отверстия для пришивания. Размеры бляшки – 1 × 1,1 см (рис. 87, 5).

8. Стержень железного дротика. Длина – 19,5 см, максимальный диаметр втулки – 2,2 см (рис. 87, 11).
9. Бронзовый наносник в виде стилизованной головы оленя, имеющий петлю для крепления к ремню. Размеры 4,6 × 1,6 см (рис. 89, 3).
10. Пять выпуклых бляшек округлой формы с петлей на обороте. Диаметры – 2,9; 2,6; 1,8; 1,9; 2,1 см (рис. 89, 1, 2, 7, 8, 11).
11. Пронизка цилиндрической формы из бронзовой пластины. Диаметр – 1,1 см (рис. 89, 12).
12. Ворворка усеченно-конической формы. Высота – 1,2 см. Максимальный диаметр – 1,4 см (рис. 89, 6).
13. Фрагменты двух разнотипных биметаллических псалиев.
 - Псалий двудырчатый S-видной формы с сохранившейся центральной железной частью. Окончания псалия – бронзовые, имеют по два рельефных валика на концах. Длина этих бронзовых приливов – 6,2 и 6,3 см (рис. 89, 4).
 - Фрагмент биметаллического железного псалия S-видной формы с бронзовым шариком на концах. Длина фрагмента – 5,2 см (рис. 89, 9).
14. Фрагменты двух пар железных петельчатых удиц со строгими крестовидными насадками. Длина фрагментов – 8–11 см (рис. 89, 5, 10).

Таким образом, скопление, находящееся в центре кургана, может быть интерпретировано как подкурганый ритуальный комплекс – святилище, расположенное на древнем горизонте. Оно находит близкие аналогии среди святилищ Уляпского некрополя и может быть отнесено к меотским святилищам первого вида, представляющим собой скопление костей жертвенных животных (иногда и человека) под небольшой насыпью вне какой-либо системы (Эрлих, 2001. С. 116).

Грунтовый могильник

Как уже указывалось выше, исследованные нами курганы-святилища были расположены на территории грунтового могильника. Погребения этого могильника были выявлены в 2000 г., в первый год работ на некрополе городища.

К северу от кургана-святилища 1, за пределами выявленной насыпи кургана было обнаружено и исследовано два погребения (рис. 4).

Погребение 1/2000 г. (рис. 91, 1) обнаружено на расстоянии 10 м к северу от ЦР кургана на глубине 1,72 м. Погребенный (мужчина 20–29 лет)⁸ лежал в вытянутом положении на спине головой на юг с большим отклонением к востоку. Правая рука

⁸Определения антрополога д-ра ист. наук М.В. Медниковой.

вытянута вдоль туловища, левая – не сохранилась. Кости ног лежат параллельно друг другу. Слева от погребенного на уровне коленей расчищен развал лепного горшка (1). Из этого же погребения происходит железный наконечник кося (2), лежавший предположительно за головой погребенного.

1. Развал лепного чернильного горшка. Полностью форма и размеры не восстанавливаются.
2. Наконечник кося железный. Перо узкое остролистой формы, без выделенного ребра, переходящее в слабо расширяющуюся книзу втулку. Длина наконечника – 23,5 см. Максимальная ширина пера – 2,5 см (рис. 91, 2).

Погребение 2/2000 г. (рис. 91, 3–5; цв. вкл., рис. 6, 2) обнаружено на расстоянии 9,5 м к северу-северо-западу от ЦР кургана на глубине 2,03 м. Погребенный (мужчина 30–34 лет) лежал в вытянутом положении на спине головой на юг с небольшим отклонением к востоку. Череп слегка повернут влево. Руки вытянуты вдоль тела. Кости ног сближены в коленях. Справа от погребенного, вдоль правой руки лежал железный меч (1). На уровне ног справа расчищен развал амфоры (2) и кости животного, среди которых обнаружены две бусины (3). Кости животного находились между коленей погребенного.

1. Железный меотский меч. Навершие подпрямоугольной формы отковано из одного куска железа вместе с рукоятью. Переход от рукояти к основанию клинка под тупым углом. Клинок имеет форму вытянутого прямоугольника. На клинке сохранились следы деревянных ножен. Длина меча – 56 см. Ширина основания клинка – 4,8 см (рис. 91, 4).
2. Остродонная амфора бежевой глины с биконическим туловом, ручки овальные в сечении⁹, тесто имеет редкие включения слюды. Горло и венчик сосуда не сохранились. Максимальный диаметр тулова – 25,5 см (рис. 91, 5).
3. Две бусины цилиндрической и округлой формы. Полностью иризованы и не сохранились.

В 2002 г. в целях проверки гипотезы о том, что курганы на некрополе Тенгинского городища II являются своеобразными святилищами-храмами, расположенными на грунтовой могильнике, нами была заложена рекогносцировочная траншея в междурядном пространстве к югу от кургана 3 и к северу от курганов 1 и 2. Длина траншеи около 38 м, ширина – 5 м. Траншея вскрывалась при помощи бульдозера (рис. 90).

В раскопе выявлено пять погребений. Привязка погребений производилась к линии колов, находящихся у северного борта, причем за реперный кол был выбран крайний – восточный. От него измерялись все глубины.

Погребение 1/2002 г. (рис. 90; 92, 1–4; цв. вкл., рис. 7, 2) обнаружено на расстоянии 33 м к

востоку от R в северном борте траншеи, для чего была сделана врезка. Погребенный мужчина лежал в вытянутом положении головой на юг на глубине 1,5–1,57 м. Правая рука вытянута, левая слегка согнута в локте, череп повернут вправо (рис. 92, 1). У левого плеча обнаружены два наконечника кося (1, 2). У левой ноги – железный меотский меч (3). В ногах погребенного справа обнаружен развал крушовой лепной корчаги (4). Также справа находились и кости мелкого рогатого скота.

1. Железный наконечник кося с пером остролисто-ромбической формы и длинной конической втулкой. Длина наконечника – 33 см, длина пера – 17 см (рис. 92, 2).
2. Железный наконечник кося с пером остролистой формы и длинной конической втулкой. Длина наконечника кося 32 см, длина пера 18 см (рис. 92, 3).
3. Железный меотский меч с цельнокованным навершием брусковидной формы и переходом рукояти к клинку под углом, близким к прямому. Клинок линзовидный в сечении имеет форму в виде вытянутого прямоугольника. Общая длина меча – 59 см. Длина клинка – 49 см (рис. 92, 4).
4. Фрагменты сероглиняной лепной корчаги, форма и размеры которой полностью не восстанавливаются.

Погребение 2 (рис. 90; 93, 1, 2) обнаружено в западной части траншеи, на расстоянии 10 м к юго-востоку от R кургана на глубине 1,06–1,10 м. Костяк сохранился плохо. Судя по сохранившимся костям, погребенный лежал в скорченном положении на правом боку, головой на юг. За черепом обнаружены фрагменты лепного сосуда (1) и железный наконечник кося (2).

1. Фрагменты лепного сероглиняного горшка из грубого котлового теста. Диаметр дна – 9,5 см. Остальные размеры не восстанавливаются.
2. Железный наконечник кося с вытянутым пером остролистой формы, линзовидным в сечении, и цилиндрической втулкой. Кончик пера обломан. Длина наконечника кося – 28 см. Длина втулки – 11 см (рис. 93, 2).

Погребение 3 (рис. 90; 93, 3) обнаружено на глубине 1,03 м на расстоянии 16 м к юго-востоку от R. Представляло собой отдельные кости черепа ребенка.

Погребение 4 (рис. 90; 94, 1) обнаружено в западной части раскопа на глубине 1,26–1,30 м на расстоянии 13,5 м к востоку-юго-востоку от R. Судя по костям, очень плохой сохранности погребенная женщина была ориентирована головой на юг. Поза не прослеживается. За костями черепа погребенной обнаружены фрагменты лепного горшочка (1). В ногах справа находились развалы крупного лепного сосуда (2) и гончарного кубка (3). Справа от костей погребенного расчищен железный нож (4) и кости животного. В районе черепа слева к западу от него и к северу обнаружены стеклянные бусы (5).

⁹ По определению А.А. Мальшева, Фисос или круга Фисоса – “мурниголь”.

1. Фрагменты лепного горшочка. Форма и размеры не восстанавливаются.
2. Развал крупного корчагообразного сосуда с высоким слаборасширяющимся горлом и отогнутым наружу венчиком. Диаметр по краю – 10 см, диаметр дна – 14 см; тулова – около 23 см (рис. 94, 10).
3. Гончарный кубок на низком кольцевом поддоне. Нижняя часть – биконическая, верхняя имеет раструбообразное расширение. Сосуд имел ручку, крепящуюся одним концом к верхней части тулова, к нижнему перегибу профиля сосуда. Высота сосуда – 12,3 см; диаметр поддона – 5,1 см; диаметр тулова – 9 см; диаметр по краю – 8,8 см (рис. 94, 9).
4. Фрагмент (черешок и часть лезвия) железного ножа. Сохранившиеся размеры – 4 × 1,5 см (рис. 94, 8).
5. Бусы темно-коричневого, почти черного непрозрачного стекла следующих разновидностей:

- четыре бусины округлой формы. Диаметр – 0,8–0,9 см (рис. 94, 2, 4).
- три бусины кольцевидной формы. Размеры – 0,6 × 0,3 см; 0,7 × 0,2 см (рис. 94, 5, 7).
- одна бусина цилиндрической формы. Размеры 0,7 × 0,6 см (рис. 94, 3).

Погребение 5 (рис. 90, 95) обнаружено в западной части раскопа на глубине 0,97–1,0 м на расстоянии 11,3 м к юго-востоку от R. Представляло собой отдельные кости черепа и конечностей ребенка. В полуметре к северу от них находился развал лепного сосуда. Форма и размеры последнего не восстанавливаются.

Таким образом, в 2000 и 2002 гг. на территории грунтового могильника было исследовано 7 погребений, которые составляли вместе с курганами-святилищами единый погребально-культовый ансамбль и, как показал анализ всего материала, представленный в последующих главах, относились к одному временному отрезку.

ХАРАКТЕРИСТИКА И ХРОНОЛОГИЯ ЖЕРТВЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ТЕНГИНСКИХ СВЯТИЛИЩ

Как показали исследования, святилища на территории некрополя Тенгинского городища II отличаются обилием артефактов, принесенных в качестве жертвенных даров. Здесь обнаружено около 1000 самых разнообразных предметов,

принесенных жителями Тенгинского городища в жертву своим богам. Этот жертвенный инвентарь достаточно ярко отражает различные аспекты жизни населения городища и носителей меотской культуры в целом.

КЕРАМИКА

Количество определяемых керамических форм, происходящих из тенгинских святилищ весьма невелико. Это объясняется прежде всего характером самого ритуала, который предполагал порчу всех предметов, символизирующую их "смерть" и принесение в жертву. Керамика представлена как местными формами лепной и круговой посуды, так и привозными изделиями.

Местная керамика

Во всех трех курганах святилища обнаружено большое количество **лепной керамики**. Как правило, это стенки крупных лощеных *тарных сосудов* – корчаг. Развал крупшой корчаги найден при расчистке верхнего ритуального скопления в кургане 2. К сожалению, установить ее форму нам не удалось.

Горло крупшой серо-глиняной корчаги встречено среди скопления керамики в кургане 2 (рис. 96, 1). Судя по ее форме, она может быть отнесена к корчагам первого типа, первого подтипа по схеме Е.А. Бегловой, встречающимся на левобережье Кубани с VII по IV в. до н.э., а возможно и позже. Близкие по форме верхней части корчаги известны в погребении 18, кургана 13 Уляпского могильника, в погребении 198 и погребении 46 кургана 2, Серегинского могильника (Беглова, 1995. С. 36, 37, рис. 3, 2; 4, 3, 4; Лесков и др., 2005. С. 159, рис. 157, 3).

Кухонная керамика представлена фрагментами лепных горшков, из которых можно выделить лишь две формы. Все они происходят из кургана 1 (рис. 97, 3, 4). Это фрагменты венчиков и донышков горшков второго типа по Е.А. Бегловой. По ее мнению, это наиболее распространенный тип горшков в Закубанье для V–IV вв. Аналогии этим сосудам мы находим в погребении 104 Серегинского могильника, погребении 96 Пескупского могильника, в погребении 8, кургана 11 могильника Уляп (Беглова, 1995. С. 48–51, рис. 11, 1–4).

К *лепной столовой керамике* относилась нижняя часть лепной, возможно подработанной на гончарном круге коричнево-глиняной кружки из кургана 2 (рис. 96, 5). Ее тулово украшено ногтевидными наколами. Точные аналогии нам не известны, но по форме и по тому, как низко находится ручка, она близка кружкам из погребений 38 и 36 кургана 2 Серегинского могильника. Последние Е.А. Беглова относит к типу I, варианту лепных округлобких кружек (Беглова, 1995. С. 66, 67, рис. 19, 3, 4).

Лепной крупшой кувшины высотой около 20 см происходит из погребения 4 грунтового могильника из раскопок 2002 г. (рис. 94, 10). Он может быть отнесен ко второму типу лепных кувшинов, по схеме Е.А. Бегловой. Ему близок сосуд из погребения 20 кургана 4, Уляпского могильника, однако тенгинский кувшин более узкогорлый (Беглова, 1995. С. 61–63, рис. 15, 4).

Гончарная керамика. Стенки крупного гончарного сероглиняного сосуда, по-видимому, кувшина

или кувшинообразного сосуда с округлым туловом обнаружены на ритуальной площадке кургана 3 (рис. 88, 4). По стенкам проходит характерный орнамент в виде пальцевых защипов. Подобная орнаментация встречается у меотского лепного сосуда V в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2001. С. 95, рис. 15, 8).

Небольшие гончарные мисочки, сероглиняные и красноглиняные, с диаметром устья около 10 см, условно называемые Е.А.Бегловой гончарными "солонками", встречаются на ритуальных площадках курганов 1 и 2. В кургане 1 обнаружены два венчика округлобоких мисочек с загнутым вовнутрь венчиком (рис. 14, 2, 4), которые можно сопоставить с подтипом 1 первого типа мисок, по схеме Е.А.Бегловой (1995. С. 128, 129). Еще одна "солонка" из этого же кургана (рис. 14, 1) находит близкую аналогию среди гончарной керамики Серегинского могильника (погребение 98) (Беглова, 1995. Рис. 70, 4). Е.А.Беглова отнесла ее ко второму подтипу первого типа своей классификации гончарных круговых мисочек (Беглова, 1995. С. 143). Верхняя часть еще одного сосуда из кургана 1, со скошенным краем и "нависающим" венцом (рис. 14, 3), сопоставима, скорее, с мисками на кольцевом поддоне первого типа подтипа 2 классификации Е.А.Бегловой и находит аналогии с рядом сосудов из Серегинского могильника (Беглова, 1995. Рис. 58, 1-4).

У миниатюрной сероглиняной мисочки-"солонки" из кургана 3 (рис. 88, 5), диаметром 11 см сохранился полный профиль. Сосуд имеет низкий кольцевой поддон, двучастное тулово, нависающий венчик и скошенный край. Точные аналогии нам неизвестны. По форме оформления края эта "солонка" близка мисочке на низком кольцевом поддоне из погребения 54 (1938 г.) Усть-Лабинского могильника, отнесенного Н.В.Анфимовым к третьей хронологической группе (Анфимов, 1951. С. 178, рис. 9, 6). Е.А.Беглова отмечает, что на левом берегу Кубани небольшие гончарные миски-"солонки" появляются в конце V в. до н.э., в то время как на Правобережье Кубани они известны лишь с III в. до н.э. Точное назначение этих сосудов неясно. Например, Н.В.Анфимов отмечал, что в Усть-Лабинском могильнике в подобных мисочках встречались румяна и кусочки реалъгара (Анфимов, 1951. С. 177).

Гончарные кубки встречаются во всех трех курганах и грунтовой могильнике. Три сосуда имеют полный профиль. Два красноглиняных кубка на низком кольцевом поддоне происходят из курганов 1 и 2. Они тонкостенные, из хорошо отмученной глины; по перегибу профиля, в средней части тулова и на венчике сохранились полосы бурого лака (рис. 97, 2, 3). Кубок из кургана 1 был найден на ритуальной площадке (скопление 1). Он с утраченной ручкой, его высота 9 см (рис. 97, 3). Более миниатюрный кубок из курга-

на 2 (высота 6,7 см) имеет подпрямоугольную в сечении ручку (рис. 97, 2; цв. вкл., рис. 21, 3а).

Кубок такой же формы, но сероглиняный, найден в погребении 4 грунтового могильника (2002 г.). Его высота 12 см (рис. 97, 4). Все кубки соответствуют типу III круговых кубков, по классификации Е.А.Бегловой, и встречаются в Серегинском (погребение 80, 86, курган 2, погребение 8) и Уляпском могильниках (курган 4, погребение 19) (Беглова, 1995. С. 125, рис. 55; Лесков и др., 2005. С. 95, рис. 12, 9). Среди сосудов этого типа преобладают серо-глиняные формы, в то же время имеются два красноглиняных сосуда, украшенных полосками бурого лака. Исследовательница отмечает, что аналогии таким сосудам в Правобережье Кубани ей не известны (Беглова, 1995. С. 126). Не встречается эта форма и на Боспоре. Нам кажется, что красноглиняные кубки с полосками лака, как и ряд другой красноглиняной керамики с лаковым покрытием (миски, вазочки и др.), которые появляются в Закубанье в раннеселистическое время, являются импортами из какого-то пока не установленного (предположительно малоазийского) центра, по которым местные гончары делали сероглиняные копии.

Верхняя часть тонкостенного красноглиняного кубка обнаружена и на ритуальной площадке кургана 3 (рис. 97, 1). По имеющемуся фрагменту, его предположительно можно отнести к этому же типу кубков.

Гончарные вазочки встречаются только на ритуальной площадке кургана 2. У обеих вазочек утрачены конические ножки. Одна из них, красноглиняная чашечка диаметром 9,7 см, имеет внутри две полосы красного лака (рис. 98, 1). Она чрезвычайно близка красноглиняной вазочке с полосками лака, происходящей из погребения 29, кургана 4 могильника Уляп. У последней сохранился лак и на венчике сосуда (Лесков и др. 2005. С. 13, 101, рис. 21, 7). Е.А.Беглова относит эту вазочку к подтипу 1 второго типа своей классификации гончарных вазочек. Как отмечает исследовательница, среди вазочек этого типа преобладают красноглиняные (Беглова, 1995. С. 135-136, рис. 62).

Вторая вазочка из кургана 2 – сероглиняная. Диаметр ее чашечки – 12 см. Венчик имеет внутренний бортик, а по верхней части тулова проходят два желобка (рис. 67, 4). По схеме Е.А.Бегловой эту вазочку можно отнести к типу 3. Однако точных аналогий ей не имеется (Беглова, 1995. С. 137, рис. 64). Назначение вазочек как культовых сосудов-курильниц наиболее вероятно. Во всяком случае, в Северном Причерноморье эта форма культового сосуда – чашечки на высоком коническом поддоне – существует с V в. до н.э. до позднеримского времени (Зайцева, 1997. С. 38-53; 2000. С. 68-93).

Красноглиняный гончарный мортар (лутерий) обнаружен на ритуальной площадке кургана 1.

Его максимальный диаметр (без ручек) – 28 см, высота – 9, 5 см. Сосуд имеет две горизонтальных ручки с шестью прямоугольными углублениями и желобчатый край (рис. 98, 2). Очевидно, к нему относится и канцелированная красноглиняная крышка с усеченно-конической ручкой (рис. 14, 7). Полные аналогии этому сосуду нам не известны.

Столовая и туалетная посуда аттического производства

1. Фрагменты крупного расписного краснофигурного сосуда – пелики “керченского стиля” были встречены в кургане 1. На ней сохранились остатки росписи предположительно вакхического содержания, расположенной между двух фризов из “ов”. Еще один фриз проходит по венчику сосуда (рис. 10). Подобные аттические сосуды появляются на Боспоре в конце V – начале IV в. до н.э. и бытуют на протяжении всего IV в. до н.э. (Кобылина, 1951. С. 137). Однако по ряду признаков этот сосуд можно отнести к краснофигурным вазам так называемого позднеклассического II периода и датировать второй половиной IV в. до н.э. (Boardman, 1989. P. 190–193, fig. 407–412).

2. Среди фрагментов импортных сосудов имелась нижняя часть чернолаковой мисочки (рис. 11, 2), которая сопоставима с типами 830–834 Афинской агоры и датирована серединой – третьей четвертью IV в. до н.э., чему не противоречит и штампованный декор (Sparkes B., Talcott L., 1970. P. 131, 132, 295, pl. 33).

3. В кургане 1 найден фрагмент лекифа с яйцевидным туловом, украшенным сетчатым орнаментом (рис. 11, 4). Целый сосуд этой формы был обнаружен в скоплении керамики 1 в юго-западном секторе ритуальной площадки кургана 2 (рис. 68, 5; цв. вкл., рис. 21, 3в). Сосуд имеет полуовальную в сечении ручку, крепящуюся одним концом к верхней части горла, другим – к верхней части тулова. Горло у венчика сосуда и верхняя часть ручки покрыты слоем черного лака. На тулово нанесены полосы лака, образующие сетчатый орнамент. На верхней части тулова имеются ряды “перлов” белой краски.

Подобный лекиф известен в погребении А-157 Нимфейского могильника и датированы второй половиной IV в. до н.э. (Древний город Нимфей,

1999. С. 44, № 74). В погребении 41 некрополя Горгиппии два сетчатых лекифа встречены с бронзовой паптикапейской монетой 330–315 гг. до н.э. Это погребение датировано Е.М.Алексеевой концом IV–III в. до н.э. (Алексеева, 1982. С. 54–58, рис. 32).

Амфорная керамика

Среди фрагментов амфорной керамики, обнаруженной в Тенгинских святилищах выделяются три формы.

1. Фрагменты мендейской амфоры типа II-C (по С.Ю. Монахову) обнаружены в кургане 1 (рис. 13). Среди них имеются две ручки (одна с клеймом, где читается буква М и венчик, судя по которому данную амфору можно сопоставить с мендейскими амфорами мелитопольского варианта из впускного погребения 1 кургана 9 у с. Пески (Монахов, 2003. С. 295, табл. 65, 4). Этот комплекс С.Ю. Монахов датирует в интервале 330–310 гг. до н.э. (Монахов, 2003. С. 94, примеч. 46).
2. Остродонная амфора бежевой глины с биконическим туловом и овальными в сечении ручками была обнаружена в погребении 2 (2000 г.) к северу от кургана 1. По определению А.А. Малышева она может относиться к фасосским или круга Фасоса – вариант муригиоль (рис. 91, 5). В каталоге С.Ю. Монахова по форме тулова данной амфоре близки фасосские коническо-биконического типа биконического варианта, а также амфоры типа муригиоль (Монахов, 2003. Табл. 44, 2, 5; 46, 1–4, 6; 55, 4–8). Все они датируются в пределах IV – начала III в. до н.э. Однако при отсутствии ножки и венчика у сосуда уточнить эту датировку не представляется возможным.
3. Венчик и части ручек амфоры, обнаруженные в ритуальном комплексе кургана 3 можно отнести к типу I кидских амфор, судя по массивному грибовидному венцу (рис. 88, 2). Ввиду отсутствия вариативных признаков, можно полагать, что все варианты этого типа датируются С.Ю. Монаховым в пределах IV в. до н.э., но не позднее его последней четверти (Монахов, 2003. С. 102–104; табл. 71, 1, 6; 72, 4).

ОРУЖИЕ

Ритуальные объекты и грунтовый могильник Тенгинского городища II содержали значительное количество предметов вооружения и их фрагментов. Несмотря на ритуальную порчу и сильную коррозию железа, их форма и хронология определяются в достаточной степени.

Наступательное вооружение представлено меотскими мечами, наконечниками копий и наконечниками стрел.

Мечи. На ритуальных площадках курганов-святилищ 1 и 2 обнаружены фрагменты железных мечей, однако из-за ритуальной порчи вещей в этих

памятниках восстановить полностью их внешний вид невозможно.

Из погребений грунтового могильника (2/2000 г. и 2/2002 г.) происходят два железных меотских меча без металлического перекрестия (рис. 91, 4; 92, 4). Впервые подобные мечи так называемого "синдо-меотского типа" были выделены К.Ф. Смирновым в 1958 г. при публикации результатов исследования Пашковского могильника в Прикубанье (Смирнов, 1958. С. 304, 305). В посмертной работе исследователя, опубликованной в 1980 г., рассматривались вопросы происхождения, распространения и хронологии этих мечей, где он возводил их форму к Закавказским кишжалам (Смирнов, 1980).

В моей статье 1991 г. на базе нового материала, полученного тогда в Закубанье в результате интенсивных археологических работ, была предпринята попытка доказать местный генезис этих мечей от мечей скифского облика. Стало ясно, что это отдельная категория мечей, которая возникла в конце V в. до н.э. и была наиболее распространена в Закубанье, на территории меотской культуры. Имелись все основания говорить об особой категории меотских мечей. В этой же работе была предложена и их классификация (Эрлих, 1991).

У обоих мечей из тенгинских комплексов навершие брусковидной формы отковано из одного куска железа вместе с рукоятью. Следуя предложенной классификации их можно отнести к первому подотделу (цельнокованные) отдела I.

У первого меча (длина 56 см.) (рис. 91, 4) переход от рукояти к клинку под тупым углом, у второго (длина 59 см.) он близок к прямому (рис. 92, 4). Таким образом, мечи могут быть отнесены соответственно к типам 1 и 2 первого подотдела меотских мечей с брусковидным навершием, распространенным с конца V до начала III в. до н.э. (Эрлих, 1991. С. 79–80).

Наконечники копий и их фрагменты, встречены как во всех курганах-святилищах, так и в погребениях грунтового могильника. Они все однотипны и имеют остролистое линзовидное в сечении перо, переходящее во втулку усеченно-конической формы (рис. 66, 1; 91, 2; 92, 2, 3; 93, 2). Это самый распространенный тип закубанских наконечников копий, которые мы относим к типу ПС. В Закубанье известно более 40 наконечников копий, имеющих остролистый контур и линзовидное сечение пера. Все они происходят из комплексов, датирующихся временем не ранее IV в. до н.э. (Эрлих, 1992. С. 56).

В Уляпском могильнике засвидетельствовано подавляющее число экземпляров наконечников копий этого типа (курган 4, погребения 11, 19, 36, 41; курган 6, погребения 7; курган 11, погребение 9) (Лесков и др., 2005. Рис. 11, 4; 12, 2а, 2б; 21, 6а; 28, 1а, 1б; 32, 8а–в; 40, 1; 65, 1–3). Еще 4 экземпляра таких наконечников копий имелись

в Уляпском кургане-святилище 5. Абсолютное же большинство этих наконечников копий происходит из Серегинского могильника, который более протяжен во времени. Здесь этот тип продолжает бытовать и в III–II вв. до н.э. Как минимум, один наконечник копья этого типа имелся среди 10 наконечников копий, найденных в кургане Карагодеуашх (Ланно-Данилевский, Мальмберг, 1894. С. 54, рис. 31).

Этот же тип наконечников копий в IV–III вв. до н.э. преобладал и в скифской степи (Мелюкова, 1964. С. 40–42, табл. X). Известен он и на правом берегу Кубани в комплексах этого времени Усть-Лабинского и Пашковского могильников (Анфимов, 1951. С. 167, рис. 4, 12; Смирнов, 1958. С. 306, рис. 5, 2–5, 9–13; 10, 2).

В кургане 3 встречен и фрагментированный дротик, с утраченным пером (рис. 88, 1). Его можно отнести к дротикам с жаловидной головкой, которые появляются на этой территории в IV в. до н.э. (Эрлих, 1992. С. 61).

Втоки (подтоки). Из кургана 2 происходят два железных втока от наконечников копий в виде полых замкнутых с одной стороны цилиндров (рис. 66, 5). Следует отметить, что найденные в Закубанье вместе с копьями подтоки немногочисленны. Здесь встречены два основных типа подтоков. Первый характерен для VI–V вв. до н.э. Это цилиндрические подтоки с незамкнутым нижним концом. Они обнаружены в погребениях раннего участка Уляпского некрополя (курган 15, погребения 8, 51, 70) (Лесков и др., 2005. Рис. 172, 11; 203, 9а, 9б; 219, 2) и в комплексах V в. до н.э. Начерзийского могильника (курган 7, объекты 12, 20; курган 28, объект 8; курган 29, объект 1) (Ждановский, 1976). Самый ранний из них происходит из погребения 51 кургана Уляпского могильника и встречен с родосско-ионийским киликом первой половины VI в. до н.э. Эти подтоки почти одинаковы, представляют собой трубочку, свернутую из железного листа, и отличаются только размерами, находящимися в интервале от 7 до 15 см в длину.

Позже появляются подтоки конической либо цилиндрической формы с одним замкнутым концом, которые происходят из комплексов IV – начала III в. до н.э. Уляпского (курган 11, погребение 11) (Лесков и др., 2005. Рис. 67, 37) и Серегинского могильников (курган 1, погребение 49 (1984 г.) и погребение 104 (1987 г.)). Одновременно продолжает существовать и тип незамкнутых цилиндрических подтоков, встречаясь вместе с экземплярами с замкнутыми концами в одном комплексе (Лесков и др., 2005. Рис. 67, 36).

Оба типа подтоков находят аналогии в скифских памятниках (Мелюкова, 1964. Табл. 13, 16, 11, 14, 15). Однако, несмотря на малую величину выборки, наличие двух типов подтоков, характерных для определенных хронологических групп погребений

бений, не позволяет распространить на Закубанье вывод А.И. Мелюковой, что “подтоки, в течение всей скифской эпохи остаются неизменными” (Мелюкова, 1964. С. 45).

Наконечники стрел. Подавляющее большинство наконечников стрел, которые происходят из курганов 1 и 2 – железные трехлопастные втульчатые с треугольным контуром головки, лопасти срезаны под прямым, тупым, и острым углами (рис. 16, 1–20, 23–27; 76; 77, 2–10; 12–19, 25; 78, 1–18). В каждом из этих курганов насчитывается более сотни таких наконечников, причем встречаются они и спешенными блоками – колчашными наборами. Эти стрелы мы относим к типу 2 железных трехлопастных наконечников с треугольным контуром головки, который делится на три варианта по форме среза лопастей. Наконечники этого типа более характерны для IV в. до н.э., в то время как для архаического периода характерны железные наконечники стрел с остролистым контуром головки (Эрлих, 1992. С. 95, табл. 11; 2007а. С. 348, 349).

Следует отметить, что практически исключительное использование только железных наконечников стрел – характерная черта прикубанских памятников скифского времени. Во второй половине VI в. до н.э. железные трехлопастные наконечники стрел здесь уже начинают преобладать в колчаных наборах и в V в. до н.э. почти полностью вытесняют бронзовые. Так, например, в одном из самых ранних колчаных наборов Уляпского могильника начала второй половины VI в. до н.э. из погребения 48 кургана 15 встречено около двух третей железных наконечников стрел (Эрлих, 1988. С. 113). В качестве объяснения этому мы предположили использование меотскими племенами специальных штампов для изготовления трехлопастных стрел, данная гипотеза подтверждалась и заключением экспертов, промоделировавших процесс их изготовления (Эрлих, 1992; 2007а. С. 349, 350, 353).

Бронзовых втульчатых наконечников стрел в Тенгинских святилищах встречено всего 5 экземпляров. Все они происходят с ритуальной площадки кургана 1. Среди них выделяются два типа – трехлопастные наконечники на длинной втулке (отдел II, тип 4, вариант 10а по А.И. Мелюковой (рис. 16, 28, 29)) и трехгранный наконечник стрелы (отдел III, тип 9, вариант 3) (рис. 16, 30). В скифских памятниках эти типы наконечников стрел характерны для выделенной А.И. Мелюковой четвертой хронологической группы, датирующейся IV – началом III в. до н.э. (Мелюкова, 1964. С. 25–29, табл. IV, рис. 1).

Защитное вооружение. Сюда следует отнести многочисленные детали панцирей, подвергшиеся ритуальной порче, обнаруженные в курганах 1 и 2. Большинство панцирных пластин выполнены из железа и имеют прямоугольную форму, однако встречены и бронзовые пластины.

Большой интерес представляет находка в кургане 2 боевого пояса, укрепленного панцирными пластинами. Это кожаный ремень шириной около 5 см, обшитый трапециевидными вертикальными бронзовыми пластинками размерами 3,5 × 0,7 см (рис. 49). Причем в верхней части пояс бронирован с двух сторон. Пояс сужается к концу, переходя от трех рядов пластин к одному, последние концевые пластины набраны не вертикально, а горизонтально. Пояс был положен на перекрытие конской могилы вместе с колчаном и деревянной чашей с золотыми обкладками. Само положение и состав комплекса, в который входил этот элемент доспеха, говорит о его культовом характере (Эрлих, 2005. С. 323–326). Поясные пластины, не имеющие зубчатого края, находят аналогию среди пластин ряда скифских поясов из Журовки, Эрковцев, кургана 1 Сторожевой могилы, кургана 3 Исаиной могилы, кургана 22 Орловой могилы, группы 22-й шахты Орджоникидзе-марганец, Гаймановой могилы, Любимовки, Первомайской и других памятников (Černenko, 2006. Taf. 21, 397, 401–403; 22, 427, 439, 440, 442, 444, 450; 23, 469, 473, 481, 500–502). В то же время скифские пояса оканчивались, как правило, специальными широкими концевыми пластинами, имевшими трапециевидную, подтреугольную или сегментовидную форму (Černenko, 2006. Taf. 21, 397; 22, 428, 431, 437; 23, 502). Ситуация, когда на конце пояса находится ряд таких же пластин, но с горизонтальным набором, пока уникальна, и в сводной работе Е.В. Черненко, посвященной скифскому доспеху, не отмечена.

Поясные пластинки и раньше встречались в меотских святилищах. Из Уляпских ритуальных комплексов происходят остатки трех портупейных поясов, состоящих из узких пластин с зубчатым краем, и концевых широких пластин (курганы 1, 2, 5).

Лучше всех сохранился пояс из кургана 5, к которому было подвешено 12 колокольчиков, что свидетельствует об исключительно культовом значении этого предмета (Сокровища курганов Адыгеи, 1985. № 229, 230). Кроме этого, остатки панцирного пояса, куда входили удлиненные пластины подпрямоугольной формы без зубчатого края и концевая сегментовидная пластина, вместе с остатками чешуйчатого панциря были обнаружены в 1881 г. в кургане 19 у станции Некрасовской и ныне хранятся в Государственном музее Грузии (Эрлих, 2009. С. 458, 459, рис. 99). Судя по описанию В.Л. Беренштама, этот курган вероятнее всего также являлся ритуальным комплексом (Беренштам, 1882. С. 313–321).

Таким образом, участие наборного пояса как определенного элемента ритуала в меотских святилищах IV в. до н.э. (Эрлих, 2005. С. 324–325) зафиксировано уже в пяти случаях.

Одна из характерных черт тенгинских святилищ (как впрочем и большинства других меотских святилищ) – захоронения лошадей с уздой. Уздечные наборы из Тенгинских курганов относительно хорошо сохранились и выразительны по своей эстетике. В кургане 1 было обнаружено 11 частично или полностью сохранившихся уздечных комплектов. В конской могиле кургана 2, 19 из 23 принесенных в жертву лошадей имели уздечки. Два уздечных комплекта удалось обнаружить в кургане 3.

Удила в целом однотипны. Они железные, петельчатые с крестовидными “строгими” насадками. Для уздечных наборов скифского времени данный тип удила является преобладающим для всего периода. В Закубанье самые ранние петельчатые удила встречены в могильнике Шесхарис под Новороссийском с бронзовыми псалями, близкими к типу “Уашхиту-Жаботин” (Дмитриев, 1973. Рис. 85). В этот комплекс также входили кубические пронизы для перекрестных ремней, близкие по виду пронизям из погребения № 39 могильника Сержень-Юрт (Ср.: Козенкова, 2002. Табл. 27, 2–6). Все это говорит о ранней дате этого комплекса – не позже середины VII в. до н.э. Вероятно, к этому же времени относятся и удила из погребения 27 Келермесского грунтового могильника, где они встречены с железными трехдырчатыми псалями “сиалковского” типа (Галанина, 1985. С. 160, рис. 4, 4, 10, 5).

Уже во второй половине VII в. до н.э. петельчатые удила начинают вытеснять все остальные типы, очевидной причиной чего является простота их изготовления. В Закубанье они преобладают во всех раннескифских комплексах. К этому периоду относятся не менее шести пар таких удил в Костромском и Келермесских курганах. Начиная со второй половины VI в. до н.э. данный тип удила является фактически единственным. Лишь отдельные детали, такие как строгие крестовидные насадки с шипами, слегка изменяют облик этих удил к концу их бытования в IV – начале III в. до н.э. Появление крестовидных насадок можно отнести к V в. до н.э., судя по встрече звена удил с насадками в комплексе 11 Ульского кургана (Ульские курганы, кат. 295). Ряд аналогий позволяет датировать его временем не позднее V в. до н.э. (Габуев, Эрлих, 2001. С. 113 и сл.). Можно полагать, что данные удила с крестовидными насадками являются одними из древнейших. На одной паре удил из 10-го кургана Ульской группы (конь 9) имеются насадки в виде круга с четырьмя шипами, расположенными крестом (Ульские курганы, кат. 254). Это самый ранний пример строгих насадок, точные аналогии которым мне не известны.

Псалии. Встреченные в Тенгинских курганах псалии – двудырчатые, бронзовые, железные и би-

металлические (железные с бронзовыми концами “приливами”). Эта система взнуздывания лошади, появившаяся еще во второй половине VI в. до н.э., заключалась в том, что псалии уже имели не три петли, которые характерны для предскифских и раннескифских псалиев, а два отверстия в средних распирениях стержня. Псалий уже не привязывался к петле удил, а вставлялся в них, фиксируясь при помощи утолщений на месте отверстий. В связи с этим в уздечке стал употребляться уже не расстроенный, а раздвоенный нащечный ремень (рис. 107, 1–4). К.Ф. Смирнов ставил появление двудырчатых псалиев в прямую зависимость от начала использования железных петельчатых удил, хотя и отмечал, что на Северном Кавказе эти удила появляются раньше, на рубеже VII–VI вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 82). Однако кажется, что такая жесткая связь отсутствует. Во-первых, как уже отмечалось выше, железные петельчатые удила появляются уже, вероятно, в первой половине VII в. до н.э. и в комплексах второй половины VII – начала VI в. до н.э. (Келермесские курганы и могильник) преобладают над бронзовыми, используясь вместе с трехпетельчатыми псалями. Во-вторых, вытеснение бронзовых удил железными шло постепенно. Для второй половины VII – начала VI в. до н.э. мы имеем несколько комплексов, где встречены и бронзовые стремячкovidные удила, и железные, тогда как переход к двудырчатому псалию произошел достаточно резко, и переходные комплексы, где встречены трехпетельчатые и двудырчатые псалии, единичны. Когда же произошел переход к двудырчатому псалию? В.А. Ильинская по материалам Украинской Лесостепи датирует его второй половиной – концом VI в. до н.э. (Ильинская, 1968. С. 117). Этим же временем датировал самые ранние комплексы с двудырчатыми псалями и железными петельчатыми удилами на территории савроматской культуры К.Ф. Смирнов (Смирнов, 1961. С. 82).

С.В. Махортых, используя материалы могильника Нартан, в частности колчанные наборы курганов 3, 5, 23, пришел к выводу, что железные двудырчатые псалии, встреченные в этих комплексах, относятся к первой половине VI в. до н.э. (Махортых, 1989. С. 7). Однако это противоречит хронологической схеме могильника Нартан, предложенной В.Г. Петренко, отнесшей эти комплексы к более позднему времени (Степи Европейской части СССР... С. 219). По материалам Закубанья (Эрлих, 1992) самые ранние комплексы, в которых встречены двудырчатые псалии, относятся ко второй половине или, скорее, к концу VI в. до н.э. Поэтому, на наш взгляд, по имеющимся к настоящему времени данным выводить время появления двудырчатых псалиев за пределы второй полови-

ны VI в. до н.э. пока нет никаких оснований. В это же время двудырчатые псалии появляются и в Лесостепи. По данным, приведенным в новейшем исследовании А.Д. Могилова, они появляются в комплексах IV архаичной группы/этапа, которую исследователь отнес ко второй половине VI в. до н.э. Это Шумейковский курган, курганы 1 и 8 близ Волковцев, комплекс узды из кургана 448 Журовки и другие памятники (Могилов, 2008. С. 111–114).

Классификация двудырчатых псалиев впервые была предложена в работах К.Ф. Смирнова и В.А. Ильинской (Смирнов, 1961. С. 83–87; Ильинская, 1968. С. 117–119). Типологический принцип классификации этих исследователей един. Типы выделены по признаку общей схемы-контура псалия. Поэтому четыре типа классификации савроматских псалиев совпадают с классификацией псалиев скифских курганов Лесостепи. Это прямые стержневидные; S-видные; стержневидные с загнутым концом (Г-образные); серповидные (С-видные). Однако в типологии К.Ф. Смирнова савроматских двудырчатых псалиев на два типа больше. В тип V им выделены стержневидные псалии с симметричными зооморфными окончаниями, а в тип VI – костяные или роговые двудырчатые псалии. Что касается последнего типа, то такие двудырчатые псалии в Закубанье, как и в Лесостепи, отсутствуют.

Псалии же с зооморфными окончаниями, на наш взгляд, следует относить в зависимости от формы изгиба стержня к тому или иному типу-схеме. В связи с этим более приемлемой для закубанских псалиев является классификация В.А. Ильинской. Однако, на наш взгляд, как и трехпетельчатые псалии, двудырчатые псалии следует прежде разграничить и рассматривать по материалу, поскольку, в силу технологических особенностей, некоторые железные варианты, не известны в бронзе, или наоборот.

В данной работе я придерживаюсь своей типологической схемы, которая была выработана в работе, посвященной вооружению и конскому снаряжению племен Закубанья (Эрлих, 1992)¹. Однако в связи с находками в Тенгинских курганах целой серии бимсталлических псалиев, в нее внесены определенные коррективы.

Железные псалии. Тип 1. Железные прямые псалии. Они встречены в кургане 1, в уздечном комплекте конского погребения 12 и в кургане 2, в КП. 3, КП. 5а, и, по-видимому, судя по сохранившимся фрагментам, в конском погребении 1 этого кургана. Псалии из кургана 2 можно отнести к одному варианту коротких прямых псалиев с небольшим расширением на концах (рис. 99, 2, 3). Это наиболее поздний вариант таких псалиев.

¹ Близкая типологическая схема лесостепных псалиев, также использующая в своей основе разработки В.А. Ильинской имеется в новейшей работе О.Д. Могилова (2008).

Подобные псалии встречены в Уляпском могильнике, для них также характерен небольшой размер (около 10 см.), стержни их более массивны, чем у ранних экземпляров, иногда они слабо расширяются книзу. Они происходят из комплексов V–IV вв. до н.э.: курган 7, погребение 12; курган, 12, погребение 35; курган 14, погребение 7 (Лесков и др., 2005. Рис. 50, 7; 96, 12в). В скифской Лесостепи псалии этого варианта характерны для комплексов IV в. до н.э. (Ильинская, 1973. С. 45, рис. 1, 2; с. 51, рис. 51, 4; Могилов, 2008. С. 39, рис. 82; 83, 1–26).

Фрагментированные железные псалии у коня 12 из Тенгинского кургана 1 относятся к другому варианту. Верхние концы их имеют шишечку на конце, а у противоположного короткого конца она отсутствует (рис. 99, 1). Отметим, что укороченность одного из концов стрежня (или дужки у С-видных или Г-образных псалиев), по-видимому, является местным закубанским признаком (Эрлих, 1992. С. 160).

Как и большинство типов, этот тип встречается в Закубанье на протяжении всего периода бытования двудырчатых псалиев: вторая половина VI–IV вв. до н.э. (Эрлих, 1992. С. 156).

Тип 2. Псалии S-видной схемы. В Тенгинских курганах железные псалии этого типа представлены наиболее поздним подтипом П. Это простые псалии S-видной схемы из круглого или квадратного в сечении железного прута иногда с округлыми “шишечками” на концах. Все они происходят из кургана 2. Это псалии из КП. 2, КП. 6, КП. 8, КП. 13 (рис. 99, 4–6), и, по-видимому, фрагментированные псалии из КП. 10. Следует отметить, что тенгинские железные псалии этого типа в целом достаточно длинные. Так, например, длина псалиев из КП. 6, КП. 8, КП. 13 достигает 18–20 см. Все они имеют округлый в сечении стержень и грибовидные или округлые “шишечки” на концах (рис. 99, 4–6). Псалии этого подтипа характерны для поздних комплексов Уляна и происходят как из грунтового могильника погребения 28 кургана 7 (Лесков и др., 2005. Рис. 62, 2), так и из ритуального комплекса кургана 14 (скопление 2).

Тип 3. Псалии Г-образной схемы. Все три экземпляра псалиев этого типа происходят из кургана 2. Они имеют изгиб, близкий к прямому углу, что само по себе является поздним признаком. Наиболее простые псалии этого типа происходят из уздечных наборов коней 4, 7 и 9. Откованные из круглого в сечении стержня с небольшим расширением на концах (рис. 100, 1–3), они согнуты под углом, близким к прямому, так, что отверстия для ремней оголовья в раскованной центральной части стержня оказываются в разных плоскостях. Этим отличаются тенгинские псалии этого варианта от уляпских (курган 8, конское погребение 1), где изгиб проходил так, что отверстия оставались в одной плоскости (Лесков и др., 1983. Рис. 28, 9).

Чрезвычайно интересны псаалии третьего типа из конского погребения 4а публикуемого кургана 2. Их стержни раскованны в виде стилизованных головок хищной птицы, находящихся в разных плоскостях (рис. 100, 4). Зооморфные окончания у Г-образных псаалиев известны и в Уляцком некрополе, где, однако, расковывалась одна лопасть, которой пытались придать форму птичьего крыла (Уляц, курган 1, ритуальный комплекс; Уляц, курган 2, ритуальный комплекс), что в свою очередь, вероятно, является попыткой воспроизвести в железе бронзовые псаалии с лопастью в виде птичьего крыла, выполненные в так называемом "елизаветинском стиле" (Лесков и др., 1982. Рис. 3, 9, 10).

Тип IV. Железные С-видные или серповидные псаалии (по В.А. Ильинской) достаточно редки и встречаются в Закубанье только в комплексах IV в. до н.э. (Эрлих, 1992. С. 159–160). В Тенгинских курганах единственной находкой псаалия этого типа является экземпляр из комплекта коня 7 кургана 1 (рис. 100, 5). В Уляцком некрополе псаалии этой схемы происходят из скопления 2 кургана 14. У них вместо второй дужки имелся лишь маленький выступ (Лесков и др., 1983. Рис. 90, 12). Близкий псаалий, однако, с перевитыми дужками, встречен в кургане 30 Начерзийского могильника (Ждановский, 2006. Табл. 6, 2).

Как мы уже отмечали, такой признак, как слабая выраженность одной из дужек у псаалиев Г-образной и С-видной схемы, является местным закубанским признаком (Эрлих, 1992. С. 160). В лесостепных памятниках А.Д. Могиловым учтено 26 экземпляров железных псаалиев С-видной схемы (Могилов, 2008. С. 36, 37, рис. 75, 23–28; 76, 1–20). Псаалии этой схемы достаточно часто встречаются и в синхронных степных скифских курганах (Мозолевский, 1979. С. 41, рис. 24, 2, 5, 7; Мелюкова, 1981. С. 59, рис. 17, 11; Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 138, 139, рис. 152, 5; 153).

Бронзовые псаалии. Бронзовые псаалии представлены в Тенгинских курганах тремя типами.

Тип I. Единственная находка прямых бронзовых псаалиев происходит из комплекса коня 15 кургана 2. Эти достаточно длинные псаалии – около 20 см, имеют на концах кашлевидные утолщения, под которыми проходит ряд гравированных линий (рис. 101, 1). В Прикубанье прямые бронзовые псаалии встречены в Первом Семибратнем кургане и в кургане 30 могильника Начерзий, датирующихся IV в. до н.э. (Эрлих, 1992. С. 60; Ждановский, 2006. Табл. 6, 3). Более 50 бронзовых псаалиев этого типа с "гвоздевидными" и коническими шляпками на стержнях происходят из Чертомлыкского кургана (Алексеев и др., 1991. С. 148, 149, кат. 8). Близкие псаалии имелись в кургане Солоха (Манцевич, 1987. С. 110–111, кат. 108), а также в погребении 1 кургана 4 у с. Первомаевка на Херсонщине (Евдокимов, Фридман, 1991. С. 76, рис. 3, 2). На Нижнем Дону

прямые бронзовые двудырчатые псаалии имелись в Шолоховском кургане (Максименко, 1983. С. 166, рис. 12, 23), а на Среднем Дону – в кургане 7 могильника Колбино I и в кургане 13 могильника Горки I (Савченко, 2001. С. 99, рис. 33, 4; Гуляев, Савченко, 2004. С. 46, рис. 8, 36, 37). Однако заметим, что в доискусных памятниках гораздо более популярны были железные псаалии этой формы.

Тип II. Бронзовые S-видные псаалии встречены в курганах 1 и 2. В кургане 1 пара псаалиев этого типа происходит из набора коня 5; здесь же обнаружены и фрагмент подобного псаалия. Еще один такой экземпляр был найден при зачистке площадки по уровню погребенной поверхности у восточного края ямы № 7. Все псаалии из кургана 1 относились к одному варианту S-видных псаалиев с шишечками на конце (рис. 101, 2, 3).

В кургане 2 комплект псаалиев II типа сопровождал конское погребение 5. Эти псаалии имеют слабо расширяющиеся к концам стержни ромбического сечения (рис. 101, 4). Вариант псаалиев данного типа с шишечками на концах достаточно характерен для памятников Закубанья IV в. до н.э. Такая форма известна в кургане 5, в ритуальном комплексе 2 кургана 8 и скоплении 1 кургана 9 Уляцких святилищ, а также в погребении 97 Серегинского могильника. Встречены аналогичные псаалии и в 7-м Семибратнем кургане (Эрлих, 1992. С. 162). Подобные бронзовые псаалии были достаточно широко распространены в Степной и Лесостепной Скифии, а также на Среднем Дону в конце V–IV вв. до н.э. Они имелись в таких памятниках, как Солоха, Волковцы, курган 1, Хомина Могила, Умань, курган № 4, погребение 3 (Манцевич, 1987. С. 43, 44, № 24; Древности Приднепровья, 1899. Таб. XV, № 315; XXI, № 401; Мозолевский, 1973. С. 219. Рис. 30; Бессонова, 1994. С. 24, рис. 6, 10, 11; Гуляев, Савченко, 2004. С. 41, рис. 5, 20; Алексеев и др., 1991. С. 52, рис. 3, 3). Псаалии второго типа встречены в уздечном наборе конских жертвоприношений с материалами меотской культуры на поселении Ахул-Абаа, а также в других пунктах Абхазии (Воронов, 1975. С. 230, рис. 10, 4; с. 231, рис. 11, 3; 1991. С. 231, рис. 6, 7, 8, 12, 13, 15). Скорее всего их появление здесь следует связывать с меотской традицией (Эрлих, 2010б. С. 88).

Ромбовидные в сечении псаалии из Тенгинского кургана 2 (рис. 101, 4) в Закубанье находят аналогии в комплексе объекта 2 кургана 13 Начерзийского могильника (Эрлих, 1992. С. 161). В Лесостепи подобная форма известна в кургане 2 урочища "Стайкин Верх", кургане 1 близ с. Акютинцы и в кургане 5 у с. Берестяги (Ильинская, 1968. Табл. V, 23; XVII, 8; Могилов, 2008. Рис. 70, 1–3). В памятниках степной Скифии они встречаются в Гаймановой могиле и в кургане 1 под Червоным Яром в Нижнем Подунавье (Ильинская, 1973. Рис. 8, 7; Гудкова, 1978. Рис. 5, 1, 2).

Тип III. Бронзовые Г-образные псалии представлены двумя экземплярами с ажурными лопастями, происходящими из кургана 2 (кони 11 и 17). Имеющаяся на лопастях зооморфная композиция, выполнена в прикубанском “елизаветинском стиле”. Она восходит к изображению головы олени, обращенной вправо, с рогами, превращенными в головки хищных птиц (рис. 101, 5, 6; цв. вкл., рис. 12, 2). В статье, посвященной вещам в “елизаветинском стиле” из меотского святилища в Гюзносе (Абхазия) выделено несколько вариантов этой композиции (Эрлих, 2004. С. 164–166). Псалии из станицы Тенгинской можно отнести к варианту 1 в виде головы оленя в профиль с симметричными рогами. Подобная композиция имеется на псалиях из Гюзноса – лошадь 3 1984 г. и кони 3 и 4 1985 г. Эти экземпляры являются ближайшими аналогиями тенгинским псалиям (Шамба, 1988. Таб. XIX, 8, 9; XXII, 2, 3, 5; Эрлих, 2004. С. 160, рис. 2, 8, 9; с. 162, рис. 4, 2–4). Кроме этого можно упомянуть пластину псаля с головой оленя с многоярусными симметричными рогами, которая происходит из Елизаветинского кургана 1917 г. (Золотые олени Евразии, 1991. С. 183, кат. 165). Среди псалий “елизаветинского стиля” встречаются также олени с симметричными рогами с головой в фас – Елизаветинский курган 1917 г. и Кужорский курган (Золотые олени Евразии, 1991. С. 182, кат. 163; Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 89). Имеется подобная композиция и на навершиях, выполненных в “елизаветинском стиле” на парных навершиях из этого же Тенгинского кургана 2 (рис. 51, 52), а также на навершии из Анап-кургана около Майкопа (ОАК, 1900. С. 37, рис. 96, 97; Skythian Art, 1986. № 272).

Биметаллические псалии. Особо выразительную группу составляют биметаллические псалии, которые встречены во всех трех Тенгинских курганах. Центральная часть их стержней с восмерковидным расширением изготавливалась из железа, а на концах имелись украшения в виде бронзовых “приливов”. Не менее четырех пар таких псалий обнаружены в кургане 1 (Эрлих, 2002. Рис. 3, 2, 7, 8; Эрлих, 2007. Fig. 4, 2, 7, 8) (рис. 102, 1–3, 9, 10), в кургане 2 бронзовые окончания на железных псалиях прослежены в трех уздечных комплектах (рис. 103, 4, 5, 7, 8). Встречены они и в конском погребении кургана 3 (рис. 102, 6).

Еще в начале 80–90-х годов прошлого века биметаллические псалии в конском снаряжении Закубанья практически были неизвестны (Эрлих, 1992), и лишь массовые находки этих деталей узды в Тенгинских курганах позволили поставить вопрос об их наличии и выделить биметаллические псалии, в том числе и среди материалов старых раскопок (Эрлих, 2002. С. 11).

В скифо-савроматском мире биметаллические псалии достаточно редки. Наиболее ранние железные псалии с бронзовыми зооморфными окон-

чаниями отмечены в могильнике Пятимары I на территории савроматов и относятся к V в. до н.э. Засвидетельствованы они и в шестом Филипповском кургане (Смирнов, 1964. С. 322, рис. 29, 4а; Golden deer... Cat. 117). Биметаллические псалии также имелись в комплексах V–IV вв. на Среднем и Нижнем Дону – Дуровка, курган 9, Шолоховский курган (Пузикова, 2001. С. 231, рис. 29, 5; Максименко, 1983. С. 166, рис. 12). А.Д. Могиловым приведен ряд экземпляров S-видных биметаллических псалий, происходящих из лесостепных памятников скифского времени (Могилов, 2008. С. 36). Здесь помимо бронзовых приливов к железному основанию встречены и серебряные – курган 29/21 близ Мастюгино (Манцевич, 1973. Рис. 3, 26; Могилов, 2008. Рис. 73, 7, 8).

В меотских памятниках Прикубанья и Абхазии сейчас выделяется ряд находок биметаллических псалий. Бронзовый фрагмент биметаллического псаля с головкой пантеры найден в Воронежском кургане 19 (ОАК, 1903. С. 74, рис. 151), еще один очень близкий псалий происходит из святилища с конскими жертвоприношениями в Абхазии (Очамчира, городище Гюзнос) (Эрлих, 2004. С. 159, рис. 1, 2, 3). С-видные и S-видные биметаллические псалии в Прикубанье встречены в неопубликованных до сих пор Говердовских курганах 6 и 7 возле Майкопа, которые также являлись, вероятно всего, святилищами с конскими жертвоприношениями (Нехаев, 1986. Рис. 101, 123). Имеются биметаллические псалии в эрмитажной коллекции конских уборов из станицы Гурийской (ГЭ ОАВЕС. № 2501/15). Из коллекции уздечных принадлежностей кургана 4/1913 г. у станицы Елизаветинской происходит фрагмент биметаллического псаля, вероятно, S-видной формы (Галанина, 2005. С. 99, табл. I, 9)². Известны подобные псалии и в недавно открытом грунтовом могильнике у хутора Прикубанского (Марченко и др., 2001. С. 93), еще один псалий из неустановленного прикубанского памятника хранится в КГИАМЗ (Инв. № КМ 11030/164). Недавно опубликован прямой биметаллический псалий, происходящий из группы (комплекса?) случайных находок близ станицы Махосhevской (Давыденко, 2005. С. 20, рис. 5).

Большая часть тенгинских биметаллических псалий имеет S-видную форму, что соответствует

²Л.К. Галанина указала на то, что данный курган является наиболее ранним в группе елизаветинских курганов, поскольку в нем найдены серия античных сосудов V в. до н.э. (пафосская амфора, краснофигурные гидрия и кратер), а также гераклейская и фасосская амфоры начала IV в. (Галанина, 2005. С. 98). В то же время бронзовые уздечные принадлежности из этого кургана находят больше аналогий с Тенгинскими святилищами и Кужорским курганом второй половины IV в. до н.э., чем с материалами из Уляпских святилищ, также относящихся к первой половине IV в. до н.э. Это даст возможность предполагать, что комплекс либо не единовременен, либо частично перепутан при поступлении коллекции в Эрмитаж.

типу III железных и бронзовых псалиев. По форме приливов-окончаний можно выделить четыре варианта.

1. Из кургана 1 (набор кося 6) происходит S-видный псалий с двусторонними окончаниями в виде бронзовых лопастей, напоминающими конские копыта. Центральная часть псалиев, выполненная из железа, не сохранилась (рис. 102, 1). Точные аналогии подобным псалиям неизвестны. Однако им весьма близки биметаллические псалии с уплощенными конскими копытами, найденные в заполнении могильной ямы кургана 6 у с. Филипповка. Авторам каталога бронзовые приливы этих псалиев почему-то напоминают “фаллос лошади” (Золотые олени Евразии, 1991. С. 149, кат. 129).

2. S-видные биметаллические псалии с бронзовыми окончаниями, имеющими округлые и конические “шишечки” на конце. Эти псалии встречаются в кургане 1, комплексы коней 2 и 3 (рис. 102, 2, 3). В последнем наборе основания “шишечек” украшают три гравированные полосы. В кургане 2 в наборе кося 6а к железной основе стержней прилиты лишь сами бронзовые шарики (рис. 102, 4). Один точно такой же псалий имелся в наборе кося из кургана 3 (рис. 102, 5). У второго биметаллического псалия из этого набора бронзовые приливы даже частично охватывали внутренние кольца. Они имели уплощенные “шишечки” с двумя рельефными поясками под ними (рис. 102, 6).

Биметаллические псалии именно такого варианта встречены в Прикубанье в вышеупомянутых Говвердовских курганах 6 и 7, а также в Шолоховском кургане на Нижнем Дону (Нехаев, 1986. С. 101, 123; Максименко, 1983. С. 166, рис. 12, 24). Из погребения 13 кургана у г. Арциз Одесской области происходят подобные биметаллические псалии, к окончаниям которых прилиты не бронзовые, а серебряные шарики (Алексеева и др., 1997. С. 51, 52, рис. 3, 12).

К третьему варианту S-видных биметаллических псалиев относятся псалии с ребристыми приливом-окончаниями, происходящие из кургана 2. Они встречены в наборе коней 11 и 14 (рис. 102, 7, 8). Отметим, что подобная “ребристость” в Прикубанье встречена и у цельнобронзовых экземпляров, например у псалия из погребения 97 Серегинского могильника (Эрлих, 1992. С. 162).

4. К особому варианту следует отнести изогнутые биметаллические псалии с бронзовыми зооморфными окончаниями, имеющими на одном конце железного основания головку хищника (цв. вкл., рис. 13, 2), а на другом – конское копыто. Они происходят из кургана 1 (рис. 102, 9, 10). Отметим, что нам уже известно некоторое количество биметаллических псалиев с головками хищника, происходящих из Прикубанья и Абхазии. Подоб-

ные псалии имелись в кургане 19 у ст. Воронежской (ОАК, 1903. С. 74, рис. 51), из комплекса предметов конской уздечки 1977 г. в Гюзносе (раскопки М.Б. Барамидзе) (Эрлих, 2004. С. 159, рис. 1, 2, 3). Наиболее близки по схеме тенгинским неопубликованные псалии из станицы Гурьинской (раскопки Н.В. Веселовского в 1914 г.) (ГЭ ОАВЕС Т 25001/24 и 25001/15). По-видимому, к фрагменту биметаллического псалия можно отнести и головку пантеры из фондов Краснодарского музея-заповедника (КГИАМЗ, Инв. № КМ 11030/164). Биметаллические псалии с зооморфными головками (по-видимому, также хищников) происходят из уздечного комплекта 2 1984 г. меотского святилища в Гюзносе (Эрлих, 2004. С. 159, 160, рис. 2, 4).

Подводя итоги рассмотрению биметаллических псалиев, мы можем полагать, что появление биметаллических псалиев в Прикубанье, по-видимому, следует рассматривать как заимствование с территории савроматской культуры, где они известны еще в V в. до н.э.³ Украшение бронзовыми приливами парадных уздечек, возможно, объясняется тем, что ярко начищенная бронза блестела на солнце и выглядела издали как золото.

Украшения конской уздечки

Украшения конской уздечки, происходящие из тенгинских курганов, весьма разнообразны и представлены различными зооморфными и антропоморфными налобниками и наносниками. Среди них мы находим как сюжеты, характерные для “елизаветинского стиля” Прикубанья, так и уникальные.

Налобники. Конские налобники, встреченные в Тенгинских курганах представляют собой фигурные бронзовые пластины с односторонним изображением и петлей для крепления к налобному ремню лошади (рис. 107). Все они происходят из кургана 2.

1. Из конских погребений 5 и 7а происходят бронзовые конские налобники в виде припавшего на лапы хищника с заброшенными на спину задними лапами. Налобник из КП. 5 небольшого размера – длина 6,4 см. Он более примитивен (рис. 103, 2; цв. вкл., рис. 12, 1б), в то же время более крупный налобник кося 7а имеет размеры 12,5 × 3,5 см (рис. 103, 1; цв. вкл., рис. 12, 1а). Его лицевая сторона покрыта гравировкой-ребриком, передающим шерсть и зубы животного. Углубленными линиями подчеркнуты ухо, глаз и нога животного. Подоб-

³ Это подтверждает и новейшая публикация материалов могильника Кырк-Оба II в Западном Казахстане, датированных концом VI – первой половиной V в. до н.э., где имеется серия биметаллических двудырчатых псалиев (Гуцалов, 2010. С. 51–66, рис. 2, 2, 3; рис. 3, 6, 10, 11, 14, 15).

ная композиция находит ряд аналогий. Наиболее близки тенгинскому налобные пластины в виде припавшего на лапы хищника с закинутой на спину задней лапой из Уляпского кургана-святилища № 2 и из набора коня 1 (1985 г.) Гюэносского святилища (Шедевры..., 1987. № 11; Шамба, 1988. Табл. XX, 1; Эрлих, 2004. С. 161, рис. 3, 1) (рис. 103, 3, 4). Близок этой схеме и налобник из Античного собрания Государственных музеев Берлина, однако здесь хищник показан терзающим голову оленя (*Greifenhagen*, 1970. S. 56, Abb. 29; *Leskov*, 2008. P. 136, 137; Cat. 172).

Налобник в виде хищника, припавшего на лапы, но без закинутой на спину задней ноги хранится в Краснодарском музее ("крылатый хищник" по Е.А. Переводчиковой) (*Переводчикова*, 1987. С. 48, рис. 3, 6) (рис. 103, 5). Мне известен также близкий налобник, происходящий из района пос. Мезмай Апшеронского района и хранящийся в частной коллекции (рис. 103, 6).

2. Налобник в виде схематично переданной головки оленя с моногоярусными рогами происходит из уздечного набора коня 16 кургана 2. Завитки рогов подчеркнуты гравированными линиями (рис. 103, 7; цв. вкл., рис. 13, 3а). Смысл данной композиции становится понятным при сравнении с близким налобником из кургана 3 группы Семибратних курганов IV в. до н.э. (рис. 103, 9), где голова оленя передана более реалистично (*Артамонов*, 1966. С. 39, табл. 74). Почти полная аналогия налобнику из станицы Тенгинской имеется в конском наборе 4 (1985 г.) из святилища в Гюэносе (*Шамба*, 1988. Табл. XXII, 4; Эрлих, 2004. С. 162, рис. 4, 5) (рис. 103, 8). Таким образом, подобная композиция является одной из типичных для "елизаветинского стиля" IV в. до н.э.

3. Изображение оленьих рогов лежит и в основе симметричного ажурного налобника из уздечного комплекта коня 15 кургана 2 (рис. 104, 1; цв. вкл., рис. 13, 3б). На налобнике также сохранились следы односторонней гравировки. Данная симметричная композиция в виде антистического изображения оленьих рогов, очевидно, близка серии изображений со схематическими противопоставленными головками оленей, происходящими из Гюэноса (набор коня 3, 1984 г.), ст. Гурийской, хут. Прикубанского, а также могильника Лебеди III (*Эрлих*, 2004. С. 168, рис. 7, 1-5) (рис. 104, 2-6). В то же время следует указать и на существенное различие тенгинского налобника с данной серией. Так, если у тенгинского налобника оленьи рога исходят из центра композиции, то у налобников указанной серии они растут из противоположенных головок животного, срастаясь в центре.

4. Фрагментированный налобник в виде плоской подромбической пластины с петлей на обороте происходит из уздечного набора коня 10. Лицевая сторона украшена гравировкой –

"ребриком" с косыми насечками по краю. В центральной части, в месте расширения, "ребрик" образует два завитка, очевидно изображающих рога. Часть налобника была утрачена еще в древности (рис. 104, 7; цв. вкл., рис. 11, 1а).

Из ближайших аналогий подобным плоским налобникам, имеющим гравированное изображение в "елизаветинском стиле", мы можем привести бронзовый пластинчатый налобник из Гюэноса, найденный в наборе коня 1 (1984 г.). В центральной части он имеет симметричные изображения не двух завитков-рогов, а двух птичьих головок (*Эрлих*, 2004. Рис. 2, 1) (рис. 104, 8).

5. Уникален налобник в виде изображения человека, происходящий из комплекса коня 14 (рис. 104, 9; цв. вкл., рис. 15). Голова и ноги переданы в профиль, туловище – в фас. На голове гравированными линиями показана прическа, выступ-коса спускается на плечи. Имеются три гравированные линии на шее, передающие (многовитковую?) гривну. Рельефом передан кафтан, гравировкой – орнамент на шароварах, причем вышитый орнамент на каждой штанине разный. Запахнутый и стянутый поясом, переданный двумя гравированными линиями, кафтан с прямыми полами имеет треугольный вырез ворота, которой был обозначен утраченной вставкой из другого металла (вероятно, серебряной или золотой). Последняя крепилась при помощи пяти мелких сквозных отверстий, расположенных внутри треугольной впадины. Фигурка имеет петлю на обороте для крепления к ремню. Небольшая вертикальная петелька имеется и на голове фигурки, очевидно, она служила для фиксации пластины в вертикальном положении к налобному ремню. Отметим, что антропоморфные изображения редки для изделий "елизаветинского стиля" и меотского искусства в целом⁴. В то же время мы можем привести ряд синхронных соответствий. Такие атрибуты, как треугольный вырез ворота кафтана и трехвитковая гривна имеются на изваянии мужчины-воина (№ 2) из станицы Преградной. В.С. Ольховский датирует это изваяние второй половиной IV в. до н.э. (*Шульц, Навротский*, 1973. С. 197; *Ольховский, Евдокимов*, 1994. С. 34-35, 163, № 124). Мы можем указать и еще на два произведения "варварского" искусства этого времени, с которым тенгинский налобник сближает поза и прическа антропоморфных персонажей. Первое изображение, трактуемое публикаторами как "мужчина-жрец в ритуальном костюме петуха", имеется на горите из погребения 2 Соболевой могилы в Степной Скифии (*Мозалевский, Полин*, 2005. С. 178, рис. 98, табл. 17, 3; *Scythian gold*, 1999. Cat. 154). Второе – это изображение всадника в сцене охоты на ажур-

⁴ Антропоморфные изображения в меото-скифской тюретике рассмотрены в специальной статье (*Канторович, Эрлих*, 2009).

ной пластине из Гюювски (Scythian Gold, 1999. Cat. 123). Отметим, что с последним тенгинский налобник сближают художественные приемы передачи контура головы и прически антропоморфных персонажей.

Гораздо больше соответствий мы находим на человеческих фигурках, изображенных на курджипском колпачке (Галанина, 1980. С. 93, № 51) (рис. 104, 10). Это «египетская» поза изображенных, когда голова и ноги, передаются в профиль, а туловище в фас; это косы, которые отчетливо видны у трех из четырех фигур, изображенных на курджипском колпачке; это гривны на шее. У курджипских изображений они в два витка, а у тенгинского в – три. Находит соответствие треугольный вырез ворота и прямые полы кафтана, а также пояс, переданный двумя врезными полосками. Он имеется по крайней мере у двух человеческих изображений (державших человеческую голову) на курджипском колпачке⁵. Все изображения людей имеют также и вышитые штаны⁶. Сближает изображения и определенный примитивизм в передаче человеческих голов. Отметим, что мастер-торевт, наносивший изображение на курджипский колпачок, использовал приемы графического стиля «типа станицы Елизаветинской», а именно широко использован «ребрик», которым весь фриз отделен снизу и которым переданы пояс, края кафтана, отрубленные головы и другие детали.

Дата предложенная Л.К. Галаниной для курджипского кургана, – последняя четверть IV в. до н.э., в целом входит в те хронологические рамки, которыми ограничивается время сооружения Тенгинских курганов.

Наносники – небольшие бронзовые украшения уздечки, закрепленные на морде лошади, в центральной части наносного ремня. Большинство встреченных в Тенгинских курганах этих украшений уздечки относятся к прикубанским плоским наносникам, которые для фиксации на наносном ремне требуют какие-то дополнительные приспособления – узелки и т.п. (Эрлих, 1992. С. 187–188). Возможно, для фиксации плоских фигурных изделий на ремне служили и бронзовые колечки, которые встречаются вместе с ними в публикуемых курганах.

1. Самый распространенный вариант тенгинских наносников – в виде головы оленя или лося с ро-

гом горного козла, трансформированного в головку хищной птицы. Четыре идентичных уздечных украшения происходят из комплектов коней 2, 3а, 5 и 7 кургана I (рис. 105, 1–4; цв. вкл., рис. 11, 2). Редуцированные формы этого варианта имеются в комплексе коня 6 этого же кургана (схематично передана морда оленя) (рис. 105, 5; цв. вкл., рис. 11, 3з) и в кургане 3 (отсутствует рог горного козла) (рис. 105, 12). Значительный список аналогий наносников этой схемы уже приводился (Эрлих, 2002. С. 12, 15, рис. 7, 6–11). В Прикубанье к этой схеме относятся наносники из кургана 19 у ст. Воронежской, ряд наносников из ст. Елизаветинской, хранящихся в Гос. Эрмитаже и Краснодарском музее-заповеднике, наносник из Карагодеуашха, а также наносник, случайно найденный в Фанагории (ОАК за 1903 г. С. 74, рис. 140–142, 148; Галанина, 2005. Табл. 4, 4, 5, 8, 10, 11; КГИАМЗ, № КМ 1130/238, 671, 801; Переводчикова, 1984. С. 11, рис. 4, 7; Лаппо-Данилевский, Мальмберг, 1894. Табл. VII, 4; Кобылина, 1972. С. 91, рис.). Имеются они и в кубанской (Майкопской) коллекции (бывшей коллекции Мерля де Массоно), хранящейся в Античном собрании в Берлине (Greifenhagen, 1970. S. 56, Abb. 13; Leskov, 2008. P. 136, 161. Cat. 171, 218). Еще один экземпляр, обнаруженный предположительно на Тамани, хранился до Второй мировой войны в берлинском Музее доистории и протоистории (Leskov, 2008. P. 215. Cat. 296).

На других территориях подобные наносники встречены в Южном Приуралье – в насыпи Филишовского кургана 3; на Нижнем Дону – Шолоховский курган, в Абхазии (Золотые олени Евразии, 1991. № 116, 117; Максименко, 1983. С. 166, рис. 12, 8; Воронов, 1975. С. 231, рис. 11, 4; 1991. С. 231, рис. 6, 2, 10) (рис. 105, 6–11). Весь круг аналогий наносников этой схемы ограничивается IV в. до н.э., причем подавляющее большинство их происходит с территории Прикубанья, а появление их на Дону, в Приуралье и в Абхазии объясняется связями этих регионов с Западным Предкавказьем в IV в. до н.э.

А.Р. Канторович предложил концепцию происхождения этих зооморфных изображений, условно названных им «оленскозлами», от изображений V – начала IV в. до н.э. «синтетического копытного – «лосекозла», помещаемого на золотых бляшках и обивках деревянных сосудов, а также бронзовых уздечных бляхах» (Канторович, 2003. С. 27, 28). По мнению исследователя звериного стиля, предметы с изображением «лосекозлов» ограничиваются территорией степной Скифии, Крыма и Прикубанья (Канторович, 1995. 45, 55; 2003. С. 27–28). Таким образом, можно разделить точку зрения А.Р. Канторовича о возникновении образа «оленскозла» в местной северопричерноморской среде.

⁵ В связи с этим нельзя не вспомнить и коническое изделие – «шлем» с изображением битвы бородатых и безбородых персонажей из Передерисовой могилы, который безусловно мог стоять в ряду прототипов Курджипскому колпачку. Человеческие фигуры, изображенные на нем имеют все те же признаки, однако выполнены они рукой искусного, явно греческого торевта (Scythian Gold, 1999. Cat. 124).

⁶ Кажется сомнительным видеть в данной вышивке какую-то надпись, как это делает Н.Г. Ловнач (Ловнач, 2004. С. 221–240).

2. К другому варианту композиций плоских наносников мы можем отнести два наносника в виде изображения двух головок животных-хищников, исходящих из петли для крепления к наносному ремню. Они происходят из комплекта коня 4а кургана 1 (рис. 105, 13; цв. вкл., рис. 11, 3а) и коня 13 кургана 2 (рис. 105, 14; цв. вкл., рис. 11, 3б). Аналогия этой композиции нам известна в кургане 19 у ст. Воронежской (ОАК, 1903. С. 74, рис. 146; Конь и всадник, 2003. С. 36, № 61) (рис. 105, 15).

3. Весьма сложна для понимания композиция плоского ажурного наносника из набора коня 5 кургана 2 (рис. 105, 16; цв. вкл., рис. 11, 3б). Вероятнее всего он представляет собой сильно стилизованную голову оленя, рога которого переданы в виде схематичной фигурки хищника, припавшего на лапы, с закинутым на спину закрученным хвостом. Хвост хищника в свою очередь превращен в клюв хищной птицы. Ее голова – задняя часть хищника, на которой просматривается рельефный глаз. Округлое отверстие для наносного ремня в свою очередь может являться глазом оленя. Аналогии подобному наноснику не известны.

4. Из тенгинского кургана 1 происходят два однотипных наносника в виде головы хищной птицы с сильно загнутым клювом на плоской пластине (кони 3 и 4) (рис. 105, 17, 18; цв. вкл., рис. 13, 1). У птичьих голов выступом обозначена восковица. Двумя завитками, исходящими от клюва, – язык. Глаз обозначен округлыми выступами. Наносники имеют петлю для крепления к ремню, расположенную поверх трапециевидной в плане плоской пластины. По стилю изображения им близок плоский наносник из кургана 19 у станицы Воронежской, однако у последнего отсутствует пластина (ОАК, 1903. С. 74, рис. 150).

5. Выдающимся изделием, безусловно, является скульптурный наносник в виде головы пантеры, терзающей человеческую голову. Он обнаружен в уздечном наборе коня 12 кургана 1 (рис. 105, 19; цв. вкл., рис. 14). Этот бронзовый предмет отлит по восковой модели с утратой формы. Плоская часть наносника представляет собой человеческую голову в обрамлении двух пар звериных лап (вторая пара лап не сохранилась, и на их месте имеются следы облома). Лицо человека широкое с раскрытыми глазами, переданными двумя овальными рельефными линиями, внутри которых находятся зрачки в виде ромбических вышуклостей. Рельефный нос, слегка расширенный вверху, выступает из надбровного выступа – рельефного пояса. Рот передан небольшой овальной выемкой. В нижней части лица имеется плавное сужение к треугольному подбородку, слегка подчеркнутое насечками с двух сторон. Возможно, художник так хотел передать бороду. Рельефными параллельными линиями переданы и пряди волос, доходящие до

уровня лба и упирающиеся в опоясывающую голову поперечную линию, ленту или край головного убора. Возможно, художник так пытался передать прическу либо головной убор или шлем. К голове примыкает трапециевидная пластина, передающая либо шею человека, либо торс животного. В другой плоскости к человеческой голове находится голова кошачьего хищника – пантеры с приоткрытой пастью и изогнутой дугой шеей, на которой автор рельефно передал шерсть, ухо и миндалевидный глаз. Пасть зверя находится у верхней части головы человека. Плоская часть изделия на обороте имеет петлю для крепления к наносному ремню. По своим конструктивным особенностям тенгинский наносник, вероятно, восходит к группе скульптурных наносников и наобников Северного Причерноморья VI–IV вв. до н.э. Некоторые из них имеют и дополнительные изображения (личины) животного на плоской пластине. Так, например, близок тенгинскому наносник из кургана Чмырева могила, на котором имеются изображения в двух плоскостях: скульптурного изображения кошачьего хищника и рельефного изображения звериной личины в обрамлении лап на плоской пластине (Мелиокова, 1976. С. 113, рис. 3, 5) (рис. 105, 20). Однако мастер тенгинского наносника переосмыслил известные ему прототипы, используя их для своей задачи. Он ввел в композицию человеческое изображение. Как мы отмечали выше, в меотском искусстве этого времени изображения людей крайне редки.

Обращаясь к смыслу сцены, изображенной на тенгинском наноснике – терзание кошачьим хищником человеческой головы, отметим, что кошачий хищник в родственном меотскому скифском искусстве (как и грифон) относился к существам нижнего мира, в то время как копытные и человек к среднему миру – миру живых существ (Раевский, 1985. С. 112). Как полагал Д.С. Раевский, копытное животное (и естественно изображение человека) маркирует в скифской картине мира “мир людей и вообще смертных существ, а хищник – хтонический мир, стихию смерти” (Раевский, 1985. С. 152). Е.Е. Кузьминой сцена терзания представляется как изображение космогонического акта творения и возрождения через уничтожение (Кузьмина, 1976. С. 70).

В Степной Скифии IV в. до н.э. сюжет терзания – пожирания кошачьим хищником человека – встречен дважды. На золотой пластине из кургана у с. Архангельская Слобода Херсонской области имеется изображение льва, терзающего бородатую человеческую голову (Leskov, 1972. Fig. 39). А.М. Лесков считал эти бляшки фракийскими по происхождению (Лесков, 1974. С. 74), однако, как заметил Д.С. Раевский, они вполне вписываются в скифский контекст (Раевский, 1985. С. 226). Подобный сюжет также встречен на одной из пластин

ножен солохского меча, где изображена пантера с раскрытой пастью, обращенной к человеческой руке (Манцевич, 1969. С. 107, рис. 11, 3; 1987. С. 69–71, № 49). Таким образом, можно полагать, что за сценой терзания человека пантерой стоит какой-то конкретный сюжет мифологии, имеющий скифско-меотские параллели.

Уздечные бляхи. Бляхи – достаточно универсальная деталь конской уздечки, которая служит для оформления ремешковых узлов, фиксации пересечения ремней, а иногда просто для украшения уздечки (рис. 106, 1–6).

1. Во всех трех тенгинских курганах встречены бронзовые круглые выпуклые либо полусферические бляшки, в большинстве с петлей на обороте. В кургане 1 они встречены в уздечных наборах коней 2, 3, 3а, 6, 7, 11. Шесть бляшек обнаружены вне наборов. В кургане 2 они находились в наборах конских погребений 5, 14 и 17. Пять этих бляшек происходят из конского жертвоприношения третьего кургана. Одна бляшка с овальным отверстием в центре щитка обнаружена здесь вне комплекса. В конских комплексах количество этих бляшек колеблется от одной до шести (курган 1, КП. 6) (рис. 106, 1, 2).

Бляшки этого типа появляются в Закубанье в конце VI в. до н.э. Полусферические бляшки известны в кургане 2 1898 г. и втором кургане 1909 г. Ульской группы, в скоплении 1 кургана 8 и скоплении 5 кургана 14 Уляпского некрополя; комплексе объекта 2 кургана 13 Начерзийского могильника. Известны они в материалах грабительских раскопок у хутора Шунтук, в закупленной в Майкопе Императорской археологической комиссией коллекции Козлова (Эрлих, 1992. С. 167), а также в части “Майкопского клада”, хранящейся в музее Пенсильванского университета (Leskov, 2008. Cat. 13)⁷.

Бляшки этого типа имели широкое распространение в скифское время и на других территориях. В Абхазии они встречены в комплексах конского снаряжения IV в. до н.э. и скорее всего связаны по своему происхождению с меотской традицией (Воронов, 1975. С. 230, рис. 10, 6; 11, 12–15; Эрлих, 2010б. С. 95, 96, рис. 11, 3).

Имелись близкие экземпляры и у восточных соседей меотов, поздних “кобанцев”. Например, в погребениях V – начала IV в. до н.э. Лугового могильника в Чечне (Мунчаев, 1963. С. 180, рис. 26, 8).

В Лесостепи, как считала В.А. Ильинская, они появляются в позднесарматское время, бытуют

на протяжении всего V в. до н.э. и особое распространение получают в IV в. до н.э. (Ильинская, 1968. С. 129). Встречаются эти бляхи и на территории савроматов в комплексах V в. до н.э. (Смирнов, 1961. С. 153, 154, рис. 51, 8, 9, 10; 52, 3, 4, 5).

2. У конского жертвоприношения 9 в кургане 1 встречены 3 бляшки-розетки ромбовидной формы с шестью выпуклостями (рис. 106, 3). Близкие по форме бляшки происходят из Уляпского кургана 8, датированного IV в. до н.э. (Leskov, 1990. S. 190, № 213). В украинской правобережной Лесостепи подобные бляшки встречены в кургане у с. Кошеватое, который В.Г. Петренко датирует рубежом V–IV либо началом IV в. до н.э. (Петренко, 1967. С. 94, 161, табл. 27, 8). В Степи подобные бляхи известны на Нижнем Дону, в Шолоховском кургане, а также в кургане у г. Арциз Одесской обл. (Максименко, 1983. С. 166, рис. 12, 12; Алексеева и др., 1997. С. 52, рис. 3, 9).

3. Весьма интересна находка бронзовой четырехлепестковой бляшки-розетки в наборе коня 15 кургана 2. Эта бляшка встречена к уздечному комплексу одна, и, по-видимому, помещалась на наносном ремне (рис. 106, 4). Ее форма весьма архаична и находит соответствие с одним из наиболее популярных типов бляшек протомеотского периода, которым присуща геометрическая композиция в виде “солнечного знака” ромба, образующаяся благодаря центральной выпуклости и внутреннему контуру лепестков. По нашей типологической схеме протомеотских бляшек ее можно отнести к типу 8, варианту 2 с выделенными лепестками. Данная бляшка имеет многочисленные аналогии в могильнике Пшиш, Кочипэ, Казазово и других протомеотских памятниках (Эрлих, 2007б. С. 133, рис. 98, 4, 12). В нашем случае можно предполагать переиспользование бляшки предскифского времени в уздечном комплексе второй половины IV в. до н.э.

3. Две бляхи из кургана 1 мы можем отнести к группе бляшек *зооморфной формы*. Из набора коня 11 происходит плоская бронзовая бляха в виде стилизованного сдвоенного изображения головок хвостной птицы (рис. 106, 5; цв. вкл., рис. 11, 16). Глаза и слезницы переданы волной и завитком. По краю щитка проходит гравированный “ребрик”. На обороте – массивная петля. Точные аналогии подобной бляшке, безусловно выполненной в “слизаветинском стиле”, не известны. Тем не менее нельзя не заметить ее сходства со степными бляхами-нащечниками в виде “петушков”, известными по Гаймановой могиле, Чертомлыку, Бабиной Могиле и другим памятникам. С последними тенгинскую бляшку сближает S-видный контур и “ребрик” по краю (Канторович, 1992. С. 30–39, рис. 1, 3–5).

⁷ А.М. Лесков посчитал, на наш взгляд, ошибочно эти бляхи, происходящие с территории Кубани, относящимися к протомеотскому периоду и датировал VIII – серединой VII в. до н.э., в то же время указав, что в скифских комплексах Украины они встречаются и позже, в IV–III вв. до н.э. (Leskov, 2008. P. 22).

4. Из набора коня 11 кургана 1 происходит еще одна плоская фрагментированная бляха-нащечник с петлей на обороте. По ущербной форме можно лишь предположить, что первоначально это была симметричная геральдическая композиция, изображавшая двух хищников (?) (рис. 106, 6).

Ворворки. Кроме бляшек, в состав уздечных комплектов входят ворворки и многочисленные колечки-пронизы. Функции этих предметов различны. Они служили для фиксации ремней, наносников на ремнях, закрепляли узелки сбруи. Ворворками в данном случае мы весьма условно считаем литые пронизы усеченно-конической формы, служащие для закрепления узлов ремней оголовья. Такую функцию можно предположить в системе оголовья коня 2 из кургана 1, коня 5 из кургана 2 и коня 1 из кургана 3, где вместе с полусферическими бляхами встречено по одной усеченно-конической ворворке (рис. 106, 7, 8).

В то же время наличие в комплекте коня 3 кургана 1 трех ворворок подобной формы позволяет предполагать, что часть их служила для фиксации ремней на голове лошади.

Тип усеченно-конических ворворок достаточно широко известен в Лесостепи и Степной Скифии. В закубанских курганах они встречены почти исключительно в комплексах V–IV вв. до н.э. и происходят из пятого Улянского кургана, из двух погребений Начерзийского могильника (объект 2 кургана 13 и объект 1 кургана 10), из кургана 52 урочища “Клады” (Эрлих, 1992. С. 194; Габуев, Эрлих, 2001. С. 115, рис. 3, 4, 5, 6).

Функцию ворворок как фиксаторов узлов ремennого оголовья лошади впервые показала В.А. Ильинская (Ильинская, 1968. С. 113). Такое их применение зафиксировано в Пазырыкских курганах, в кургане 7 группы “Частых курганов” под Воронжем; подобное использование ворворок можно проследить и по персепольским рельефам (Грязнов, 1950. С. 29, рис. 30; 39, рис. 17; Замятин, 1946. С. 32, рис. 18, 20; Calmeyer, 1985. Foto. IX).

Пронизы. В кургане 1 встречено большое количество бронзовых уздечных деталей с отверстием, через которое протягивался шнурок конского оголовья, которые можно условно называть пронизями⁸. Их количество достигало восьми в одном наборе (КП. 2).

Мы можем выделить несколько типов пронизей.

1. Усеченно-биконические – наиболее часто встречаемые пронизы. Они встречаются как литые (курган 1, КП. 2 – 3 экз., КП. 3 – 1 экз.; КП. 4а – 3 экз.; КП. 5 – 3 экз.; КП. 10 – 2 экз. и 4 экз. вне комплектов), так и свернутые из бронзовой пластины (курган 1, КП. 2 – 1 экз.; КП. 10 – 1 экз.) (рис. 106, 9, 10). По форме и размерам данному типу

пронизей наиболее близки бронзовые экземпляры из кургана 8 Уляпа (Лесков и др., 1983. Рис. 29, 1–3, 18, 20, 24), а также бронзовые и серебряные, встреченные в кургане 13 могильника Горки-1 на Среднем Дону (Гуляев, Савченко, 2004. С. 46, рис. 8, 6, 10–15)⁹.

2. Ко второму типу относятся пронизы полусферической формы, два экземпляра которых встречены в комплекте узды коня 4а кургана 1 (рис. 106, 11). Точная аналогия им была обнаружена также в кургане 8 у аула Уляп (Лесков и др., 1983. Рис. 29, 4).

3. Третий тип имел форму трубочек-цилиндров небольшого диаметра, свернутых из бронзового листа (рис. 106, 12). В кургане 1 четыре экземпляра таких трубочек происходят из комплекта коня 2, один обнаружен в кургане 3. Вероятно, этот тип пронизей, в который невозможно пропустить два шнурка, служил только для фиксации на ремнях плоских наносников в вертикальном положении. Не исключено, однако, чисто декоративное назначение бронзовых пронизей из кургана 1.

Бусы. Особенностью уздечных наборов кургана 2 является украшение их стеклянными бусами: одноцветными синего стекла и глазчатыми (синие глазки на белом фоне) (рис. 106, 13, 14). Подобные бусины встречены в комплектах коней 3, 5а, 6, 7, 8, 10, 13, 15. Основное назначение бусин, на наш взгляд, чисто декоративное. Нам представляется маловероятным, чтобы хрупкие бусины могли фиксировать перекрестие ремней оголовья, в то же время они вполне могли поддерживать в вертикальном положении конский наносник в КП. 13. Использование крупных глазчатых бусин в декорировке конских шнурков зафиксировано в Закубанье и для более позднего времени. В уздечных наборах коней из ритуальных жертвоприношений в погребениях 140 и 158 Тенгинского грунтового могильника (II в. до н.э.) встречены глазчатые, мозаичные и “бородавчатые” бусины (Беглова, 2002. С. 157–166, рис. 1, 3, 4, 9; 3, 3–5; 4, 1, 2; Конь и всадник, 2003. № 93 (реконструкция); № 94). На Северном Кавказе факт встречи глазчатых бусин, аналогичных тенгинским, зафиксирован в позднекобанском погребении 50 Лугового могильника, где они сочетались с двудырчатыми Г-образными псалями и могли также являться украшением уздечки (Мунчаев, 1963. С. 173, рис. 20).

На основе состава принадлежностей уздечных наборов (удил, псалев, налобников и т.п.) нами была сделана попытка графической реконструкции уздечки четырех принесенных в жертву коней – трех из кургана 2 (рис. 107, 1–3) и одного из кургана 1 (рис. 107, 4).

⁸ Очевидно, что в этом кургане их декоративное назначение было сходно функции бусин на шнурках оголовья в кургане 2.

⁹ А.Д. Могилев велел за В.И. Гуляевым и Е.И. Савченко считает эти предметы ворворками (Могилев, 2008. С. 336, рис. 146).

Среди жертвенного инвентаря тенгинских святилищ многочисленную группу составляют детали украшений костюма и головного убора (бусы, пронызи, нашивные бляшки, серьги, фрагменты диадемы и т.п.). Она насчитывает сотни предметов, многие из которых изготовлены из драгоценных металлов.

Украшения из золота

Золотая серьга. Из кургана 1 происходит золотая серьга (либо височная подвеска) в виде кольца из проволоки в два оборота диаметром 1,3 см, на которое надето колечко меньшего диаметра (0,55 см), свернутое из узкой пластинки (рис. 17, б, цв. вкл., рис. 16, 1ж). Подвески (либо серьги) подобной формы в погребениях предшествующего времени в Прикубанье нам неизвестны. По своему происхождению это украшение, возможно, связано с Приуральем. Серьгам этого типа было посвящено специальное исследование Е.В. Лыловой (Лылова, 2002. С. 243–247). Наиболее ранние серьги этого типа появляются на рубеже V–IV вв. до н.э. в Южном Приуралье и встречены в Филипповском I могильнике (не менее 8 экз.) и кургане, раскопанном на окраине Орска (Новокумакском) (Золотые олени Евразии, 1991. Кат. 16; Лылова, 2002. С. 243–247; 2008. С. 85–88, рис. 1, 2–8; Савельева, Смирнов, 1972. Рис. 1в). Кольцевидные подвески у этих серег состоят из спаянных между собой простых, иногда орнаментированных ложной насечкой проволочек, и припаяны к кольцам. Для спиральных колец более ранних украшений характерны крупные размеры – 3–3,5 см. На более поздних экземплярах подвеска крепится к кольцу подвижно, перемещаясь по спиральному кольцу при помощи специальной обоймы, как у серьги из четвертого Прохоровского кургана, либо без крепления надевается на спиральное кольцо, как у серег из Охлебининского могильника в Башкирии (Лылова, 2002. С. 245, рис. 1, 4, 5). На серьге из Мечет-Сайского могильника колечко-подвеска изготовлено не из пластинки, а из круглой в сечении проволоки (Степи Европейской части СССР, 1989. С. 376, табл. 71, 62). Серьга из тенгинского кургана более примитивна, чем ее прототипы из Филипповки и Орска. По размерам и способу крепления подвески она ближе к серьгам из сарматских памятников III–II вв. до н.э. (Лылова, 2002. С. 246).

Золотая подвеска от серьги сложной формы в виде невысокой полусферы, украшенной концентрическими чередующимися поясами зерни и скани. К краю полусферы припаяно 5 петелек, к которым привешены дисковидные подвески на цепочках крупного плетения (рис. 17, 5; цв. вкл., рис. 16, 1е). Происходит из кургана 1. Полные ана-

логии этой подвеске мне неизвестны. Однако имеются основания считать, что данное изделие могло быть привеской к калачевидной серьге. Подобная полусфера являлась частью серьги (височной подвески), хранящейся в Античном собрании Берлинских музеев, и вероятно являющейся частью коллекции Мерля де Массоно, происходящей с Юга России. Однако у последней имеются не цепочки, а три бусинки-привески в виде плодов граната (Greifenhagen, 1970. Taf. 38,5). Грайфсхаген датировал данную серьгу V в. до н.э., указав на близость этой подвески к паре серег из “Майкопского клада”, имевших по три подобных полусферических подвесок, покрытых зернью (Greifenhagen, 1970. S. 61, Taf. 30, 1)¹⁰. Полусферический колпачек-подвеска к калачевидной серьге с желудевидными привесками встречен в Ульском кургане 4 1909 г. Однако здесь сам полусферический колпачек лишен зерни, а имеет штампованный линейный орнамент (Ульские курганы, кат. 189; ОАК, 1909–1910. С. 152, рис. 219). Данный курган отнесен нами в третью хронологическую группу, которая датируется концом VI – первой половиной V в. до н.э.

Довольно близка по стилистике к тенгинской круглая привеска с цепочками из погребения 1, кургана 17 в Филипповке, датирующаяся IV в. до н.э., украшенная зернью и лжешнуром. Однако она уже не могла быть частью калачевидной серьги, так как имела на оборотной (не парадной стороне) три ушка для крепления (Золотые олени Евразии, 1991. Кат. 139). С тенгинской привеской ее сближает характер плетения цепочек. Таким образом, подвеска серьги из Тенгинского кургана 1 относится к привескам к калачевидным серьгам V–IV вв. до н.э., предположительно, производившимся в мастерских Боспора. Однако, судя по форме цепочек с привесками и более грубому характеру изделия, мы не исключаем и другие центры.

Нашивные бляшки. Нашивные бляшки из золота встречены во всех трех курганах. Их можно разделить на несколько групп: бляшки с личинами людей, бляшки, выполненные в зверином стиле, геометрические и растительные композиции.

Бляшки с личинами людей встречены нескольких типов.

1. *Бляшка в виде лица африканца* происходит из кургана 1 (рис. 108, 1; цв. вкл. рис. 16, 1в). Этим бляшкам близки нашивные украшения из курганов Куль-Оба и Чертомлык (Копейкина, 1986. С. 62, № 360; Алексеев, 1986. С. 155, № 36).

2. *Бляшки – маски* встречены в двух вариантах.

А. Из кургана 1 происходят две бляшки в виде человеческой маски с прямым длинным носом,

¹⁰ А.М. Лесков в своем исследовании “Майкопского клада” датирует эти серьги IV в. до н.э. (Leskov, 2008. P. 164, cat. 223).

вытащенными глазами и волосами в виде коротких прямых лучей (рис. 108, 2, 3; цв. вкл., рис. 16, 1б, г). Им наиболее близки бляшки, встреченные в кургане “Солоха” (Манцевич, 1987. С. 30, № 2).

Б. Второй вариант бляшек-масок представлен многочисленной серией (около 30 экз.) в виде овального безволосого лица, с плоским носом и раскосыми либо миндалевидными глазами (рис. 108, 4, 5; цв. вкл., рис. 17, 1). Все они происходят из кургана 2. Эти бляшки близки изображению на несохранившейся бляшке с человеческим лицом, известной по рисунку В.М. Сысоева, происходящей из Курджишского кургана (Галанина, 1980. С. 91, рис. 45).

3. Третий тип бляшек представлен единственной находкой из кургана 3. По-видимому, он восходит к позднему типу изображения Медузы без выsunутого языка (рис. 108, 6). Ближайшей ей аналогией является одна из бляшек, имеющаяся в части “Майкопского клада”, хранящейся в музее Пенсильванского университета (Leskov, 2008. P. 61, cat. 76).

Бляшки в зверином стиле можно разделить на несколько типов. Они различаются и качеством исполнения, и цветом самого металла, из которого выполнены.

Ажурная бляшка в виде хищной птицы в квадратной рамке найдена при расчистке столбовой ямки в кургане 1. Она выполнена из низкопробного, покрытого слоем патины золота (рис. 108, 7; цв. вкл., рис. 16, 1д). Точные аналогии ей нам не известны. Однако можно отметить определенную близость с одним типом бляшки с изображением лежащего грифона из женского погребения Толстой могилы (Мозолевский, 1979. С. 131, рис. 113, 2), однако тенгинский грифон сильно “варваризован”.

Нашивные бляшки в виде *хищных птиц*, происходят и из кургана 2, с ритуальной площадки и уровня перекрытия ямы. Они отличаются достаточно высоким качеством штампа. Среди них различается два варианта.

А. Более крупные бляшки в виде хищных птиц, обращенных вправо (рис. 108, 8; цв. вкл., рис. 17, 2а). Клов слегка загнут, в нем имеется отверстие для пришивания, глаз круглый, оперение шеи и груди передано ребристым кантом. Лапки птицы, оперение нижней части и крыло образуют своеобразную пальметту. Размер бляшки – 3 × 2,2 см. Встречена целая бляшка и бляшка с утраченной головой птицы.

Б. Две бляшки, выполненные по той же самой схеме, но обращенные влево. Они имеют несколько меньшие размеры: 2,5 × 2 см (рис. 108, 9; цв. вкл., рис. 17, 2б, д).

В. **Бляшка в виде утки**, обращенной вправо. Клов птицы косо срезан. В нем имеется отверстие для пришивания. Глаз круглый. Грудь, нижняя часть и крыло имеют обрамление из рубчатого канта. Лапки направлены в разные стороны (как и

у бляшек с хищной птицей), имитируя основание пальметты. Размер бляшки – 2,2 × 2,2 см (рис. 108, 10; цв. вкл., рис. 17, 2з). Отметим, что образ утки встречается в кубанской и колхидской торевтике первой половины IV в. до н.э. Шесть бляшек в форме уток, обращенных вправо, происходят из Уляпского кургана 4 (Шедевры..., 1987. С. 92, кат. 49; с. 105, рис. 33). Близкие бляшки-уточки обнаружены в погребении 24 в Вани (Medeas Gold, 2007. Photo on p. 75) и в погребении 5 могильника Саирхе (Maxaradze, Tsereteli, 2007. P. 57, № 43, color photo 9). Однако изображение на тенгинской бляшке более стилизованно по отношению к вышеуказанной серии.

По всей видимости, все пять бляшек с фигурами птиц из кургана 2 Тенгинского могильника произведены в одной мастерской, о чем говорит одинаковый прием в передаче лапок, имитирующих основание пальметты, рубчатый кант и цвет металла. Точные аналогии этим бляшкам нам пока не известны.

Бляшки геометрической формы представлены пятью типами.

Полусферические бляшки с выступающим бортиком по краю и двумя дырочками для пришивания (22 экз.). Диаметр – 0,7–0,8 см (рис. 108, 11, 12; цв. вкл., рис. 18, 2 в центре). Все они происходят с ритуальной площадки кургана 2. Подобные бляшки находят аналогии как в Уляпских курганах 1 и 5, так и в Елизаветинском кургане 5 (1914 г.) и в “Майкопском кладе” (Сокровища курганов Адыгси, 1985. С. 107, кат. 298; Галанина, 2003. С. 96, кат. 10; Leskov, 2008. P. 57, cat. 68).

Круглая бляшка с изображением девятилепестковой розетки, с чередующимися большими и маленькими лепестками треугольной формы. Вокруг розетки поясok “жемчужника”. Имеет три отверстия для пришивания (рис. 108, 13; цв. вкл., рис. 16, 1а). Диаметр – 1,8 см. Происходит из кургана 1. Этой бляшке по стилю наиболее близки бляшки из Чертомлыкского кургана (Алексеев, 1986. С. 65, № 3).

Круглая выпуклая бляшка в виде многолепестковой розетки с выступом в центре (рис. 108, 14; цв. вкл., рис. 16, 2з). Диаметр – 2 см. Происходит с ритуальной площадки кургана 2. Близкие по форме бляшки обнаружены в Большом Рыжановском кургане и в Чертомлыке. Отличие заключается в том, что у последних по краю имелся выступающий бортик (Chochorowski et al., 1996. Fot. 3; Алексеев, 1986. С. 66, кат. 10).

Ажурная фрагментированная бляшка в виде пяти треугольных лепестков, исходящих из круга в центре. В свою очередь рифленные треугольнички-лепестки являют собой видоизмененную пальметту (рис. 108, 15; цв. вкл., рис. 16, 2е). Диаметр бляшки – 3,5 см. Происходит из кургана 2. Точные аналогии не известны.

Нашивная ажурная бляшка в виде пальметты. В нижней части имеется петелька для пришивания. Размеры 2,4 × 2,3 см (рис. 108, 17; цв. вкл., рис. 16, 2б). Происходит с уровня церквытия большой ямы кургана 2. Очевидно, являет собой упрощенную схему нашивных бляшек-пальметт из Мелитопольского кургана и Чертомлыка (Тереножкин, Мозолевский, 1988. С. 91, рис. 98, 17; Алексеев и др., 1991. С. 174, кат. 100).

Бляшки в виде двойных волот. Происходят из кургана 2. Здесь встречено 5 целых и фрагменты еще, по крайней мере, четырех блях. Длина бляшки – 3,6 см, диаметры волот 1,7 см (рис. 108, 16; цв. вкл., рис. 18, 2). Единственная известная нам аналогичная бляшка имеется в берлинской части коллекции Массино, собранной на юге России. В отличие от тенгинских бляшек, последняя небольшого размера (длина 1,3 см), волоты изображены на ней рубчатой линией (Graifenhagen, 1970. S. 51, Taf. 28, 11).

Нашивные ленты-пластины. Среди золотых ажурных нашивавшихся на ткань в виде каймы лент, обнаруженных на ритуальных площадках курганов 1 и 2, выделяются три типа.

1. В кургане 1 встречен обрывок и несколько более мелких фрагментов золотой ленты из пальметт (рис. 108, 18; цв. вкл., рис. 16, 1з). Наиболее близкая аналогия данной форме пальметток известна на золотых бляшках из кургана Куль-Оба (Копейкина, 1986. С. 63, кат. 38).

2. Фрагмент ленты с более сложной композицией, в которой чередуются пальметты и трилистники (?), ограниченные сверху и снизу ребристым кантом с вертикальными насечками. Встречен в кургане 2 (рис. 108, 21; цв. вкл., рис. 16, 2а).

3. Фрагменты ленты в виде “ов”, чередующихся с пальметтами на ребристом канте (рис. 108, 19, 20; цв. вкл., рис. 16, 2ж). Найдены в кургане 2. Этой ленте близки пластины с “овами” из Чертомлыка, с той лишь разницей, что там “овы” чередуются с нераскрытыми бутонами, а кант не ребристый, а гладкий (Алексеев и др., 1991. С. 198, кат. 123а).

Детали диадемы (?) Обнаружены на ритуальной площадке кургана 2. Центральная часть изделия представляет собой фрагментированную ажурную пластину со сложной геральдической композицией (рис. 109, 1; цв. вкл., рис. 18, 1). Она состояла из двух примитивных фигур птиц, не хищных, без восковиц и загнутого клюва. У одной из головок сохранился выступ сверху – хохолок? Птицы находятся по сторонам “древа жизни”, прорастающего такими же птичьими головами и завершающегося тамгообразным знаком. Сверху и снизу пластина окаймлена ребристым кантом. Размер пластины – 9,5 × 5,5 см. Кроме того, к диадеме относились, видимо, отдельные мелкие фрагменты пластины в виде птичьих голов с загнутым клювом и выделенной восковицей на ребристом канте. Последние

находят аналогии на ажурной бляшке в виде сдвоенных птичьих голов из Елизаветинского кургана № 5 1914 г. (Галанина, 2003. С. 91, 96, кат. 14), которая, в свою очередь, восходит к более совершенным по мастерству золотым бляшкам в виде птичьей головки на ребристом канте из кургана 5 у аула Уляп (Сокровища курганов Адыгси, 1985. С. 99, 111, кат. 316).

Скорее всего к этой же композиции относятся и многочисленные завитки “бегущей волны” на ребристом канте, найденные здесь же. Подобные пластинки-завитки обрамляли золотую пластину, предположительно от головного женского украшения в Елизаветинском кургане 5, 1914 г. (Галанина, 2003. С. 93, 97, кат. 24). Пластинки-завитки на ребристом канте, являющиеся близкой аналогией тенгинским, хранятся в Краснодарском музее (КГИАМЗ, Ф2-4). Следует отметить, что там ребристая пластина-основа имеет закругление. В связи с этим, в подготавливаемом каталоге изделий из золота этого музея, они интерпретированы как украшение верхней части ритона (Мордвинцева и др., в печати, № 164)¹¹.

Отметим, что фризы из завитков в виде “бегущей волны”, обрамляющие композицию, центром которой является “мировое дерево”, продолжают существовать и в сарматском искусстве, например на сосуде из тайника кургана 28 могильника Высочины VII, датирующегося I в. н.э. (Беспалый, 1985. С. 167, рис. 4; L'Or des Amazones, 2001. Cat. 208).

В заключение в качестве определенной “модели” близких композиций, приведу пример из Вергины (Северная Греция). На двух расшитых золотом покрывалах пурпурной ткани, найденных в золотом ларце с костями царицы, имелась композиция, чем-то напоминающая тенгинскую (рис. 109, 2). По краю покрывала проходил фриз из “бегущей волны”, в центре находилась сложная композиция с “мировым деревом” и сидящими на его ветках противопоставленными павлинами (Andronicos, 1999. P. 195, fig. 156, 157).

Аналогия оправдана тем, что культурное влияние Северной Греции на варварскую периферию Прикубанья во второй половине IV в. до н.э. весьма ощутимо. Эти связи проявляются в находках изделий из золоченой терракоты, тканей, расшитых золотой нитью, которые мы рассмотрим ниже, а также в ряде других вещей (см.: Трейстер, 2002).

В то же время, композиция центральной части диадемы, где располагается тамгообразное изображение (пока самое раннее для Северного Причерноморья), говорит о явном восточном влиянии.

Золотые трубочки-пронизы. Из кургана 2 происходит серия золотых трубочек-пронизей, свернутых из золотого листа и украшенных поперечными рубчиками (рис. 108, 25, 26; цв. вкл.,

¹¹ Благодарю В.И. Мордвинцеву, ознакомившую меня с этими предметами до выхода работы из печати.

рис. 16, 2в). Подобные трубочки входили в состав ожерелья, обнаруженного в кургане 2 в сочетании с гагатовыми и терракотовыми бусинами, а также подвесками из стекла (цв. вкл., рис. 24). Подобные проицизы достаточно часто встречаются как в скифских курганах IV в. до н.э., так и в памятниках Прикубанья этого времени (*Копейкина*, 1986. Кат. 40; *Сокровища курганов Адыгеи*, 1985. С. 111, кат. 323; *Галанина*, 2003. С. 99, кат. 45).

Амфоровидные подвески Встречены в кургане 2 (3 экз.). Представляют собой спаянные из двух половинок подвески каплевидной формы, заканчивающиеся в нижней части ребристым упором-ножкой. К ножке припаяна проволочная петелька, пропущенная через верх изделия (рис. 108, 22–24; цв. вкл., рис. 16, 2д). Подобные золотые подвески каплевидной или амфоровидной формы достаточно часто встречаются в скифских курганах IV в. до н.э. Тенгинские подвески по форме и технике исполнения наиболее близки подвескам к серьгам из женского погребения Толстой могилы (*Мозолевский*, 1977. Рис. 117).

Золотные нити. Золотные нити, которыми, видимо, были расшиты ткани, встречены в курганах 1 и 2 (рис. 17, 1–3). Они представляли собой тонкую ленту фольги, которая обвивалась вокруг несохранившейся нити из органического материала, вероятно шелка. На сегодняшний день это наиболее ранние находки золотных нитей в Северном Причерноморье. До тенгинских находок самые ранние в Причерноморье ткани, расшитые золотной нитью, обвитой вокруг шелковой нити были известны лишь в богатом сарматском погребении I в. н.э. Соколова могила (*Ковпаненко*, 1980. С. 169, 175, рис. 6). В 1998–1999 гг. в 5 км от Тенгинских святылец, в богатом ритуальном комплексе погребения 140 Тенгинского грунтового могильника были открыты остатки расшитой золотной нитью ткани. Как указывает Е.А. Беглова, размер этой ткани составлял 2,4 × 1,4 м. Основа ткани не сохранилась, тем не менее, ее размеры восстанавливаются благодаря тому “что весь этот участок был маркирован нитевидными полосками золотой фольги длиной 1,5–4 см”. Ткань была расшита различными бляшками и бусинами. Данный комплекс датирован автором раскопок целой серией привозных предметов второй четвертью II в. до н.э. (*Беглова*, 2004. С. 102–104).

К более раннему времени, к III в. до н.э., относятся остатки золотных нитей, которые были обнаружены в 2003 г. в ритуальном комплексе кургана у ст. Новолабицкой (*Раев, Беспалый*, 2006. С. 9, № 27). Таким образом, сейчас все больше накапливается свидетельств, происходящих из одного микрорегиона, о поступлении сюда тканей, расшитых золотными нитями начиная с периода раннего эллинизма.

Безусловно, расшитые золотной нитью ткани могли быть привезены в Прикубанье из Северной Греции или Южной Италии, поскольку здесь они известны начиная с эпохи раннего эллинизма. Такие ткани происходят из “гробницы Филиппа II” в Вергине (*Andronicos*, 1999. P. 192) третьей четверти IV в. до н.э., из ряда комплексов III–II вв. до н.э. Тарента (*Gli ori de Taranto*, 1985. P. 339–240, cat. 277–280).

Украшения из золоченой терракоты

Большой интерес представляют имеющиеся в курганах 1 и 2 терракотовые украшения (медальоны, бусы и проицизы).

В кургане 1 они представлены лишь фрагментированным медальоном с изображением *Афины в шлеме* (цв. вкл., рис. 22, 25). Подобные медальоны уже встречались как в Прикубанье, в кургане 15 у ст. Воронежской, в погребениях 2в и 83в Старокорсуньского могильника, так и на Центральном Кавказе, в могильнике Камунта в Дигории (ОАК, 1903. С. 71, рис. 130; *Лимберис, Марченко*, 2005. Рис. 3, 10; 10, 5; *Уварова*, 1900. С. 317). Два таких медальона имеются в части “Майкопского клада”, хранящейся в музее Пенсильванского университета (*Leskov*, 2008. P. 39, 40, cat. 44).

По-видимому, центром их производства была Северная Греция. Здесь, в некрополях в основном второй половины IV в. до н.э. Пидна, Вергина и других встречено большое количество золоченой терракоты, в том числе и этого типа (*Tsigarida, Ignatiadou*, 2000. P. 27, fig. 16). В кремационном погребении I из Ораиокастро (окрестности Салоников) десять подобных медальонов вместе с деталями позолоченного ожерелья, состоящего из позолоченных бус яйцевидной формы, проицизей и лепестков, были встречены в комплексе с краснофигурным кратером колоколовидной формы со следами белой краски, датирующимся 380–360 гг. до н.э. (*Souteref, Matthaiou*, 2000. P. 223–236, fig. 5, 6, 7, 9). Однако, очевидно, кратер пережил свой век, и данный комплекс следует отнести ко второй половине IV в. до н.э. Большое количество золоченых медальонов с изображением Афины обнаружено в погребении “А” некрополя Дервени, которое исследователи относят к концу IV – началу III в. до н.э. (*Temelis, Touratsoglou*, 1997. P. 193–194, 220–222, pl. 59, A28). Золоченые терракотовые медальоны (“пуговицы”) разных размеров с изображением Афины Парфенос, происходят из святилища Деметры в Кноссе. Они вполне обоснованно были отнесены автором публикации к раннеэллинистическому времени (*Coldstream*, 1973. P. 172, cat. 329–330; pl. 99). Два аналогичных медальона входят в состав ожерелья из Национального музея в Копенгагене, происхождение которого неизвест-

но. Оно было приобретено в 1888 г. во Флоренции (*Breitenstain*, 1941. P. 61, cat. 569; pl. 71).

В коллекции Британского музея хранятся не меньше пяти терракотовых дисков с изображением Афины, диаметром от 3,2 до 2,1 см, на некоторых из них сохранились следы золочения (*Marshall*, 1911. P. 243–245, pl. XLII, № 2134, 2136, 2144, 2147, 2148). Их происхождение не известно; лишь один (№ 2136) происходит с Киренаики.

Гораздо большее число изделий из золоченой терракоты обнаружено в кургане 2. Это остатки одного или нескольких ожерелий, которые состоят из терракотовых бусин, процизей и медальонов.

Бусы представлены четырьмя типами.

1. Гладкие бусы яйцевидной формы относятся к типу 2 бус из глины по классификации Е.М. Алексеевой (*Алексеева*, 1982. С. 33) (цв. вкл., рис. 23, 12, 23, 29; 25, 6, 10). Подобные бусы в большом количестве встречаются в раннеэллинистических могильниках Северной Греции, например в погребениях А и Д могильника Дервени (*Temelis, Touratsoglou*, 1997. Pl. 61, A58; 123, Δ19). Как было указано выше, погребение А датировано издателями концом IV – началом III в. до н.э. А погребение Д по монете Филиппа II – 336–323 гг. до н.э. или позже (*Touratsoglou*, 1998. P. 32, 33). Встречаются также бусы и в Южной Италии. В частности, точные аналоги бусам из Тенгинской обнаружены в составе двух ожерелий из Тарента (раскопки 1976 г. на углу улиц Данте и Леонида, гробница 1) (*Gli ori de Taranto*, 1985. P. 210, 211, cat. 140, 141).

2. Округлые бусины с имитацией зерни и филигранны. Центральная часть имитирует рубчатую и две гладкие проволоочки. Половишки бусин украшены парными, имитирующими филигрань двойными волютами между которыми находятся выступы, подражающие зерни. Диаметр бусин – 0,9–1,1 см. (цв. вкл., рис. 23, 13, 24, 30). Близкие им аналоги, но с несохранившейся позолотой происходят из погребения 43 Серегинского могильника (I Tezori... Cat. 251).

3. Бусины с таким же украшением, но не округлой, а биконической формы. Диаметр бусин – 1 см (цв. вкл., рис. 20; 23, 27). По Своду Е.А. Алексеевой, этот и предыдущий тип бусин можно отнести к типу 6 глиняных бусин. К сожалению, все учтенные автором Свода бусины этого типа происходят из беспаспортных комплексов. В то же время, по своей форме и декору они близки к бусинам на золотой серьге и на золотом шейном украшении, хранящимся в Британском музее и предположительно происходящим из некрополя в Кимах второй половины IV в. до н.э. (*Уильямс, Огден*, 1995. № 48, № 55). В кимских драгоценностях имеется, по крайней мере, два ожерелья, в которых использованы круглые бусины с филигранными двойными волютами (*Уильямс, Огден*, 1995. С. 55). Близкие аналоги этим бусам имеются в коллекции музея

Бенаки в Афинах (происхождение неизвестно) и в античном собрании Государственных музеев Берлина, как полагают, “происходящие из Эретрии” (*Greek jewelry*, 1999. P. 168, 169, fig. 114, 115).

Бусы сходной формы, изготовленные из терракоты и покрытые золочением в большом количестве обнаружены в погребении А некрополя Дервени. Они также имеют ложную зернь, но у них отсутствуют волюты (*Temelis, Touratsoglou*, 1997. Pl. 62, 117a). Ожерелье из золоченой терракоты, в которое входят подобные бусы, предположительно “из Афин”, хранится в Античном собрании Мюнхена (Инв. № SL 337; *Blank*, 1976. S. 27, Abb. 12). Такие же бусы входили в состав терракотового ожерелья, происходящего из погребения 1 второй половины IV в. до н.э., открытого в 1976 в Таренте, на углу улиц Данте и Леонида (*Gli ori de Taranto*, 1985. P. 210, 211, cat. 140).

4. Мелкие бусины боченковидной формы с имитацией зерни и гладкой проволоочки, проходящей по центру (цв. вкл., рис. 20; 25, 1, 12, 20, 22, 23). По классификации терракотовых бус Е.М. Алексеевой, их можно отнести к типу 5. Подобные бусы также входят в состав вышеупомянутого терракотового ожерелья “из Афин”, хранящегося в Античном собрании Мюнхена (*Blank*, 1976. Abb. 12).

Процизи-распределители. Кроме бус, очевидно, к ожерельям, обнаруженным в кургане 2, относятся многочисленные процизи-распределители разного диаметра и длины в виде золоченых терракотовых конических трубочек с жемчужинами, имитирующими зернь на широком конце (цв. вкл., рис. 20; 23, 1–7). Близкие трубочки-процизи, чередующиеся с бусинами, имелись на золотом ожерелье из музея Метрополитен, предположительно происходящем из Мадита, датированном 330–300 гг. до н.э. (*Уильямс, Огден*, 1995. С. 114, № 65). Три процизи из золоченой терракоты входили в состав уже неоднократно упоминавшегося ожерелья из мюнхенского собрания (*Blank*, 1976. Abb. 12). Процизи такой же формы из золоченой терракоты с имитацией зерни имелись и в упоминавшихся выше двух ожерельях второй половины IV в. до н.э. из Тарента (*Gli ori de Taranto*, 1985. P. 210, 211, cat. 140, 141).

Медальоны. Очевидно, что центральное место в терракотовых ожерельях из кургана 2 занимали маленькие подвески-медальоны диаметром 1,3 см, имеющие петельку для подвешивания. В кургане 2 встречено 4 экземпляра (рис. 68, 1–4; цв. вкл., рис. 20; 21, 1). На лицевой стороне лучше сохранившегося медальона имеется изображение женского лица в обрамлении жемчужника, идущего по краю медальона. Штамп очень качественный. Хорошо переданы черты лица: припухлость и изгиб губ, подбородок. Волосы головки, зачесанные на две стороны, переданы волнистыми прядями. Головку венчает диадема в виде двух “рожек” или

полумесяца. У персонажа четко просматриваются округлые серьги, украшенные многолучевой розеткой. Следует отметить, что, несмотря на совсем миниатюрный размер, качество штампа этих медальонов намного выше, чем у известных медальонов с изображением Медузы или Афины в шлеме. Точные аналогии этим медальонам нам найти не удалось. Тем не менее, изображение имеет весьма близкое сходство с терракотовой женской протомой, хранящейся в Британском музее и приобретенной на Родосе. У последней имеются также разделенные надвое пряди волос, округлые серьги с изображением четырехлучевой розетки и диадема в форме полумесяца-банта. Терракота датирована Р. Хиггинсом концом V в. до н.э. (*Higgins, 1954. P. 101, cat. 295; pl. 50.*

В целом женский персонаж достаточно точно можно по имеющейся диадеме сопоставить с иконографией Артемиды-Селены, характерной для Восточного Средиземноморья начиная с эпохи поздней классики (*Breitstein, 1941. P. 49, cat. 446; pl. 55*). Иконографически близкие изображения женского персонажа встречаются вплоть до римского времени в пластике и геммах (*Brandt, 1968. S. 105, № 621, Taf. 64*). К наиболее ранним изображениям женского лица с рожками относится персонаж на перстне из Нимфейского погребения VI, хранящемся в музее Ашмолеон в Оксфорде и относящемся к концу V – началу IV в. до н.э. (*Vickers, 1979. Pl. XVII, b–c*). Майкл Виккерс в каталожной части привел два мнения, касающихся “рогатых” выступов у данного изображения. По мнению Г. Рихтер, это небольшие крылышки, а Джон Бордман полагает, что это рожки, как у речных богов (*Vickers, 1979. P. 46*). В целом изображение было отнесено Д. Бордманом к группе изображений с Никой, датирующейся в основном IV в. до н.э. (*Boardman, 1970. P. 223, 299, pl. 730*).

Тенгинские ожерелья, выполненные из терракоты, в Прикубанье, отнюдь, не уникальны. Многочисленные терракотовые детали ожерелий (3 пронизи, 17 подвесок) встречены в Курджипском кургане (*Галанина, 1980. С. 88, № 31*). Отдельные детали ожерелий в виде пронизей в форме двойной пальметты и подвесок в форме женской головки найдены в могильниках у хутора Ленина и Старокорсуньского городища (*Пьянков, 1998. Рис. на с. 9, рис. 1–11, 14; Лимберис, Марченко, 2005. С. 277, рис. 5, 11*).

Терракотовые украшения и медальоны, покрытые золотом, собственно в Греции получают широкое распространение со второй половины IV в. до н.э. Центром производства золоченой терракоты, по-видимому, следует считать Северную Грецию. В могильниках Македонии второй половины IV в. до н.э. Пидна, Вергина, Дервени и др. встречено огромное количество золоченой терракоты. Особенно популярны золоченые медальоны, которые

известны в Прикубанье, с изображением Медузы и Афины в шлеме. Золоченые терракотовые копии золотых ювелирных украшений изготавливались специально для погребений (*Уильямс, Огден, 1995. С. 10*), хотя известны их находки и в святилищах, например в святилище Деметры в Кноссе (*Coldstream, 1973. N 321–331*). Возможно, терракотовые украшения являлись прямыми копиями тех украшений, которые носил умерший при жизни. Изготавливались целые “гарнитуры”, состоящие, например, из серег с ладьевидными привесками (Тарент, Кирснаика) и сочетавшиеся с ожерельями из множества бусин, пронизей, медальонов, подвесок (См.: *Blank, 1976. S. 19–27, Abb. 8, 10*).

Изготовление золоченой терракоты предполагает достаточно сложную технологию, известную сейчас как техника “боло”. Сначала изделие покрывалось слоем белого цвета, состоящим из гипса, каолина и желатина, затем наносилось покрытие желтого цвета, состоящее из охры, замешанной на яичном желтке, и лишь на этот слой наносился тончайший лист сусального золота (*Tsigarida, Ignatiadou, 2000. P. 46, 47*).

Отметим, что в курганах степной Скифии изделия из золоченой терракоты не известны, хотя они встречены в могильниках Европейского Боспора (ИАК, 1904. Вып. 9. С. 79, № 1)¹², что, возможно, указывает путь поступления этих изделий, прежде всего золоченых медальонов, в Прикубанье (ст. Воронешская курган 15; Серегинский и Уляпский могильники, Курджипский курган) и в Центральное Предкавказье (*Уварова, 1900. С. 317, рис. 250; Прокопенко, 2001. С. 225*).

Связи с Северной Грецией во второй половине IV – начале III в. до н.э. хорошо подтверждаются находками и в других курганах Прикубанья (Карагадсуашх, Зеленский курган). Однако механизм этих связей вряд ли следует возводить лишь к обмену дарами между представителями северогреческой и меотской элиты, как полагает М.Ю. Трейстер (*Трейстер, 2002. С. 184*). Маловероятно, чтобы в состав этих даров входили испорченные терракотовые копии золотых украшений, изготавливавшиеся в Северной Греции специально для погребений.

Бронзовые украшения

В Тенгинских курганах украшения из бронзы единичны. Они имелись только в кургане 2. Это фрагменты браслета из круглой в сечении проволоки с расширенным концом (рис. 73, 12, 16). Вторая находка – перстень с овальным щитком и обломаной шинкой (рис. 73, 14).

¹² Нам известны только терракотовые серьги из погребения девочки в кургане 11 Рогачикского курганного поля (*Болтрик, Физалко, 2007. С. 70, рис. 6, 18*).

В публикуемых курганах присутствует большое количество предметов из стекла (подвески, амулеты, бусы).

1. Подвеска бирюзового стекла в виде птицы была обнаружена в скоплении 1 кургана 2 вместе с привозной и местной керамикой. Она из прозрачного голубоватого стекла, имеет сквозной канал, проходящий через тело птицы в области груди (цв. вкл., рис. 23, 18). Подобные подвески Е.М. Алексеевой отнесены к типу 188 и датированы римским временем (Алексеева, 1978. С. 74; табл. 34, 26, 27). В то же время их находка вместе с сетчатым лекифом и чернолаковым сосудом предполагает их поступление в Причерноморье с раннеэллинистического времени.

2. В кургане 1 найдена двусторонняя подвеска-амулет синего стекла с утраченной петлей-жгутиком. Она представляет штампованное изображение мужского лица с бородой и усами, оттиснутое в двусторонней форме. В нижней части имеется углубление от стержня, на котором держалось изделие во время штамповки (цв. вкл., рис. 22, 26, 27). В Своде бус Е.М. Алексеева относит эти подвески к типу 182 и датирует достаточно широко IV–III вв. до н.э., отмечая при этом, что по стилю они могут датироваться и более ранним периодом (Алексеева, 1978. С. 62, 73; табл. 34, 15–17). Близкое по форме и изображению стеклянное изделие, у которого мужская голова располагалась на диске, верхняя часть утрачена, но более заметен нижний выступ с отверстием, происходит из слоя Елизаветовского городища на Нижнем Дону (раскопки И.Б. Брашинского 1979 г., раскоп XIV). В каталоге "Золото амазонок" это изделие атрибутировано как навершие булавок и отнесено к IV в. до н.э. (L'Or des Amazones, 2001. P. 105, cat. 65). Сводка стеклянных двусторонних подвесок с изображением человеческих личи, происходящих из Елизаветовского городища, была сделана В.П. Копыловым. Учтено не менее трех подвесок с изображением мужского бородатого лица и трех подвесок с изображением женской головки (Копылов, 2006. Рис. 1, 5–10). Автор включает их в серию предметов пунийского импорта и датирует IV в. до н.э. (Копылов, 2006. С. 70–72). Для нас чрезвычайно важно, что данные предметы происходят из комплексов и слоя Елизаветовского городища, погибшего в конце IV в. до н.э. Возможно, эти комплексные находки повлияют в дальнейшем и на атрибуцию подобных подвесок, хранящихся в музеях мира. Так, например, совершенно аналогичное изделие (голова божества с бородой и усами) имеется в каталоге стекла Фитцвильямского музея в Кембридже. Голова божества на диске отнесена также предположительно к навершию булавок. Хронологически она включена в группу стекол египетского производства позднел-

линистического и раннеримского времени (Glass of Fitzwilliam Museum, 1978. P. 42, cat. 85f).

В каталоге выставки античного искусства в Копенгагене фаянсовое изображение мужской головы, происходящее из Египта, весьма близкое изображению на тенгинском амулете трактовано как голова Сераписа-Зевса и датировано III–I вв. до н.э. (Antik kunst..., 1974). Точная аналогия тенгинской подвеске опубликована в Каталоге египетских древностей Британского музея. Она атрибутирована предположительно как амулет с изображением божества Зевса-Сераписа и датирована раннеримским или более ранним временем. Предмет поступил в музей в 1875 г., место его находки – неизвестно (Conney, 1976. P. 5, № 42)¹³. Необходимо отметить, что изображение Зевса-Сераписа не могло появиться раньше начала III в. до н.э. Культ Зевса-Сераписа был введен основателем династии Птолемеев в Египте, Птолемеем I, который правил 305–283 гг. до н.э. Сераписа изображали человеком средних лет с пышной прической, бородой и усами, иногда с корзиной на голове.

В круг близких предметов следуют включить и бусину белого цвета с односторонним изображением мужского бородатого лица, обнаруженную в 2004 г. в могильнике Пичвнари в Колхиде, в комплексе IV в. до н.э. Данное изображение было атрибутировано Майклом Виккерсом как изображение старого Геракла (Vickers, Kakhidze, 2004. Fig. on p. 22).

3. Фрагменты стеклянного медальона (медальонов) обнаружены при расчистке перекрытия над ямой в кургане 2 без точного указания места. Медальон прозрачного зеленоватого стекла диаметром около 3 см имеет одну сторону плоскую, другую слегка выпуклую. На плоской стороне сохранились следы росписи накладными красками белого и темно-коричневого стекла, по-видимому, передающие женскую головку (цв. вкл., рис. 21, 2). Два подобных медальона с росписью накладными красками обнаружены С.И. Верибрюсовым в Керчи на горе Митридат, в детской могиле P14 (ОАК за 1878. С. XXXVI, табл. IV, рис. 20–21) и повторно опубликованы Н.З. Куниной (Кунина, 2000. С. 186–198, рис. 1, 2). На одном из этих медальонов изображена женщина с прялкой, сидящая на высоком стуле. На другом – также женское погрудное изображение. Сопровождающий материал могилы, в которой найдены эти медальоны, главным образом краснофигурные лекифы, позволил автору отнести их ко второй половине IV в. до н.э. (Кунина, 2000. С. 188). Н.З. Кунина затруднилась с определением назначения подобных изделий, приведя в качестве аналогии стеклянные украшения саркофагов и мебели, заметив, однако, что последние более выпуклые.

¹³ Искренне благодарю С.Я. Берзину за указанные аналогии.

В то же время находка в 1975 г. двух подобных медальонов в составе ожерелья в скифском кургане у с. Привольное Херсонской обл. позволило А.И. Кубышеву и А.С. Островерхову предположить, что это две половинки одного “кулона”. На привольнинских медальонах диаметром 5,5 см коричневой краской по белому фону изображены грифон и кентавр (Кубышев, Островерхов, 1997, С. 71, 72, рис. 1). Исследователи относят “кулон” из Привольного к раннеэллинистическому времени. По аналогии с ним они также отнесли к двустороннему погребальному амулету и пантикапейские находки. Как полагают авторы, слабая выпуклость изделий создавала определенный оптический эффект, в результате которого изображение, нанесенное краской на плоской стороне, кажется объемным.

Если Н.З. Кунина ничего не говорила о центре производства подобных медальонов с рисунками, считая их “редчайшими образцами античного стеклоделия и античного изобразительного искусства” (Кунина, 2000. С. 190), то А.И. Кубышев и А.С. Островерхов предположили скорее местное северопричерноморское их производство. Это заключение основывается на том, что “древнегреческие ремесленники Северного Причерноморья знали совершенные для своего времени печи различного предназначения и с высокими температурными режимами” (Кубышев, Островерхов, 1997. С. 74, 75). Последнее заявление кажется сомнительным, поскольку достоверные сведения о каком-либо стеклодельном производстве в Северном Причерноморье во второй половине IV в. до н.э. отсутствуют¹⁴.

Бусы. Стекланные бусы в большом количестве были встречены в Тенгинских курганах-святилищах 1 и 2 как на ритуальных площадках, так и в качестве украшений уздечек коней в кургане 2 (цв. вкл., рис. 23, 25). В массе своей они одноцветные, но имелись и глазчатые.

Одноцветные стекланные бусы и подвески. Среди них выделяются следующие типы:

1. Одноцветные бусины темно-синего стекла, округлой либо округло-кольцевидной формы диаметром 1,6–1,9 см. Встречены в конской могиле кургана 2 в качестве украшения ремней уздечки. Е.А. Алексеева относит их к типу 15 одноцветных бус. В Причерноморье им отведен достаточно широкий диапазон бытования “во все времена античной эпохи” (Алексеева, 1978. С. 64, 65; табл. 33, 2а) (рис. 55, 3–5; 56, 4; 58, 3, 5, 6; 59, 4, 5; 8–10; 61, 3–5; 62, 3–5).

¹⁴ В работе 2009 г. А.С. Островерхов предложил более “компромиссную” версию, заключающуюся в том, что из метрополии привозились стекланные заготовки этих “кулонов”, которые потом расписывались боспорскими мастерами (Островерхов, 2009. С. 79).

2. Округлые бусы из синего, голубого и бирюзового прозрачного стекла. Диаметр их 0,4 см (ритуальная площадка кургана 1) и 0,8 см (курган 2) (цв. вкл., рис. 22, 13, 14, 16–18, 20, 21; 23, 18; 25, 19). Относятся к типу 15 одноцветных бус по Е.М. Алексеевой. Как отмечает исследователь, они употреблялись во все времена античной эпохи (Алексеева, 1975. С. 64–65).

3. Округлые бусы диаметром 0,4 см глухого желтого стекла. Происходят из кургана 1. Относятся к типу 5 свода Е.М. Алексеевой, которая датирует последние VI–II вв. до н.э. (Алексеева, 1975. С. 63) (цв. вкл., рис. 22, 6, 15).

4. Округлые и поперечно-сжатые бусы белого непрозрачного стекла диаметр 0,4–0,3 см (цв. вкл., рис. 25, 3, 4, 14).

5. Кольцевидный бисер желтого глухого стекла диаметром 0,3 см. Многократно встречен на ритуальной площадке кургана 1.

6. Крупная ребристая восьмидольчатая бусина белого прозрачного стекла. Обнаружена на ритуальной площадке кургана 2. Диаметр – 3 см (цв. вкл., рис. 23, 22). Сопоставима с типом 142 по Своду Е.М. Алексеевой. Автор датирует крупные бусы такой формы I в. до н.э. – I в. н.э. (Алексеева, 1975. С. 71).

7. Подвеска в виде усеченной пирамидки из бело-бирюзового стекла. Найдена на ритуальной площадке кургана 2 (цв. вкл., рис. 23, 17). Ее размеры 1,8 × 0,4 см. По Своду Е.М. Алексеевой ее можно отнести к типу 112. Ряд подобных подвесок происходит из комплексов IV–III вв. до н.э. (Алексеева, 1975. С. 69, табл. 33, 35).

Глазчатые бусы:

1. Бусы синего стекла округлые или поперечно-сжатые с тремя глазками (рис. 59, 3). Диаметр – 1,5–1,7 см. Украшали уздечку коня 7 в конской могиле кургана 2. Они сопоставимы с типом 33а, по Е.М. Алексеевой. Автор свода отмечает, что этот вариант более характерен для эпохи эллинизма (Алексеева, 1975. С. 61, 62; рис. 15, 1). Еще одна бусина меньшего размера такого же варианта встречена на ритуальной площадке кургана 1 (цв. вкл., рис. 22, 7).

2. Поперечно-сжатая бусина глухого синего стекла с четырьмя глазками, каждый из которых образован кольцом глухого белого стекла размером 0,6 × 0,4 см. Обнаружена на ритуальной площадке кургана 1. По классификации Е.М. Алексеевой относится к типу 42а (Алексеева, 1975. С. 63).

3. Бусина округлой формы синего стекла с кольчатыми глазками желто-красного цвета. Диаметр – 0,9 см. Происходит с ритуальной площадки кургана 1. Бусина сопоставима с вариантом 33в свода Е.М. Алексеевой. По ее данным такие бусы датируются IV–II вв. до н.э. (Алексеева, 1975. С. 62, табл. 15, 28–30) (цв. вкл., рис. 22, 19).

4. Крупные глазчатые бусины темно-синего стекла округлой и поперечно-сжатой формы с диагональными рядами белых кольцевидных "глазков". Происходят из конских погребений 4а, 5а, 6, 13 и 15 кургана 2 и имеют диаметр 2,3 × 1,8 (рис. 56, 2, 5; 58, 4; 62, 6; 64, 7). Фрагментированная бусина такого типа обнаружена на ритуальной площадке этого кургана (цв. вкл., рис. 23, 16). Эти бусы можно отнести к типу 84, вариант "а", по Своду Е.М. Алексеевой. Они преимущественно встречаются в комплексах IV–II вв. до н.э. (Алексеева, 1975. С. 68, табл. 15, 16).

Украшения из камня

Бусины из гагата (гешира), блестящей разновидности каменного угля, встречены в курганах-святилищах 1 и 2. Эти относительно редкие поделки представлены тремя формами.

1. Тоненькие диски из гешира с отверстием обнаружены на ритуальной площадке кургана 1 (цв. вкл., рис. 22, 2, 10, 11). Как указывает Е.М. Алексеева, это расслоившиеся коротко-цилиндрические неорнаментованные бусы типа 27а, которые часто расслаиваются поперек и распадаются на подобные диски. По данным автора, бусы этого варианта появляются в III в. до н.э. Но в то же вре-

мя их количество из комплексов эллинистического времени невелико, основная масса происходит из погребений римского времени (Алексеева, 1978. С. 14, табл. 20, 41).

2. Бочковидные и поперечно-сжатые бусины типа 9а гагатových бус, по классификации Е.М. Алексеевой, происходят с ритуальной площадки кургана 2. Их размеры – 0,6 × 0,7 см (цв. вкл., рис. 25, 16, 18). Пять таких бусин, четыре малых (диаметр 0,5 см) и одна большая (диаметром 1 см), входили в состав наборного ожерелья, обнаруженного на ритуальной площадке этого кургана (цв. вкл., рис. 24). По Е.М. Алексеевой, гагатových бусы этого варианта встречаются в эллинистическое и римское время, лишь одна маленькая бусина обнаружена в погребении некрополя Ольвии, датирующемся позднесарматским временем (Алексеева, 1978. С. 12, табл. 20, 9–14). Целое ожерелье из гагатových бус, в которое входили 19 бусин этой формы найдено в кургане-святилище № 5 у аула Уляп (Сокровища курганов Адыгеи, 1985. С. 101, 111, кат. 328).

3. Гагатových бусины в форме кубиков, со стороной 0,7 см, из кургана 2 (цв. вкл., рис. 23, 8) сопоставимы с типом 43 по Своду Е.М. Алексеевой. По ее данным, они происходят как из комплексов III в. до н.э., так и из комплексов I в. до н.э. – I в. н.э. (Алексеева, 1978. С. 16, табл. 22, 50).

ОРУДИЯ ТРУДА И БЫТА

Эти предметы составляют незначительную долю среди вещей жертвенного инвентаря Тешгинских святилищ. К этой группе можно отнести фрагменты небольших *железных однолезвийных ножей* с прямой либо слабоизогнутой спинкой, встречающиеся в курганах 1 и 2 (рис. 18, 2, 15, 16; 74, 3). Подобные ножи достаточно часто встречаются в меотских могильниках рядом с костями животных, например, в расположенном неподалеку Уляпском грунтовом могильнике (Лесков и др., 2005. С. 95, рис. 12, 5; с. 99, рис. 18, 3; с. 107, рис. 3, 9, 10; с. 109, рис. 34, 15, 15а). Они, как правило, имели не сохранившиеся деревянные рукоятки. Поэтому относительно редкой находкой является крупный железный нож (более 15 см), обнаруженный среди ритуальных предметов "пробного участка" кургана 2 (рис. 48, 1). Он имел костяную рукоятку, украшенную циркулярным орнаментом. В кубанских памятниках длинные ножи встречаются относительно редко, как правило, в более ранних комплексах. Так, из погребения 48 кургана 15 Уляпского могильника происходят два ножа длиной – 18 и 17,8 см (Лесков, и др., 2005. С. 175, рис. 201, 3а, 3б). Длинные ножи (боевые или охотничьи) встречены в

Келермесском грунтовом могильнике. Их длина достигает 35,5 см (Галанина, 1989. С. 85; с. 102, рис. 15, 11). Как отмечает Л.К. Галанина, длинный нож (28 см) подобного типа с золотой обкладкой рукоятки найден Д.Г. Шульцем в Келермесском кургане 1 (Галанина, 1985. С. 158; 1997. С. 126, кат. 27).

Уникальной находкой для меотских памятников является обломок рабочей части *железного топора или тесла*, застрявший в стволе дубового столба из ямы-котлована кургана 2 (рис. 74, 11). До сих пор здесь известна лишь серия находок меотских боевых топоров. К сожалению, о полной форме этого предмета, использовавшегося для обработки дерева, судить трудно.

Керамическое пряслице усечено-биконической формы обнаружено в кургане 2 (рис. 78, 7). Пряслице подобного варианта, у которых высота до перегиба профиля в два и более раза меньше, чем высота после перегиба, начинают встречаться еще в протомеотское время (Эрлих, 2007б. С. 391, рис. 215, 24), но получают распространение позже (Лесков и др., 2005. С. 144, рис. 115, 1а; с. 152, рис. 2а, 2б; с. 179, рис. 215, 9а). Встречены подоб-

ные пряслица, но более мягких очертаний, и в слес Тенгинского II городища.

Скорее всего, к бытовым предметам – *крупной игле*, можно отнести фрагмент бронзового стержня с овальным ушком, обнаруженный в кургане I (рис. 21, 16). Бронзовые иглы появляются еще в

протомеотских памятниках (Эрлих, 2007б. С. 155, 156) и продолжают существовать по крайней мере до конца IV в. до н.э. (Анфимов, 1953. С. 187, 188, рис. 14, 37, 38). Однако тенгинский фрагмент иглы отличается своей массивностью, возможно, что эта игла предназначалась для плетения.

КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Навершия¹⁵

Четыре ажурных литых навершия (три бронзовых и одно бронзовое с железными клепками) были обнаружены на деревянном перекрытии рва в юго-восточной части кургана 2. Они лежали парно. Первая пара состояла из бронзового (в дальнейшем навершия № 1) и бронзового с железными клепками навершия (в дальнейшем навершия № 4), лежавших верхней частью по направлению к центру кургана, втулками на юг и юго-восток (цв. вкл., рис. 3, 2).

Вторая пара находилась западнее первой практически строго на юг от центра кургана, на южном конце перекрытия конской могилы. Она состояла из пары симметричных навершия (ниже навершия № 2 и 3), также лежавших верхней частью к северу (к центру кургана), а втулками на юг. Таким образом, расстояние между двумя парами навершия составляло около 1,5 м. Поскольку данные предметы являются подлинными шедеврами меотского бронзолитейного искусства и самыми яркими находками в Тенгинских святилищах, их описанию следует уделить особое место.

Все навершия уплощенные и имеют втульчатый насад (рис. 50–53). У навершия № 1 втулка подпрямоугольная в сечении, во втулке сохранились остатки древка. У остальных навершия втулка имеет овальное или округлое сечение.

Предметы несут на себе односторонние изображения обособленной профильной головы благородного оленя, стилизованные рога которого зооморфно трансформированы. При этом изображение на навершии № 1 является значительно более тонким и качественным, нежели на навершиях № 2–4.

Иконография изображений на навершиях

Навершия № 1¹⁶ (рис. 50; цв. вкл., рис. 8). Втулка, выполняющая в общей изобразительной схеме роль шеи оленя, переходит в уплощенную голову, ориентированную влево, от которой вверх отходят

и плоские ажурные рога. Общий размер навершия 24,5 × 17 см.

Олень показан крутолобым, с небольшой овальной мордой, подпирающей передний рог, с преувеличенным ухом, направленным наискось вверх и подпирающим заднюю часть рогов. Глаз оленя крупный овальный, образован углубленной линией, переходящей в завиток, имитирующий слезницу. Ноздря моделирована углубленным завитком, рот – дуговидной углубленной линией; зубы не показаны. Ухо оленя представлено в виде перевернутой головы хищной птицы с крутым лбом, ступенчатой преувеличенной восковицей и узким спирально закрученным клювом. Лобно-глазная часть данной птичьей головы отграничена от следующей восковичной части волнистой углубленной линией, закрученный конец которой образует птичий глаз. Аналогичным образом восковица на плоскости отделена от клюва, нижний край которого также обрисован углубленной линией.

Кожно-шерстная складка, отделяющая голову оленя от шеи, также трансформирована в перевернутую птичью голову с крутым лбом, преувеличенной ступенчатой восковицей и спирально закрученным клювом. Контур птичьей головы прорисован углубленной линией. Аналогичной линией моделирован округлый глаз птицы и очерчен нижний край восковицы. Ниже этой птичьей головы на шее оленя проведена горизонтальная волнообразная углубленная линия.

На боковой грани втулки навершия находится вертикальная полоса из “елочек”, намеченных углубленными линиями. Эта полоса, очевидно, отображает шерсть на загривке оленя, что соответствует моделированию шеи оленя посредством втулки. В этом контексте логично предположить, что вертикальная волнистая линия из углубленных S-видных фигур на противоположной боковой грани втулки является декоративной имитацией линии шерсти вдоль нижнего края шеи оленя, часто отображаемой в скифском зверином стиле с помощью гладкой рельефной линии или “жемчужника”.

Рога оленя состоят из четырех загнутых на конце отростков – переднего и трех задних, упирающихся окончаниями друг в друга. Все отростки исходят из единого корня, моделированного в соответствии с

¹⁵ Раздел написан в соавторстве с А.Р. Канторовичем.

¹⁶ Описание этого навершия и следующих составлено А.Р. Канторовичем.

натурой в виде дуговидной рифленой полоски над теменем оленя.

Передний рог направлен от корня вперед и затем, опираясь на нос оленя, переламывается под прямым углом и идет вверх, превращаясь в голову хищной птицы с крутым лбом, ступенчатой восковицей и длинным клювом, спиралевидно закручивающимся на конце и упирающимся в окончание первого из задних рогов оленя. Крупный глаз данной птицы соразмерен глазу описываемого оленя и моделирован таким же образом, с аналогичной слезницей. Нижняя часть восковицы отображена с помощью углубленной линии. Контур клюва дублирован углубленной линией, каковая по верхнему краю полностью соответствует внешним очертаниям, а по нижнему краю клюва до его завитка представляет собой волнистую линию из S-видных фигур, причем левый край этой линии, переходя во внешний контур, образует завиток, маркирующий щеку птицы.

Сам же передний отросток оленьих рогов продолжается и выше данного клюва, теперь уже в виде шеи и головы грифона или иного фантастического хищника со спирально загнутыми клювовидными челюстями, нижняя из которых упирается в окончание первого из задних рогов оленя, а верхняя – в окончание второго заднего рога. Шея данного животного обрамлена вдоль верхнего и нижнего контура рифлеными полосами, образованными углубленными линиями и, возможно, маркирующими шерстную складку на шее. Ухо грифона выступает в профиле над его лобно-теменной частью и моделировано трехлепестковой пальметкой, элементы которой образованы углубленными линиями. Глаз грифона овальный, с завитком-слезницей, сформирован углубленной линией. Аналогичная линия отграничивает снизу восковицу. Контур верхней и нижней челюстей клюва также подчеркнуты углубленной линией. При этом нижняя челюсть превращена в дополнительную голову хищной птицы с овальным глазом и ступенчатой восковицей, представляющую собой и в композиции, и в трактовке деталей уменьшенное подобие верхней челюсти. Углубленная линия, идущая вдоль нижнего края нижней челюсти, образуя у своего основания завиток, маркирует тем самым щеку грифона.

Задние рога композиционно противопоставлены переднему рогу и также зооморфно трансформированы, поскольку сливаются в единую композицию, представляющую собой условно-полнофигурное изображение стилизованного грифона с выпяченной грудью, с дуговидно изогнутыми шеей и крыльями (рис. 110). В этой композиции первый из задних отростков оленьих рогов играет роль передней части грифона (голова, шея, грудная часть), второй и третий – роль крыльев грифона, а основание задних рогов – сведенное к миниму-

му туловище со схематичными атрофированными ногами.

Данный грифон клювоголовый, с гребнем, соответствующий, за некоторыми исключениями, иконографии грифона позднегреческого типа, хотя и трактованный в духе скифо-месотской изобразительности. Клюв грифона, образованный завитком и подчеркнутый углубленной линией, упирается в противостоящий ему завиток клюва птицы, формирующий нижнюю часть переднего отростка оленьего рога. Вдоль всего верхнего края шеи грифона идет углубленная линия, от которой вниз отходят “ововидные” фигуры, образующие единую полосу, являющуюся ничем иным, как обозначением гребня грифона, который мастер был вынужден изобразить в плоскостном варианте, очевидно, не имея возможности сделать это рельефно. Как известно, в канонической греческой иконографии гребень идет вдоль всей шеи, переходит затем на голову, проходит по темени между ушей и завершается над глазом, причем завершающий выступ часто обособлен и имеет очертания небольшого рога (ср., например, голову грифона на рукояти махайры из третьего Семибратнего кургана (Черненко, 1973. С. 71, рис. 4), головы грифонов на уздечных распределителях из Филипповских курганов (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Fig. 10) или на деталях саркофага из Большой Близицы (Артамонов, 1966. Табл. 312)). Нельзя исключить, что и описываемый полнофигурный тешгинский грифон наделен этим, завершающим гребень, роговидным выступом. Роль последнего, возможно, выполняет завиток, упирающийся в темя данного грифона и одновременно являющийся нижней челюстью другого, противоположного грифона, обособленная голова которого, как уже было показано, трансформирует верхнюю часть переднего отростка оленьего рога. Возможно, однако, что данный выступ выполняет роль не рога, а торчащего уха полнофигурного грифона. В любом случае именно под этим выступом на плоскости головы грифона располагается его вероятный глаз, в роли которого выступает четвертая от начала “ова”, надельная завитком наподобие слезницы. Вместе с тем “овы” продолжают и перед предполагаемым глазом, по поверхности клюва грифона. Здесь они либо обозначают обыкновенное продолжение гребня в силу отступления мастера-“варвара” от традиционной иконографии позднегреческого грифона, либо маркируют клюв, как это иногда практиковалось в иконографии переднеазиатского грифона и хищной птицы и грифобарана в скифском зверином стиле, начиная с эпохи архаики (см., например, изображения из Кармир-Блура, Зивие, Грушевски, Аксютинцев, Мельниковки и т.д. (Шкурко, 1982. С. 3, табл. 1, 1, 2, 5, 13, 19, 20)).

Мы не вправе исключить и другой вариант восприятия зрителем головы описываемого грифона.

Возможно, мастер стремился отобразить грифона с огромной раскрытой пастью, для чего задействовал весь клюв противостоящей ему птицы, трансформирующей нижнюю часть переднего отростка олесьего рога (рис. 110, 5). В таком случае перед нами предстает грифон с дуговидно изогнутыми челюстями, в совокупности образующими полукруг; и с высунутым, закрученным вверх языком; как мы знаем, в таком духе выполнялись скифские реплики с архаичных греко-восточных (“ориентализирующих”) грифонов, начиная еще с VII в. до н.э. – см. келермесские навершия из кургана 3/Ш, подражающие грифонам на диадеме и на ритоне из того же комплекса (Галанина, 1997. С. 156, 161, 229, кат. 46, табл. 6¹⁷) – и до IV в. до н.э. включительно. С этой точки зрения особенно близки тешгинскому грифону и иконографически, и территориально, грифоны, оформляющие псалми и налобники IV в. до н.э. из ст. Кужорской в Адыгее (НМРА № 11501/18, 11501/20; Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 92, 106). Роль глаза тешгинского грифона в такой ситуации должна играть не четвертая, а вторая от начала “ова”, наделенная, так же как и четвертая, завитком наподобие слезницы.

В остальном интерпретация изображения грифона однозначна (рис. 110, 4, 5). Спереди его шея и грудь также акцентированы по контуру углубленной линией, которая в месте перехода грудной части в переднюю ногу образует завиток, отграничивающий грудь. Тем самым мастер показывает, что выпяченная грудь грифона переходит уступом в выступающую вперед переднюю ногу. Роль этой передней ноги выполняет начальная часть вышеописанного переднего отростка олесьих рогов (от корня рогов до места, где рог, опираясь на нос оленя, переламывается вверх под прямым углом). Фактически вся эта нога грифона сведена к преувеличенной лапе с четырьмя когтями, отображенными с помощью четырех “ововидных” фигур, образованных углубленными линиями. Именно так можно объяснить присутствие данных “ов” в исследуемой композиции, ибо эта деталь не имеет никакого иного оправдания с точки зрения анатомии как основного образа оленя, так и дополнительного образа грифона.

Вторая передняя нога грифона также отображена крайне условно и примитивно с помощью двух волнистых углубленных линий. Эти линии начинаются от спины грифона между шеей и крылом и идут по его туловищу, сближаясь и изгибаясь, отображая тем самым сужение и изгиб ноги и опираясь в перпендикулярную им дуговидную рифленую полосу корня олесьих рогов, который тем самым задействуется в композиции грифона в роли лапы с когтями. Аналогичная рифленая полоска

¹⁷К сожалению, в вышеуказанной работе в таблице 6 под изображением навершия, описанного в каталоге под № 46, стоит № 218, и наоборот.

помещена и в основании второго и третьего из задних отростков, где она совершенно неоправдана с точки зрения анатомии основного образа оленя, но находит объяснение как лапа грифона, вернее сдвоенные лапы, ибо именно ими оканчиваются сдвоенные задние ноги грифона, моделированные аналогично второй из передних ног.

Второй из задних отростков олесьего рога, как уже сказано, выполняет роль переднего крыла. Данное крыло повторяет линию грифовой шеи и, закручиваясь вперед (завиток подчеркнут углубленной линией), упирается в нее. По всей длине крыла проходит углубленная волнистая линия из S-видных фигур, причем в основании крыла эта линия переходит в ломаную линию, обозначающую передний край первой из задних ног. Параллельно этой ломаной линии ниже ее идет аналогичная линия, обозначающая задний край дашной ноги и одновременно передний край второй из задних ног. Еще ниже проходит еще одна линия такого типа, обозначающая задний край второй из задних ног. Эти сдвоенные ноги, как уже сказано, переходят в единую лапу, обозначенную рифленой полоской.

Наконец, третий из задних отростков олесьих рогов, будучи меньшего размера и повторяя очертания второго отростка, упирается в него, закручиваясь на конце. Вдоль краев этот отросток оконтурен углубленной линией, которая в основании переходит в вышеупомянутую линию заднего края последней ноги грифона. В отношении функции данного отростка в композиции элемента трансформации можно выдвинуть две версии – это либо второе крыло, либо торчащий хвост. Скорее всего верна первая версия, учитывая композиционный канон грифона на вазах “керченского стиля”, которые, как будет показано ниже, являются наиболее вероятным композиционным прототипом для данной фигуры грифона. На этих вазах хвост грифона опущен и пропущен между задних ног (Канторович, Эрлих, 2006. Рис. 14, 1, 2), что заставляет в нашем случае подозревать в роли грифовой хвоста ухо оленя, на которое опирается задний отросток его рогов.

Кроме того, в рассматриваемом изображении можно усматривать еще один факт зооморфной трансформации. Ступенчатость задних отростков олесьих рогов, которая не может найти объяснение в требованиях иконографии формируемого ими грифона, заставляет предположить, что эти отростки, как и передний, являются одновременно птичьими головами. В отношении переднего из этих отростков это более сомнительно, поскольку глаз соответствующей птицы в изображении не представлен, но в целом весь этот рог имеет очертания птичьего клюва со ступенчатой восковицей. В отношении среднего из задних отростков можно говорить об этом с большей уверенностью, учитывая наличие в его основании (ниже рифленой по-

лоски/лапы) полуовального углубленного завитка с отходящим от него дуговидным углублением. Эта деталь, не оправдываемая ни иконографией образа трансформируемого оленя, ни иконографией образа трансформирующего грифона, может быть квалифицирована лишь как глаз птицы, клюв которой собственно и образован средним из задних оленьих рогов. Лобная часть этой птицы, расположенная прямо над глазом (если рассматривать наверху в перевернутом виде), переходит уступом в восковицу, которая спускается двумя ступеньками к клюву. Что касается последнего из задних отростков оленьих рогов, на роль глаза соответствующей ему птичьей головы может выдвигаться либо завиток уха оленя, подпирającego данный отросток (в таком случае восковица этой птичьей головы также является двуступенчатой), либо, что вероятнее, нижний выступ этого отростка, на котором завиток обрамляющей линии образует нечто вроде глаза.

Навершие № 2 (рис. 51; цв. вкл., рис. 9). Втулка, призванная выполнять в общей изобразительной схеме роль шеи оленя, переходит в трапециевидную плоскую фигуру, сходную по контуру с головой оленя на навершии 1 и маркированную по контуру углубленной линией. Однако в данном случае голова оленя, также ориентированная влево, дана не скульптурно, а в плоскостном отображении, причем не занимает всю эту плоскость. В результате выступы, аналогичные выступам навершия 1, моделирующим носовую часть и ухо, остались незаполненными и стали композиционной основой для размещения дополнительных отростков рогов спереди и сзади, в результате чего количество отростков достигло здесь шести. Вся же композиция в целом построена по законам осевой симметрии, причем ось эта проходит по вертикали посередине втулки, разделяя рога на две симметричные группы по три последовательно нарастающих отростка, средние из которых – крупнейшие – упираются друг в друга завитками.

Голова оленя в целом и все ее детали моделированы углубленными линиями. Глаз овальный, лоб покато переходит в носовую часть, ноздря дана завитком, рот – прямой линией, пересеченной короткими косыми штрихами (имитация зубов?). Щека маркирована завитком. Шерсть под мордой, как и на навершии 1, трансформирована в перевернутую птичью голову с петлевидным глазом, ступенчатой восковицей и загнутым клювом, однако здесь эта голова выглядит уже не как результат превращения, а как следствие механического присоединения. От щеки оленя наискось вниз отходит линия, образующая удлиненную петлю и, возможно, имитирующая ухо оленя.

Над глазом на темени оленя, в соответствии с натурой моделирован корень рогов в виде короткой углубленной полоски-«елочки». Однако из этого корня берет начало только крупнейший из перед-

них отростков рогов. Все рога по контуру обведены углубленными линиями и трансформированы в птичьей головы, детали которых оформлены также углубленными линиями. Первый, наименьший из передних отростков рогов, отходит наискось вперед от морды оленя и оформлен в виде птичьей головы с крутым лбом и загнутым клювом, образующим в месте изгиба круглое отверстие. Глаз птицы овальный, с отходящим назад завитком слезницы. Восковица не выделена. Клюв по контуру обведен линией.

Второй по счету из передних отростков рогов, более крупный, отходит вверху от морды оленя и в своей основной части оформлен в виде птичьей головы со ступенчатой восковицей и загнутым клювом, образующим в месте изгиба круглое отверстие. Лобная часть практически не выделена, поскольку этот участок задействован для оформления клюва птицы на первом отростке рогов. Глаз птицы овальный. Восковица и клюв по контуру обведены линиями. Щека оформлена завитком.

Третий по счету из передних отростков рогов, крупнейший из них, отходит вверх из корня от морды оленя, изломан и в своей верхней части оформлен в виде птичьей головы с загнутым клювом, образующим в месте изгиба круглое отверстие. Возможно, глазом этой птицы следует считать овальную фигуру в нижней части отростка, однако более вероятно, что это смещенная щека, тогда как глазом является овал с отходящим от него назад завитком слезницы, помещенный выше излома перед круглым отверстием. В любом случае восковица не выделена. Клюв по контуру обведен линией.

Крупнейший из задних отростков рогов также изломан и оформлен в виде птичьей головы с загнутым клювом и выступающей восковицей. Глаз птицы овальный, с отходящим назад завитком слезницы. Клюв по контуру обведен линией, образующей в середине у нижнего края клюва завиток непонятного назначения. В месте загиба клюва круглое отверстие.

Следующий за ним задний отросток оленьих рогов оформлен в виде птичьей головы с крутым лбом, ступенчатой восковицей и загнутым клювом. Глаз птицы овальный, с отходящим назад завитком слезницы. Восковица и клюв по контуру обведены линиями. В месте загиба клюва круглое отверстие. Щека оформлена завитком.

Последний, наименьший из задних отростков оленьих рогов оформлен в виде птичьей головы со слабо выделенным лбом, ступенчатой восковицей и загнутым клювом. Глаз птицы удлиненно-овальный, схематичный. Восковица и клюв по контуру обведены линиями.

В целом изображение на навершии № 2 было, несомненно, подражанием изображению на навершии № 1.

Навершие № 3 (рис. 52; цв. вкл., рис. 10, 1). Изображение на данном навершии по общему контуру, композиционно, в трактовке и в моделировке деталей очень близко навершию № 2, поэтому ниже приводится лишь список отличий от изображения на навершии № 2. Они следующие:

- Голова оленя ориентирована не влево, а вправо
- Морда копытного скорее лосиная, поскольку изломана на конце под тупым углом, однако рога по-прежнему оленьи, в силу чего мы будем условно именовать его оленем.
- Вместо птичьей головы под мордой оленя представлены волнистые линии.
- Ухо отображено более четко, с внутренним овальным контуром.
- Корень рогов полностью смещен и обрамляет сверху морду копытного в виде “елочки”.
- Самый малый из передних отростков практически лишен зооморфного трансформирования, поскольку глаз птицы распался на беспорядочные дуговидные линии.
- Глаз птицы, оформляющий самый малый из задних отростков несколько более натуралистичен, нежели глаз птицы на соответствующем отростке навершия № 2.

В целом складывается впечатление, что изображение на навершии № 2 служило образцом для изображения на навершии № 3.

Навершие № 4 (рис. 53; цв. вкл., рис. 10, 2). Изображение на данном навершии иконографически сходно с навершиями № 2 и 3, однако имеет ряд существенных отличий. Поскольку данное навершие было обломано, здесь присутствует как сохранившаяся нижняя часть первоначального изделия (рис. 53, 1), так и приклепанная к ней новая верхняя часть. О том, что верхняя часть делалась заново, свидетельствует не только крепление внахлест и иной состав сплава (см. ниже), но и то, что изображение птичьей головы, сохранившееся фрагментарно (каплевидный глаз и подтреугольное ухо, переданные углубленными линиями) на первоначальной части правой лопасти навершия (рис. 53, 1), дублируется изображением на приклепанной части (рис. 53, 2). Вместе с тем как такового изображения головы оленя ни на первоначальной, ни на приклепанной части навершия нет, однако не исключено, что по первоначальному замыслу в ее отображении должны были быть как-то задействованы вышеупомянутые элементы птичьей головы на первоначальной части, соседствующие с неясной спиральной фигурой.

Приклепанная часть воспроизводит четыре крупных дуговидных оленьих рога, симметричных относительно вертикальной линии, проходящей по центру навершия. Кроме того, на левой стороне навершия к рогам примыкает отросток рога меньшего размера, композиционно соответствующий

скорее уху оленя, в чем можно видеть рецидив традиционной схемы оленьих голов “слизаветинского круга”.

Все отростки рогов оформлены в виде птичьих голов (рис. 53, 2). Это крутолобые птицы со ступенчатой восковицей и длинным узким клювом. Клювы, трансформирующие крупные рога, спирально закручиваются на конце, образуя кружок, тогда как клюв, в который превращен малый отросток рогов, не закручен, а загнут. Каждый из трех основных конструктивных элементов птичьей головы – собственно головная часть с глазом, восковица и клюв дополнительно подчеркнуты на плоскости углубленными линиями, идущими по контуру соответствующей части (на малом отростке это дублирование контура выражено слабее). На двух левых больших клювах эти линии, образуя завиток в нижней части головы, маркируют щеку птицы. Аналогичная линия образует овальный глаз каждой птицы, с отходящей назад петлевидной линией, формирующей слезницу (на малом отростке слезница столь явно не прослеживается).

Технология изготовления наверший

Поверхностный технологический осмотр наверший под бинокулярным микроскопом МБС-2, осуществленный профессором Н.В. Рындиной в лаборатории структурного анализа кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, показал следующее:

- Изделия отлиты по восковой модели с утратой формы. Литник, очевидно, находился в нижней части втулки, о чем свидетельствует концентрация находящихся здесь литейных пор

- Одностороннее желобчатое изображение, имеющееся на изделии, было нанесено на остывший воск, о чем свидетельствуют уступы внутри желобков (следствие дрожания руки) – так называемые “реснички”

- Перед нанесением изображения мастер произвел его разметку. Следы этой разметки на навершиях являются маленькие крестики, отмечающие, например, верх, низ или центр волнообразных завитков и перешедшие на сами изделия (рис. 111, 1)

- В ряде случаев поверх желобчатых полос мастер нанес чеканку зубильцем уже по отлитому изделию (рис. 111, 2), как например, в случае проработки глаза хищной птицы бороздкой: окаймляющие ее бороздки оказались значительно глубже остальных. Скорее всего мастер стремился таким образом дополнительно подчеркнуть глаз. Другие значимые детали, такие как ухо, клюв, край восковицы и т.д., также дорабатывались зубильцем по готовой вещи.

Навершие № 2 характеризуется поверхностной пористостью, что говорит в пользу того, что литье

Результаты рентгенофлюоресцентного энергодисперсного анализа наверший

№ анализа	Навершие № (по музейной описи и по упоминанию в тексте статьи)	Из какой части	Cu	Sn	Pb	Другие микропримеси
1	2277MIV (№ 2)	Втулка	89,45%	10,55%	Малые доли	мышьяк
2	—	Верхняя часть	85,14%	12,62%	2,24%	—
3	2276MIV (№ 3)	Втулка	90,47%	9,53%	—	—
4	—	Верхняя часть	88,22%	10,06%	1,72%	—
5	2278MIV (№ 1)	Втулка	80,73%	9,13%	10,14%	—
6	—	Верхняя часть	73,54%	13,94%	12,52%	—
7	Тепл.к.м. 2001-10 (№ 4)	Втулка	96,22%	3,78%	—	—
8	—	Верхняя часть	82,7%	17,3%	Незначительные доли	мышьяк

производилось во влажную, плохо просушенную форму (рис. 111, 3).

Навершие № 4 изготовлено по следующей технологической схеме:

1. Отлит основной массив наверхия с втулкой.
2. Впоследствии втулка отвалилась. После этого на ее оставшуюся часть (прямоугольную пятку) с помощью воска доформовали новую модель втулки. Изготовив литьем по новой восковой модели втулку, в нее пробивом вставили железный стержень.
3. После еще одного слема втулки основная часть наверхия с верхней частью втулки была прикреплена к сохранившейся части втулки железными заклепками.

Анализ металла, осуществленный рентгенофлюоресцентным энергодисперсным методом на геологическом факультете МГУ заведующим лабораторией рентгенографии Р.А. Митояном (характеристику метода см.: *Енисова, Колосков, Митоян, 1997*), показал следующее (см. табл. 1):

Как видно из таблицы, для отливки большинства наверхий использовалась бронза, состоящая примерно из 9 частей меди и одной части олова. При этом показательно, что для создания наиболее совершенного в художественном отношении наверхия – наверхия № 1 – был использован более сложный сплав, состоящий приблизительно из восьми частей меди, одной части олова и одной части свинца. Как указывает В.М. Чурсин, “жидкотекучесть меди при сравнительно небольших присадках 0,5–1,0% Pb возрастает, а затем уменьшается”, а начиная примерно с 10% опять начинает возрастать (см. график) (*Чурсин, 1982. С. 17–18, рис. 12д*). Именно состав сплава, из которого изготовлено наверхие № 1, был оптимальным для отливки столь сложной вещи.

Как показало поверхностное наблюдение, в бороздах, моделирующих детали изображения, местами хорошо сохранились остатки металла серебристого цвета. В этой связи интересно отметить, что анализ металла (см. табл.) выявил различие в

концентрации олова на поверхности верхней, основной, части наверхий и на втулках (см. особенно пробы № 5–8). Эти различия в концентрации олова объясняются как раз тем, что на верхней части наверхий имеются белые пятнистые проявления зон, обогащенных оловом. Такая обогащенность могла быть:

1) либо результатом искусственного нанесения олова на поверхность предмета с помощью лужения;

2) либо проявлением так называемых “оловянистых выпотов”, образующихся в ходе отливки на поверхности металла;

3) либо, наконец, следствием естественных коррозионных процессов после захоронения. В ходе этих процессов произошло образование растворимых солей меди и выход их из сплава на поверхность (*Meeks, 1986. P. 133*).

Экспериментами установлено, что на практике различить эти явления даже с помощью металлографии невозможно. Как указывает Н.Д. Микс, необходимо комбинирование рентгеновского анализа с исследованием шлифованных поверхностей под электронным микроскопом (*Meeks, 1986. P. 159*), что в нашем случае не представилось возможным. Впрочем, по данным экспериментов того же исследователя, “оловянистые выпоты” образуются при достаточно высокой доле олова – так, в одном случае при 15-процентном содержании олова в сердцеvine браслета эпохи средней бронзы “выпоты” на его поверхности отсутствовали (*Meeks, 1986. P. 153–155*).

В любом случае нам остается лишь констатировать, что в первом варианте (если предметы были намеренно покрыты оловом) цвет исследуемых наверхий изначально был серебристым. Во втором и третьем вариантах, при том составе сплава, который присущ данным наверхиям, они должны были изначально иметь золотистый цвет, ибо увеличение доли олова “до 5% делает бронзу более золотистой, сплавы с 10 и 15% еще более желтые” (*Pavuc, 1983. С. 138*).

Вместе с тем, по любезному сообщению канд. техн. наук, научного сотрудника сектора металлов ВНИИР И.Г. Равич, коррозионные процессы в разных участках вещи могут идти по-разному, и этим также может объясняться разница в концентрации олова в верхней части навершия и во втулке.

*Ближайшие аналогии навершиям.
Вероятное назначение наверший*

Применяя классификационную схему Е.В. Переводчиковой, следует относить тенгинские навершия к типу I ("навершия с изображением головы животного на цилиндрической втулке круглого или овального сечения"), характерному в основном для Прикубанья (Переводчикова, 1980. С. 26, 27, 31–32, рис. 1, 1–9).

Еще В.А. Ильинская указала, что для поздних прикубанских наверший характерно отсутствие бубенца и наличие обособленной головы оленя с рогами, "стилизованными в виде ажурно-прорезного геометричного рисунка", причем голова может быть чрезвычайно схематизирована и служить прежде всего основой для доминирующей композиции рогов (Ильинская, 1963. С. 48). Именно к данному ряду, как мы видим, принадлежат тенгинские навершия (в особенности № 2–4), и вполне закономерно, что ближайшую аналогию им среди вещей той же категории составляют навершия из Анап-кургана близ Майкопа (4 экз.) (рис. 112, 6, 9) с односторонним изображением обособленной оленьей головы с пышными рогами (ОАК за 1900. С. 37, рис. 96, 97), относящиеся к тому же типу по Е.В. Переводчиковой (Переводчикова, 1980. С. 27, рис. 1, 3).

Если же абстрагироваться от вещевой категории и рассматривать изображения на тенгинских навершиях как таковые, становится очевидным, что по своей стилистике все они принадлежат к произведениям искусства прикубанского звериного стиля IV в. до н.э. и их можно отнести к изделиям "елизаветинского круга" (Переводчикова, 1994. С. 162–163, 167). Искусствоведческую характеристику звериного стиля "изделий круга ст. Елизаветинской" удачно привела Е.Ф. Королькова. "Стиль этих художественных изделий отличается обобщенностью образов, сложными текучими ритмами и плавностью контуров, подчеркнутую зачастую характерным рубчатым кантом; плоскостностью и графичностью решения; вытянутостью пропорций и декоративностью... стилизованных изображений... обилием дополнительных звериных мотивов... сочетанием признаков разных животных в едином образе... зооморфными завершениями отростков рогов" (Королькова, 2001а. С. 91–92, рис. 1, 2, 9, 13–16; 2).

В отличие от расчитанных на двустороннее обозрение прикубанских наверший предшествующей поры (например, ульских) или же северопри-

черноморских скифских наверший VII–IV вв. до н.э., изображения на тенгинских навершиях односторонни. Эта черта характерна для уздечных наборов Прикубанья второй половины IV в. до н.э., украшенных в стиле "елизаветинского круга"; в этих наборах существенную роль играет техника гравировки по восковой модели или насечки по готовому изделию, наносимой, как правило, с одной, открытой для обозрения стороны – на переднюю часть псалиев (рис. 112, 1–5, 7, 8, 11), верхнюю часть налобников. Характерно, что на сходство изображений поздних прикубанских наверший типа рассматриваемых нами с украшениями уздечных принадлежностей из Елизаветинских курганов указывала еще В.А. Ильинская (вслед за М.И. Ростовцевым и Г.И. Боровкой) (Ильинская, 1963. С. 48).

Вместе с тем изображения на тенгинских навершиях могут быть разделены на два **композиционных варианта**:

1) с головой оленя с рогами, симметричными относительно вертикальной оси (навершия № 2–4) (рис. 112, 10);

2) с головой оленя с асимметричными рогами (бронзовое навершие № 1) (рис. 112, 12).

С точки зрения композиционной структуры, *первый вариант* тенгинских изображений на навершиях находит себе значительно большее число близких аналогий, нежели второй, и это обособленные головы оленей с рогами не только на выше-названных Анап-курганских навершиях (рис. 112, 6, 9), но и на предметах других категорий второй половины IV в. до н.э.: на псалиях из этого же Тенгинского кургана, из Елизаветинской и Гюзноса (рис. 112, 4–6, 8–11). Всех их роднит подчеркнутая симметричность и условность трактовки деталей, доходящая до геометризма – так, что не только рога оленя, явно уподобляемые пальметке, оказываются разложенными на два почти равных пучка (порой зеркальных), но и сама голова копытного организуется аналогично, для чего морда сужается, практически уподобляясь и по трактовке, и по позиции уху, симметричному ей относительно глаза, через который и проходит вертикальная ось композиции. Опять-таки еще В.А. Ильинская на примере наверший из Анап-кургана отмечала, что собственно голова оленя в такого рода композициях служит прежде всего основой для явно доминирующих изоценных рогов и потому чрезвычайно схематизирована (Ильинская, 1963. С. 48).

Ближкие аналогии *второму варианту* изображений оленей на тенгинских навершиях (рис. 112, 12) нам неизвестны, однако составляющие этой композиции по отдельности также находят себе параллели в прикубанских материалах. В частности, ближайшей аналогией рогам оленя на этом навершии являются обособленные оленьи рога на щитке псалия из третьего Большого Семибратнего кургана: здесь мы видим то же противопоставле-

ние переднего отростка трем задним, причем все они трансформированы в головы хищных птиц (рис. 112, 3). Отсутствие здесь головы оленя не должно нас смущать по вышеуказанной причине: как мы видели на примере аналогий тенгинским навершиям первого варианта, в Прикубанье целый ряд вещей “елизаветинского круга” украшен не только изображениями четко проработанных обособленных оленьих голов с рогами, но и такими их модификациями, в которых собственно головная часть трактована крайне схематизированно и геометризированно вплоть до полного атрофирования. В последнем случае могли возникать плоскостные изображения обособленных оленьих рогов, композиция которых, как справедливо отметила Е.В. Переводчикова, “принимает сходство с птичьими когтями, и только многочисленность, разнообразие форм рогов и переходные формы между когтевидными и не когтевидными изображениями заставляют все же считать их рогами оленей” (Переводчикова, 1994. С. 163) (ср. птичьи лапы на щитках псалиев из второго Уляпского кургана (Шедевры... 1987. Рис. 22, кат. № 28)). Возможно, впрочем, что, наоборот, обособленные стилизованные когти птицы или хищника послужили основой для их превращения в обособленные оленьи рога. Не случайно М.И. Артамонов, имея в виду именно такие изображения на псалях и уздечных бляхах IV в. до н.э. из Семибратних курганов и Елизаветинской, отметил, что здесь “невозможно распознать реальную основу” (Артамонов, 1976. С. 83). Во всяком случае очевидно, что в ситуациях, когда голова оленя совершенно отсутствует, как в семибратнем изображении, можно говорить о взаимопревращении рогов оленя и лапы птицы, причем каждый рог/коготь еще и трансформирован в голову хищной птицы.

Датировка данной аналогии не противоречит контексту тенгинского комплекса. Уже А.К. Коровина указывала на принадлежность третьего Семибратнего кургана к поздней подгруппе соответствующей курганной группы. Не приводя для него какую-либо определенную дату, исследовательница однозначно сближала его по инвентарю с шестым и седьмым курганами данной группы, отнесенными ею ко второй–третьей четверти IV в. до н.э. А.К. Коровина, в частности, писала: “В конских уборах курганов № 3, 6 и 7 мы встречаем совершенно новые мотивы украшений, нашедшие свое дальнейшее развитие в уборах из станции Елизаветинской” (Коровина, 1957. С. 185). Наиболее поздним из всей Семибратней группы считал третий курган М.И. Артамонов, относивший его, впрочем, к началу IV в. до н.э. (Артамонов, 1966. С. 38–39). По мнению же Е.В. Власовой, специально занимающейся хронологией Семибратних курганов, третий курган был сооружен во время правления боспорского царя Левкоша I (389/8–349/8 гг. до н.э.)

(Власова, 2001. С. 8–9). Вполне возможно, что композиционная схема того типа, что присутствует на данном семибратнем псалее, послужила примером для формирования композиции рогов оленя на тенгинском навершии второго варианта. Следовательно, несколько более ранняя дата семибратнего изображения по сравнению с тенгинским изображением второго варианта вполне закономерна, не говоря уже о тенгинских изображениях первого варианта, которые, как мы видели, полностью вписываются в контекст изображений “елизаветинского круга”, в которых условно-декоративные мотивы более сильны, нежели в семибратних, хотя и являются логическим развитием иконографии последних.

Вместе с тем, как уже сказано, изображение второго варианта тенгинских наверший замечательно тем, что три задних отростка рогов данного оленя в совокупности составляют фигуру грифона, который по наличию гравированного гребня сходен с грифонами позднегреческого типа. Факт превращения рогов оленя в целую фигуру грифона в данном иконографическом решении беспрецедентен, хотя сам по себе такой прием использован на щитке псалиев из ст. Кужорской, где рога оленя трансформированы в парные геральдические фигуры грифонов, но в совершенно иной трактовке, нежели на тенгинском навершии (Шедевры..., 1987. Рис. 18, кат. № 23). В нашем же случае наиболее близкими в композиционном отношении данному изображению грифона представляются фигуры грифонов на распространенных в Боспорском царстве расписных вазах “керченского стиля” второй половины IV в. до н.э. (Кобылина, 1951. Рис. 5, 1; 6, 3, 4; 7; Шмаль, 2000. С. 150, кат. 56а; с. 152, кат. 60а, 64а; с. 154, кат. 62а; с. 155, кат. 63а; с. 156, кат. 65а; Капторович, Эрлих, 2006. Рис. 13). На этих вазах, близких тенгинскому комплексу в пространственном и хронологическом отношении, мы встречаем такого же как бы остановившегося на ходу грифона с выпяченной грудью и дуговидной изогнутой, отклоняющейся назад шеей.

Для дальше, можно заметить, что в графических приемах передачи гребня грифона и оперения птиц – хищных птиц – использованы декоративные элементы греческого искусства этого времени: редуцированные “овы” и бегущая волна из волнот. Это лишний раз подтверждает наше предположение о близком знакомстве мастера с греческой вазописью, а возможно и с ювелирным искусством, где последний элемент употреблялся еще чаще и откуда он проникал и в изображения скифского звериного стиля (ср., например, трактовку рогов оленя на золотой обивке деревянной чаши из Елизаветинского могильщика (Артамонов, 1966. Табл. 322).

Нам представляется, что именно сцены на вазах “керченского стиля” послужили образцом для подражания при зооморфном трансформировании рогов оленя на тенгинском навершии № 1.

В свою очередь, творению более искусного во всех отношениях “мастера наверхий № 1” подражал “мастер/мастера наверхий № 2–4”, как следует из проведенного нами иконографического и технологического анализа.

Таким образом, исходя из даты ваз “керченского стиля”, к которому восходит изображение на самом раннем, по нашему мнению, наверхий № 1, все наверхий из кургана 2 Тенгинского могильника могут быть датированы временем не ранее второй половины IV в. до н.э. Эту дату подтверждает и хронология ряда предметов, обнаруженных в этом комплексе.

Весьма важен контекст находки тенгинских наверхий. В связи с особенностями иконографии наверхий и спецификой соответствующего погребального комплекса для нас весьма существенны выводы Е.В. Переводчиковой и Д.С. Раевского. Эти исследователи, проанализировав все известные к концу 1970-х годов контексты нахождения скифских наверхий, справедливо указали на то, что в подавляющем большинстве случаев они так или иначе встречаются с конскими погребениями, либо предметами конского убора. Авторы предположили, что в ряде случаев животных приносили в жертву у столбов, увенчанных этими культовыми штандартами, которые трактуются ими как материальные воплощения мирового древа/космического столпа, сокращающие жертвенное пространство (Переводчикова, Раевский, 1981. С. 44–51).

В свете вышесказанного логично предположить, что попарное размещение наверхий в кургане 2 Тенгинского могильника не случайно, а отражает их позицию в ритуальном процессе. Симптоматично, что, по крайней мере, одну из ситуационных пар составили наверхия, голова оленя на одном из которых противонаправлена голове оленя на другом (№ 2, 3). Возможно, эти “зеркально” отражающие друг друга наверхия во время ритуала располагались напротив друг друга на углах соответствующей площадки. Так или иначе, в отношении данных тенгинских наверхий, нам кажется оправданным мнение Е.В. Переводчиковой и Д.С. Раевского о том, что наверхия увенчивали песты, ограничивающие некое ритуальное пространство, причем в нашем случае именно в рамках данного пространства могло осуществляться принесение в жертву лошадей, найденных в кургане 2 Тенгинского могильника.

Деревянная чаша

К исключительно культовым предметам относятся и остатки деревянной чаши с четырьмя золотыми накладками, встреченные в кургане 2 вместе с панцирным поясом и колчазом.

Золотые накладки на деревянную чашу выполнены техникой выколотки по одной деревянной мат-

рице¹⁸ (рис. 47, 2; цв. вкл., рис. 19). Накладки имеют форму вытянутых треугольников – “флажков” размерами 14,5 × 5; 14,5 × 5; 14,8 × 5; 12,3 × 5 см с отверстиями по краям для крепления. Окончания целых пластин – загнуты. На пластинах имеется рельефное изображение лежащего либо скачущего оленя с головой, повернутой назад (рис. 47, 2). Грудь передана двумя концентрическими окружностями с точкой посередине. Ребра – несколько рельефных полосок. Задняя часть оленя имеет изображение головы хищной птицы.

Следует отметить, что находки металлических аппликаций деревянных чаш в Прикубанье, где основным культовым сосудом был ритон или рог для питья (Власова, 2000. С. 54–63), достаточно редки. Как считают исследователи, ареал полусферических деревянных чаш с металлическими аппликациями – Лесостепь и Степь Восточной Европы, а также и азиатский пояс степей (Рябова, 1989. С. 137; Филалко, 2004). Время их бытования в Лесостепной Скифии – с начала V в. до начала IV в. до н.э., а в Степи – вторая половина V–IV в. до н.э. (Рябова, 1984). Причем во второй половине IV в. до н.э. собственно в Скифии деревянные чаши выходят из употребления как культовая посуда, уступая место серебряным киликам либо круглотелым кубкам (Филалко, 2004. С. 269).

Наиболее ранние обивки V в. до н.э. из Лесостепи имели изображения оленей и хищной птицы, но они стилистически далеки от тенгинских пластин (Рябова, 1984. Рис. 1, 2), да и наносились они на пластины другой формы. В то же время на пластинах треугольной формы зооморфные изображения в Скифии редки, исключением являются пластины из курганов Бабы и Шолоховского на Нижнем Дону. Последний курган, кроме того, содержал ряд близких аналогий вепсам из Тенгинских святилищ (Максименко, 1983. С. 165, рис. 11). В то же время изображение лежащего оленя с повернутой головой на пластине из этого кургана по своей схеме восходит к лесостепным прототипам из Журовки (курганы 400 и 403) и кургана у с. Омельник Кировоградской обл. (Рябова, 1984. Рис. 1, 1–3).

Наибольшее стилистическое соответствие олень на тенгинской накладке, по моему мнению, находит у деревянных, покрытых золотым листом оленей из кургана 1 Филипповки: это “худые” животные, тело которых образуют две параллельные линии. Подчеркнуто переданы ребра, грудь изображена в виде концентрических окружностей (Золотые олени Евразии, 1991. кат. 1–5; 21–28). Связи Приуралья и Нижнего Поволжья с Прикубаньем в IV в. до н.э. подтверждаются находками в филипповских курганах деталей узды, выполненной в прикубанском

¹⁸ Пластины были собраны из 90 мелких фрагментов реставратором ВНИИР П. Дервизом.

стиле ст. Елизаветинской (Капторович, Яблонский, 2009. С. 73–83), а также рядом других предметов (Эрлих, 2006). Тем не менее, мы не можем полностью согласиться с мнением Е.Ф. Корольковой о приуральских истоках кубанского звериного стиля времени Елизаветинской (Королькова, 2001а. С. 91 и сл.), хотя в стилистике оленей, изображенных на чаше, восточное влияние более чем вероятно.

Скифологи предполагают следующие функции для деревянных чаш с аппликациями: символ воинской доблести, отправление конкретных религиозных обрядов, ритуалы, связанные с культом сомы, брачные и похоронные ритуалы (Фиалко, 2004. С. 271; Рябова, 1984. С. 42; Медведев, 1997. С. 168; Королькова, 2001б. С. 56).

Весьма важен контекст находки чаши в Тенгинском кургане 2. Накладки лежали в верхней его части, среди набора культовых приношений, вместе с панцирным поясом и остатками колчана. Эти приношения явились наиболее поздними в святилище, так как были совершены поверх плах перекрытия конской могилы. Они располагались в “сокращенном” пространстве, вблизи четырех наверх

в виде головы оленя. Можно полагать, набор этих предметов явно играл важную культовую роль.

Сочетание в системе: колчан (лук), пояс, чаша — сразу порождает реминисценцию одной из скифских этногенетических легенд, рассказанную Геродоту греками, жившими на Понте. Эти предметы были оставлены Гераклом для своих сыновей, рожденных от змееногой богини — Скифа, Агафирса и Гелона. Лишь младший сын Скиф являющийся по легенде предком скифских царей, смог воспользоваться вещами Геракла. И в “память о той золотой чаше и до сего дня скифы носят чаши на поясе” (Геродот, IV, 8–10).

Можно предположить, что оставленная в святилище деревянная чаша с золотыми накладками, которая утилитарно не использовалась в условиях оседлой культуры меотов, в культовой практике, в сочетании с поясом и колчаном, могла символизировать связь местного населения с кочевым скифосавроматским миром. Возможно, что со скифами носителей меотской культуры в это время связывали какие-то общие этногенетические легенды, подобные той, что была рассказана Геродоту жившими на Понте греками.

ХРОНОЛОГИЯ ТЕНГИНСКИХ СВАТИЛИЩ

В заключение отмечу, что все приведенные аналогии и, прежде всего, привозные изделия (украшения, изготовленные из золоченой терракоты, краснофигурная пелика из кургана 1, сетчатые лекифы из курганов 1 и 2, амфорная керамика, изделия из стекла), позволяют отнести Тенгинские курганы ко второй половине IV — началу III в. до н.э. Этому не противоречит и ряд аналогий в торевтике и в зооморфном искусстве.

Начало III в. до н.э. не может быть исключено для этих комплексов прежде всего потому, что

в них уже чувствуется проявление восточного приуральского “сарматского” влияния, которое проявилось в некоторых предметах искусства, в “биметаллизме” псалиев, в украшениях. В то же время мы не видим каких-либо существенных данных, позволявших нам создать относительную хронологию трех Тенгинских святилищ. Исключено, что все они могли функционировать одновременно в пределах указанного промежутка времени.

ТЕНГИНСКИЕ КУРГАНЫ И ФЕНОМЕН МЕОТСКИХ СВАТИЛИЩ

В предлагаемой главе нашего исследования представлена попытка проследить тот культурный контекст, в котором зародился феномен меотских святилищ и определить место среди них публикуемому памятнику.

Тенгинское городище и его некрополь вне всякого сомнения относятся к меотской археологической культуре, зародившейся в Закубанье в еще VIII в. до н.э., в период перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку и впоследствии распространившейся на правый берег Кубани и в Приазовье, а еще позже и на Нижней Дон.

Одной из характерных черт меотской культуры со времени ее формирования и, по крайней мере, до II в. до н.э.¹ являются встречающиеся в ее ареале разнообразные культовые памятники и святилища.

Впервые исследователи обратили внимание на это явление после открытия своеобразных курганов-храмов IV в. до н.э. у аула Уляп (Сокровища курганов Адыгеи, 1985. С. 28–42; *Leskov*, 1990. С. 28–44). Впоследствии как подкурганые святилища стали интерпретироваться и некоторые

Ульские курганы, открытые Н.И. Веселовским, и десятый Ульский курган, раскопанный Кавказской экспедицией ГМИНВ в 1982 г. (*Балонов*, 1987; *Галанина, Лесков*, 1996; *Эрлих*, 2010а). По-видимому, как ритуальные комплексы следует рассматривать некоторые курганы Келермесского могильника с небольшими насыпями, в которых отсутствовали ямы и следы человеческого погребения (курганы 23 и 29) (*Галанина*, 1997. С. 72; *Эрлих*, 2001. С. 118–119; 2005. С. 321–322).

Меотская археологическая культура, существовавшая около 1000 лет и прошедшая несколько этапов в своем развитии² отличалась заметным консерватизмом в погребальном обряде. Этот консерватизм и позволяет нам проследживать ее особенности на протяжении длительного времени, в том числе такие ее памятники, как святилища, культовые места, ритуальные комплексы. В настоящее время они уже представляют значительную выборку, достойную специального анализа. Ниже мы приведем известный нам материал о меотских святилищах в хронологическом порядке.

ПРОТОМЕОТСКИЕ "ПРОТОТИПЫ" МЕОТСКИХ СВАТИЛИЩ

Комплексы, сходные по конструкции и материальным остаткам ритуальных действий меотским святилищам более позднего времени, прослеживаются на Северо-Западном Кавказе еще в протомеотский период – время формирования меотской культуры (*Эрлих*, 2007б. С. 69–71).

Два подкурганых ритуальных комплекса обнаружены в ареале протомеотских памятников приморско-абинского варианта.

¹ На сегодняшний день самым поздним из известных памятников ритуальных комплексов является тризна с человеческими жертвоприношениями, открытая на территории Тенгинского грунтового могильника, датирующаяся II в. до н.э. (*Beglova*, 2002; *Beglova*, 2004).

Комплекс 1 кургана 2 могильника Холмский. Могильник находится в Абинском районе Краснодарского края на левом берегу р. Сухой Хабль, в широкой долине левого берега р. Кубань. Курган 2 этого могильника имел высоту 3,25 м и диаметр около 60 м. Комплекс 1 был обнаружен в его южной части, на глубине 2,2–2,3 м, т.е. выше уровня древнего горизонта. Здесь была расчищена площадка подпрямоугольной формы с закругленными углами, имеющая размеры 2,68 × 1,8 м.

² Несколько попыток периодизации меотской культуры приведены в работах Н.В. Анфимова (1954), И.С. Каменецкого (1989); В.Р. Эрлиха и С.П. Кожухова (1992), А.М. Ждановского и И.И. Марченко (1998).

Длинной осью она была ориентирована по линии С–Ю. Поверхность площадки была прокалена на глубину 2–3 см. На площадке прослежены пятна золы и вкрапления углей. В слое золы найдены мелкие обожженные фрагменты черепка взрослого человека и осколок зуба. Кроме этого, здесь были разбросаны различные предметы, некоторые со следами порчи. Однако на вещах следов огня исследователями обнаружено не было. Здесь было найдено: семь бронзовых наконечников копий, бронзовые булавки различных типов, бляхи-луницы, относящиеся к конской уздечке, мелкие умбонovidные бляшки, спиралевидные процизы, бронзовые обоймы, также вероятно относящиеся к конской уздечке, ворворки и наконечники ремней, каменный топор-молоток, два оселка, керамические пряслица, пастовый бисер, а также большое количество керамики, из которой выявляются две основные формы – черпаки и горшки (Василиненко, Кондрашев, Пьянков, 1993. С. 21–27; Эрлих, 2007б. С. 69, рис. 21–23).

Комплекс у ст. Холмской был обоснованно отнесен авторами публикации к первой половине VII в. до н.э., а по следам ритуальных действий сопоставлен с меотскими святилищами у аула Уляп (Василиненко, Кондрашев, Пьянков, 1993. С. 28). Поскольку нигде среди протомеотских памятников, как и в могильниках меотской культуры, не известны кремации, то фрагменты обожженных костей человека, очевидно, следует трактовать как человеческие жертвоприношения. Остатки человеческих жертвоприношений известны в меотских святилищах IV и II вв. до н.э. Общей чертой также является прокаленная поверхность, след огненного ритуала. Подобное характерно для меотских святилищ разных видов (Эрлих, 2002. С. 9).

Второй культовый комплекс протомеотского времени в Абинском районе Краснодарского края – комплекс VII кургана 1 Ястребовского курганного могильника – был исследован в 1984 г. А.Н. Геом на правом берегу р. Абин, в 3, 5 км к северу от г. Абинска. Основное погребение этого кургана относилось к эпохе ранней бронзы. Ритуальный комплекс VII находился в 1 м к юго-востоку от центра кургана, на глубине 1,38–1,54 от поверхности. На площади около 2,0 × 1,3 м расчищено скопление находок, “располагавшихся таким образом, будто они ограничивали по периметру площадку, ориентированную по линии СЗ–ЮВ”. В северо-западном конце скопления найдены двусоставные бронзовые удила, грызла которых украшал витой рельефный валик и трехпестельчатый бронзовый псалий. В южной части скопления находились: обломок кости, фрагменты стенки сосуда и 2 бронзовых наконечника дротиков. С северо-восточной стороны находились: бронзовый наконечник ремня, обломки еще одного наконечника дротика, бронзовая витая пронизка и ворворка. (Гей, 1984.

С. 29–30; Эрлих, 2007а. С. 69, рис. 27, 1–6). Таким образом, святилище представляло собой бессистемное скопление жертвенных предметов, устроенное на возвышенном месте, на специальной площадке или в ямке, контур которой проследить не удалось.

Оба комплекса из Абинского района можно считать прототипами меотских подкурганых святилищ первого вида, представляющих собой бессистемное скопление жертвенных вещей и костей животных без специальной деревянной конструкции под невысокой насыпью (Эрлих, 2001. С. 116).

Очевидно, к этому же виду относится и святилище у аула Ленинохавль, исследованное в 1991 г. А.А. Сазоновым, входящее в число протомеотских памятников центрального варианта.

Ритуальный комплекс был обнаружен на размытом водами Краснодарского водохранилища склоне естественной возвышенности левого берега р. Пшиш (Теучежский район Адыгеи). В связи с этим мы не знаем, имела ли первоначально над этим комплексом какая-либо насыпь или нет.

Как отметил исследователь, этот памятник значительно удален от известных в этом районе протомеотских могильников Пшиш и Чишхо и представлял собой “скопление 85–90 преимущественно миниатюрных лепных сосудов, расположенных мелкими группами без определенного порядка на ровной грунтовой площадке с размерами, судя по взаиморасположению сосудов, около 2,5 × 3 м” (Сазонов, 1995а. С. 73). Кроме развалов керамики, на культовой площадке встречались фрагменты челюстей и отдельные зубы лошади и свиньи. Анализ керамического материала позволил реконструировать 49 сосудов: 38 черпаков и 11 горшков. Среди черпаков 35 сосудов отличались миниатюрностью (высотой тулова 5–8 см.), поэтому автор многие предметы считал вотивными, созданными специально для отправления культа, и лишь три экземпляра могли, по его мнению, иметь бытовую функцию (Сазонов, 1995б. С. 73–74). Приблизительно треть черпаков из этого комплекса имела орнаментацию в виде зигзагообразных линий, лент в соединении с пучками вертикальных полос, четырехугольников с внутренней сеткой, ромбов, дуг с “ресничками”, что А.А. Сазонов предположительно связал с символикой земли, воды, солнца и плодородия. Орнаментацию имеет и ряд фрагментов горшков (Сазонов, 1995а. С. 73, табл. 3, 13, 68, 7; Эрлих, 2007б. С. 70, рис. 49).

В целом автор трактует исследованный им комплекс как “жертвенник, предназначенный для отправления языческих обрядов, связанных с культом магических природных стихий, дарующих жизнь, плодородие и изобилие” (Сазонов, 1995а. С. 77). С предложенной датой этого комплекса – конец VIII – начало VII в. до н.э. – мы можем согласиться. Ряд параллелей в орнаментации черпаков, а также рогатые выступы на их ручках позволяют

нам сопоставить их с черпаками второго и третьего хронологических периодов могильника Фарс, датирующихся второй половиной VIII – началом VII в. до н.э. (Лесков, Эрлих, 1999. С. 68–69).

Прототипами меотских святилищ, имевших конские жертвоприношения, вероятно, можно считать конские жертвоприношения Пшишского могильника (Сазонов, 1995б. С. 84–107).

Эти комплексы можно считать отдельными ритуальными погребениями, несмотря на то, что могильник размыт водами Краснодарского водохранилища и невозможно определить границы могильных ям³. Дело в том, что ситуация, когда яма не прослеживается, достаточно типична для погребений меотской культуры, расположенных в слое предматерика или мощного чернозема. Обычно в таких условиях никогда не являлось проблемой обнаружить человеческое погребение, сопровождаемое лошастью, оно обычно находится рядом на одном уровне с конем или чуть ниже (если лошадь лежит на “заплечике”). Подобные погребения человека с конем прослеживались в протомеотских Николаевском и Кубанском могильниках Н.В. Анфимовым, где не видны границы ям, а также выявлялись и самим А.А. Сазоновым и нашей экспедицией, работавшей на могильнике Пшиш I в 2004 г. (Эрлих, 2007б. Цв. рис. 7). В то же время для могильника Пшиш I характерной является ситуация, когда кости человеческого погребения отсутствуют. Как указывал А.А. Сазонов, “своеобразной особенностью данного могильника является значительное количество индивидуальных захоронений так называемых чучел коней – ритуальных погребений, представляющих собой, как правило, в момент раскопок компактно уложенные в определенном порядке череп и кости ног лошади, вместе с предметами узды, иногда одним-двумя сосудами или же вовсе без инвентаря” (Сазонов, 1995б. С. 84). Он отмечает, что подобные конские жертвоприношения составляют около 16% от общего числа комплексов могильника и, судя по сопровождающим конские жертвоприношения уздечным наборам, они хронологически неоднородны. Выделяются группы конских жертвоприношений как с уздой черногоровско-камышевахского типа, так и с наборами колесничной упряжи более позднего времени (Сазонов, 1995б. С. 85; 2000. С. 65, рис. 9; С. 66, рис. 10).

Вероятно, аналогичное явление мог представлять собой и комплекс из Чишхо, независимо от того, находился ли он у подножья размытого водами водохранилища кургана, как указывает А.А. Тов

³ Отметим, что К. Метцнер-Небельсик сомневается в возможности отдельных ритуальных погребений лошадей в могильнике Пшиш I. Она полагает, что в ситуации, когда не прослеживаются границы могильных ям, человеческое погребение просто не было обнаружено исследователем (Metzner-Nebelsick, 2002. S. 249).

(1989. С. 36), или на территории грунтового могильника, по мнению А.А. Сазонова (1998). Остатки костей черепа, найденные при колесничном наборе и определенный порядок в его расположении дает возможность отнести его также к культовому захоронению лошадей в колесничной упряжке.

Вероятно, такие конские жертвоприношения на грунтовых могильниках типа Пшиш I и Чишхо являются прототипами ритуальных погребений животных в меотских подкурганых святилищах – целых костяков коней либо конских черепов с уздой и костей конечностей (чучела), располагавшихся в курганах без определенной системы и деревянной конструкции. Их мы выделяем в святилища *второго вида*. К подобным комплексам относятся Говердовские курганы 6, 7, 9, курган 14 у аула Уляп, а также ряд комплексов-святилищ с меотскими уздечными наборами стиля ст. Елизаветинской, встреченные в Абхазии (Гюэнос, Ахул-Абаа) (Эрлих, 2001. С. 116; 2002. С. 9; 2004. С. 170–172).

Очевидно, к культовым явлениям следует относить и находки отдельных наборов колесничной упряжи, либо других вещей на территории могильников – ритуальных “кладов”. К подобным памятникам можем отнести Пшишский клад. Он был обнаружен на территории могильника Пшиш I в 1988 г. экспедицией Государственного музея Востока. “Клад” представлял собой неполный комплект упряжи, служащей для запряжки колесницы новочеркасского времени. Никаких костей лошади или признаков погребения рядом найдено не было (Эрлих, 1994. С. 44–45; 2007б. Рис. 55). Ритуальный характер этого комплекса в ряду ему подобных на основании широких параллелей убедительно показал С.Б. Вальчак (Вальчак, 1997. С. 45–51), полемизируя с С.В. Махортых, считавшим, что подобные “клады” отражают нестабильную социально-экономическую ситуацию на юге Восточной Европы в новочеркасский период (Махортых, 1991; 1992).

Отметим, что ритуальные “клады” этого времени характерны для соседней территории Кобанской культуры, примером могут служить такие известные клады, как Жемталинский и на горе Бештау (Крутиов, 1952; Иессен, 1954. С. 124–126). Интересно, что множество “кладов” Средней Европы периода поздней бронзы и перехода к раннему железному веку (культуры полей погребальных урн) в настоящее время европейскими учеными трактуются как ритуальные комплексы-жертвоприношения богам “Gaben an die Götter” (см. Hänsel, 1998).

Таким образом, традиция святилищ и ритуальных комплексов, характерная для меотской культуры, прослеживается с протомеотского времени, по крайней мере с VIII в. до н.э. Ритуальные комплексы пока обнаружены на территории приморско-абисского и центрального локальных вариантов протомеотских

памятников. С этого же времени они уже отличаются большим разнообразием. Мы находим здесь конские жертвоприношения на территории грунтового могильника (Пшип), жертвенники, расположенные вдали поселений и могильников (Ленинохабль), жертвенники, впущенные в курган предшествую-

щей эпохи (комплекс VII кургана 1 Ястребовского могильника), подкурганые святилища с элементами огненного ритуала и человеческими жертвоприношениями (курган 1 могильника Холмский), ритуальные комплексы-клады вещей на территории грунтовых могильников (Пшишский клад).

СВЯТИЛИЩА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Раннескифский период

По комплексу признаков к культовым можно отнести и курганы Келермесского могильника, выделенные Л.К. Галаниной во второй тип. Они находят ряд соответствий и аналогий среди местных святилищ более позднего времени. Следует отметить также, что именно эти курганы были исследованы уже во второй половине XX в. по более совершенной современной методике полевых исследований, и возможно, что общее число культовых сооружений в Келермесе было большим. Л.К. Галанина ко второму типу погребальных комплексов Келермеса отнесла курганы 23/1986 г. и 29/1988 г. Она пишет: "Отличительные их признаки – *небольшие размеры земляных насыпей*⁴ (к моменту раскопок они были сильно распаханы и имели максимальную высоту соответственно 0,5 м и 1 м) и *неуглубленные в материк могилы*. В первом из них на уровне древнего горизонта выявлены *следы кострищ*, а из находок встречены только кости животных, конские зубы и бронзовый наконечник стрелы. Могила была либо разрушена траншеей Д.Г. Шульца, либо *вообще отсутствовала*".

"На древней дневной поверхности" размещались также находки в кургане 29. Здесь на площади 5,5 × 6 м помимо останков не менее семи взнузданных коней, лежавших двумя рядами (один, как обычно, на юге, другой – на западе) были обнаружены фрагменты глиняных сосудов, обломок каменного блюда, куски кремня, железный нож, части наборного панциря, каменный оселок, железные наконечники стрелы и копья. "*Следы человеческого погребения отсутствовали*". (Галанина, 1997. С. 72).

Очевидно, к культовым памятникам раннескифского времени можно отнести два кургана, исследованных в 1985 г. А.А. Нехасвым у хутора **Говердовского** на окраине Майкопа.

В кургане 1 высотой 1,2 м и диаметром около 40 м на уровне древнего горизонта была обнаружена площадка с остатками жертвоприношений. В центре нее находились многочисленные фрагменты чешуек панциря, колчаный набор, золотая бляшка-фалар, а также фрагменты раз-

давленного лепного сосуда, орнаментированного вертикальными рельефными валиками. Западнее лежал раздавленный бронзовый котел с костями животного. Вокруг центральной площадки были обнаружены жертвоприношения около 12 лошадей и четырех коров. Последние лежали компактной группой в юго-западном секторе кургана. В южной части в общем кольце жертвоприношений лежал человеческий скелет в вытянутом положении головой на северо-запад. У скелета отсутствовали кисти рук и стопы, что создавало впечатление, что мы имеем дело с человеческим жертвоприношением. Рядом с костями коров и человека никакого сопровождающего инвентаря обнаружено не было. В то же время на конских костях и около них имелись железные и бронзовые детали конского снаряжения и три пары бронзовых наконечников. Последние, очевидно, "сократили" пространство конских жертвоприношений, подобно тому как это было в Тешгинском кургане 2. Комплекс по ряду аналогий может быть скорее всего датирован временем "Младшей" группы келермесских курганов (Эрлих, Нехаев, 2010. С. 378–380).

В кургане 2, находившемся рядом, имевшем высоту 0,9 м и диаметр 20 м, обнаружено одно погребение, пять отдельных остатков конских жертвоприношений и два скопления керамики. Человеческое погребение было совершено в западной поле и значительно (на 7 м) смещено от центра. В стороне от него, в центральной части кургана на уровне, близком древнему горизонту, обнаружены остатки ритуальных действий. В кургане встречен лепной горшок и лежавшие вместе корчага и черпак, а также пять черепов коней. Два из них (объект 6 и объект 7) имели уздечные наборы, состоящие из железных петельчатых удилов и трехпетельчатых стержневидных псалисов, что позволило отнести этот курган к эпохе скифской архаики (Эрлих, Нехаев, 2010. С. 378). Поскольку, погребение значительно смещено от центра насыпи, а в центре находятся ритуальные комплексы, состоящие из конских черепов с уздой и скопления керамики, однозначно считать последние остатками тризны по погребенному в погребении 1, на мой взгляд, нельзя. Не исключена и обратная ситуация: насыпь была сооружена над ритуальным комплексом, состоящим из вы-

⁴Здесь и далее курсив наш.

ложенных конских голов, остатков керамических сосудов, что достаточно характерно для меотской культуры, а впоследствии, в западную полу этой насыпи было впущено погребение с каменной наброской.

Таким образом, можно утверждать, что и в раннескифское время традиция культовых сооружений-святилищ в меотской культуре не прерывалась.

VI-V вв до н.э. Ульские курганы

В это время, по-видимому, к святилищам следует отнести Ульские курганы, если не все, то какую-то их часть. Ф.Р. Баллонов, а также А.М. Лесков и Л.К. Галанина реконструируют ряд Ульских курганов, а именно Большой Ульский курган 1898 г. и курган 10 1982 г. как подкурганные святилища (Баллонов, 1987; Галанина, Лесков, 1996). Следует отметить, что насыпи этих курганов по своей высоте значительно превышают насыпи всех остальных курганов-святилищ как предскифско-раннескифского времени, так и более поздних. Насыпь кургана 1 1898 г. первоначально составляла, по сведениям Н.В. Веселовского, более 15 м. В настоящее время раскопанный глухой траншеей к югу, этот курган не превышает и 8 метров. Как указывал исследователь, насыпь была сооружена в два приема. Высота кургана 10, исследованного в 1982 г. экспедицией под руководством А.М. Лескова, составляла 5,2 м.

Ни в одном из девяти курганов, раскопанных Н.И. Веселовским, судя по его отчетам, не обнаружено ни одной погребальной ямы, опущенной с уровня древнего горизонта. Нет ямы и в Ульском кургане № 10. Что касается наземных гробниц, то прежде всего отметим, что в отчете о раскопках Н.И. Веселовского только при описании двух наиболее высоких курганов (Большого и кургана 1/1909 г.) приводятся краткие сведения о центральных сооружениях. При этом, характеризуя центральное сооружение в Большом Ульском кургане Н.И. Веселовский пишет: "...был устроен четырехугольник для погребальных предметов, а может быть и для самого погребения" (ОАК за 1898 г. С. 31). Аналогичная мысль высказана Н.И. Веселовским при описании кургана 2/1898 г. По поводу него отмечается, что в центральной части кургана находилось "по-видимому, ограбленное в древности погребение или набор жертвенных приношений", и далее "человеческие останки отсутствовали" (ОАК за 1898 г. С. 31). Особо подчеркнем, что ни в одном из девяти курганов, судя по отчетам, Н.И. Веселовский в "могилах"

не нашел человеческих костей⁵. Ни одной человеческой кости не найдено и во время раскопок Ульского кургана № 10 в 1982 г., ни в его центральной части, ни в грабительском лазе, где попадались отдельные находки. Такая же картина, видимо, была и в раскопках Н.И. Веселовского – в ряде случаев он перечисляет находки, сделанные в грабительском лазе, однако о человеческих костях не упоминает ни разу (исключение составляет лишь курган 1/1909 г.).

О конструкции Ульских курганов лучше всего можно судить по кургану 10, в процессе раскопок которого в соответствии современной методикой насыпь сносилась целиком. Под насыпью этого кургана в 1982 г. была открыта земляная платформа высотой около 1 м. Ее вершина имела вид плоской округлой площадки диаметром 20 м, к которой с юга примыкал пологий пандус. В центре площадки был открыт деревянный сруб, внутри которого находилась ритуальная площадка, большей частью ограбленная, на которой обнаружен огромный бронзовый котел, два скопления бронзовых колокольчиков, детали конских уздечек. Вокруг ритуальной площадки найдены остатки 29 конских жертвоприношений, перекрытых деревянным навесом, лежащим одной стороной на обвязке сруба, другой – на внешнем земляном валу. Вход в сооружение вел с юга. Здесь имелся разрыв вала. Здесь же были обнаружены и два бронзовых плоских навершия в виде головы хищной птицы (Сокровища курганов Адыгеи, 1985. С. 26–28). По найденным в этом кургане уздечным принадлежностям его можно отнести ко второй половине VI – началу V в. до н.э.

Очень близкую конструкцию имел и курган 1/2007, исследованный автором этих строк в 2007 г. Этот самый восточный в группе курган находился на противоположной от кургана 10/1982 конце Ульской группы и имел "глухую траншею с юга" – след работ Н.И. Веселовского. В результате этих работ в насыпи кургана были обнаружены остатки шатровой конструкции, опирающейся на столбы. Шатер находился над деревянным настилом, лежащим на уровне древнего горизонта. В западной части настила, которую не задела траншея Н.И. Веселовского, были обнаружены останки четырех лошадей. Они лежали по кругу у своеобразной "коновязи", перекрытой деревом и тростником.

В северной части кургана, также не тронутой траншеей, обнаружены скопления фрагментов керамики (в том числе большого глиняного "котла"-корчаги и костей животных). Все это показывает

⁵ В этой связи остается необъяснимым утверждение Ф.Р. Баллонова о том, что Н.И. Веселовский упоминает "в нескольких случаях отдельные кости человеческого скелета" (Баллонов, 1987. С. 40).

структурное единство исследованного кургана с курганом 10 (1982 г.). В кургане не были обнаружены остатки могильной ямы и человеческие кости.

В траншее Н.И. Веселовского при помощи металлодетектора было найдено несколько экземпляров золотых нашивных бляшек и одна пронизка. Они имеют полное сходство по форме и размерам с золотыми украшениями, обнаруженными в кургане 2/1909 г., хранящимися в Эрмитаже. Особую близость показывают золотые нашивные бляшки в виде фигурки горного козла с поджатыми ногами и повернутой назад головой. Эти две бляшки (хранящаяся в Эрмитаже и найденная в 2007 г.) были сделаны при помощи одного штампа. Таким образом, курган, раскопанный нами, можно уверенно соотносить с материалами из кургана 2/1909 г. Н.И. Веселовского и датировать его в пределах второй половины VI в. до н.э. (Эрлих, 2010а. С. 117–137).

Новейшие исследования Ульской группы дают основания более уверенно предполагать, что, скорее всего, все се курганы являлись ритуальными комплексами-святилищами.

Курганы-святилища IV века до н.э.

Количество данных о мотских святилищах этого времени значительно превышает свидетельства о ритуальных комплексах всех остальных предшествующих эпох.

Прежде всего, это восемь курганов-святилищ первой половины IV в. до н.э., открытых у аула Уляп экспедицией Государственного музея Востока (Лесков и др., 1981; 1982; 1983). Они резко отличаются своими конструкциями, позволяющими предложить первичную их типологию. В связи с тем, что коллективом сотрудников Сектора археологии Кавказа уже подготовлено специальное исследование, посвященное этим памятникам, я остановлюсь лишь на краткой их характеристике. Все уляпские культовые комплексы перекрыты невысокими насыпями и совершены на древнем горизонте, либо на кургане предшествующей эпохи.

Курган 1 имел высоту 2,8 м при диаметре 54 м и был сооружен в эпоху бронзы. В скифское время верхушка этой насыпи была срезана и на образовавшейся плоскости была устроена ритуальная площадка. Последняя в свою очередь была перекрыта второй (верхней) насыпью диаметром около 50 м. Ритуальная площадка имела форму прямоугольника, вытянутого длинной осью с северо-востока на юго-запад, с размерами 5,5 × 4,4 м. Здесь находились остатки конских и человеческих жертвоприношений, бронзовые котлы, бронзовый таз и кувшин, амфоры, золотые бляшки, которыми была расшита одежда, украшения, а также многочисленные фрагменты керамики, оружие (наконечники

стрел и остатки мечей) и орудий труда. Какую-то нарочитую систему в расположении жертвенных предметов исследователям кургана проследить не удалось.

Курган 2. Ритуальный комплекс был сооружен на выровненной вершине насыпи, связанной с более древним погребением № 1. В эту насыпь были вкопаны деревянные столбы, которые явились опорами для настила неправильной пятиугольной формы. На нем и были совершены ритуальные действия: принесены в жертву кони (по сохранившимся остаткам можно выделить 18 лошадей) и люди. Кони, некоторые в полном снаряжении (сохранились удила и псалии), были уложены по дуге в северной, восточной и южной частях ритуальной площадки. Найдены также три человеческих черепа (один на площадке, второй и третий около сопровождавших тризну конских погребений на северной и восточной поле кургана). Они свидетельствуют об особом обряде приношения в жертву только головы человека. Северная и северо-западная части комплекса заняты скоплениями амфорной керамики, разбитой при совершении обрядовых действий и частично разбросанной по кургану. Центральная часть ритуальной площадки относительно свободна. Грабительская яма разрушила центр кургана и находившийся там комплекс вещей, в том числе пластинчатый бронзовый пояс и железный меч.

В кургане 4, давшем самые блестящие находки, в том числе и знаменитый ритон с протомой Пегаса, раскрыт самый примитивный вид святилища, когда вне всякой системы и специальных сооружений на специальной площадке располагаются остатки жертвоприношений животных и человека, битая посуда и другие вещи. Ритуальный комплекс был устроен на вершине кургана эпохи бронзы. Рядом с площадкой находились грунтовые погребения, впущенные в полы этого кургана.

Курган 5. Самый сложный по своей конструкции культовый памятник Уляпского некрополя. Можно предположить, что первоначально на месте его центрального сооружения была сделана искусственная подсыпка. Святилище имело полупатровое сооружение, опирающееся на десять деревянных столбов. Оно перекрывало квадратную площадку, окруженную с запада, севера и востока земляным валиком, внутренняя сторона которого крепилась бревнами, образующими три стороны квадрата, а с юга предполагался вход. В центре площадки открытым оставался квадрат размерами 2,5 × 2,5 м. Деревянное сооружение было покрыто слоем камыша. Камышом был засыпан и ров, после чего в северной его части были совершены конские жертвоприношения.

Вход в сооружение был выявлен с юга. Около него был найден бронзовый панцирный пояс, к которому подвешены двенадцать бронзовых ко-

локольчиков и два бронзовых навершия в виде во-
отивных колес. На ограждающем площадку валике
были совершены конские и человеческие жертво-
приношения.

Обилен выявленный здесь археологический ма-
териал: фрагменты местной и импортной посуды,
многочисленные украшения, вооружение и предме-
ты конской упряжи. В центре ритуальной площад-
ки отдельно лежал мсотский меч, что позволило
А.М. Лескову провести параллели со скифскими
святилищами бога войны, упоминающимися у Ге-
родота (IV, 62) (Лесков, 1985. С. 38).

Комплекс вещей, найденных в центральном
сооружении кургана, и прежде всего, амфорные
клейма, позволяют датировать святилище первой
половиной IV в. до н.э.

Курган 6. Ритуальный комплекс (скопление 11)
был сооружен в насыпи кургана эпохи бронзы,
однако не в центре кургана, а в северо-восточной
поле в 15 м от центра. Кроме этого, в кургане
прослежен ряд скоплений ритуального характера:
развалов керамики, остатков жертвоприношений
животных, совершенных вне всякой системы.
Основной ритуальный комплекс находился на
глубине 1,88–2,76 м от нулевой точки и представ-
лял собой галечную площадку подпрямоугольной
в плане формы, вытянутую с юго-востока на се-
веро-запад, длиной 5,2 м, шириной: в северо-за-
падной части – 3,3 м, в юго-восточной – 2,5 м. На
площадке прослежено неоднократное возжигание
огня. Тщательное исследование показало много-
кратность использования данного комплекса. Вы-
яснилось, что в поле кургана была первоначаль-
но выкопана яма (размерами соответствовавшая
галечной площадке). В северо-западной части
ямы был разведен костер, а затем дно ямы было
покрыто слоем гальки. Разбор галечных всхолмле-
ний на северо-западном и юго-восточном участках
показал, что после совершения обрядовых дей-
ствий с применением огненного ритуала каждый
раз насыпался новый слой гальки. На площадке
расчищено большое количество вещей: керамики,
предметов вооружения, снаряжения коня и др.
Вся поверхность площадки была покрыта фраг-
ментами человеческих костей и костей животных,
большинство которых побывало в огне. Данный
ритуальный комплекс является наиболее поздним
среди уляпских курганов-святилищ. Ряд находок,
обнаруженных здесь – сероглиняные канфары, ке-
рамический медальон-горгонейон и др., позволяют
отнести его уже ко второй половине IV – началу
III в. до н.э.

Курган 8 имел полусферическую насыпь диа-
метром 30 м и высотой 70 см. В нем выявлены три
скопления ритуального характера, совершенные
последовательно. Первоначально на уровне древ-
него горизонта была специально подготовлена
площадка, предварительно “очищенная” огнем. На

этом уровне совершенно конское жертвоприношение
двух лошадей с уздечкой (конское погребение 1).
Еще одно жертвоприношение (ритуальный ком-
плекс 2), скорее всего было совершено в неглубо-
кой ямке, контуры которой не удалось проследить в
предматериковом слое. Оно также сопровождалось
огненным ритуалом. Последовательность данных
жертвоприношений проследить не удастся, так как
они находились в разных частях площадки. Сверху
они были засыпаны невысокой земляной насыпью,
на которой была сооружена полукруглая глиняная
вымостка, где также совершались жертвоприноше-
ния животных. На эту вымостку были положены
ценные подношения: ткани, расшитые золотыми
бляшками, золотая гривна, бусы, а также предметы
вооружения, конской упряжи и керамические со-
суды. Здесь же обнаружены кости животных. Все
это также было предано огню. По пантикапейской
амфоре курган № 8 может быть датирован в преде-
лах IV в. до н.э.

Курган 9 имел диаметр 37 м и высоту 0,5 м. Под
насыпью обнаружено три ритуальных комплекса
(скопления), находившихся на уровне древнего
горизонта. **Скопление 1** в юго-западном секторе
кургана (глубина 70–90 см от вершины), было
вытянуто с севера на юго-восток по дуге. Оно
состояло из отдельных костей лошади и уздеч-
ных принадлежностей, обломков красноглиняной
амфорной и сероглиняной гончарной керамики.
Скопление 2, находившееся в северо-восточном
секторе, содержало два человеческих черепа,
разрозненные кости человека и коня, фрагменты
лепных и гончарных сосудов, а также амфоры. В
скоплении 3, обнаруженном в северо-восточном
секторе, были расчищены маловыразительные
фрагменты красноглиняной амфоры и отдельные
кости лошади. Кроме этого, в насыпи кургана, в
северо-западном секторе, было выявлено оваль-
ное в плане зольное пятно размерами 70 × 80 см,
а в северной части пятна расчищена челюсть
жеребенка.

В кургане 14 на ритуальной площадке, соору-
женной на поверхности насыпи кургана эпохи брон-
зы, обнаружено 8 конских жертвоприношений,
совершенных вне какой-либо видимой системы.
Большая часть из них сопровождалась конскими
уздечками. В ритуальных комплексах обнаружены
и фрагменты битой посуды.

Начерзийский могильник, курган 30. В этом
кургане высотой около 4 м, исследованном
А.М. Ждановским в 1976 г. у аула Начерзий (Не-
черзий) Теучежского района Адыгеи, центральная
часть представляла собой галечную площадку раз-
мерами 6 × 5 м с деревянной оградой. На галечной
площадке находилось большое скопление жерт-
венных вещей: предметы вооружения (мсотские
мечи, наконечники копий, щиты, панцирь), амфо-
ры, лепные и гончарные сосуды и т.д. Площадка

скорее всего имела полушатровое перекрытие, так как вокруг был обнаружен ряд столбовых ямок, расположенных по дуге. Кроме этого, с северо-восточной и юго-западной стороны к галечной площадке примыкали неглубокие ямки с черепами коней и конской уздой, перекрытые деревянными плахами. Комплекс содержал также два безымянных человеческих погребения (жертвоприношения?). По амфорной керамике ("Солоха-Г") курган датируется предположительно первой половиной IV в. до н.э. (Ждановский, 1976. С. 129; 2006. С. 87–100).

Говердовские курганы исследованы А.А. Нехаевым у х. Говердовского в пригороде г. Майкопа в 1986 г. Курганная группа содержала курганы, содержащие ритуальные комплексы, относящиеся как к периоду скифской архаики (см. выше), так и к IV–III вв. до н.э. Наиболее поздние курганы содержали исключительно остатки конских жертвоприношений, и их однозначно можно было отнести к святилищам.

Курган 6. Под невысокой насыпью на уровне древнего горизонта (или в насыпи) обнаружены три конских черепа с уздой.

Курган 7. На уровне древнего горизонта под невысокой насыпью обнаружены скелеты семи взнузданных коней, лежащих головами на юго-юго-запад.

Курган 9. Два конских жертвоприношения, совершенных под невысокой насыпью на уровне древнего горизонта (Нехаев, 1986. С. 18–20).

Кужорский курган высотой около 4 м исследован А.А. Нехаевым в 1984 г. у ст. Кужорской Майкопского района Адыгеи. Центр и северо-восток кургана были повреждены грабительской траншеей. Вокруг центра, в подковообразной траншее обнаружено 25 конских жертвоприношений. Лошадей сопровождал богатый конский убор, выполненный в зверином стиле (Нехаев, 1984. С. 11–20).

Близкие по характеру подковообразные конские могилы имелись во втором кургане у ст. Тенгинской и в кургане 19 у ст. Воронежской, относящихся к этому же времени. Поэтому, несмотря на неполную сохранность комплекса, этот курган также можно отнести к святилищам. Целой серией высокохудожественных изделий, выполненных в "елизаветинском" прикубанском зверином стиле, этот курган следует датировать IV в. до н.э., скорее всего, второй его половиной (Капторович, Эрлих, 2006. Кат. 89–110).

Воронежские курганы. Исследованы Н.В. Веселовским в 1903 г. По-видимому, часть этих курганов (по крайней мере четыре из них) можно считать святилищами. Некоторые имели ямы; часть ритуальных комплексов находилась на материке. Все курганы были ограблены. Человеческий костяк удалось проследить только в кургане 16. Но

это было не основное погребение в кургане (ОАК за 1903 г. С. 71–72). Сейчас можно предположить, что оно относилось к грунтовому могильнику, оказавшемуся под насыпью. В самом же кургане встречены ямы с остатками конских жертвоприношений с черепами коней и целыми скелетами, которые характерны для святилищ.

Курган 15, высотой 1,75 м. Как указывает Н.В. Веселовский, курган имел материковую яму. В ней найдены железный меч, обломки железного чешуйчатого панциря, горгонейоны, золотые бляшки. О человеческих костях Веселовский не сообщает. Как показало исследование кургана 2 у ст. Тенгинской, большие центральные ямы имеются и в святилищах.

Курган 17. По-видимому, ритуальный комплекс, находившийся на материке. Как писал Н.И. Веселовский: "Центровая могила оказалась разграбленной; в ней попались обломки медных пластинок, значительная куча лошадиных костей, желтоглиняная крышечка от сосуда с чернолаковыми фигурами лошадей, запряженных в колесницу, и всадника с копьем (ОАК, 1903. С. 73).

Курган 19. Как указывает Веселовский, центральная площадка кургана находилась на уровне древнего горизонта и была совершенно ограблена. "Она была окружена широкой канавой, выкопанной в материке на глубину 1,10 м, шириной 2,13 м в виде кольца с перерывом на южной стороне. В канаве лежали на правом боку скелеты 30 лошадей, обращенных головами к могиле. У скелетов лошадей собраны бронзовые украшения уздечек и железные удила с бронзовыми псалиями. Канавка была покрыта настилкой из бревен" (ОАК, 1903. С. 75, рис. 10). Конская могила этого кургана имеет ближайшую аналогию в кургане 2 у ст. Тенгинской. Судя по близким аналогиям в уздечных принадлежностях материалам Тенгинских курганов, курган 19, как и курган 15, имеющий терракотовые медальоны с изображениями Медузы и "Афины Парфенос", можно уверенно отнести ко второй половине IV в. до н.э.

Ритуальные комплексы могильника у хутора Прикубанский. Могильник у х. Прикубанского расположен на правом берегу Кубани в 2,5 км к северо-западу от х. Прикубанского Красноармейского района Краснодарского края. Он исследовался Краснодарской археологической экспедицией Кубанского гос. университета в 1998–2001 гг. Из краткой информации об этом памятнике известно, что открыто более 400 грунтовых меотских погребений. Как указывают авторы раскопок, "кроме погребальных комплексов встречаются ритуальные захоронения лошадей (от 1 до 3 особей) с упряжью, оружием, сосудами, иногда сопровождаемые другими животными (овца, ко-

рова)". В могильнике, как указывают исследователи, имелся и подкурганый культовый комплекс, представляющий собой "ритуальное захоронение трех лошадей на погребенной почве". Могильник датируется большим количеством встреченных здесь амфор IV в. до н.э. (Марченко и др., 2001. С. 93–98).

Святылища у станицы Некрасовской. В 1879 г., в период подготовки к V археологическому съезду в Тифлисе, в окрестностях ст. Некрасовской (ныне Усть-Лабинский район Краснодарского края) В.Л. Беренштамом был исследован ряд курганов. Для рассматриваемой темы меотских ритуальных комплексов, представляют интерес курганы, исследованные в группе "В", находившиеся близ так называемой второй Некрасовской станицы, недалеко от Кубани, на возвышенности, на правом берегу р. Зеленчук. Судя по отчету, В.Л. Беренштам раскопал здесь четыре кургана, входящих в группу из 24 насыпей (Беренштам, 1882. С. 313–321).

Курган 1. Высота 1,7 м, окружность 65 м. В курганной насыпи обнаружено много черепков от различных глиняных сосудов и разрозненных лошадиных костей. "На глубине 2,55 м – следы деревянной настилки, толстые деревянные доски прикрывали могильную яму, имевшую до 6 м в диаметре. На глубине 2,75 м в С-В части могилы, скелеты 5 лошадей, лошади лежат на левом боку, возле юго-восточного скелета медный набор от уздечки и стеклянная буса синяя с желтыми глазками; между костями коней в С-В части железная стрела. По середине могилы опять скелет коня и кремь, а в юго-западной части найдены 5 человеческих зубов, много мелких разрозненных кусочков от человеческих и бараньих костей и много черепков от горшков разной величины; тут же две железные плиточки и кусочек железа".

В кургане 7, имевшем окружность 55 м при высоте 1,65 м, также в насыпи обнаружено много крупных черепков от различных глиняных сосудов. "На глубине 2,55 м обнаружена деревянная настилка из дубовых 0,05 м толщины досок. На глубине 2,75 м в С-В части могилы обнаружены скелеты 4-х лошадей; черепа на Ю-З; у каждого в зубах железные удила, у одного мундштук с медными вынудками и медный набор из пуговиц, бубенчиков и бус... В юго-западной части много крупных черепков от больших глиняных сосудов; на некоторых цветные узоры... краски отстают от черепков и остаются на глине. В южной части могилы скелет коня и человеческие зубы. Под могилой твердая настилка из известковой земли и следы деревянного дна".

Курган 11. Высота 1,54 см. В курганной насыпи много черепков. На глубине 2,15 м в южной части могилы имелся слой золы. "На глу-

бине 2,35 череп коня с железным мундштуком и бронзовыми вынудками и медным же набором. На той же глубине в южной части могилы везде попадаются плоские полосатые кусочки железа в большом количестве. На глубине 2,55 м в северной части могилы 2 раздавленных больших сосуда, со следами стертого узора на одном, 3 небольших кувшина и амфора с узором и надписью ниже горла. Между кувшинами золотая пластинка с узором. Здесь же обнаружены остатки человека".

Курган 19. Недокопан. Высота 5,38 м, окружность 106. Здесь была открыта сложная конструкция из дерева. В насыпи обнаружен череп и лапа собаки. Беренштам упоминает также вал и деревянные помосты (ср. курган 5 у аула Уляп). Между ними обнаружены меотские мечи, много железных трехгранных наконечников стрел, остатки панциря, 12 золотых бляшек с изображением "лосекозла", золотые круглые бляшки, наконечники ритонов и множество другого инвентаря. Поскольку В.Л. Беренштам копал на средства, отпущенные кавказским наместником, весь материал поступил в Музей Кавказа в Тифлисе.

Благодаря любезности грузинских коллег, приславших фотографии вещей из этих курганов, хранящихся ныне в двух музеях Грузии, сопоставив их с каталогом П.С. Уваровой (Уварова, 1902. С. 149–152) и описанием Б.А. Куфтина, изучавшего этот материал в 30-е годы XX в. (Куфтин, 1949. С. 26–29), удалось установить, что материалы курганов имеют целый ряд соответствий с расположенными неподалеку Уляпскими и Тенгинскими святылищами. Весь круг аналогий находкам из некрасовских комплексов ограничивается IV в. до н.э. (Эрлих, 2009. С. 456–460).

Меотские ритуальные комплексы III–II вв. до н.э.

Курган на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. По-видимому, к ритуальному комплексу с деревянной конструкцией, близкой по характеру второму Тенгинскому кургану, является сооружение, открытое Б.А. Расвым и Г.Е. Беспалым на некрополе IV Новолабинского городища. Как пишут исследователи, это неоднократно грабившееся сооружение имело сруб заглубленный в неглубокий котлован, перекрытый шатром "Погребение I". В то же время имелись и некоторые отличия, заключавшиеся в том, что сооружение содержало остатки не менее восьми человеческих жертвоприношений. Кроме этого здесь было обнаружено около десяти конских костей, а также большое количество фрагментов керамики, золоченые терракотовые медальоны в

виде Медузы, нашивные бляшки и украшения из золота, большое количество бус. Судя по встреченному здесь материалу, комплекс несколько более поздний чем Тенгинские курганы, и может быть датирован концом IV – первой половиной III в. до н.э. (Раев, Беспалый, 2006. С. 4–12; табл. 2–9).

Очевидно к жертвоприношениям, связанным с этим курганом, можно отнести и серию комплексов, включавших безынвентарные человеческие погребения (в том числе детские и женские) и несколько лошадей в парадных уборах. Эти комплексы находились к востоку от центрального сооружения на территории грунтового могильника. К ним можно отнести погребения 10, 21, 38, 50. Исследователи подчеркнули особенности погребения 50, которое, по их мнению, представляло остатки жертвоприношения, где беспорядочно друг на друга было уложено 8 человеческих скелетов, преимущественно безынвентарных, а затем 10 лошадей в парадном уборе и бронзовый котел (Раев, Беспалый, 2006. С. 30–34). Лошади были взнузданы железными удилами с крестовидными насадками, имели бронзовые пластинчатые налобники и шумящие подвески (Раев, Беспалый, 2006. Табл. 28–33).

Если по своей конструкции основное деревянное сооружение, обнаруженное в этом кургане, близко сооружению Тенгинского кургана 2 предшествующего времени, то характер серии ритуальных комплексов, открытых на некрополе IV Ново-Лабинского городища, и убранство жертвенных коней сближают их с ритуальными комплексами III–II вв. до н.э., обнаруженными на территории Тенгинского грунтового могильника.

Эти два наиболее поздних из известных мне проявлений феномена меотских святилищ были открыты на грунтовой могильнике, располагавшемся на западной окраине ст. Тенгинской, примерно в 5 км от Тенгинского городища II. Здесь в 1998 и 1999 гг. Е.А. Бегловой было открыто два культовых комплекса (Беглова, 2000а, б; 2004; 2005).

Первый ритуальный комплекс (погребение 140) представлял собой прямоугольную площадку, ориентированную по сторонам света, с размерами 5,5 (З–В) × 5,1 (С–Ю) м. Площадка предварительно была выровнена и очищена огнем: по ее периметру были прослежены остатки кострищ. Впоследствии площадка была подмазана глиной и устлана слоем гальки. На этом уровне обнаружены остатки человеческих (8 мужчин и 8 женщин) и конских (4 лошади) жертвоприношений. Отдельный участок на ритуальной площадке был отведен жертвенным приношениям, состоящим из тканей, расшитых золотной нитью и бляшками и бусами, различных украшений из золота, стекла, полудрагоценных камней, местной и привозной керамики, оружия и

предметов быта. Данный комплекс датирован автором второй четвертью II в. до н.э. (Беглова, 2004. С. 104).

Второй ритуальный комплекс в этом могильнике (погребение 164) был открыт в 1999 г. Здесь также имелась прямоугольная площадка, вымощенная галькой, на которой были совершены человеческие и конские жертвоприношения. Е.А. Беглова указывает на неоднократное использование данного комплекса и датирует его серединой – второй половиной III в. до н.э. (Беглова, 2000а. С. 14, 15; 2005. С. 9, 10).

Меотские святилища IV в. до н.э. в Абхазии

Гюзнос. Чрезвычайно интересно открытие меотского святилища в Абхазии в г. Очамчира, на территории древнего Гюзноса (Эрлих, 2004). Возможно, это материальное свидетельство о неизвестном по письменным источникам проникновении во второй половине IV в. до н.э. населения из Закубанья в Закавказье. Восточный холм этого городища, нижние слои которого датируются VI–V вв. до н.э., в IV в. прекращает существовать. Позднейшими комплексами являются здесь погребения конских черепов с уздой кубанского облика. Один комплекс был выявлен здесь раскопками М.Б. Барамидзе в 1977 г. (Барамидзе и др., 1980. С. 116–117), а семь других – раскопками С.М. Шамба. Три комплекса были открыты в 1984 г. на раскопе № 2 (Шамба, 1988. С. 32–34). Еще четыре комплекса, состоящих из конских черепов и узды, обнаружены случайно в 1985 г. при доисследовании раннехристианской церкви на этом холме. Узда, сопровождающая комплексы, находит близкие аналогии в Уляпских, Елизаветинских, Тенгинских и Воронежских курганах (Эрлих, 2004. С. 163–170). А сам обряд, заключающийся в захоронении конских черепов с уздечкой, находит параллели в серии меотских святилищ IV в. до н.э. – Уляпских, Тенгинских, Воронежских, Говердовских (Эрлих, 2004. С. 170, 171).

Основной исследователь городища Гюзнос также не исключает ритуальный характер обнаруженных конских черепов (Шамба, 1984. С. 57). В данном случае интересен сам факт устройства меотского святилища в слое поселения, жизнь на котором уже в это время прекратилась. Не исключено, что и прекратилась она не без помощи появившихся здесь меотских всадников, совершивших жертвоприношение.

Ахул-Абаа. Еще один комплекс из Абхазии, который можно сопоставить с меотскими святилищами, был открыт в 1975 г. Ю.Н. Вороновым также на античном поселении на возвышенности Ахул-абаа (Ахвылаа-Абаа), в пределах современного г. Сухума. Комплекс представлял собой округлую,

диаметром 0,7 м яму, на дне которой лежали два конских черепа с уздечкой кубанского облика, состоявшей из двучастных петельчатых удил со "строгими" крестовидными насадками и S-видными псалиями. Уздечные наборы коней имели два плоских зооморфных наносника в виде "оленикозлов", а также ряд других деталей, имеющих аналогии в меотской культуре (Воронов, 1991. С. 230, 231, рис. 6). Кубанское происхождение данных уздечных наборов, на наш взгляд, бесспорно, а обряд ритуального захоронения конских голов с уздой находит соответствия как в гю-

носском святилище, так и меотских святилищах Прикубанья.

Попутно заметим, что в Абхазии из разрушенных комплексов происходит целая серия конских уздечных наборов и отдельных деталей конской уздечки кубанского облика. Многие из них выполнены в "слизаветинском" зверином стиле (Воронов, 1975. С. 229, рис. 9, 4, 7-16; С. 230, рис. 10, 11, 12; С. 231, рис. 11). В связи с этим, не исключено, что святилищ или ритуальных комплексов меотского типа на территории Абхазии было гораздо больше, чем обнаружено до сих пор.

Подведем некоторые итоги. Тенгинские святилища не уникальны на фоне массива ритуальных памятников меотской культуры, а являются определенным звеном в их развитии.

Ритуальные комплексы в меотской культуре известны еще со времени ее формирования – с VIII в. до н.э. В это время они уже отличаются большим разнообразием. Мы находим здесь конские жертвоприношения на территории грунтового могильника (Пшип), жертвенники, расположенные в удалении от поселений и могильников (Ленинхавль), жертвенники, впущенные в курганы предшествующей эпохи (комплекс VII кургана I Ястребовского могильника). Отмечены подкурганные святилища с элементами огненного ритуала и человеческими жертвоприношениями (курган I могильника у пос. Холмский), а также ритуальные комплексы-клады вещей на территории грунтовых могильников (Пшипский клад).

В период расцвета меотской культуры все это разнообразие культовых комплексов сохраняется. Суммируя известные данные, можно выделить четыре основных вида меотских святилищ.

1. Скопление жертвенных вещей, костей животных без какой-либо деревянной конструкции под небольшой насыпью. Какая-либо система в их расположении не прослеживается (Уляп, курганы 1, 4, 6; Воронежские курганы 17 и 18; Тенгинский курган 3). В кургане 4 Уляпа прослеживаются и остатки человеческих жертвоприношений. Истоки этого вида святилищ мы находим в протомеотских святилищах типа Ленинохавля, ритуальных комплексах Ястребовского и Холмского могильников.

2. Конские жертвоприношения (целые костяки, черепа коней или только уздечка (конь *pars pro toto*) без деревянной конструкции и наличия определенной системы под небольшой насыпью (Говердовские курганы 6, 7, 9; Уляп, курган 14, меотское святилище в Гюэносе, Ахул-Абаа.). Этот ритуал скорее всего восходит к конским жертвоприношениям на протомеотских могильниках (Пшип I).

3. Жертвоприношения совершаются в определенной системе. Конские костяки или черепа ло-

шадей выкладываются по кругу или полукольцом вокруг жертвенника (Уляп, курганы 8 и 9, курган 19 у ст. Воронежской, Кужорский курган?). Вероятнее всего, этот вид святилища находит свои истоки в ритуальных комплексах раннескифского времени Келермесского могильника. Это доисследованные экспедицией Эрмитажа келермесские курганы 23, 29 (предположительно курганы Д.Г. Шульца), а также I Говердовский курган.

4. Специальные сооружения для жертвоприношений – шатры или полушатры (Уляп, курганы 2 и 5; Начерзий курган 30; Ульские курганы 1/1898 г., 10/1982 г., 1/2007 г.; Тенгинские курганы 1 и 2). Деревянные конструкции этих святилищ – “шатры” или “полушатры”, во многом повторяют, и вероятно, восходят к известным на территории меотской культуры конструкциям над погребальными сооружениями предскифского и раннескифского времени (курган Уашхиту I, первый Разменный курган у ст. Костромской).

Однако назвать все выделенные нами разновидности ритуальных сооружений типами нельзя, поскольку сочетание признаков в них неустойчиво. Имеются некоторые общие признаки и у святилищ, отнесенных нами к разным группам. Так, например, огненный ритуал прослеживается у ряда святилищ разных групп; у святилищ разных видов используются галечные вымостки.

Ульский курган 10 (1982 г.) и Тенгинский курган 1 имеют полукольцевые галечные вымостки. Подобная полукольцевая вымостка из прокаленной глины, однако, имеется в Уляпском кургане 8. В то же время на галечной вымостке, но прямоугольной формы, совершались жертвоприношения в святилище уляпского кургана 6. Причем после очередных культовых действий, сопряженных с огненным ритуалом, галька подсыпалась. Галька прослежена и в кургане 30 Начерзийского могильника, и в ритуальных комплексах III–II вв. до н.э. Тенгинского грунтового могильника.

С более богатым инвентарем чаще были святилища, имеющие человеческие жертвоприношения (череп, расчлененные кости), как например, в Уляпских курганах 1, 4, 5.

Прежде я полагал, что общим признаком для меотских святилищ является отсутствие центральных ям, что жертвоприношения совершались либо на древнем горизонте, либо на насыпи кургана предшествующей эпохи (Эрлих, 2001. С. 116). Однако исследование кургана 2 Тенгинского курганного могильника в 2001 г. показало, что большая яма-котлован (общей площадью 36 м² и глубиной 1,5 м) может быть и частью конструкции этого определенно относящегося к святилищам сооружения. Хотя все жертвоприношения в кургане совершались на уровне перекрытия этой ямы, мы не исключаем теперь и возможность совершения жертвоприношений и в самой яме. Таким образом, мы можем несколько расширить и круг комплексов, условно относимых нами к святилищам, и включить туда курган 15 Воронежской группы, где имелась материковая яма (ОАК за 1903 г. С. 71), и курган у с. Натырбово в Адыгее, исследованный А.А. Сазоновым в 1992 г., также имевший яму (Сазонов, 1992), а также упоминавшийся выше курган на некрополе IV Новолабинского городища, имевший яму-котлован. Возможно, что ритуальные курганы с ямой-котлованом представляют отдельный вид меотских святилищ.

Определенная часть ритуальных комплексов находилась на территории грунтовых кладбищ и как-то связана с погребальным культом. Для раннего времени это Пишишские конские жертвоприношения, келермесские святилища, возле которых находился меотский грунтовой могильник VII в. до н.э. Для IV в. до н.э. это святилища Уляпского могильника, некрополя Тенгинского городища II, Начерзийского могильника и могильника у хутора Прикубанского. Ритуальные комплексы на меотских грунтовых могильниках прослеживаются и позже – на некрополе IV Новолабинского городища, в Тенгинском грунтовой могильнике.

Что касается остальных памятников этого времени, то их межкурганное пространство просто не исследовалось. Возможно, перекрытое насыпью святилища погребение грунтового могильника было обнаружено Н.И. Веселовским в 16-м Воронежском кургане. Но все ли эти курганы связаны исключительно с погребальным ритуалом и

являются признаками погребенным в грунтовой могильнике? На мой взгляд, связь здесь скорее обратная. Именно могильники устраиваются в сокращенном месте, там, где находятся святилища. Это подобно тому, как у христиан погребения находятся в крипте в пределах храма или возле храма. Количество и качество жертвоприношений в меотских святилищах многократно превосходит погребальный инвентарь грунтовых могил. То есть подношения богам, гораздо обильнее и богаче, чем предкам.

Одни из курганов-святилищ содержат единовременные жертвоприношения, другие могли служить долговременными капищами. В кургане 1 некрополя Тенгинского городища II, обнаружены последующие жертвоприношения лошадей и собаки, совершенные после того, как культовое сооружение было сожжено.

Интерпретация некоторых курганов-святилищ как храмов, посвященных определенным божествам достаточно затруднительна, поскольку мы ничего не знаем о меотском пантеоне. Тем не менее, ряд сопоставлений с описаниями Геродота святилища бога-войны Ареса (Геродот, IV, 62), позволил А.М. Лескову предположить, что курган 5 Уляпа сооружен в честь божества, соответствующего скифскому Аресу (Лесков, 1985. С. 38). В центре этого кургана, имевшего шатровое или полушатровое перекрытие (ср.: “куча хвороста” – Геродот), обнаружен отдельно положенный меотский меч (ср.: “меч – кумир Ареса” у Геродота).

Интересен и набор вещей, обнаруженный в верхней части деревянного перекрытия кургана 2 некрополя Тенгинского городища II. Здесь находились деревянная чаша с золотыми обивками, паштирный бронзовый пояс и колчан с железными наконечниками стрел. Эти предметы (чаша, пояс и лук-колчан) играли ключевую роль в одной из скифских этногенетических легенд, приведенных Геродотом (Геродот IV, 9–10). Сакральный смысл этих предметов, встречаемых в святилище, очевиден. На наш взгляд, параллели со скифской мифологией и скифским пантеоном, несмотря на отсутствие достоверных письменных источников, вполне применимы и к реконструкциям религиозных воззрений меотских племен.

ИЛЛЮСТРАЦІИ

1

Рис. 1. Картинка 1.
Детальні описи зображень та їхні значення. У таблиці наведено загальні характеристики
кожного зображення, а також його місце у загальному контексті роботи.

Рис. 2. Курган 1

1 – кости собаки и остатки деревянного навершия (?) в северо-западной части; 2 – череп кося 5; 3 – череп кося 4; 4 – череп кося 7; 5 – разборка верхнего уровня ритуального комплекса

Рис. 3. Курган 2

1 – перекрытие конской могилы в восточной половине кургана; 2 – пара бронзовых павсрший 1 на перекрытии конской могилы; 3 – расчистка верхнего уровня центрального сооружения в восточной половине кургана

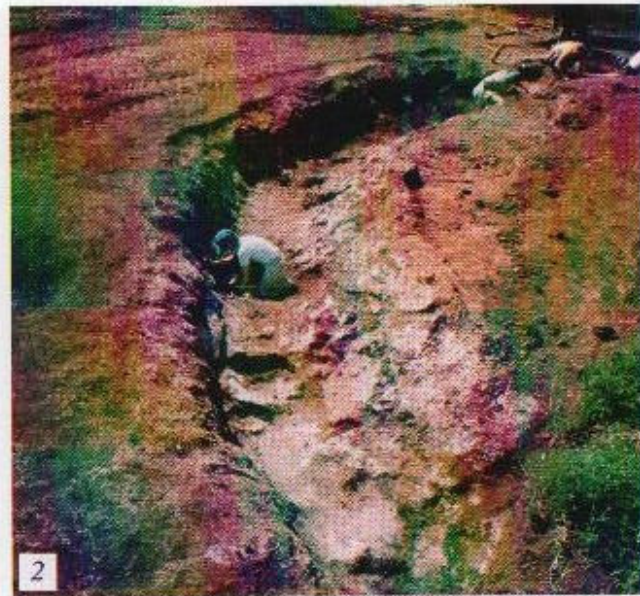
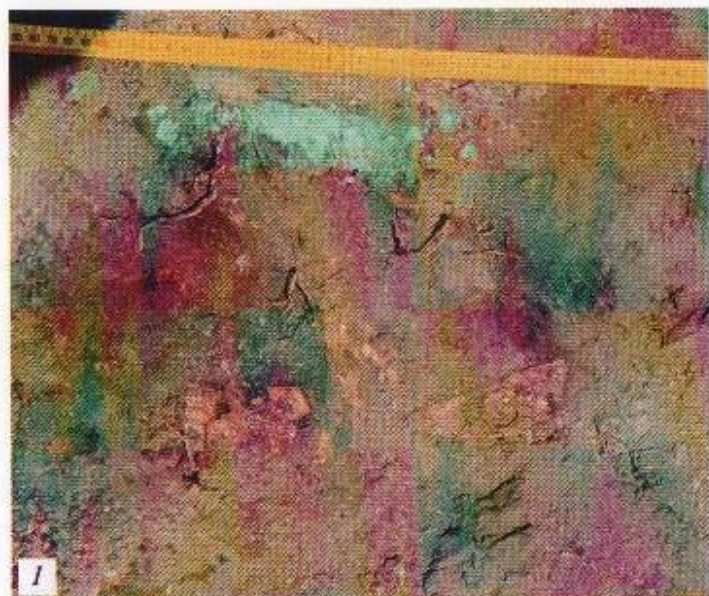

Рис. 4. Курган 2

1 – “пробный участок”, остатки пояса и золотых накладок на чашу на шатровом перекрытии; 2 – расчистка перекрытия конской могилы; 3 – участок конской могилы после снятия перекрытия; 4 – конская могила, конь 13 и 15; 5 – конская могила, конь 14; 6 – конская могила, конь 10

Рис. 5. Курган 2

1 – центральное сооружение, вид с юга; 2 – центральное сооружение, вид с севера; 3 – расчистка центрального сооружения и конской могилы

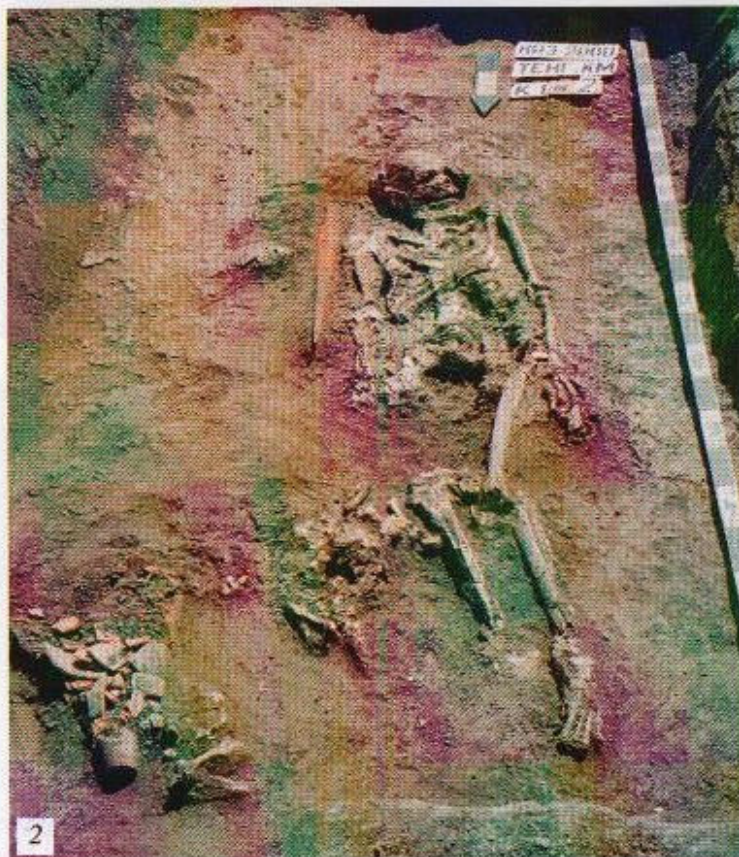

Рис. 6. Некрополь Тенгинского городища II

1 – курган 2, выборка ямы-котлована;
2 – грунтовый могильник, погребение 2/2000 г.

Рис. 7. Некрополь Тенгинского городища II

1 – яма-котлован, вид с юго-запада; 2 – Грунтовый могильник, погребение 1/2002 г.

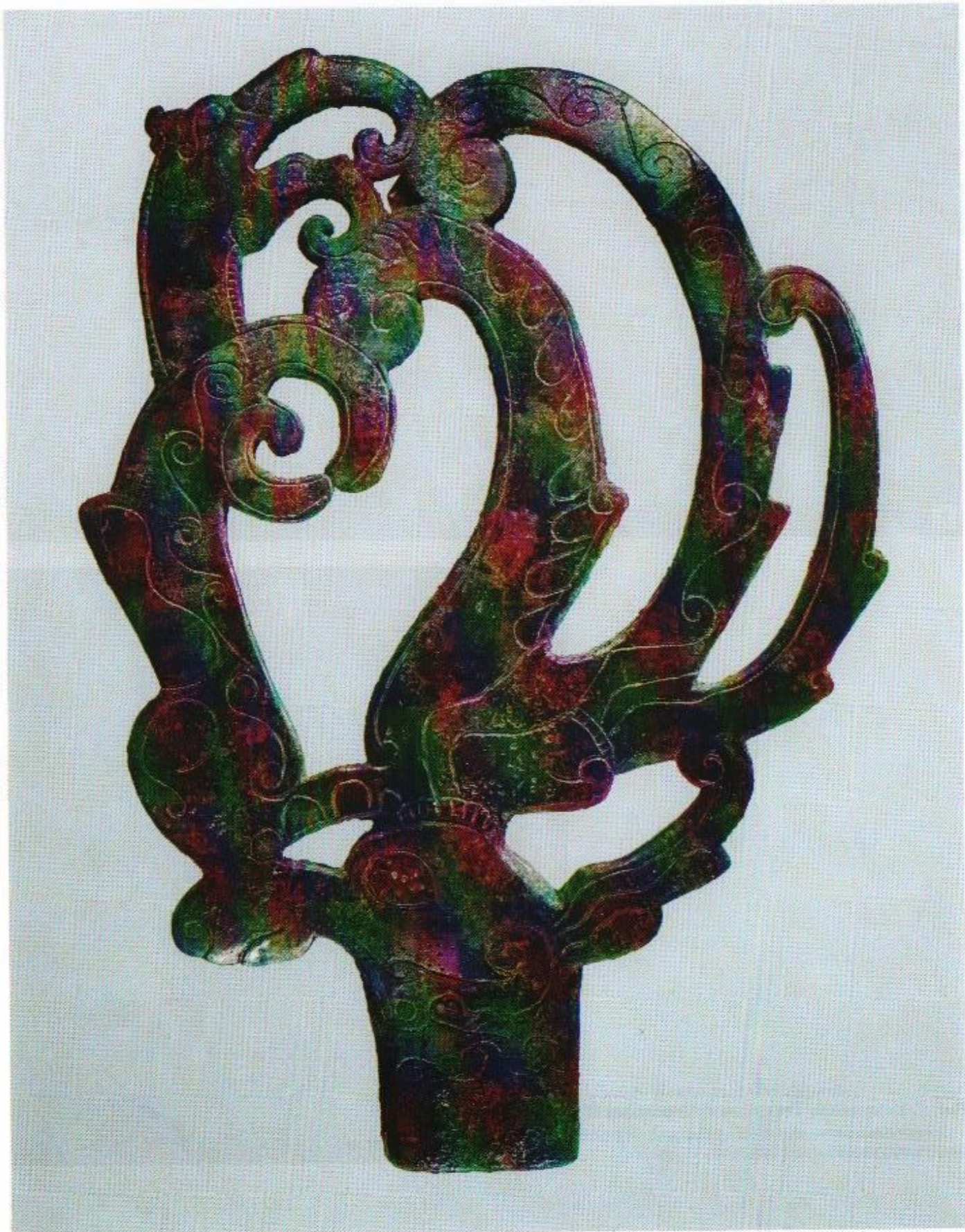

Рис. 8. Бронзовое навершие (курган 2)

Рис. 9. Бронзовое навершие (курган 2)

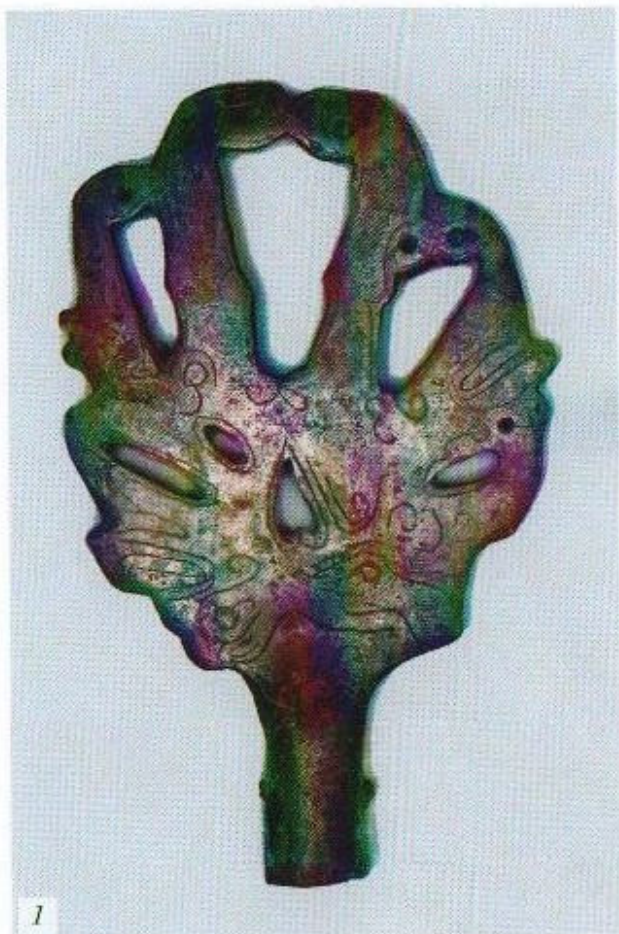

Рис. 10. Навершия (курган 2)

1 – бронзовое навершие; 2 – биметаллическое навершие

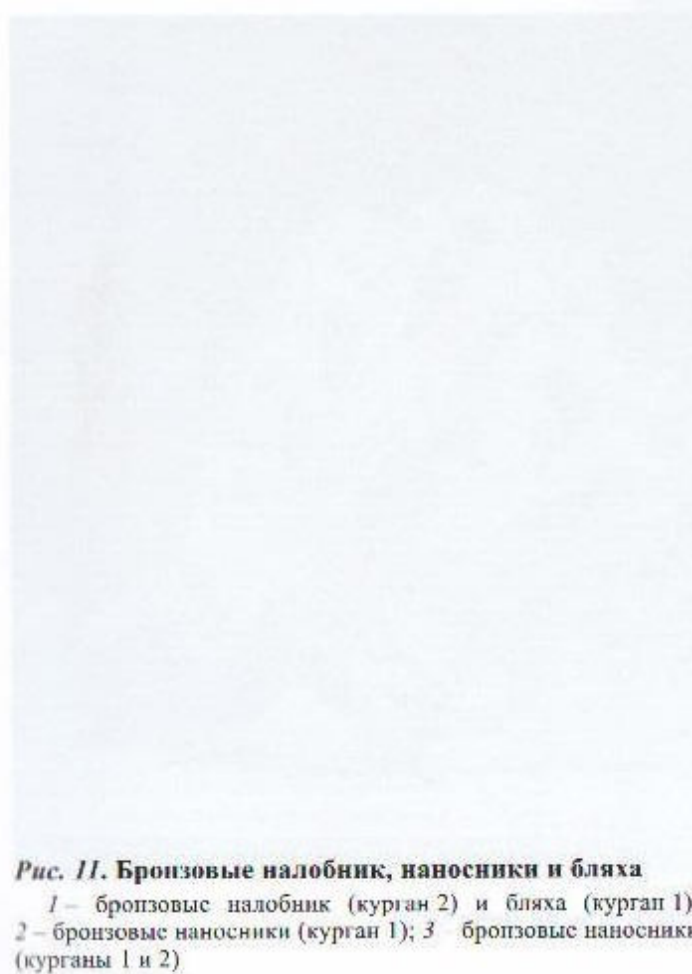
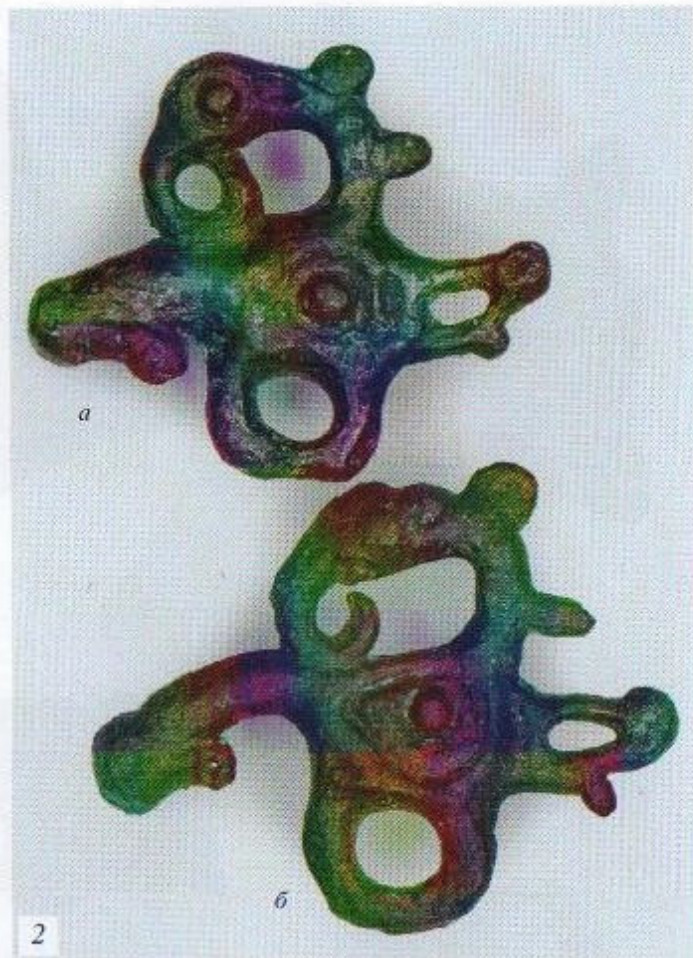
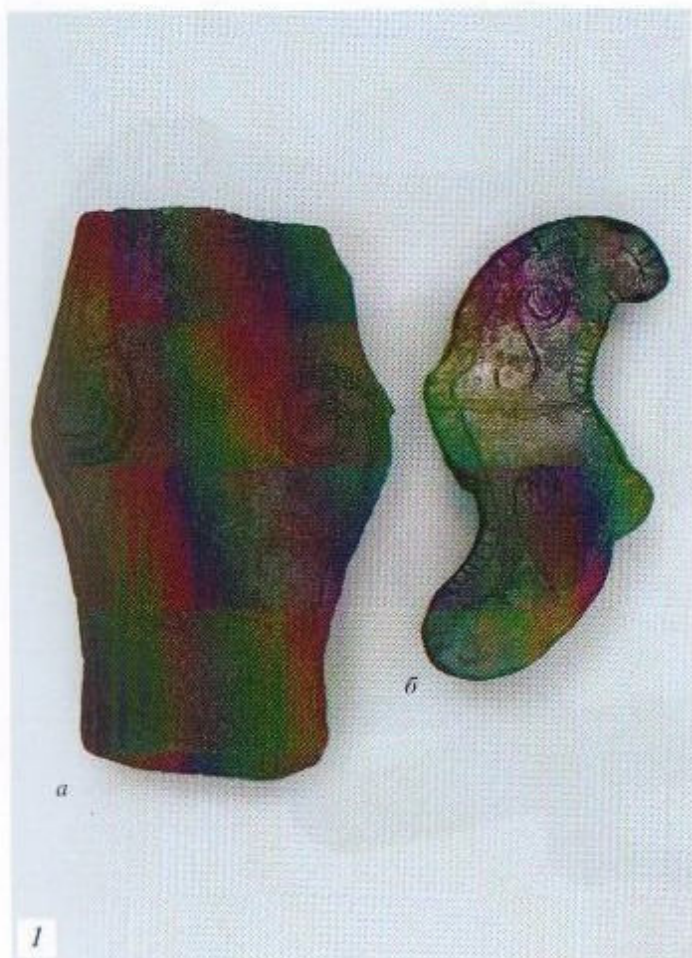

Рис. 11. Бронзовые налобник, наносники и бляха
 1 – бронзовые налобник (курган 2) и бляха (курган 1);
 2 – бронзовые наносники (курган 1); 3 – бронзовые наносники (курганы 1 и 2)

Рис. 12. Бронзовые налобники и псалли (курган 2)
 1 – налобники; 2 – псалли

Рис. 13. Детали конской узды

1 – бронзовые наносники (курган 1); 2 – бронзовые окончания биметаллических псалиев (курган 1); 3 – бронзовые налобники (курган 2)

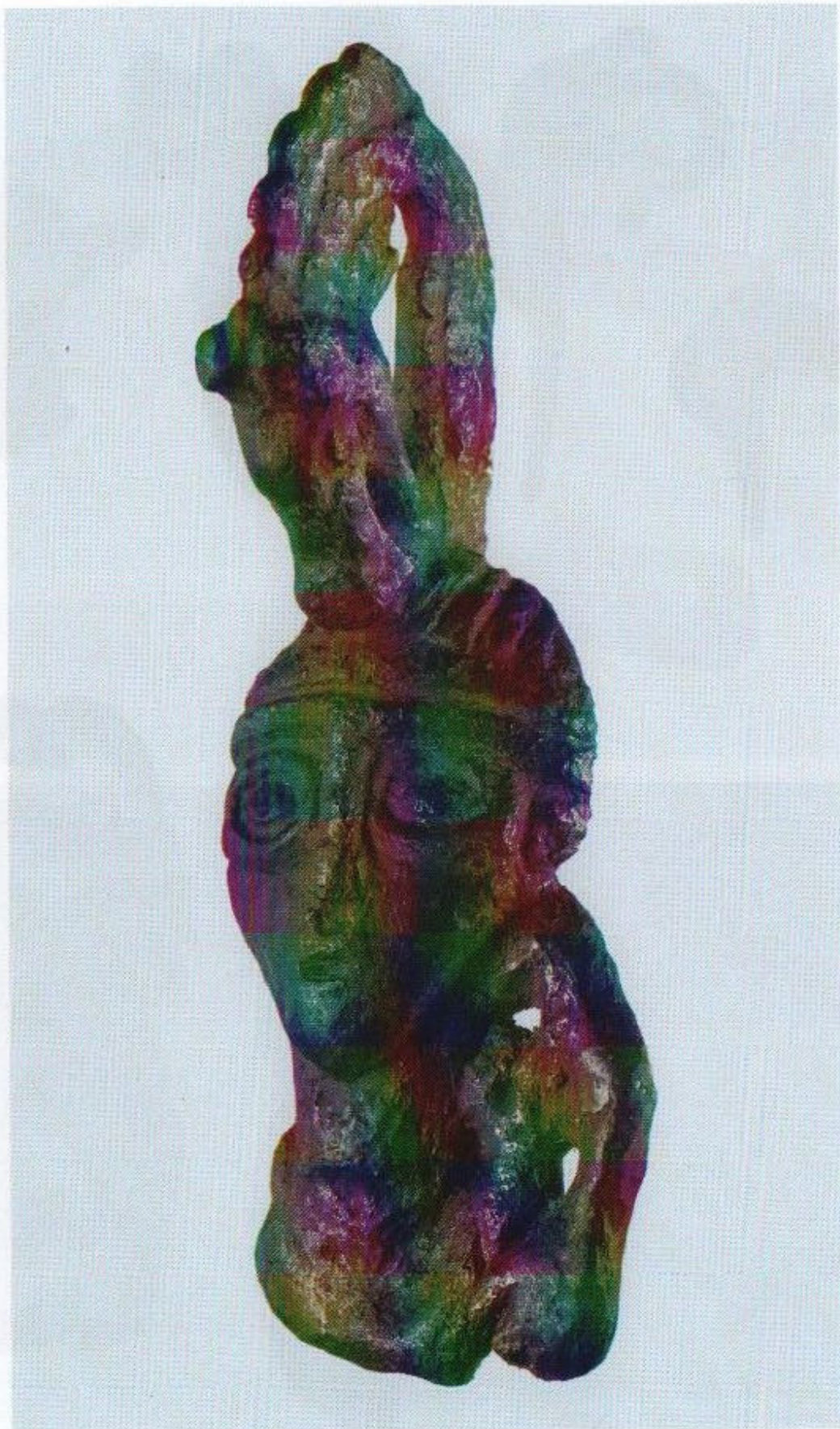

Рис. 14. Бронзовый наносник (курган 1)

Рис. 15. Бронзовый налобник в виде человека (курган 2)

Рис. 16. Детали украшений из золота
 1 – курган 1; 2 – курган 2

Рис. 17. Детали украшений из золота (курган 2)
 1 – золотые бляшки-личины; 2 – золотые бляшки в виде птиц

1

2

Рис. 18. Детали украшений из золота (курган 2)

1 – детали диадемы; 2 – нашивные бляшки – аппликации

Рис. 19. Золотые накладки на деревянную чашу (курган 2)

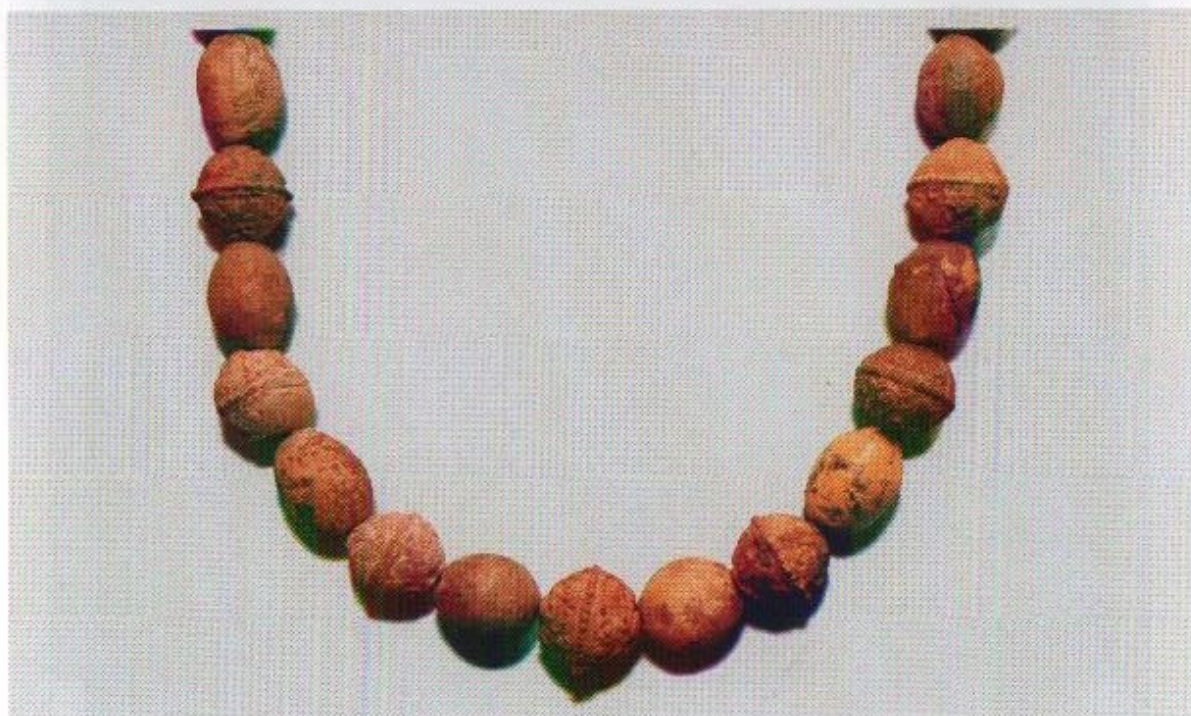

Рис. 20. Ожерелья из золоченой терракоты (курган 2)

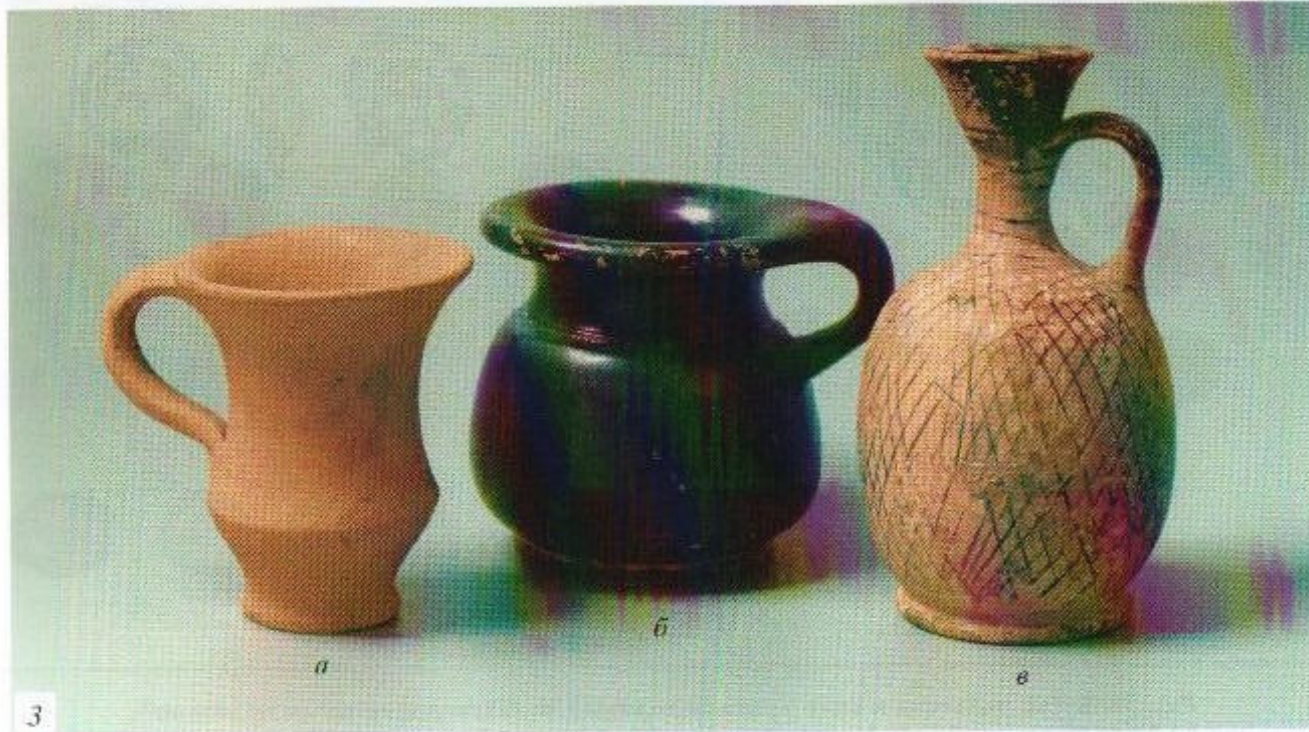
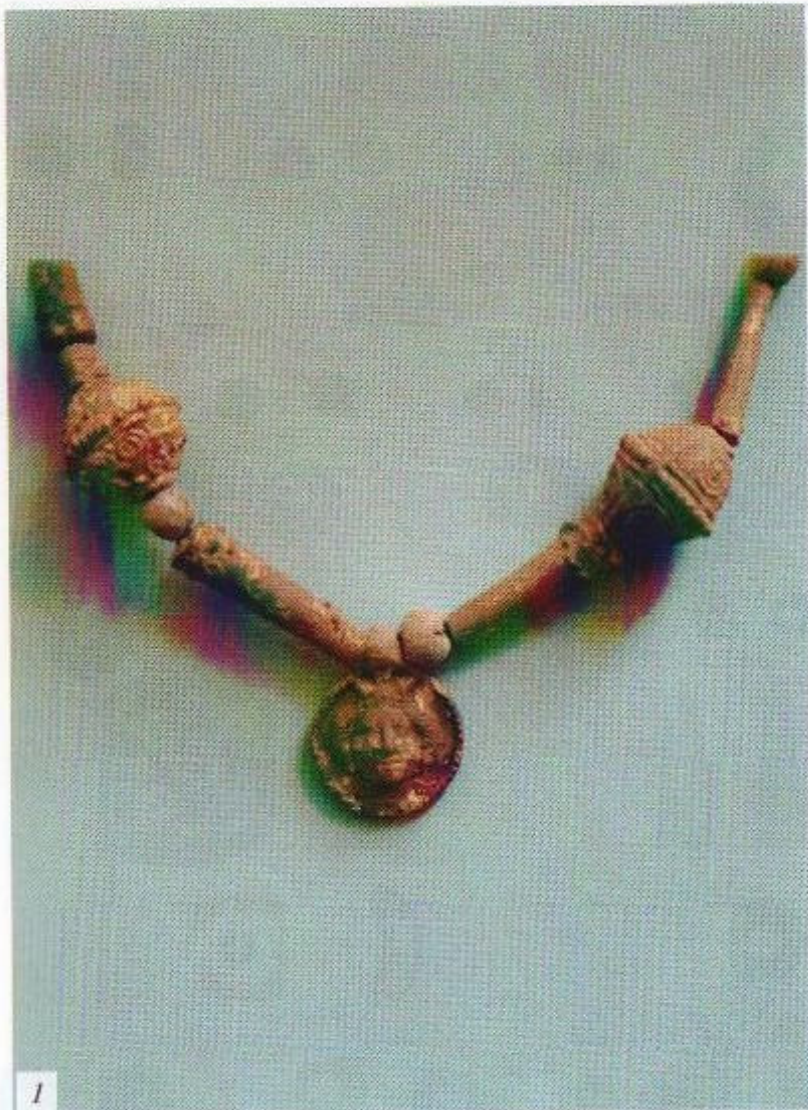

Рис. 21. Курган 2

1 – деталь ожерелья с медальоном-подвеской; 2 – фрагменты стеклянного медальона;
3 – импортная керамика

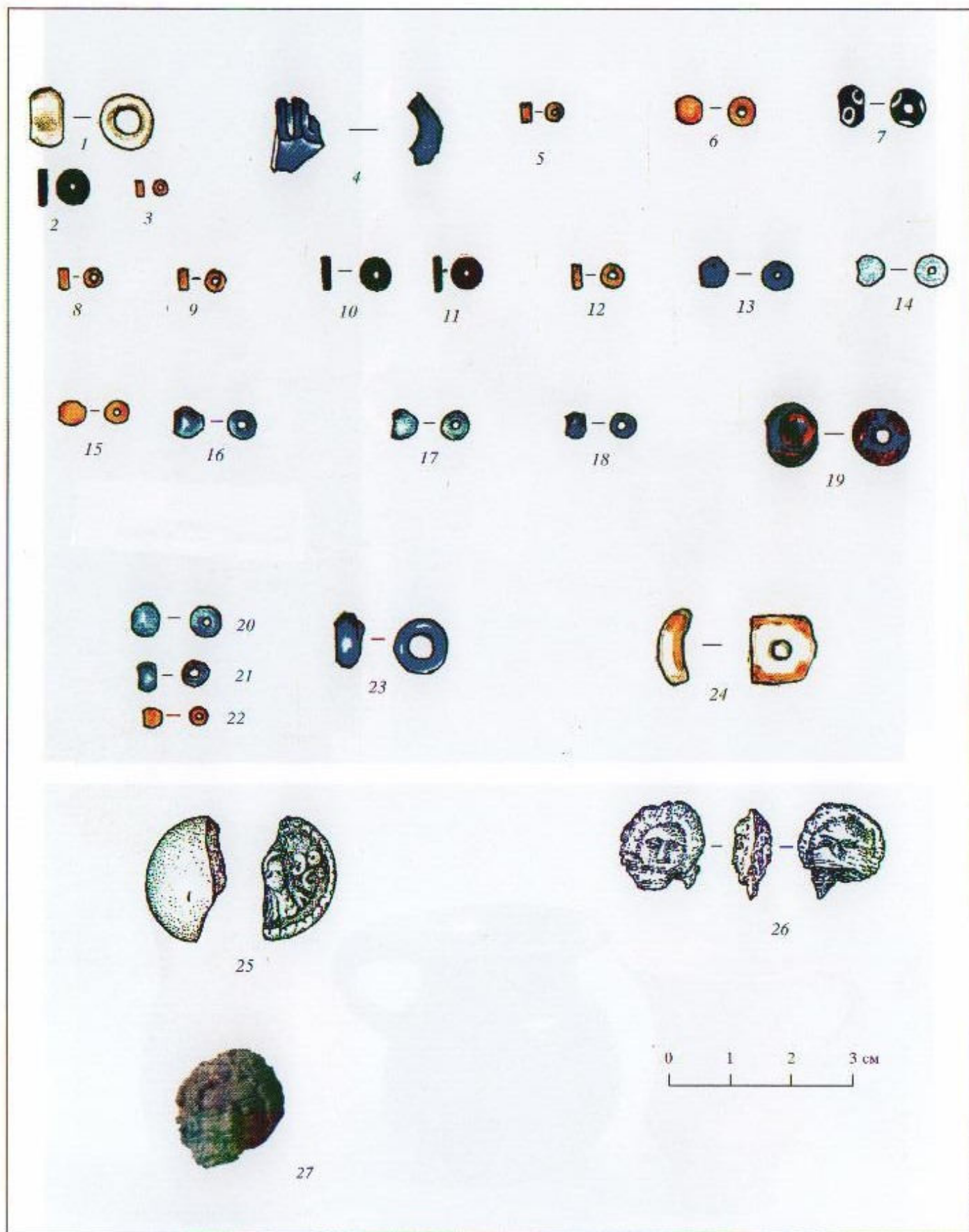

Рис. 22. Бусы, подвеска в виде мужской головы (26, 27), терракотовый медальон – “Афина Парфенос” (25). Курган 1, скопление 1
 1, 3–9, 12–23, 26, 27 – стекло; 2, 10, 11 – гешир; 24 – камень; 25 – керамика

Рис. 23. Бусы, пронизи, подвески (курган 2)

1-7, 11, 12, 15, 23, 24, 26-30 - золоченая тетракота; 8 - гшир, 9, 10, 13, 14, 16-22, 25 - стекло

Рис. 24. Ожерелье. Терракота, гешир, золото (курган 2)

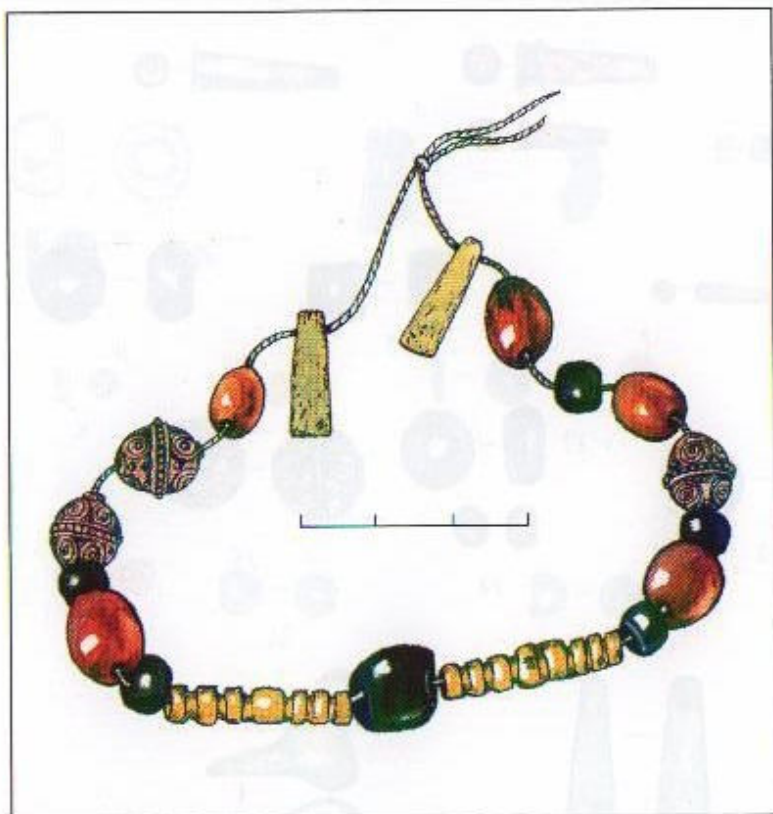

Рис. 25. Бусы (курган 2)

1-4, 6, 10, 12, 15, 17, 20, 22, 23 - золоченая терракота; 5, 7, 8, 9, 11, 13, 14, 19, 21 - стекло; 16, 18 - гешир

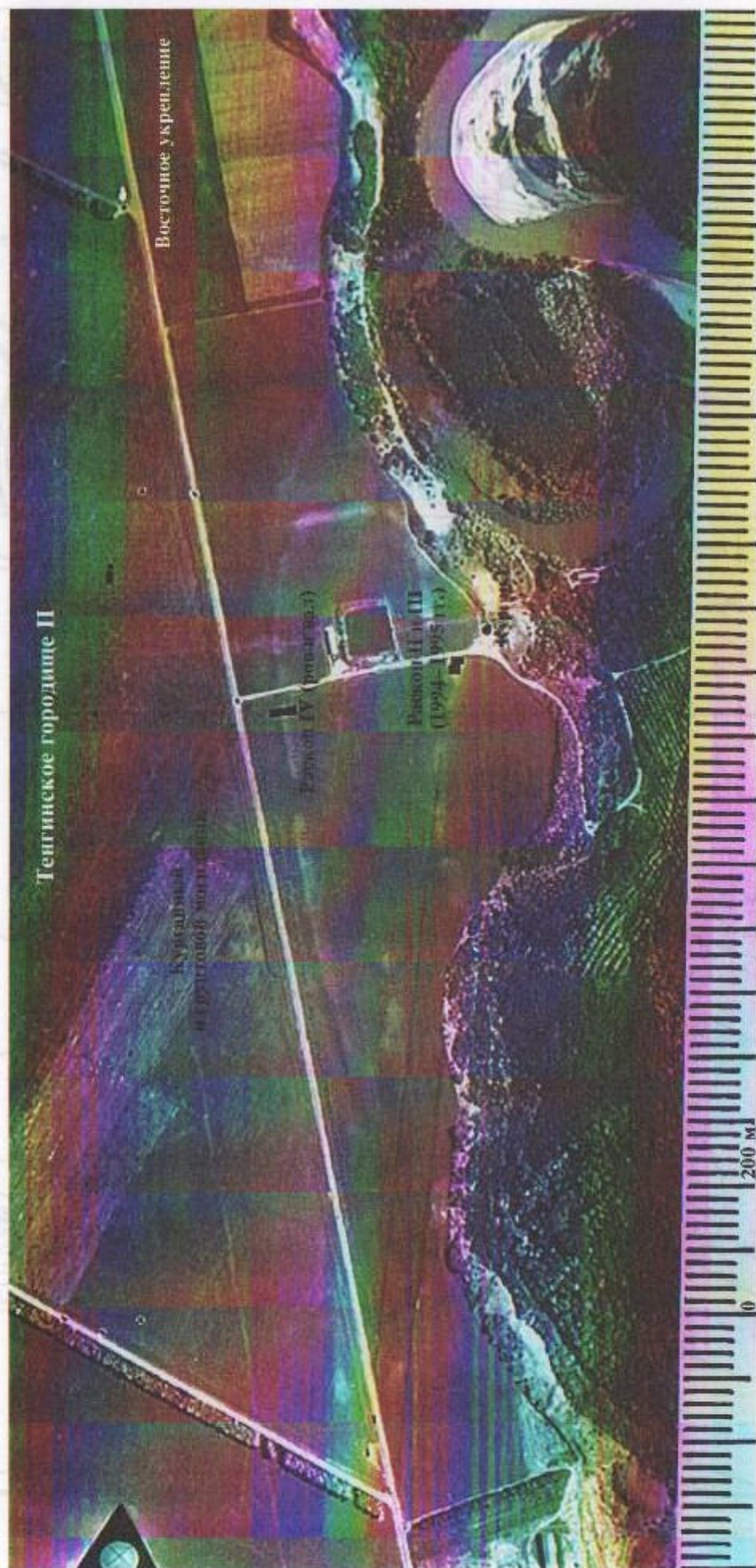

Рис. 1. Тенгинское городище и могильник. Аэрофотосъемка

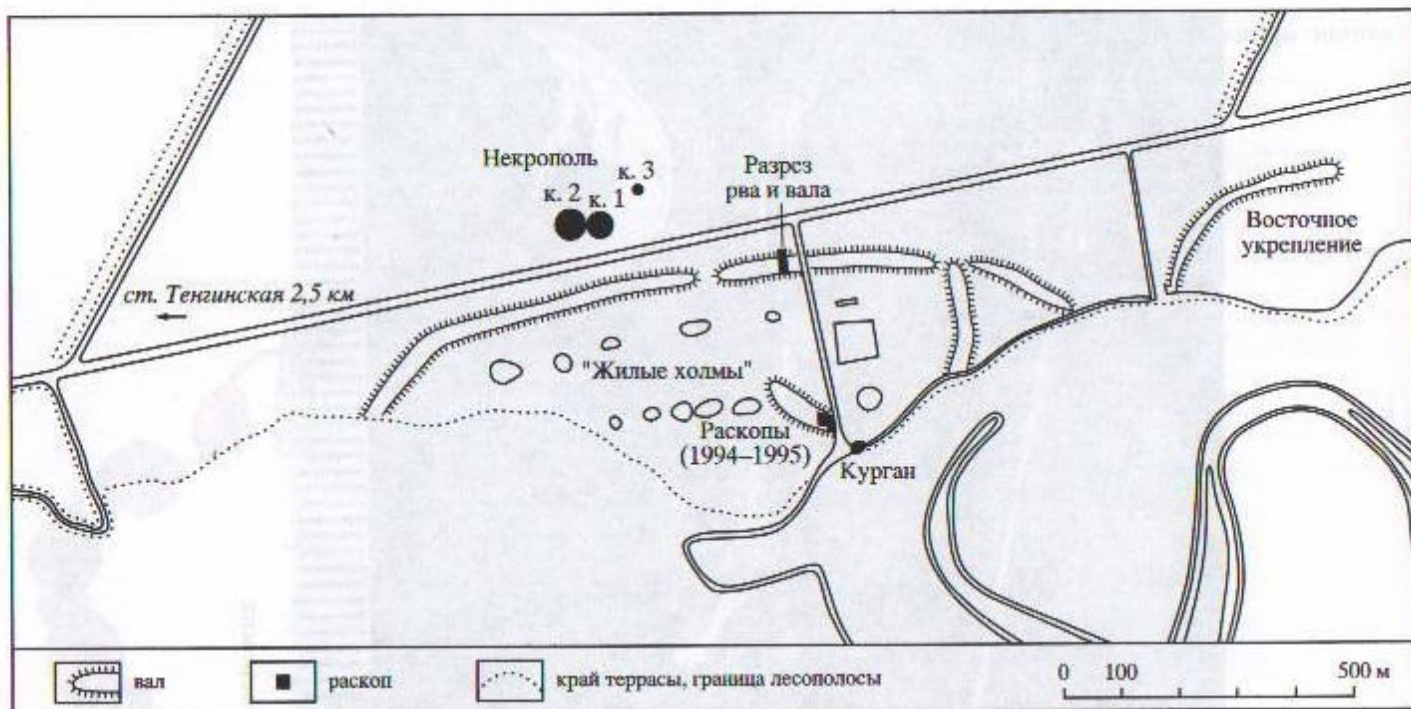

Рис. 2. Тенгинское городище II. Схема расположения раскопов

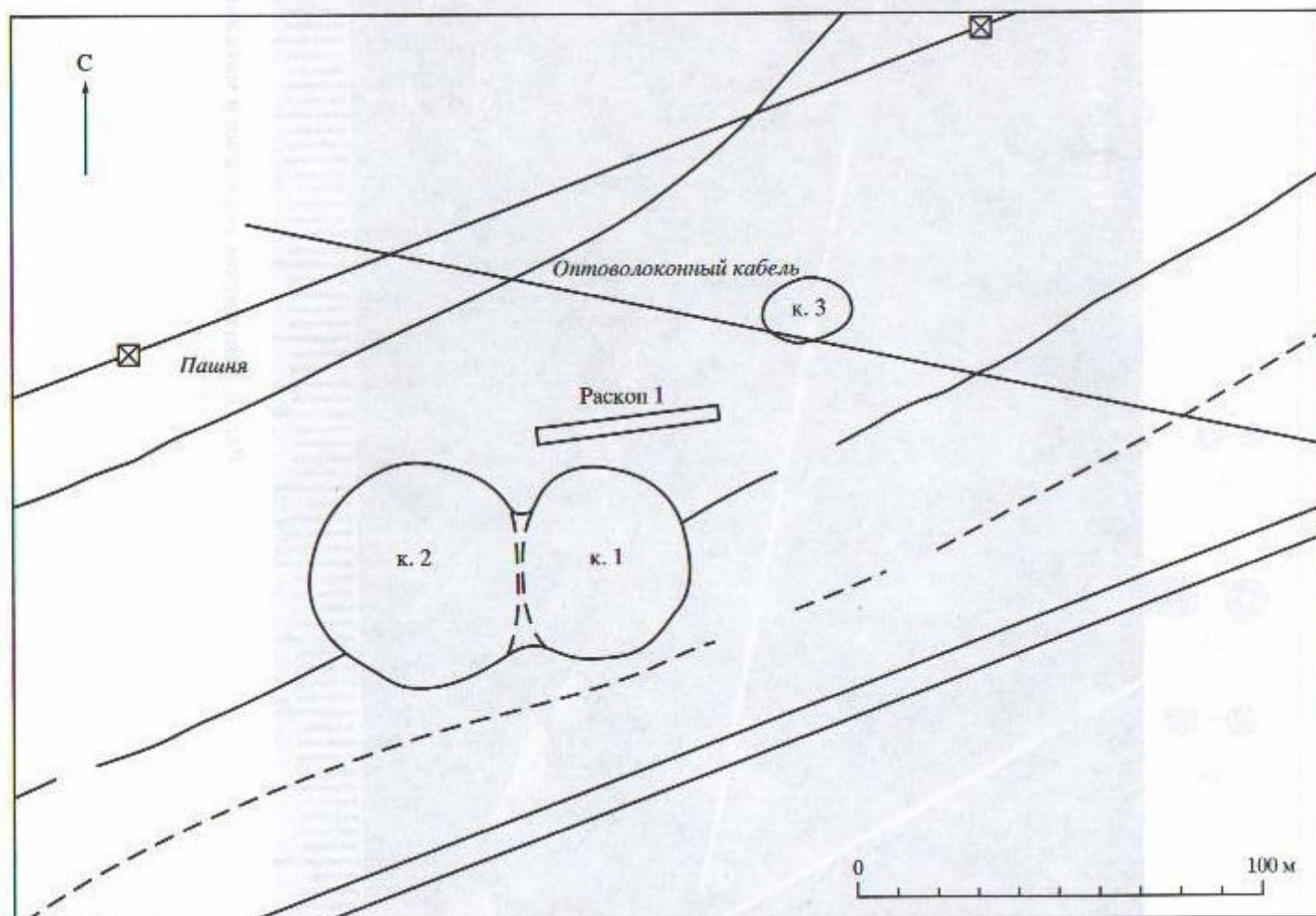

Рис. 3. Некрополь Тенгинского городища II. Топографический план

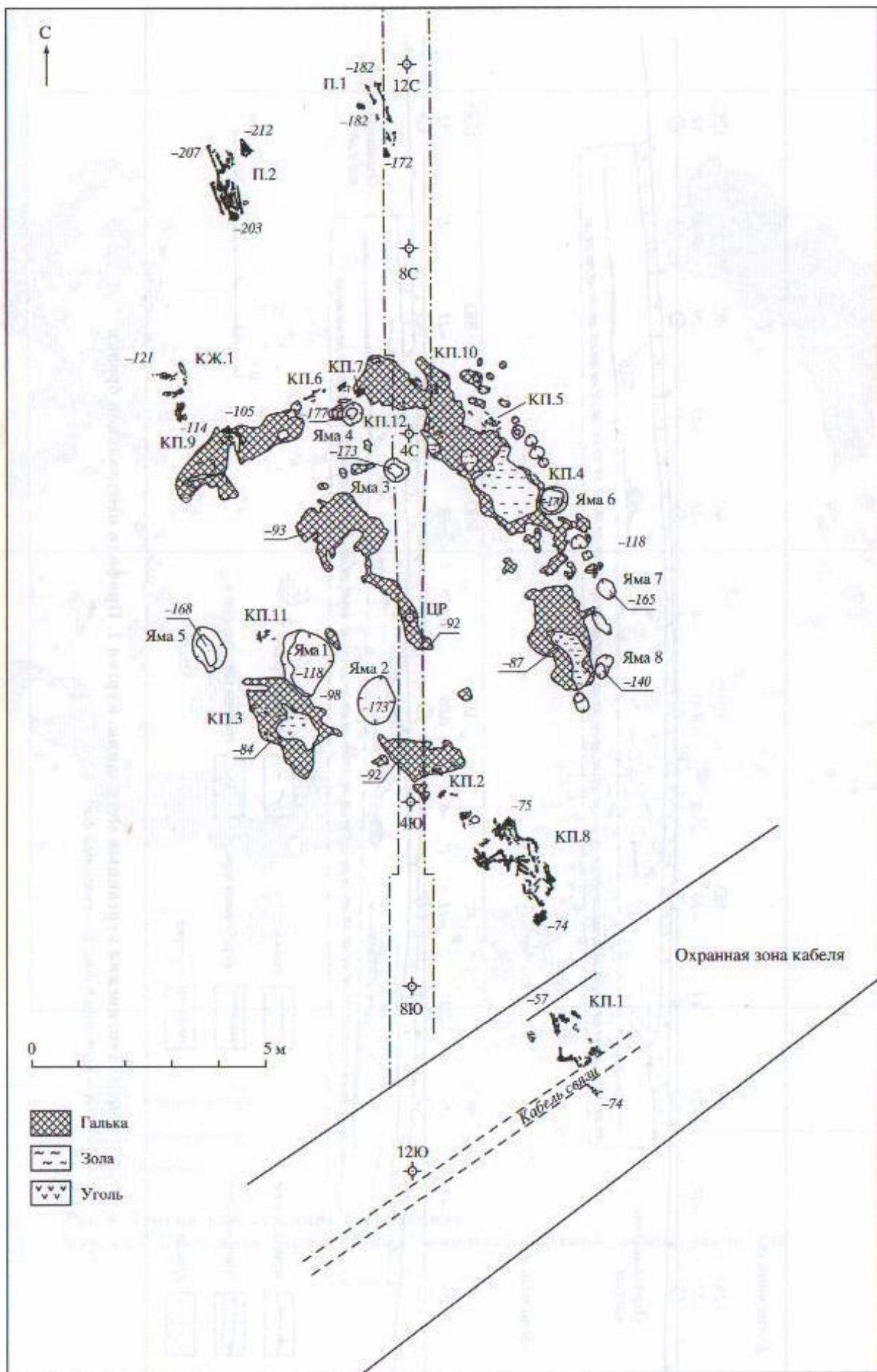

Рис. 4. Тенгинский курганный могильник. Курган 1. Общий план

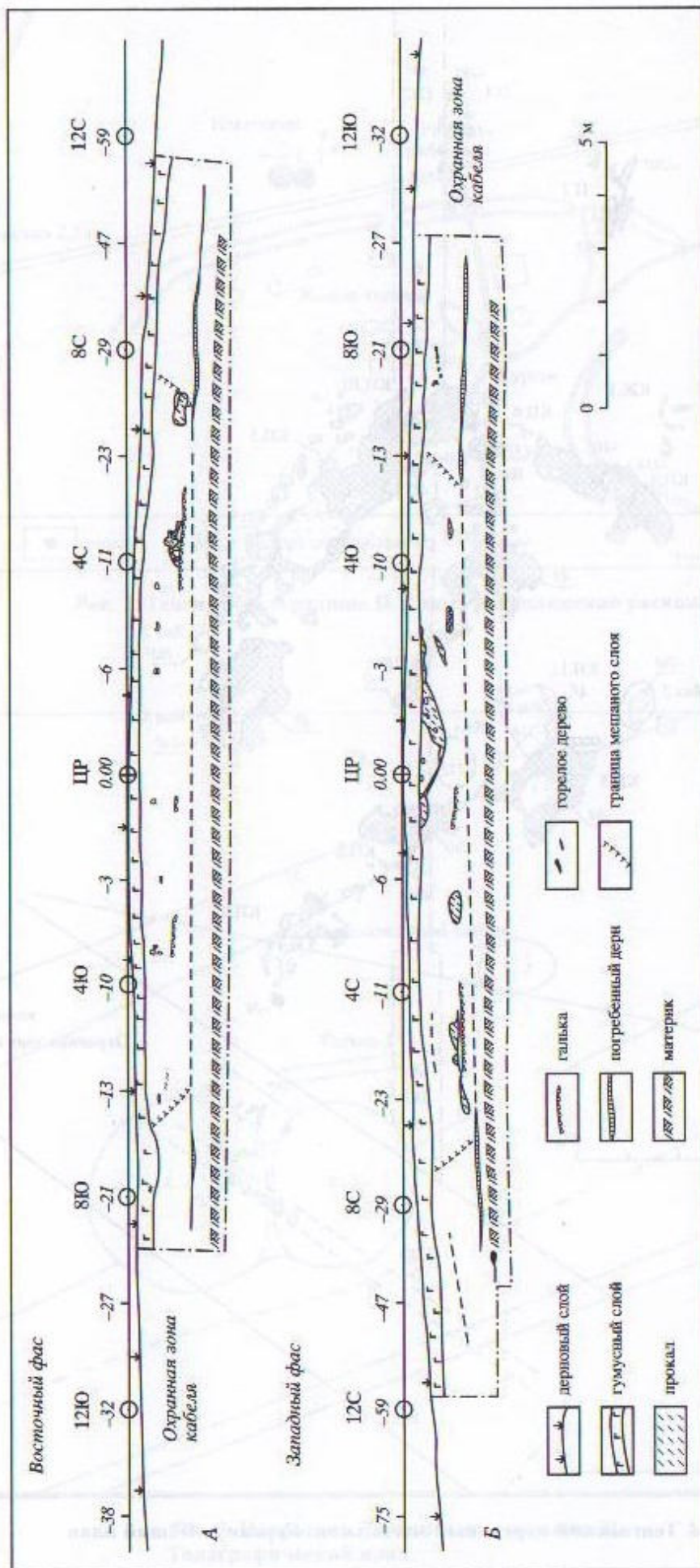

Рис. 5. Тенгинский курганный могильник. Курган 1. Профили центральной бровки
 А – восточный фас; Б – западный фас

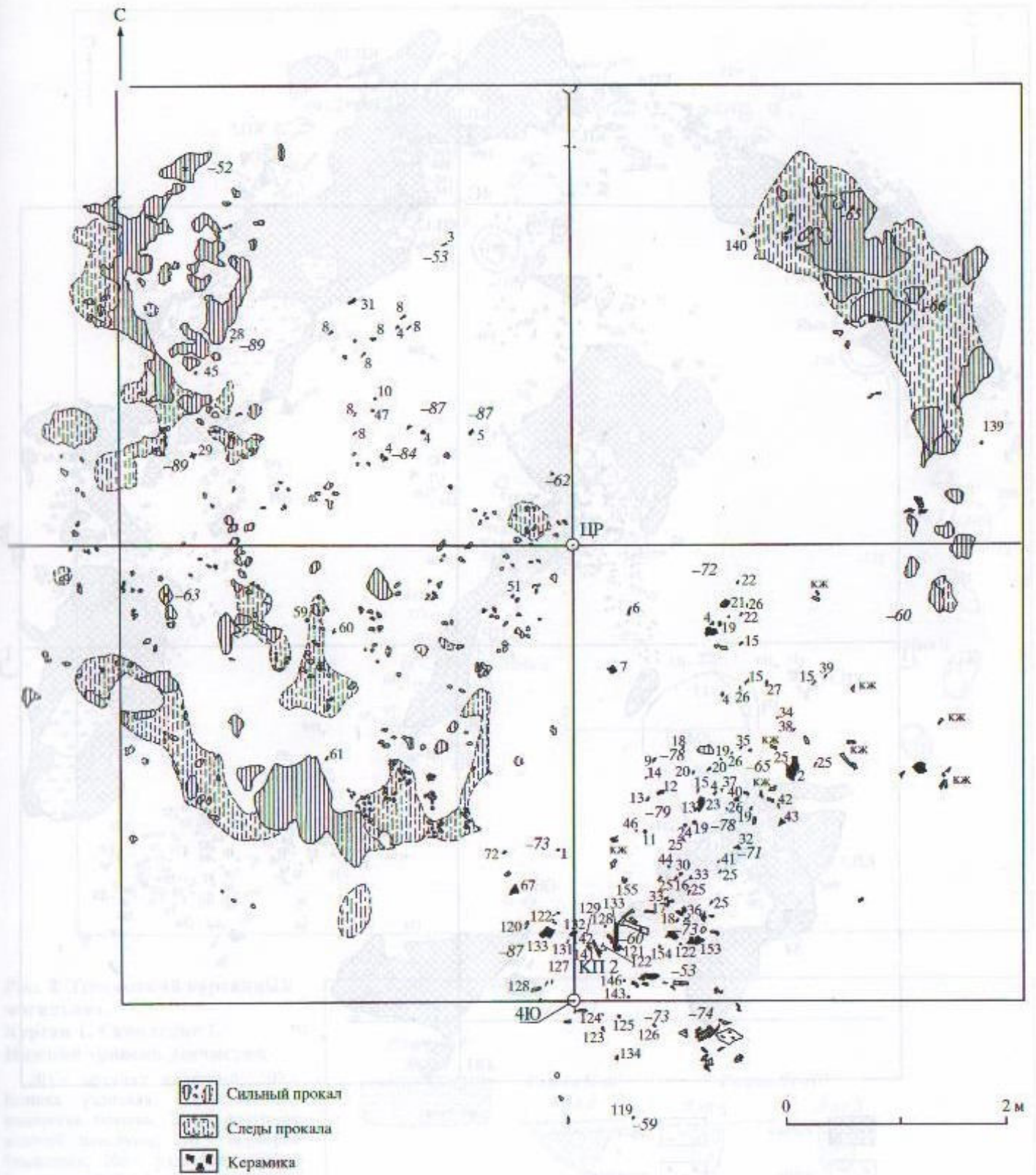
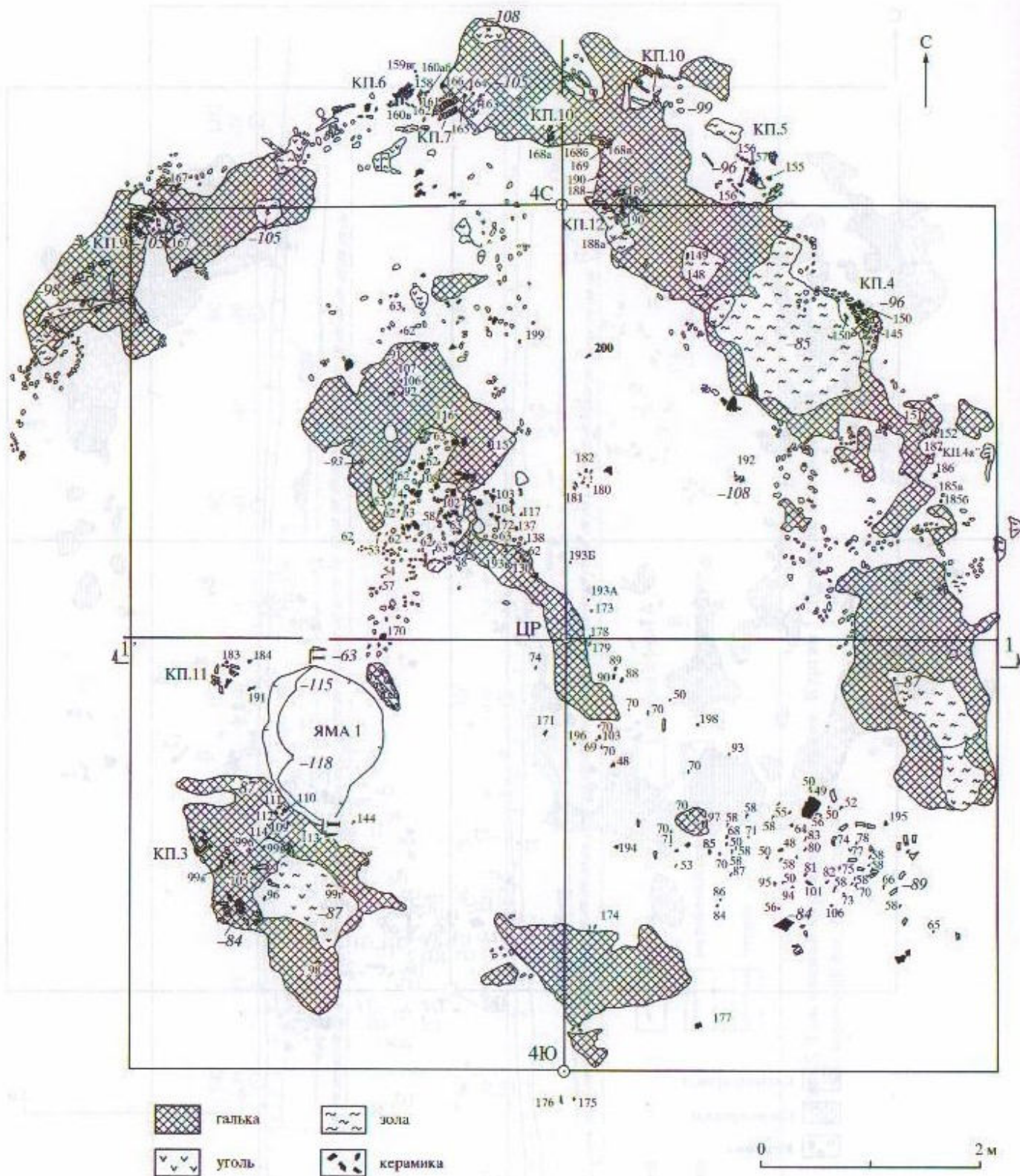

Рис. 6. Тенгинский курганный могильник.
 Курган 1. Скопление 1 (ритуальный комплекс). Верхний уровень расчистки

**Рис. 7. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1. Средний уровень расчистки**

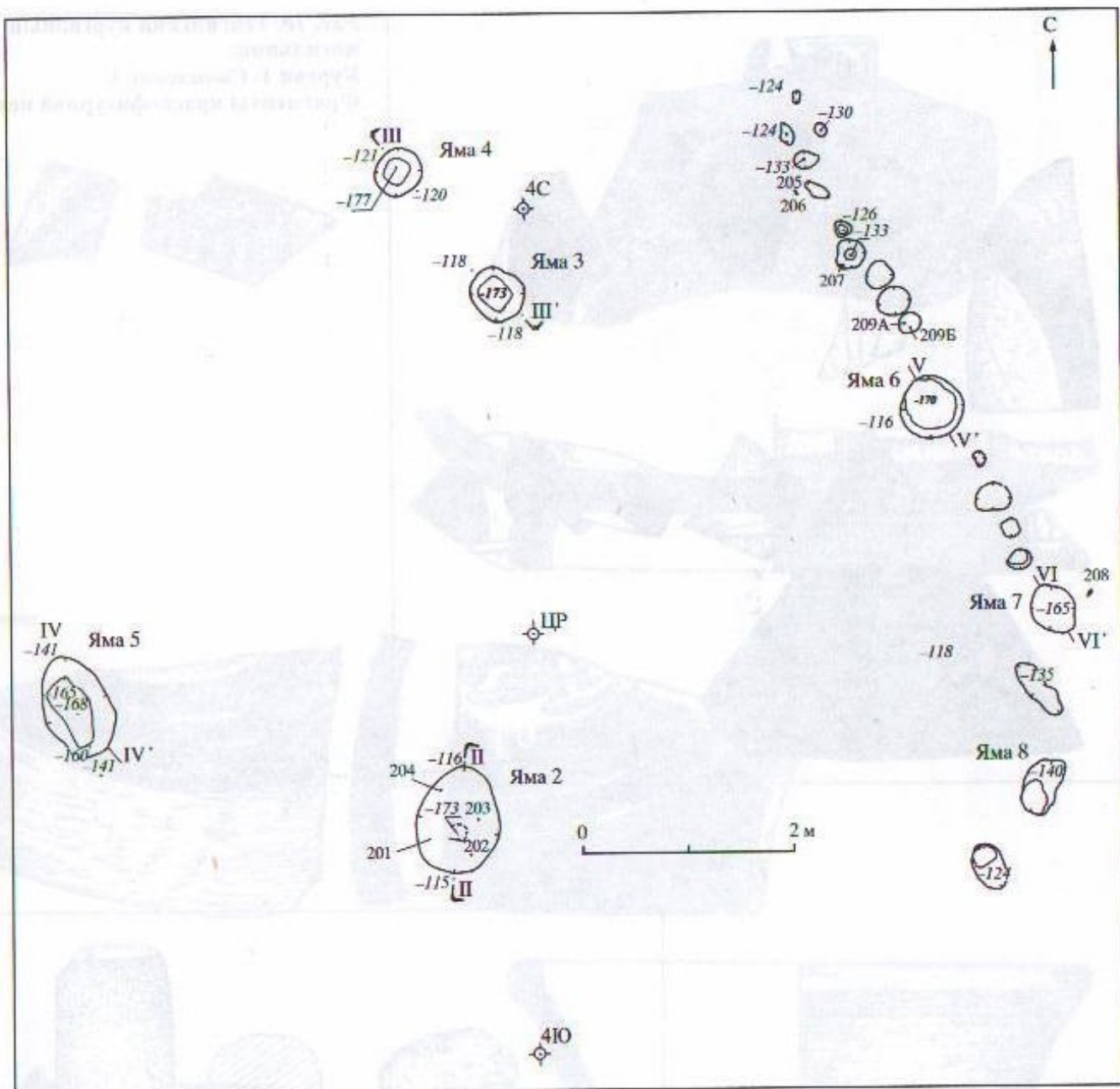

Рис. 8. Тенгинский курганный могильник.

Курган 1. Скопление 1.

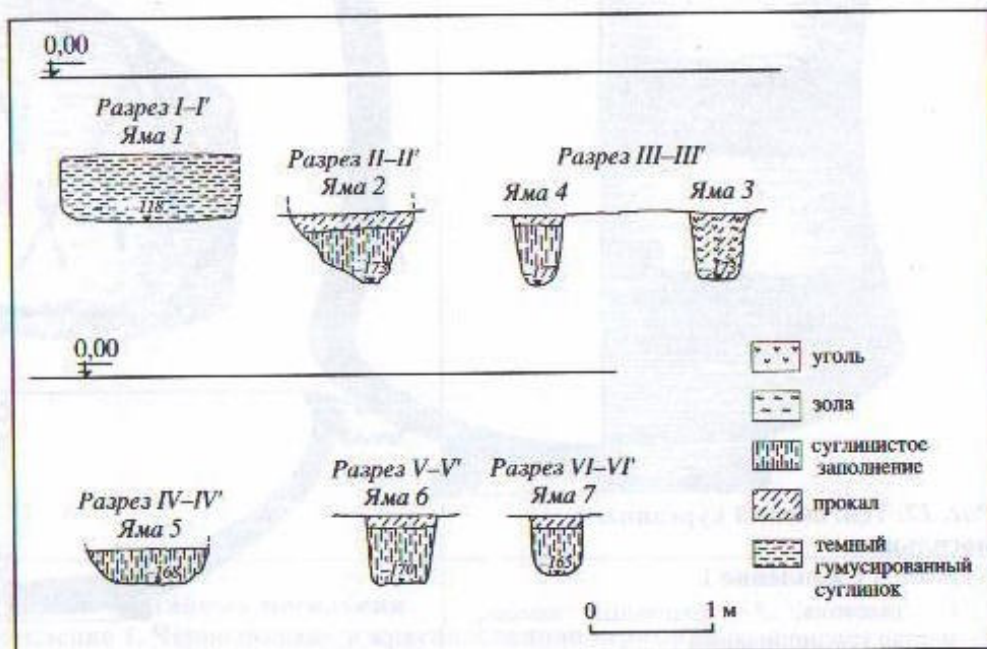
Нижний уровень расчистки

201 – предмет железный; 202 – бляшка уздечная; 203 – золотая нашивная бляшка; 204 – фрагмент золотой пластины; 205 – ворворка бронзовая; 206 – уздечное колечко бронзовое; 207 – фрагмент бронзового псаля; 208 – псалий бронзовый; 209 – колечки уздечные бронзовые

Рис. 9. Тенгинский курганный могильник.

Курган 1. Скопление 1.

Разрезы ям нижнего уровня расчистки

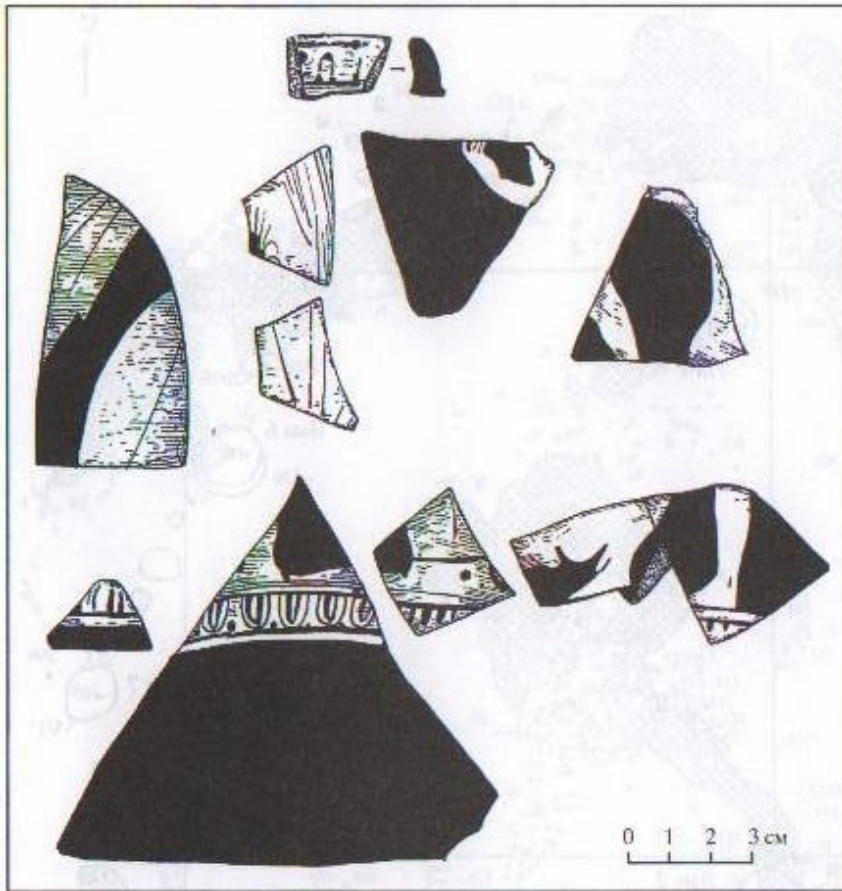

Рис. 10. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1.
Фрагменты краснофигурной пеллики

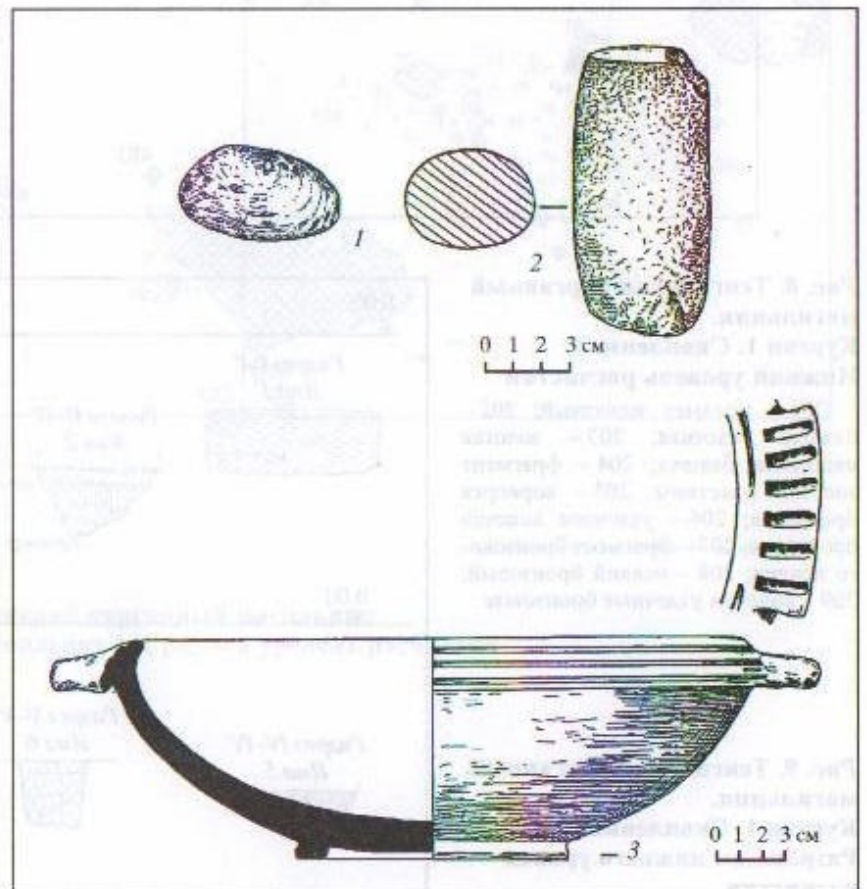

Рис. 12. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1
1 - раковина, 2 - точильный камень,
3 - mortar красноглиняный

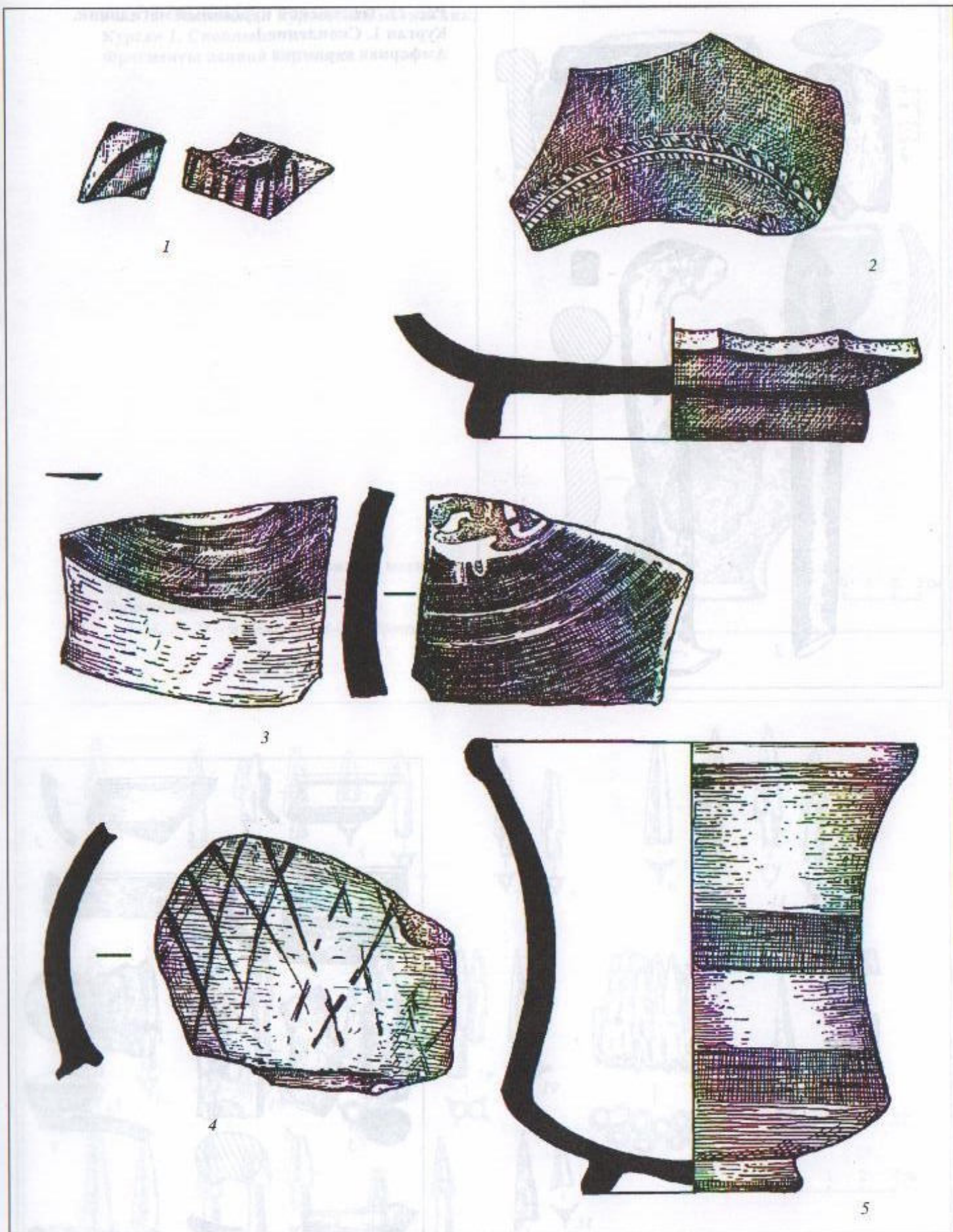

Рис. II. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1. Чернoлаковая и красноглиняная керамика

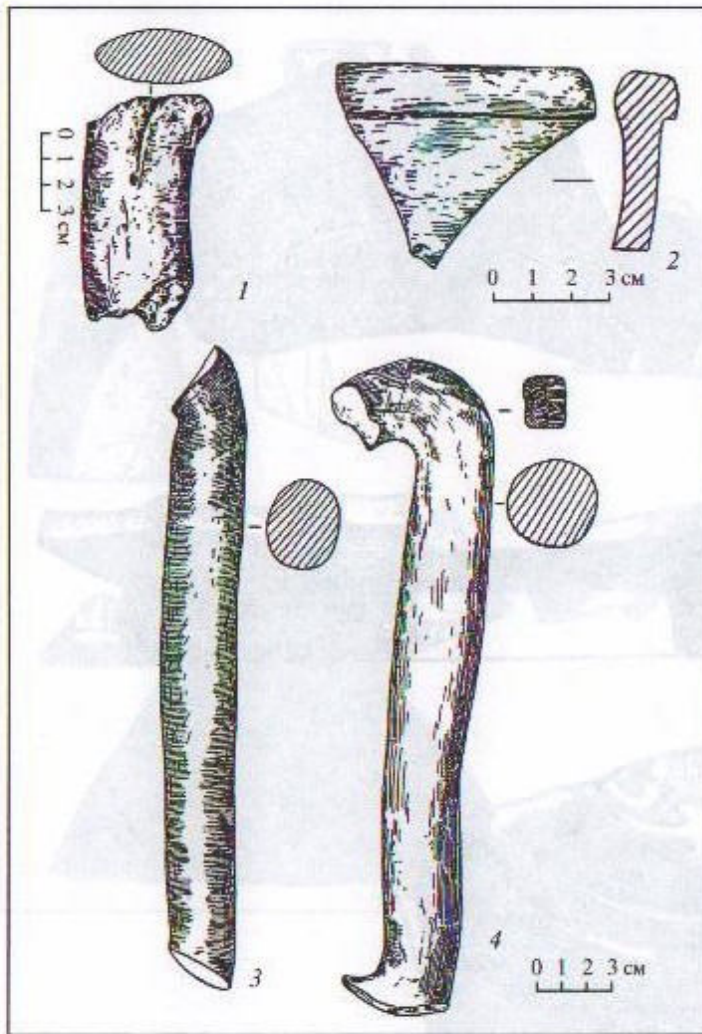

Рис. 13. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1.
Амфорная керамика

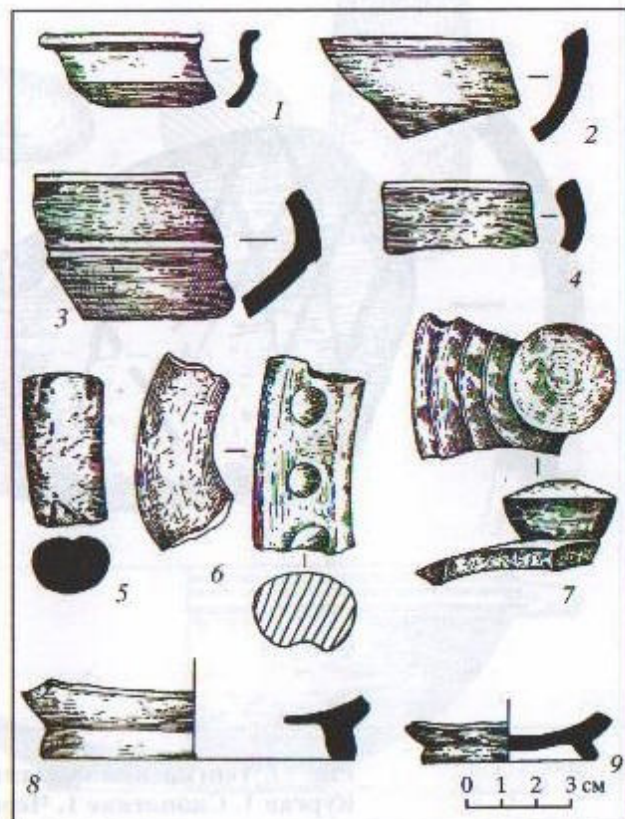

Рис. 14. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1.
Фрагменты гончарной керамики

Рис. 15. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1.
Фрагменты лепной керамики

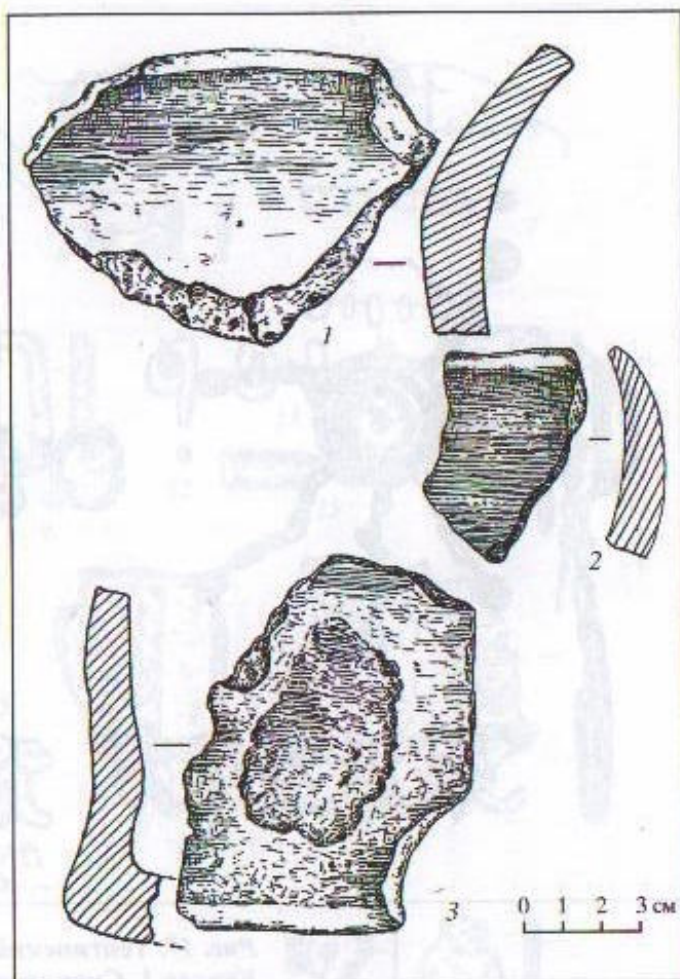
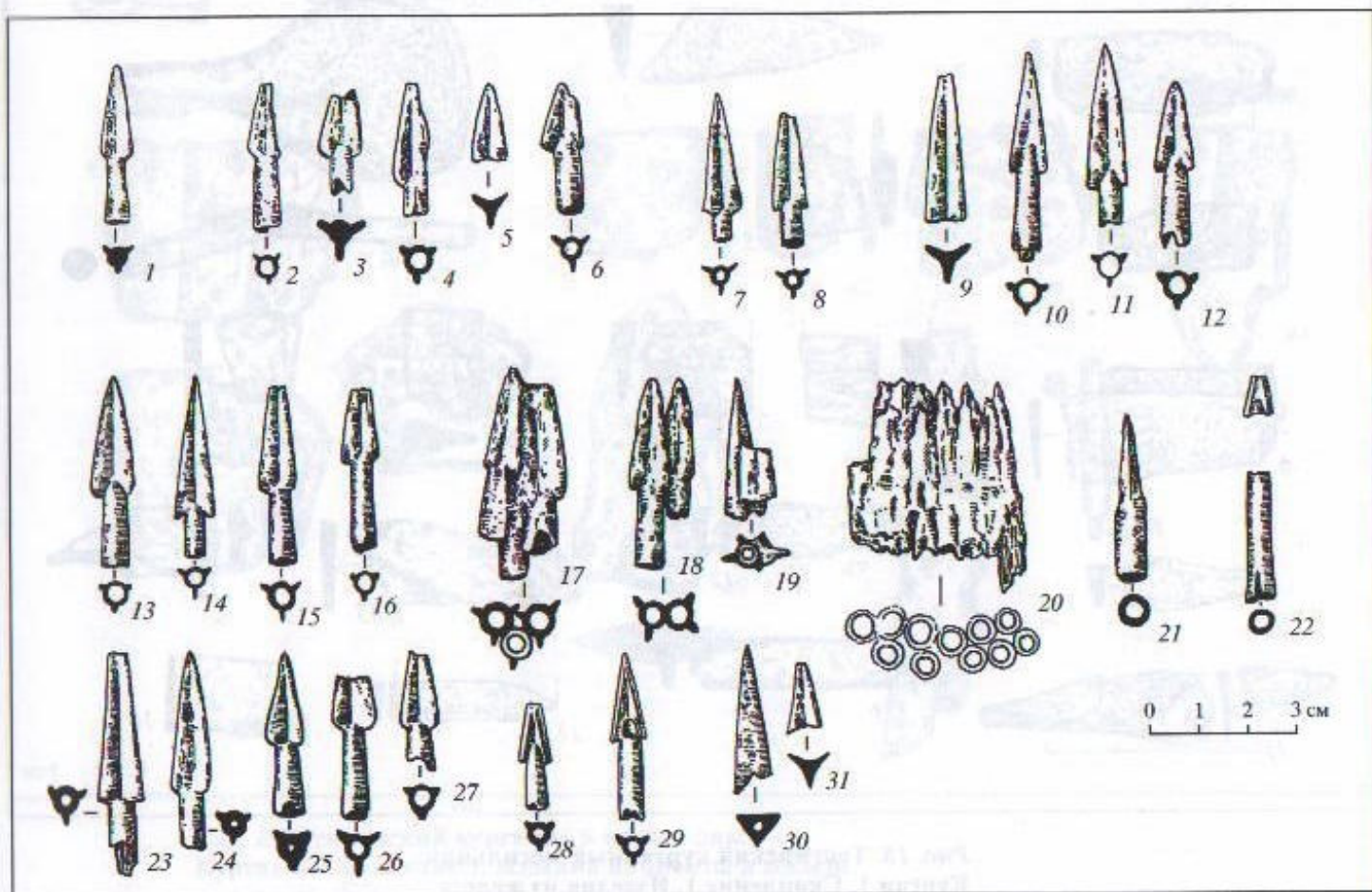

Рис. 16. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1.
Наконечники стрел

1-21, 23-27 – железо; 22, 28-31 – бронза

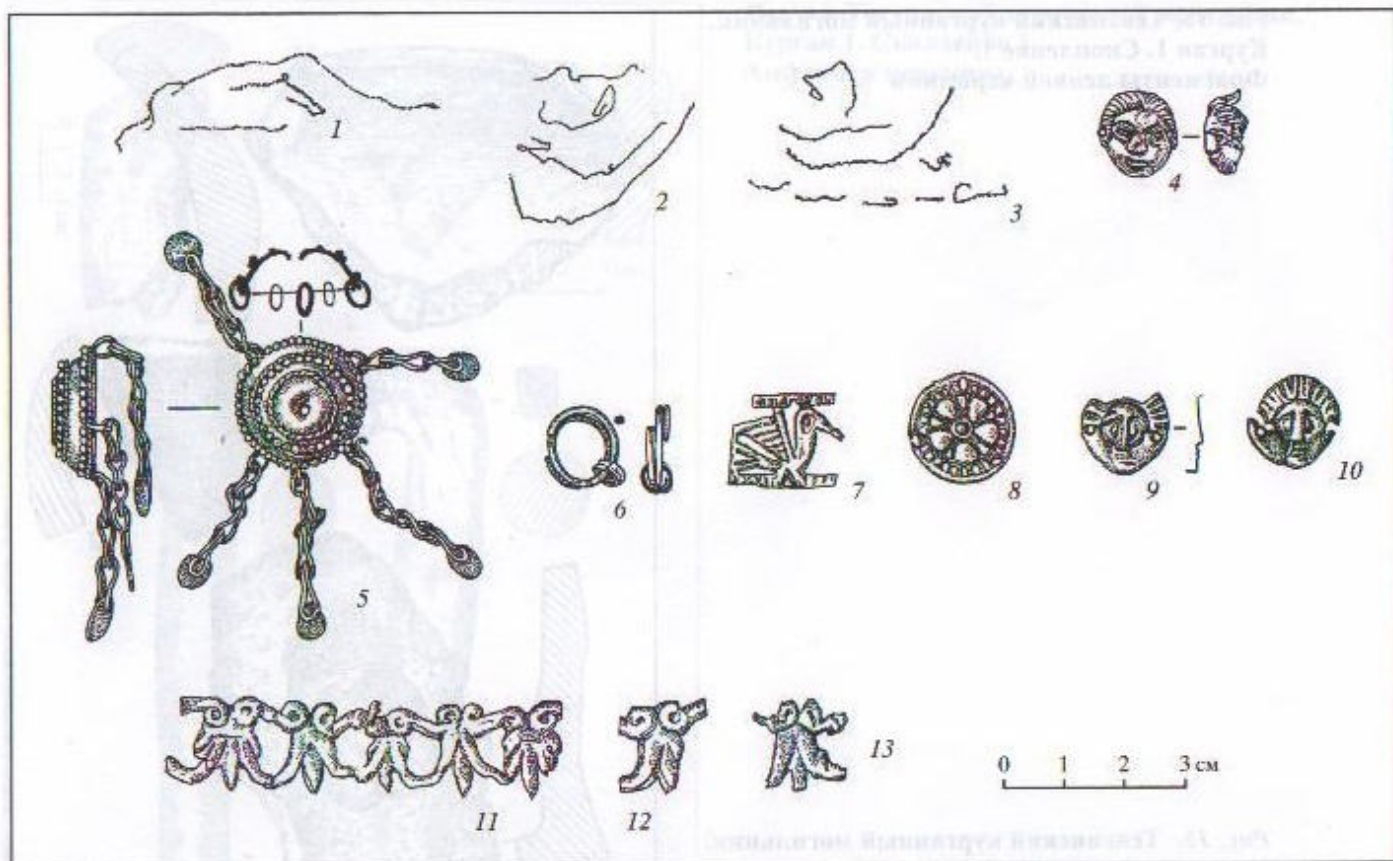

Рис. 17. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1. Изделия из золота

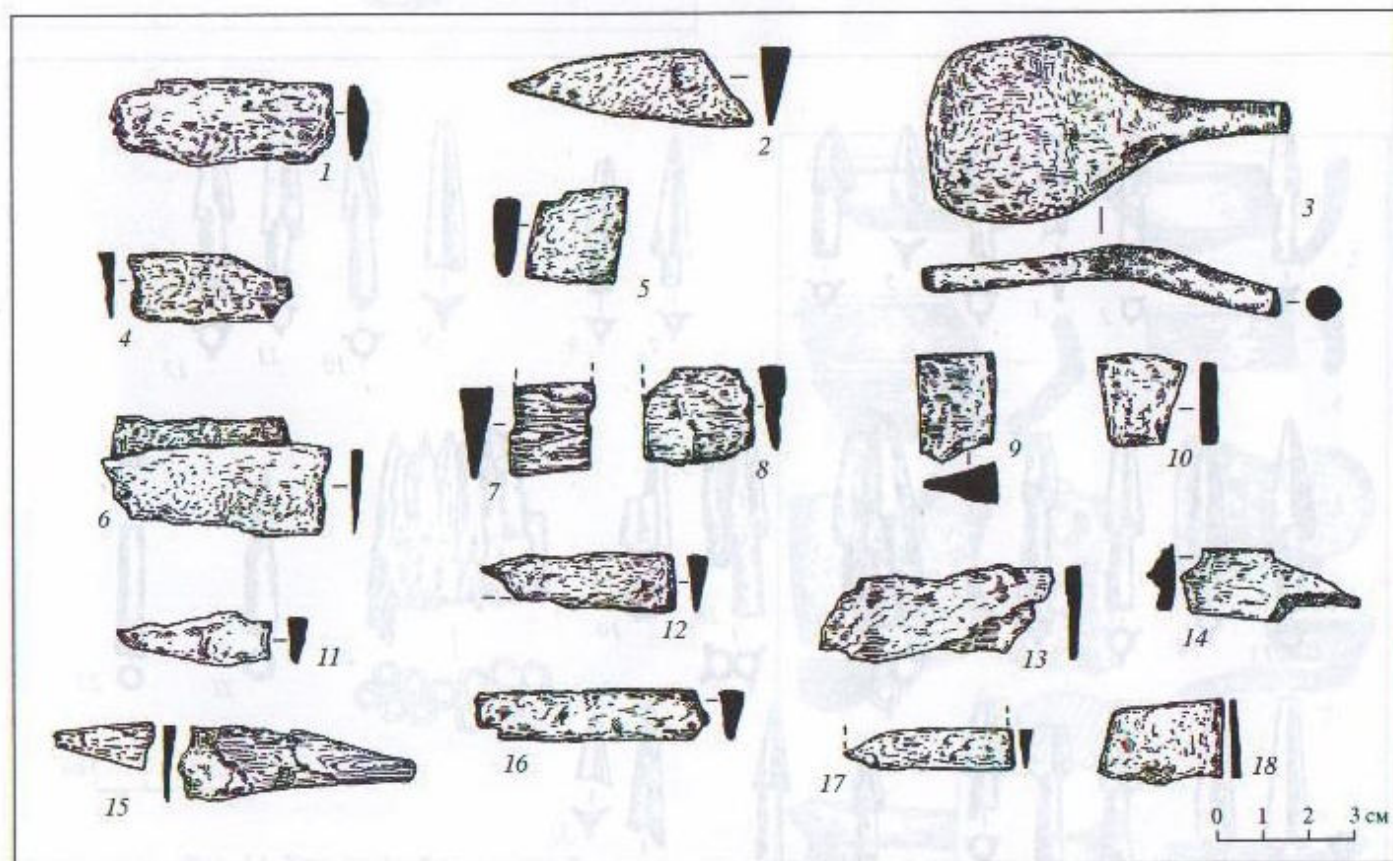

Рис. 18. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1. Изделия из железа

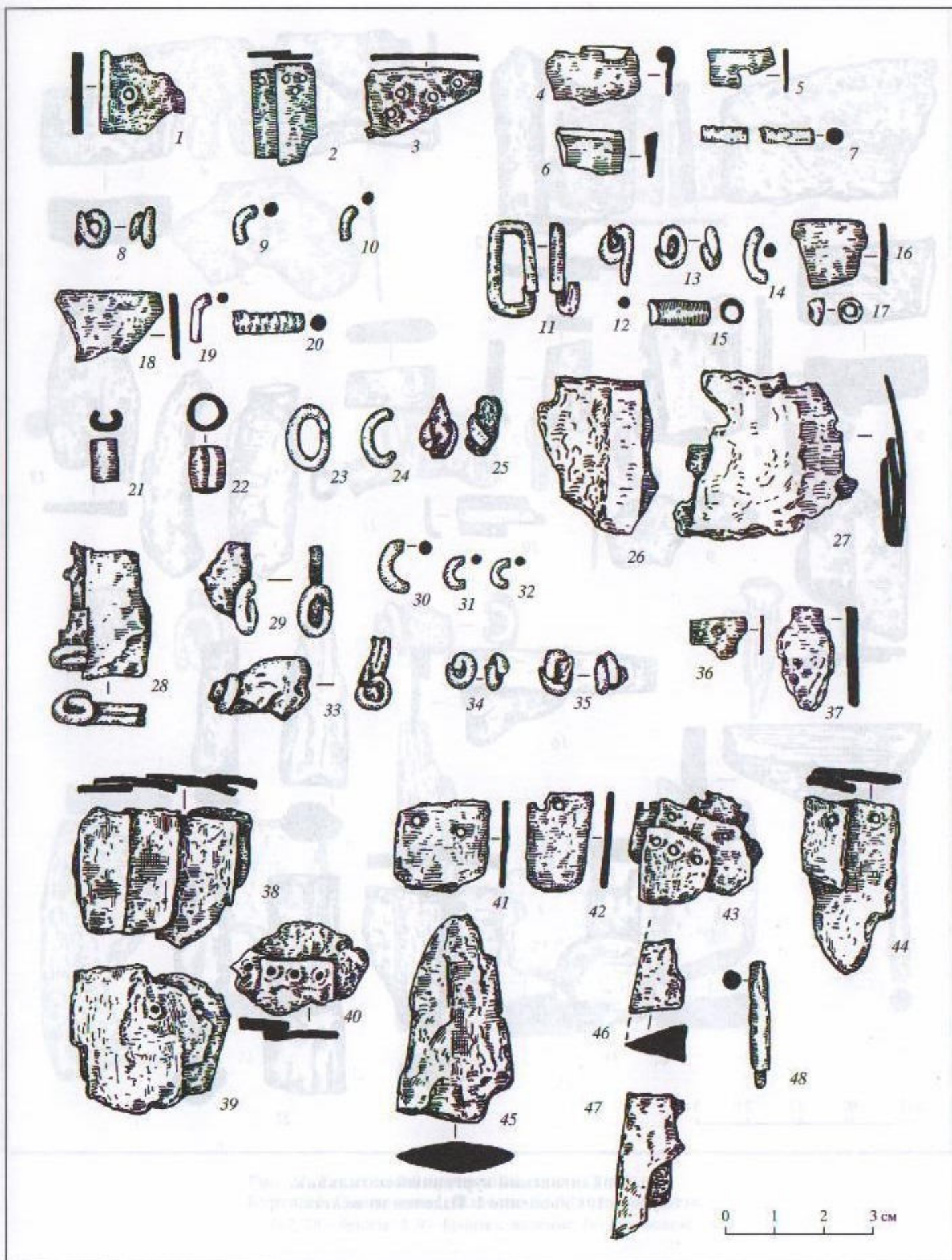

Рис. 19. Тенгинский курганный могильник.

Курган 1. Скопление 1. Изделия из бронзы и железа

1-24, 30-32, 34, 48 - бронза; 25, 28, 29, 33, 35 - бронза с железом; 26, 27, 36-47 - железо

Рис. 20. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1. Изделия из железа

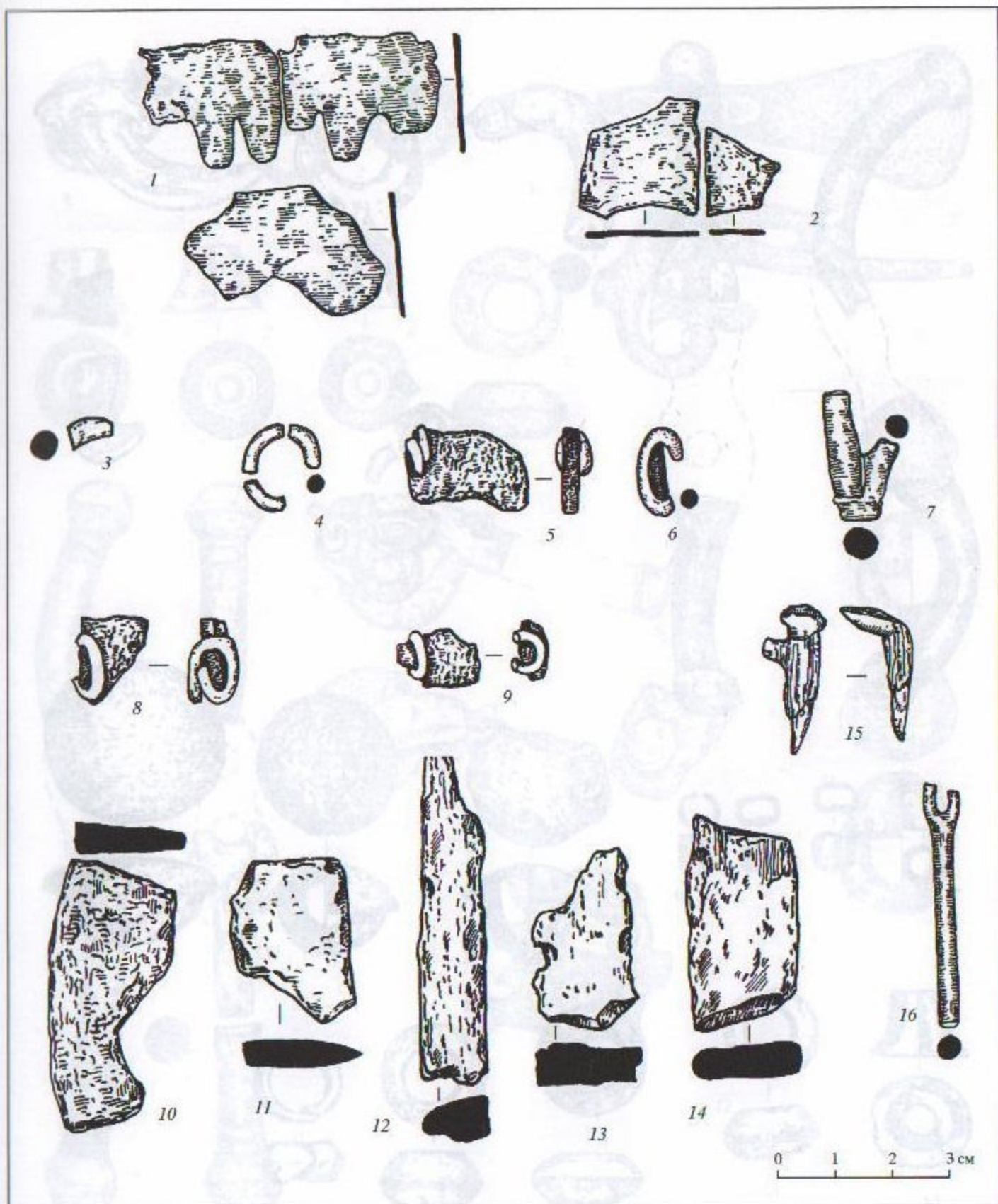

Рис. 21. Тенгинский курганный могильник.
 Курган 1. Скопление I. Изделия из бронзы и железа
 1-7, 16 - бронза; 8, 9 - бронза с железом; 10-15 - железо

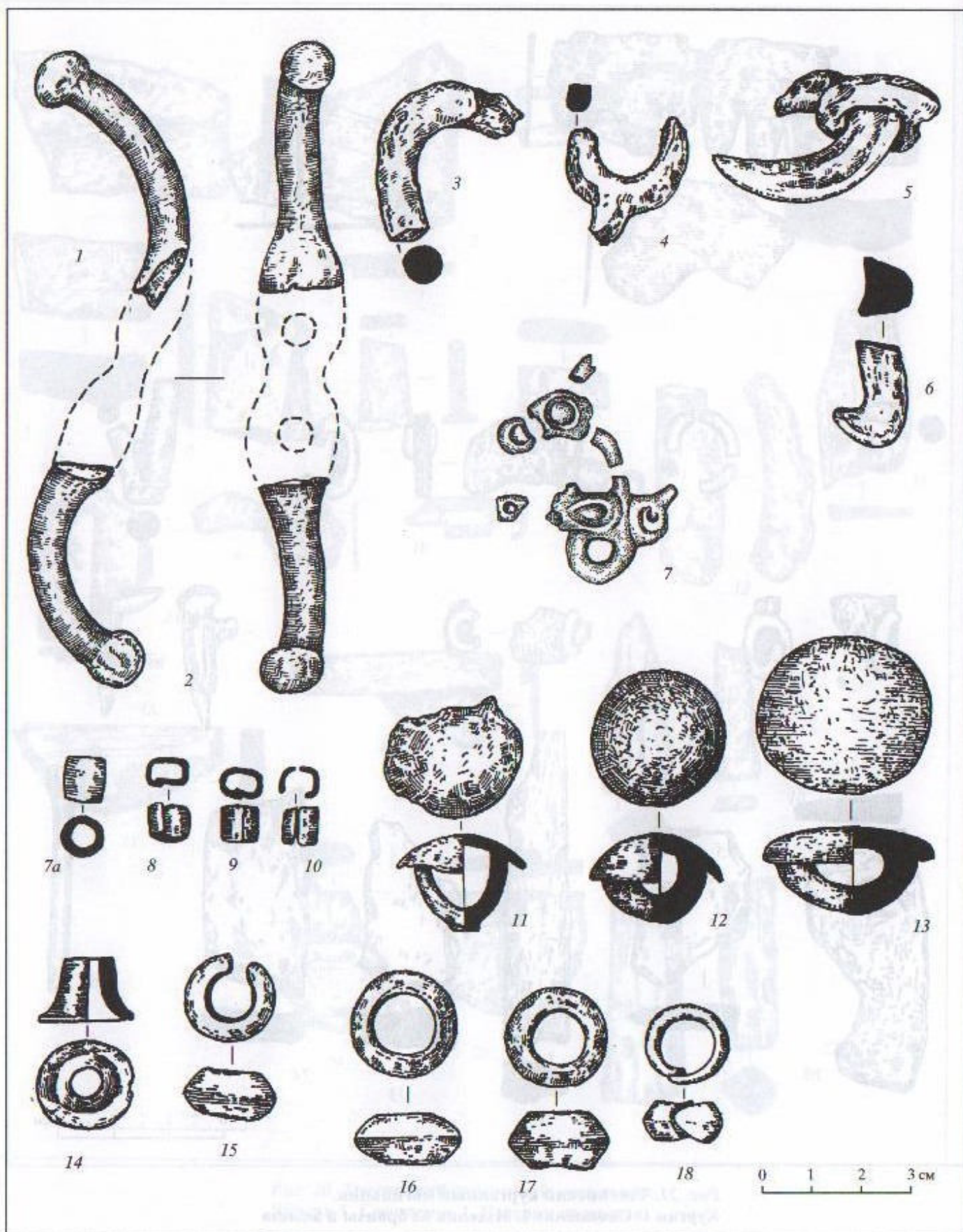

Рис. 22. Тенгинский курганный могильник.
 Курган 1. Скопление 1. Узда из конского погребения 2
 1, 2 – железо и бронза; 3–6 – железо; 7–18 – бронза

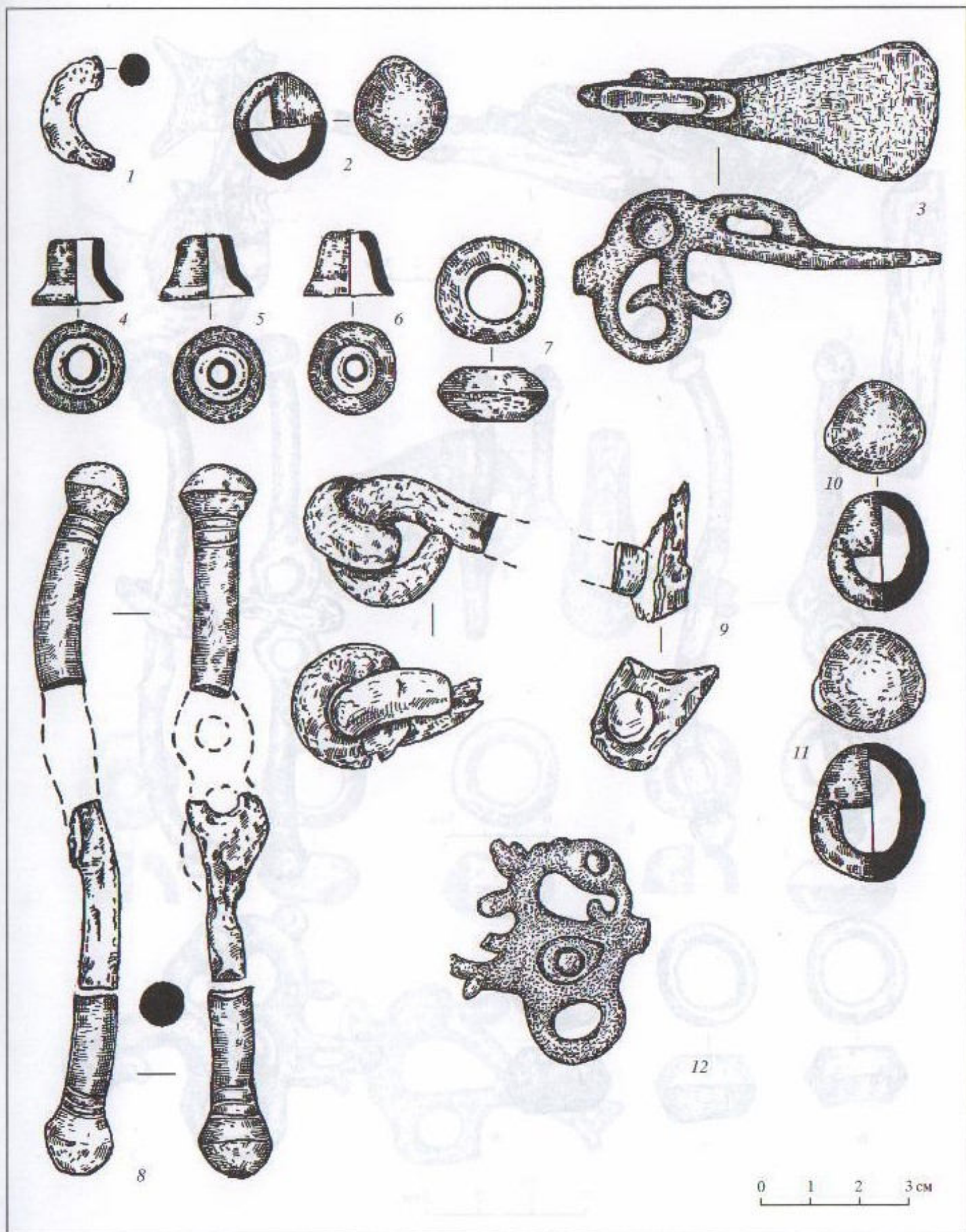

Рис. 23. Тенгинский курганный могильник.
Курган I. Скопление I

1-7 - узда из конского погребения 3; 8-12 - узда из конского погребения 3а. 1, 9 - железо;
8 - железо и бронза; 2-7, 10-12 - бронза

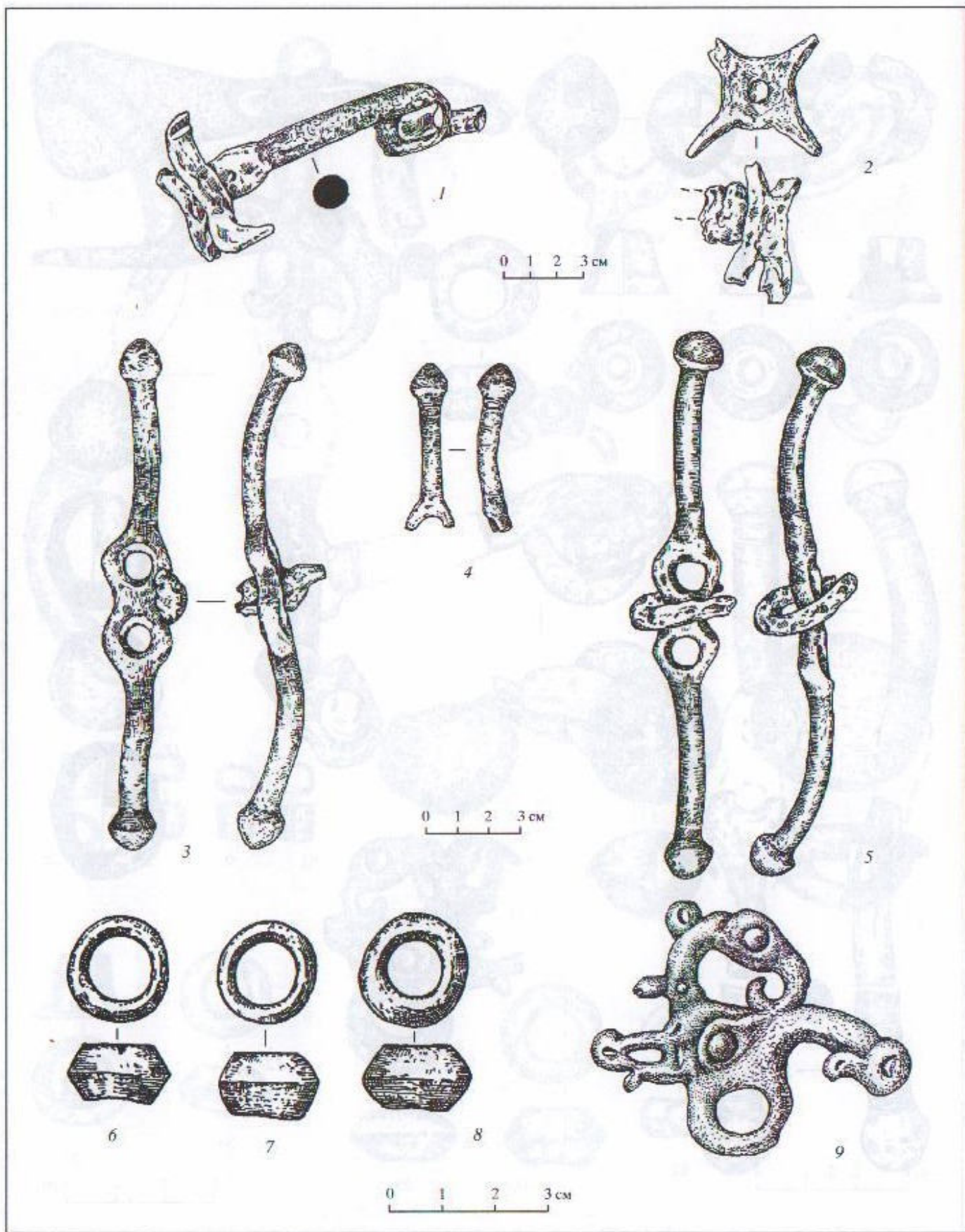
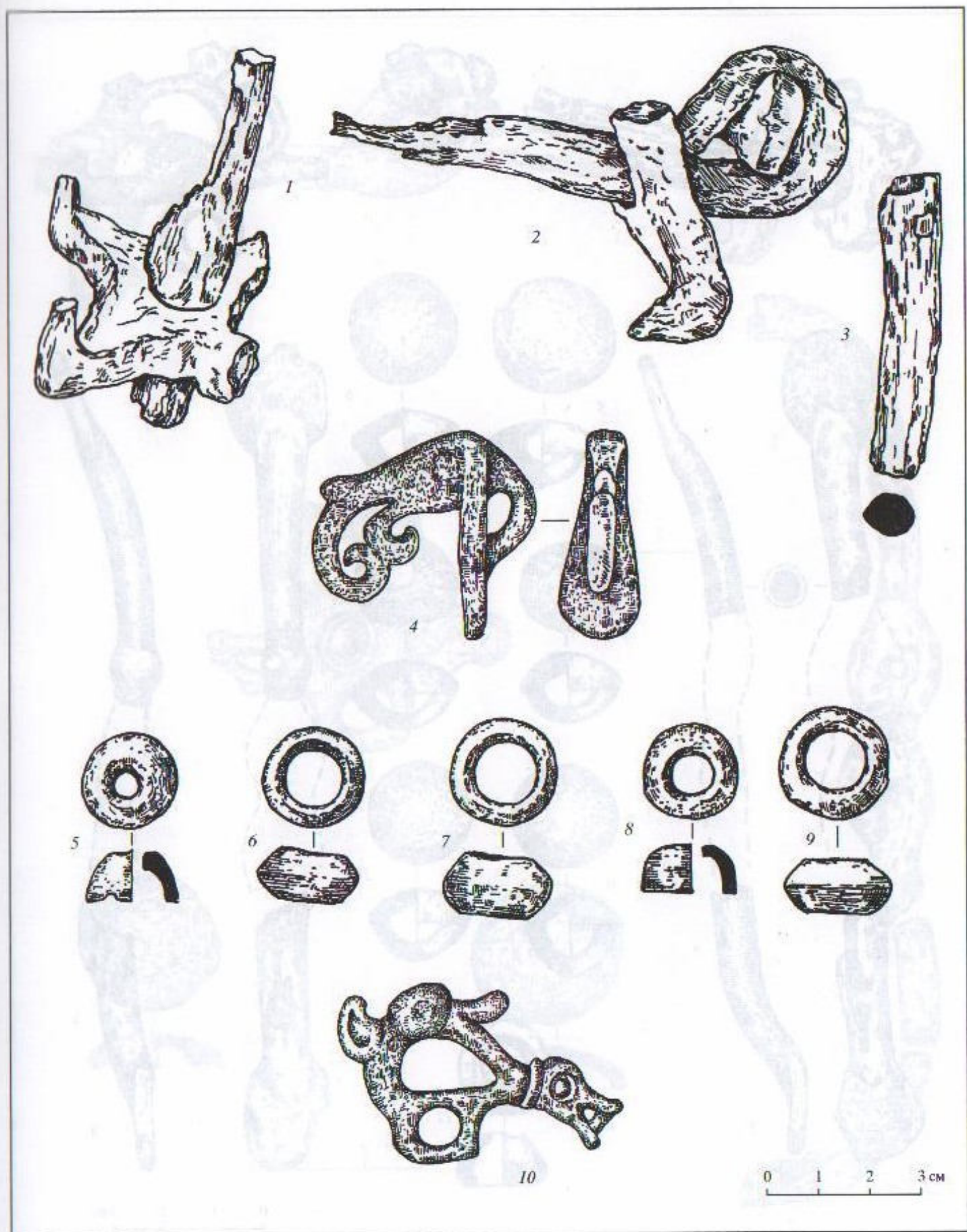

Рис. 24. Тенгинский курганный могильник.
 Курган 1. Скопление 1. Узда из конского погребения 5
 1, 2 — железо; 3-9 — бронза

**Рис. 25. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1**

1-4 - узды из конского погребения 4; 5-10 - узды из конского погребения 4а. 1-3 - железо;
4-10 - бронза

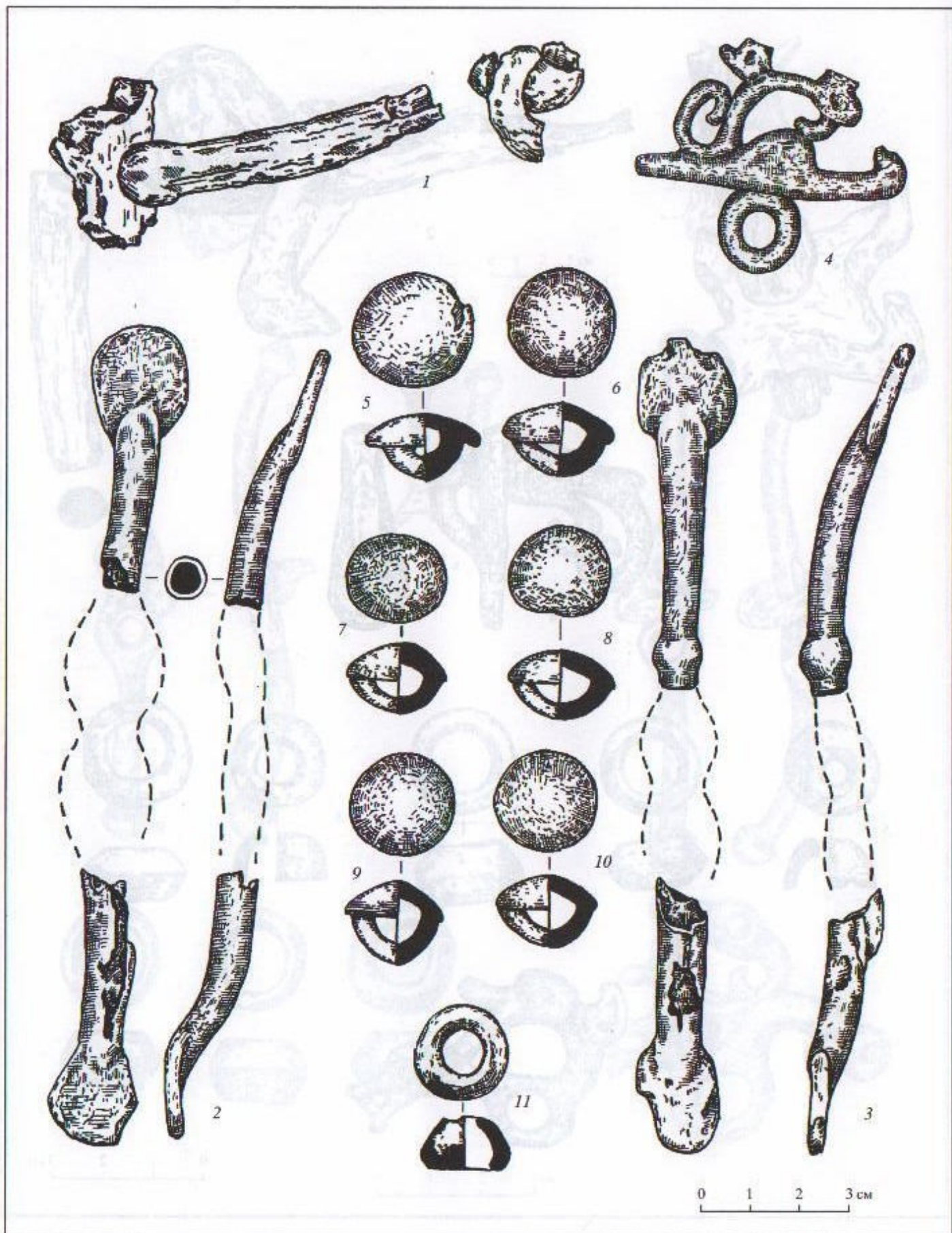

Рис. 26. Тенгинский курганный могильник.
 Курган I. Скопление I. Узда из конского погребения 6
 1 – железо; 2, 3 – бронза и железо, 4–11 – бронза

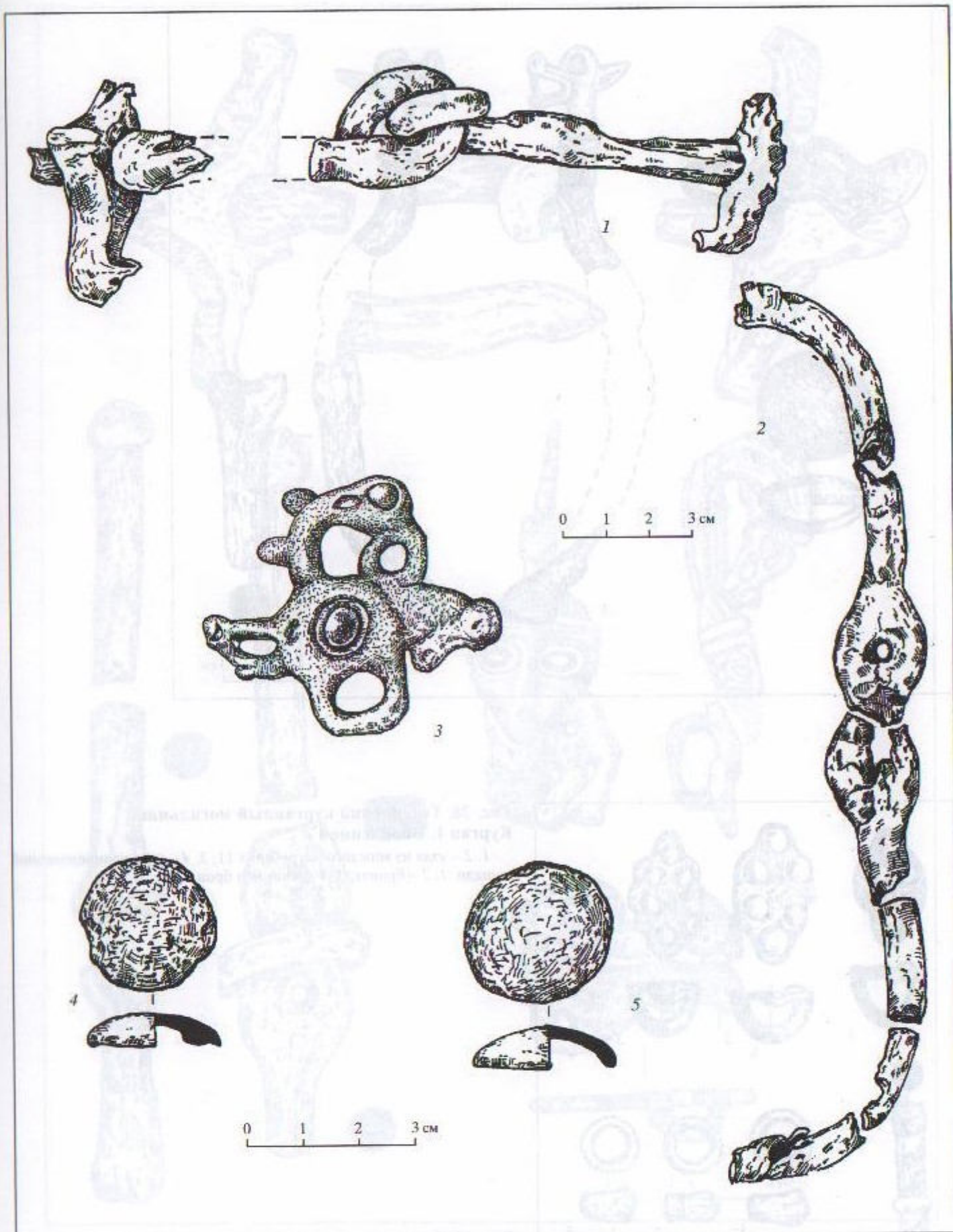
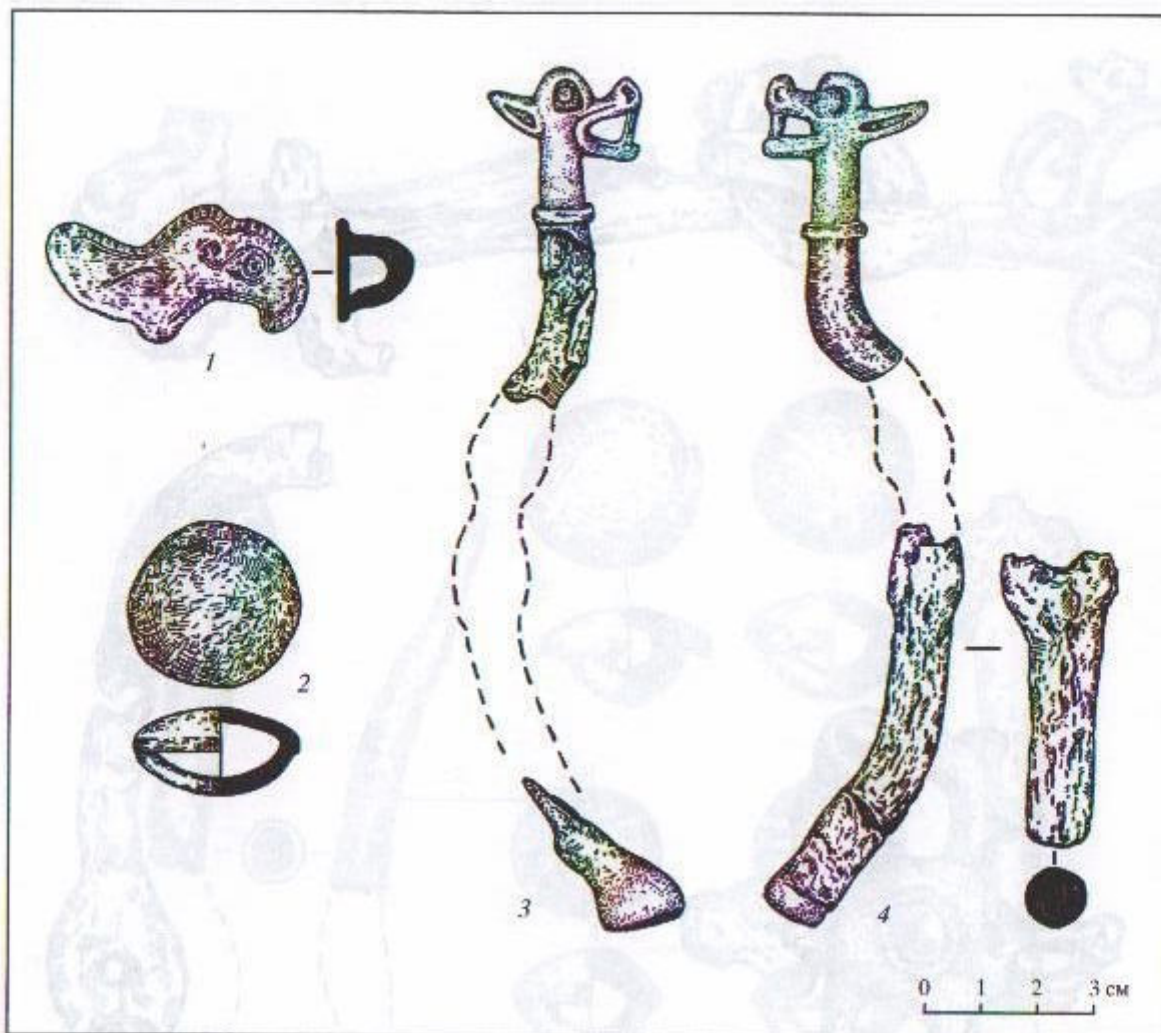
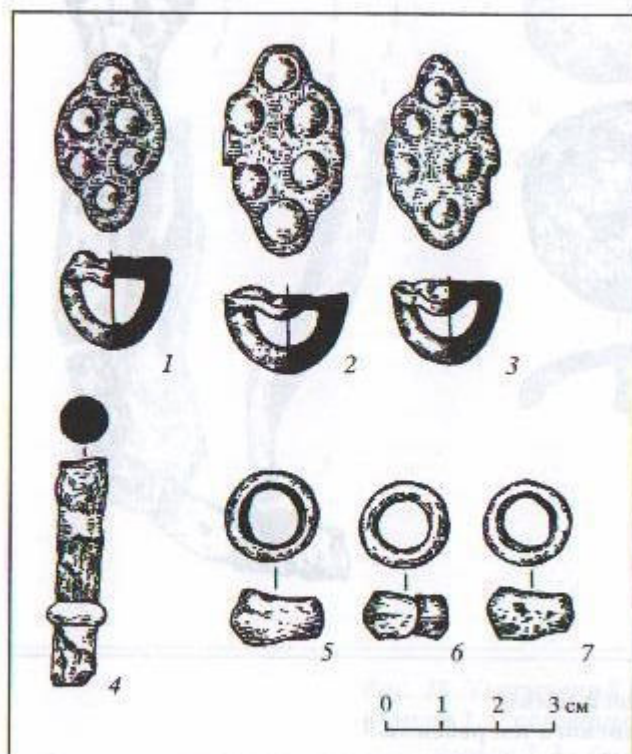

Рис. 27. Тенгинский курганный могильник.
 Курган 1. Скопление 1. Узда из конского погребения 7
 1, 2 – железо; 3–5 – бронза

**Рис. 28. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1**

1, 2 – узда из конского погребения 11; 3, 4 – узда неопределенной лошади. 1, 2 – бронза; 3, 4 – железо и бронза

**Рис. 29. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1**

1-3 – конское погребение 9; 4-7 – конское погребение 10. 1-3, 5-7 – бронза; 4 – бронза и железо

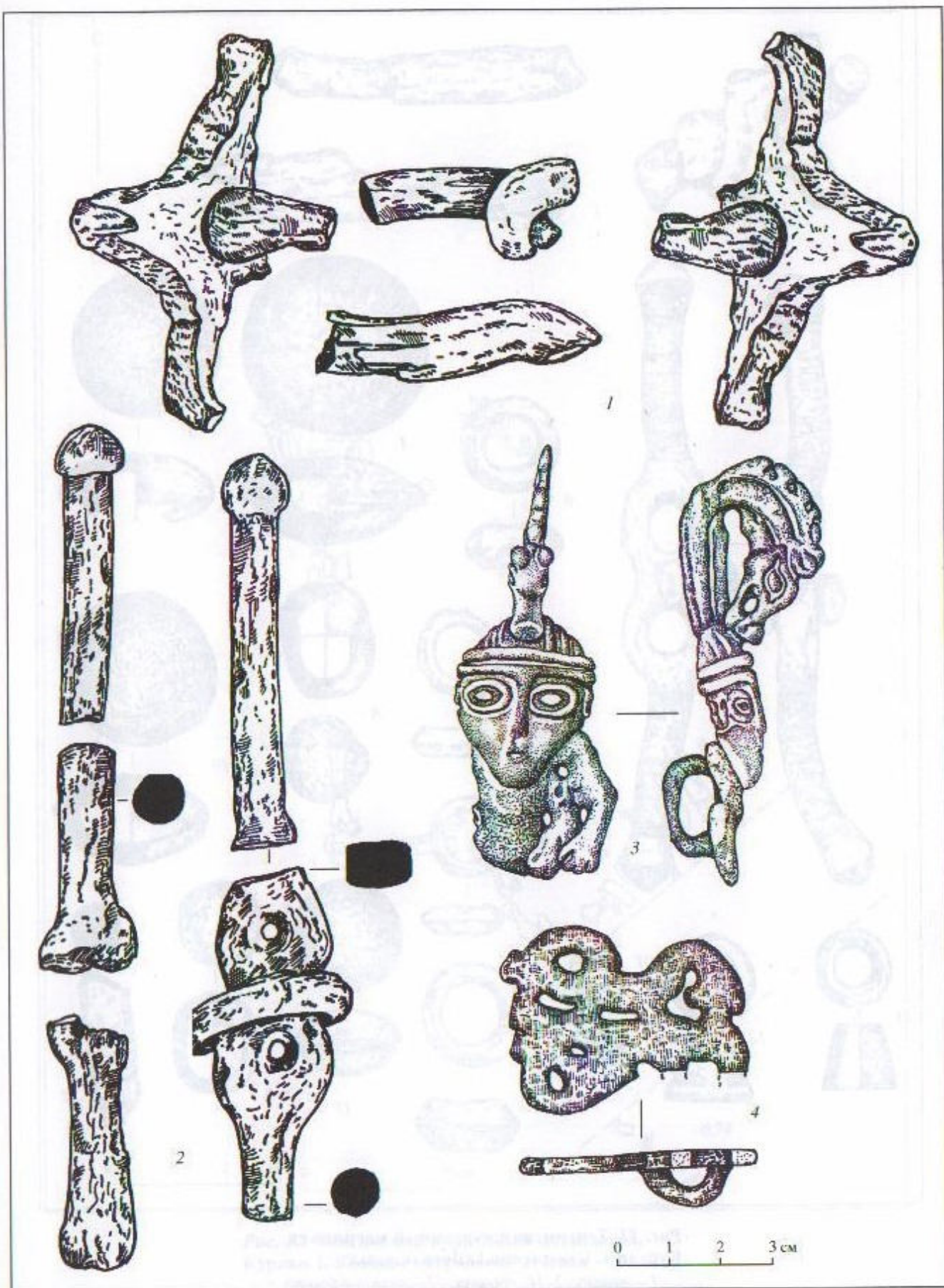

Рис. 30. Тенгинский курганный могильник.
 Курган 1. Скопление 1. Узда из конского погребения 12
 1, 2 – железо; 3, 4 – бронза

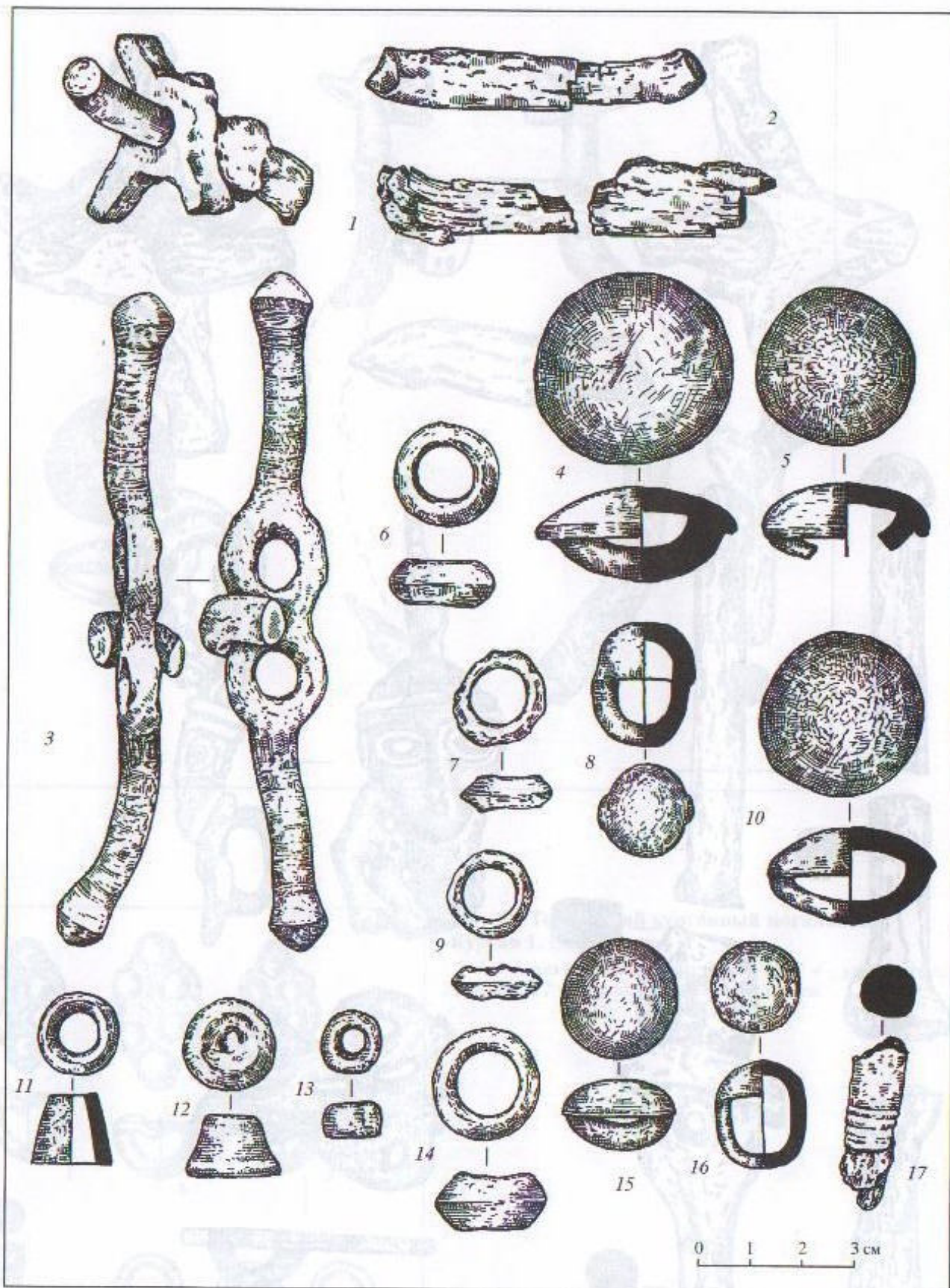
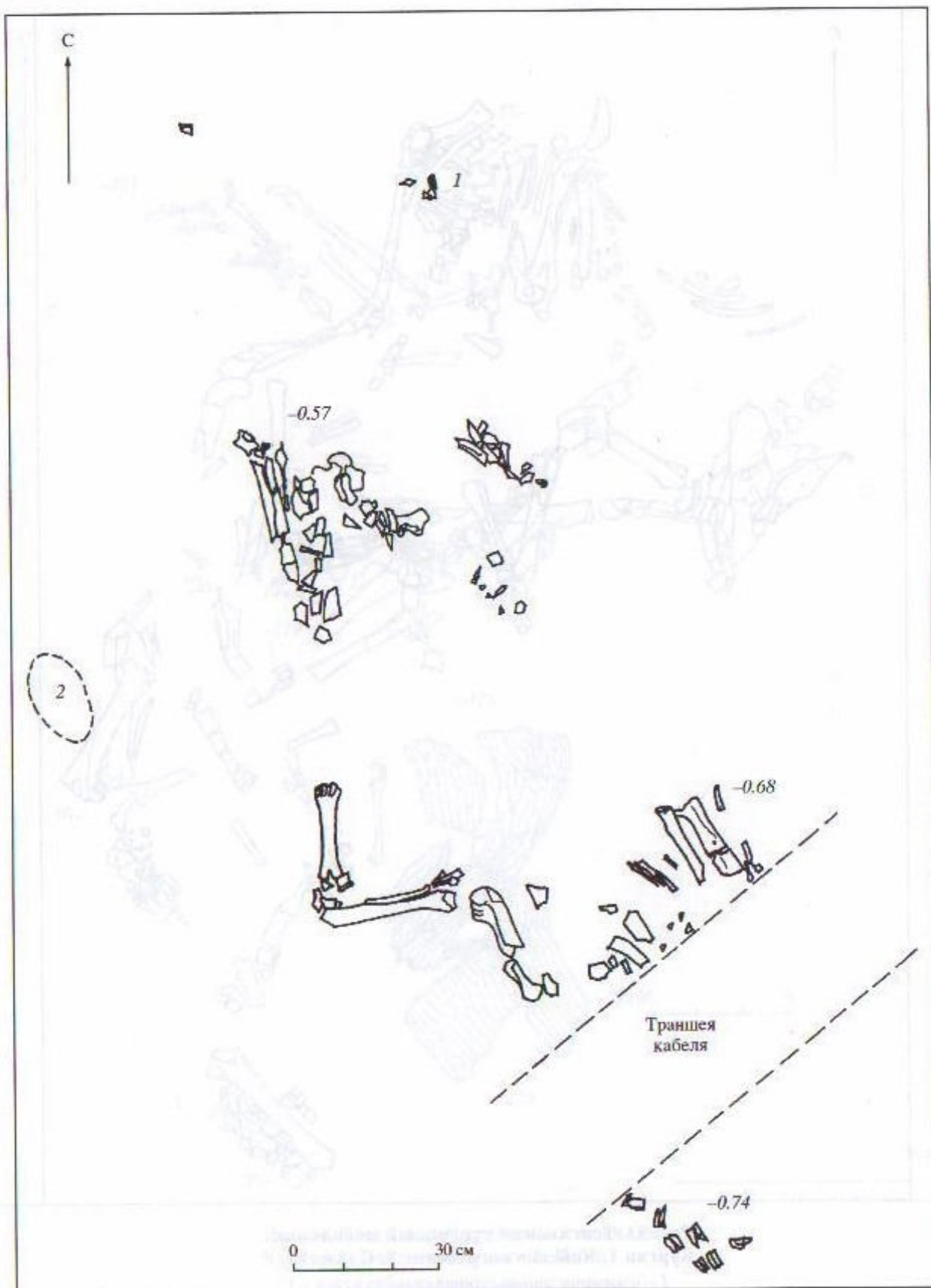

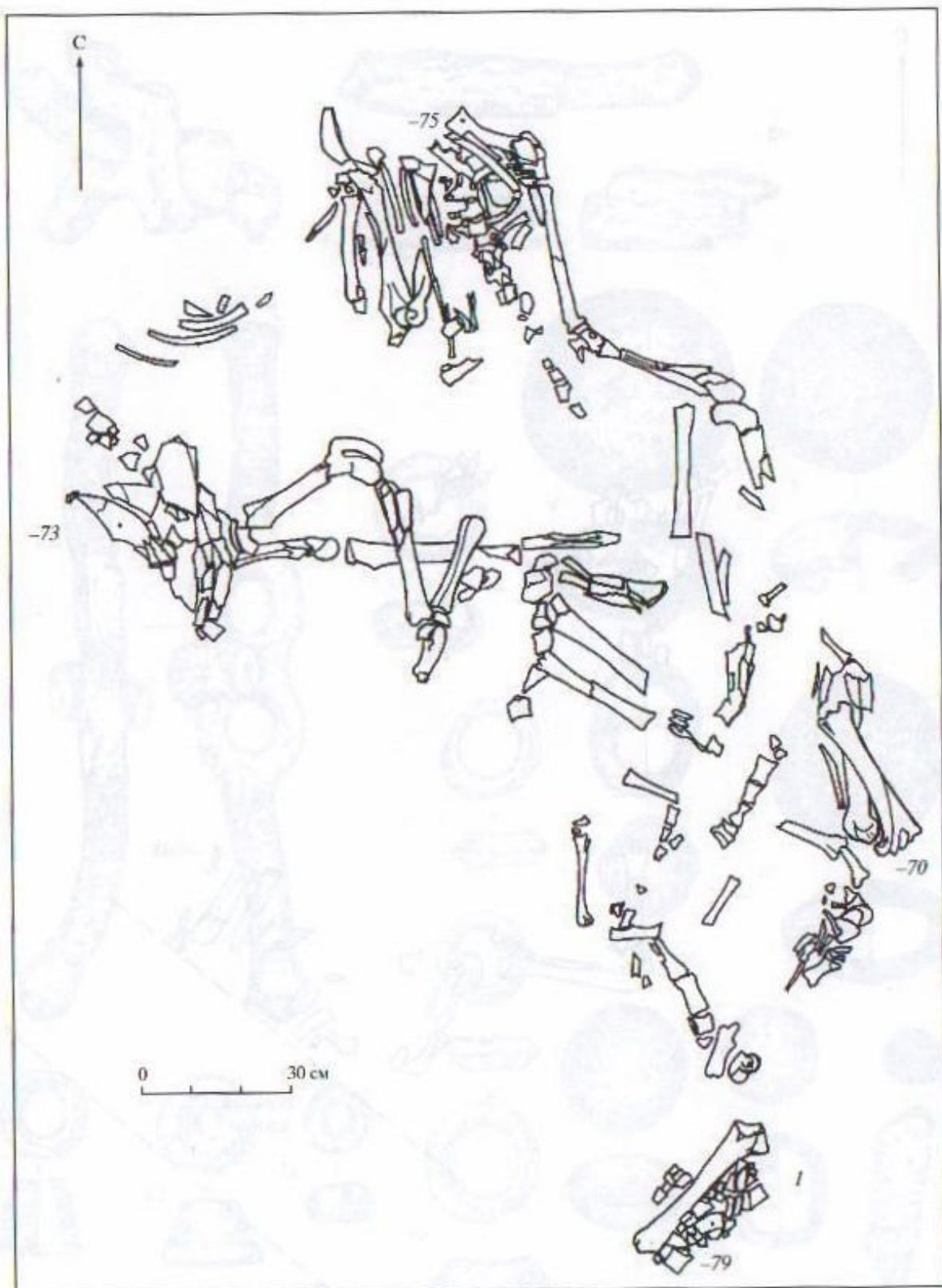
Рис. 31. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Скопление 1. Детали узды

1 – железо; 2–16 – бронза; 17 – железо и бронза

**Рис. 32. Тенгинский курганный могильник.
Курган 1. Конское погребение 1. План**

1 – фрагмент железного ножа; 2 – развал деревянного сосуда

**Рис. 33. Тепгинский курганный могильник.
Курган 1. Конское погребение 8. План**
1 – фрагмент деревянного горшка

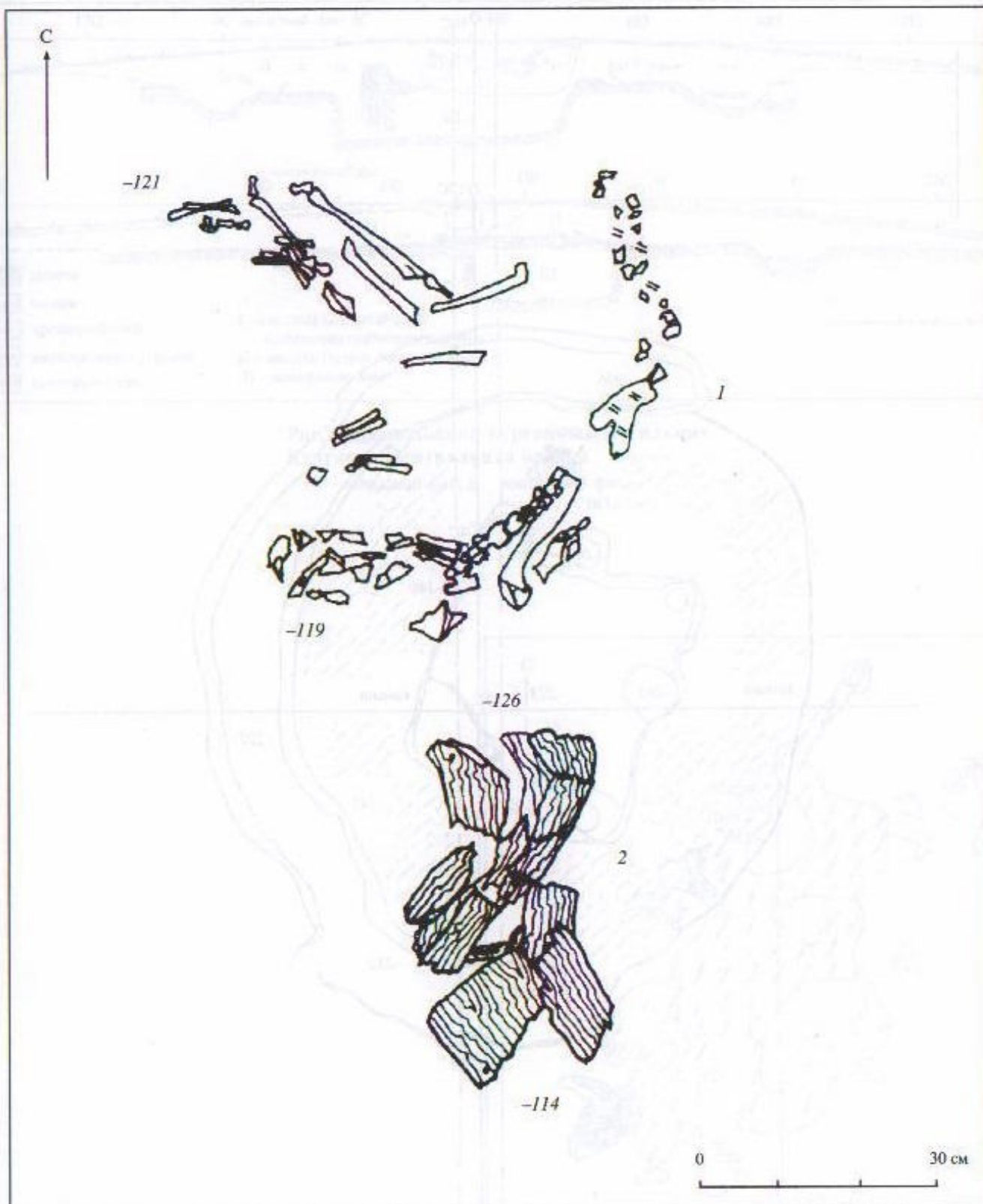

Рис. 34. Тенгинский курганный могильник.

Курган 1. Кости животного 1. План

1 – кости собаки; 2 – изделие из дерева

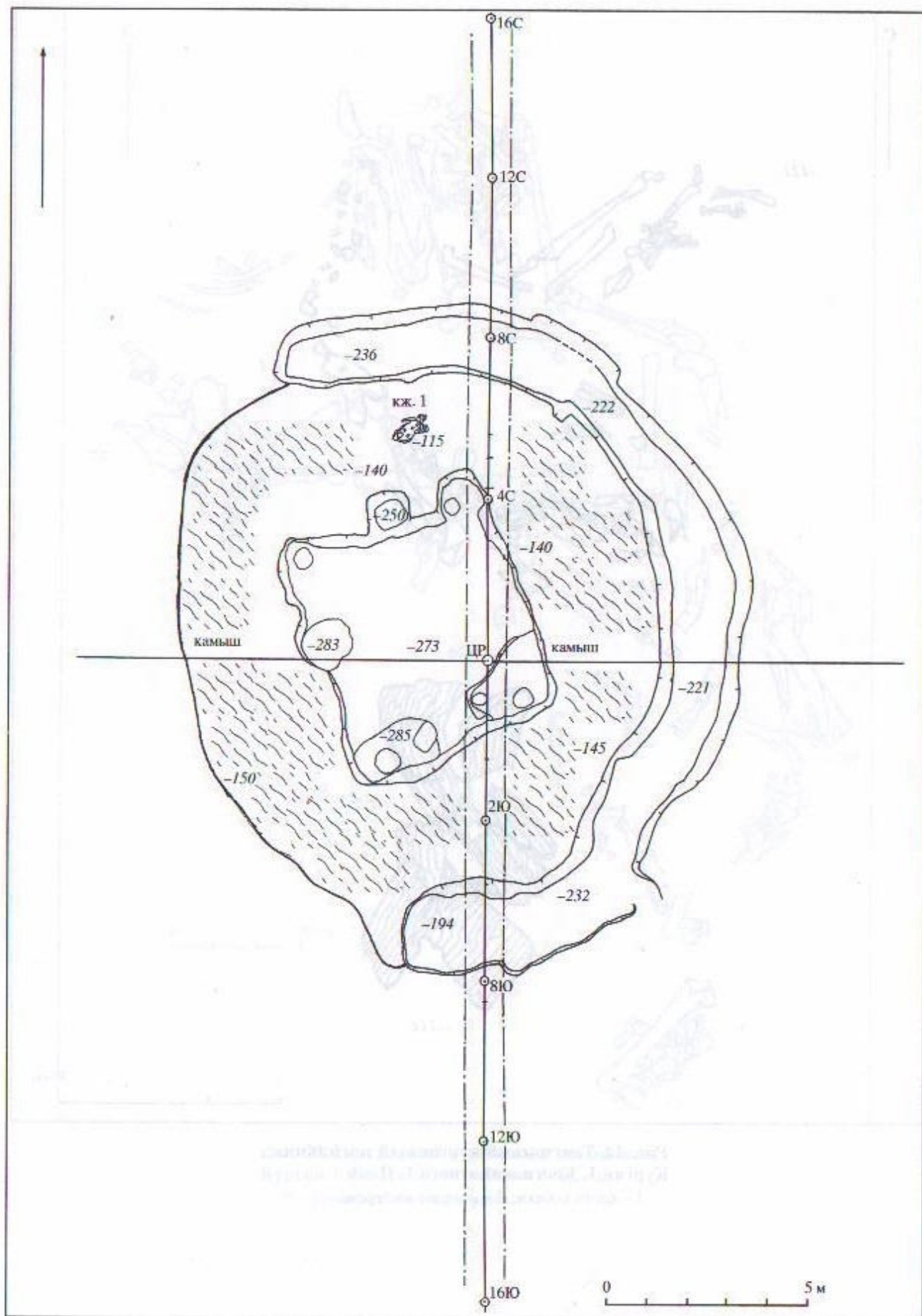
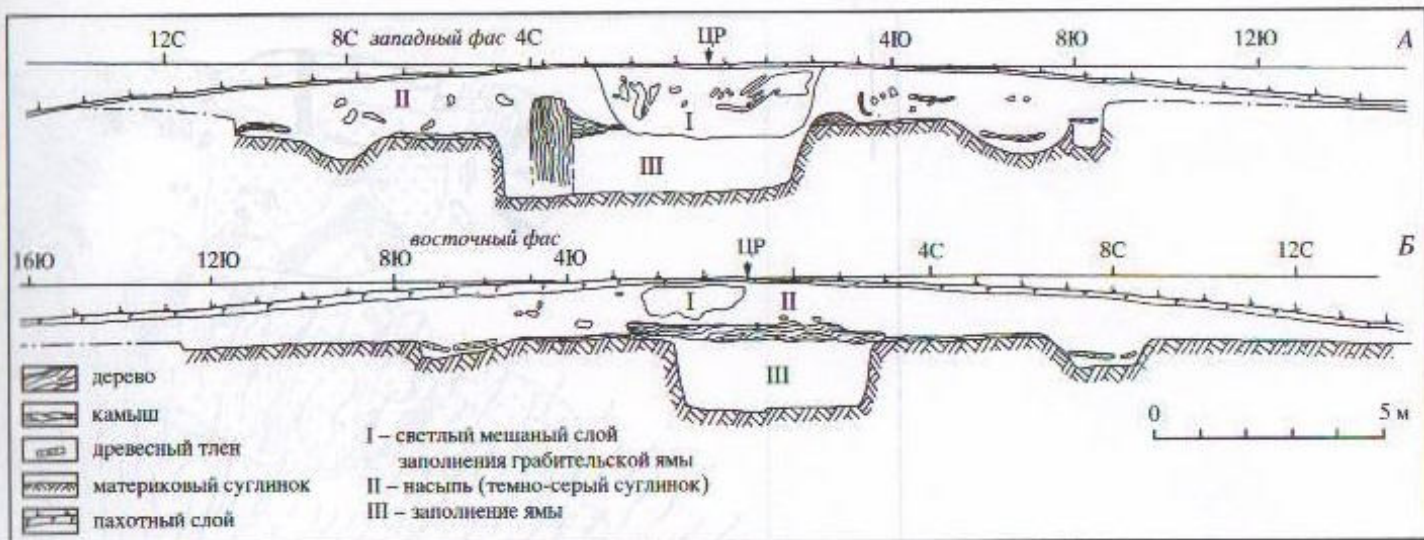
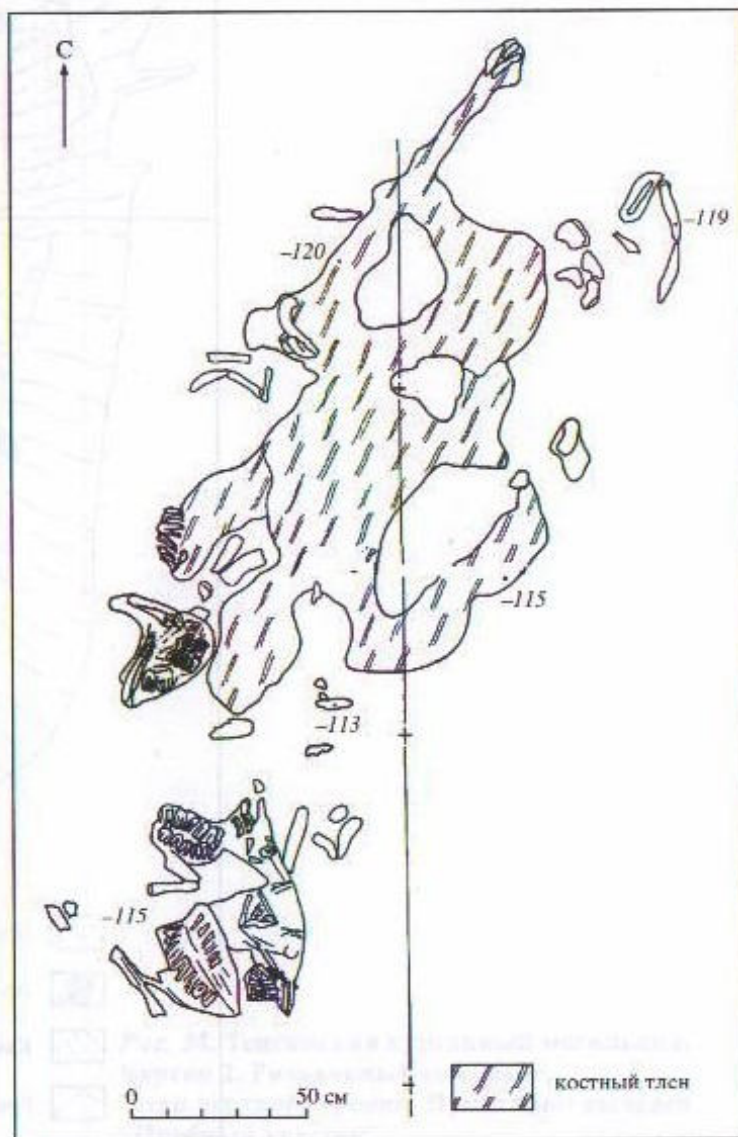

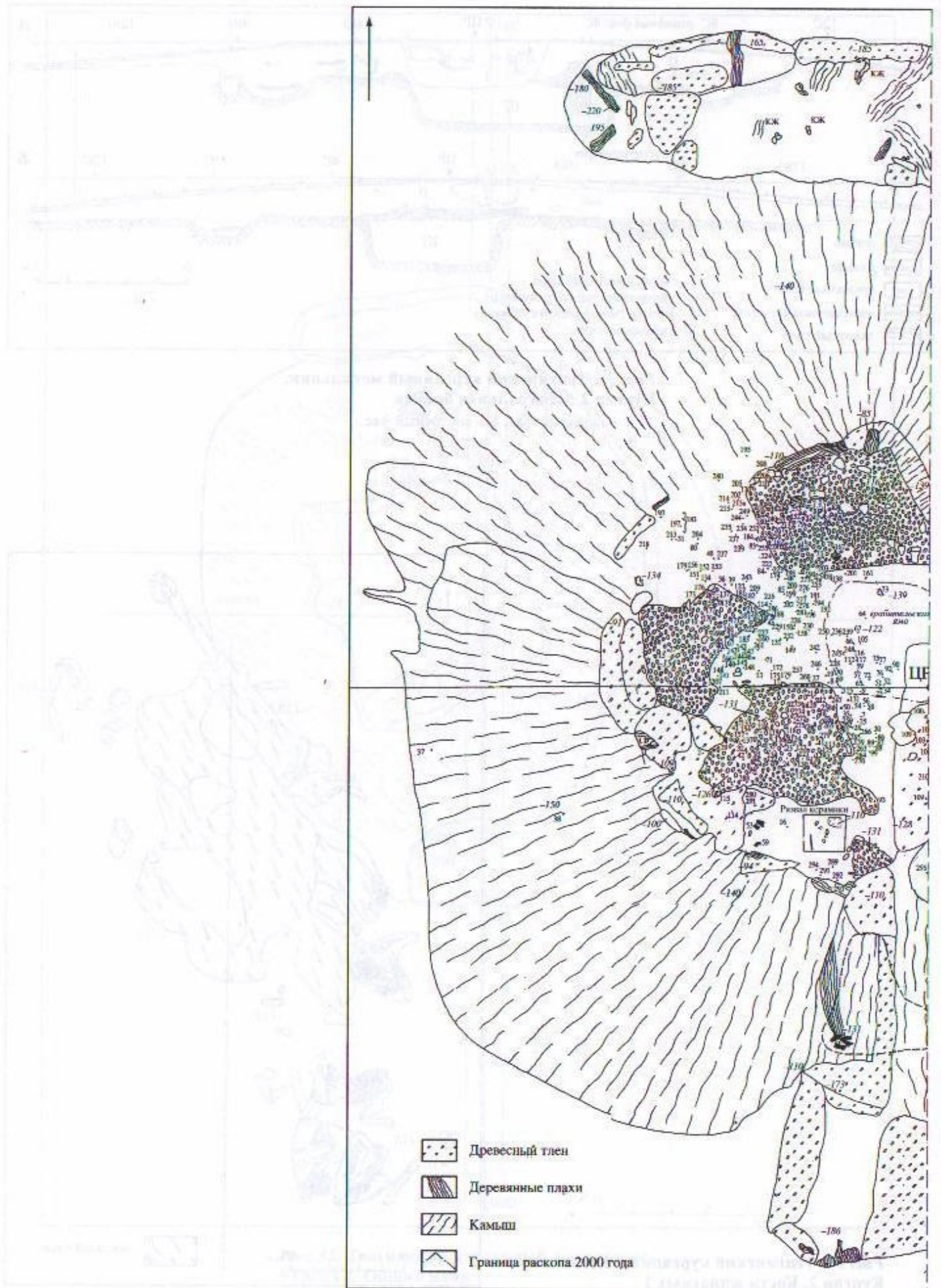
Рис. 35. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. Общий план

**Рис. 36. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. Центральная бровка**
А – западный фас; Б – восточный фас

**Рис. 37. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. Кости животных 1**

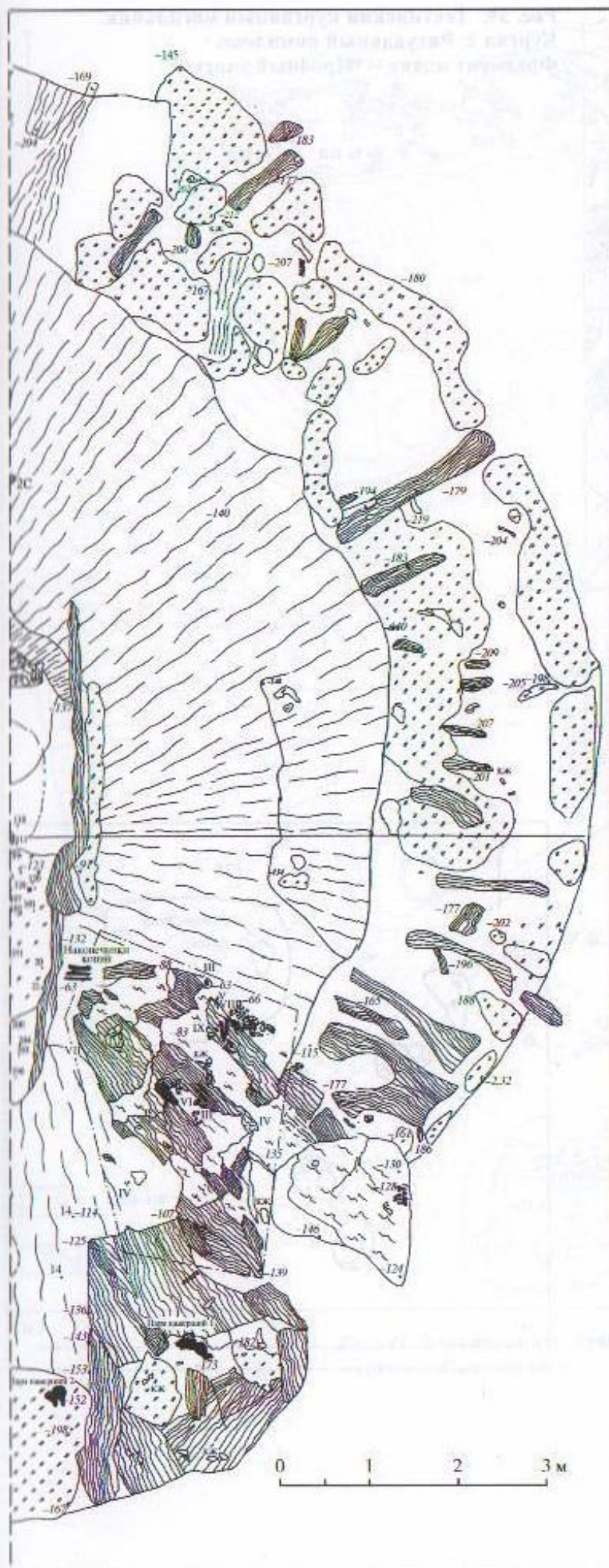

Рис. 38. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Ритуальный комплекс. План верхнего уровня. Пунктиром выделен "Пробный участок"

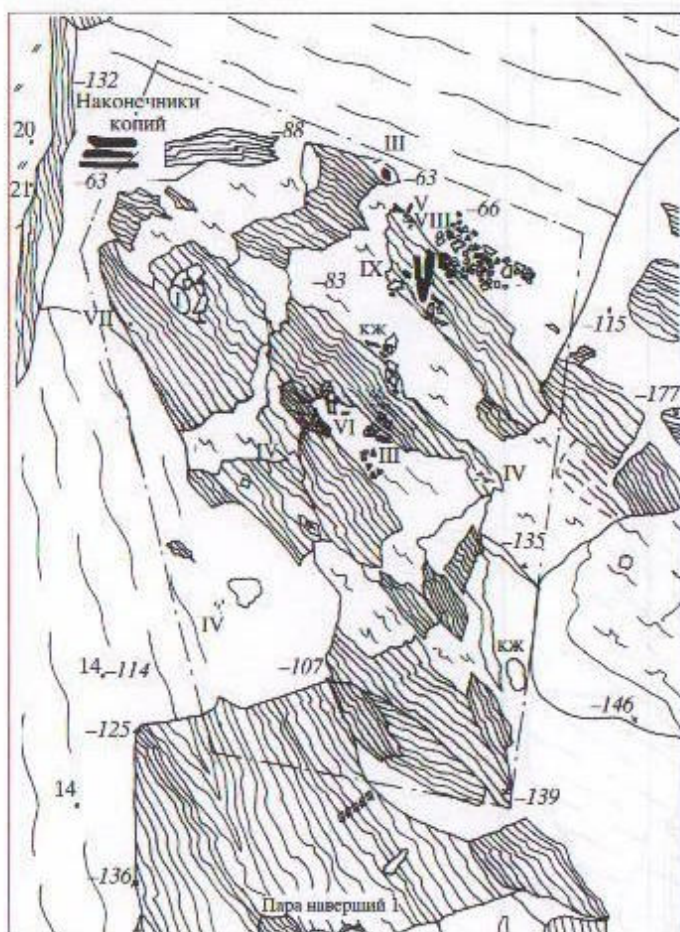
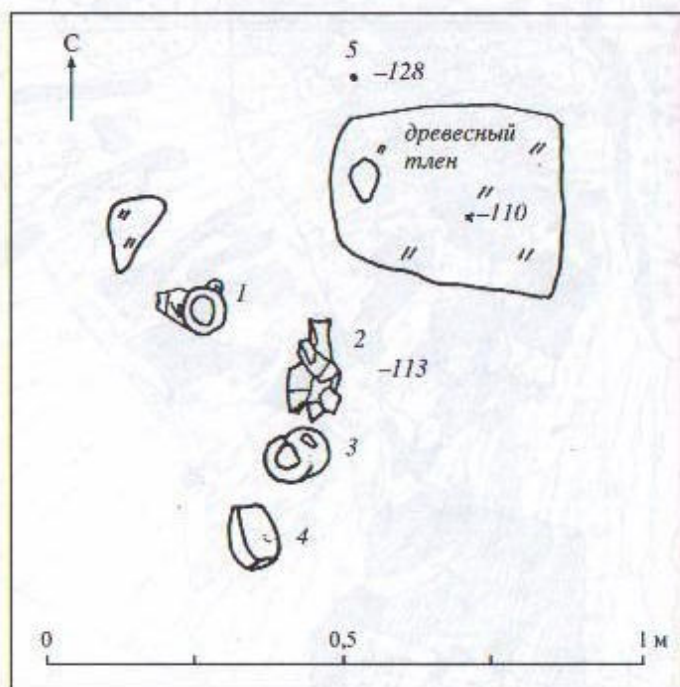

Рис. 39. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. Ритуальный комплекс.
Фрагмент плана – “Пробный участок”

Рис. 40. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. Развал керамики

1 – канфар; 2 – лекиф; 3 – чернолаковый сосуд; 4 – лепной сосуд; 5 – стеклянная подвеска

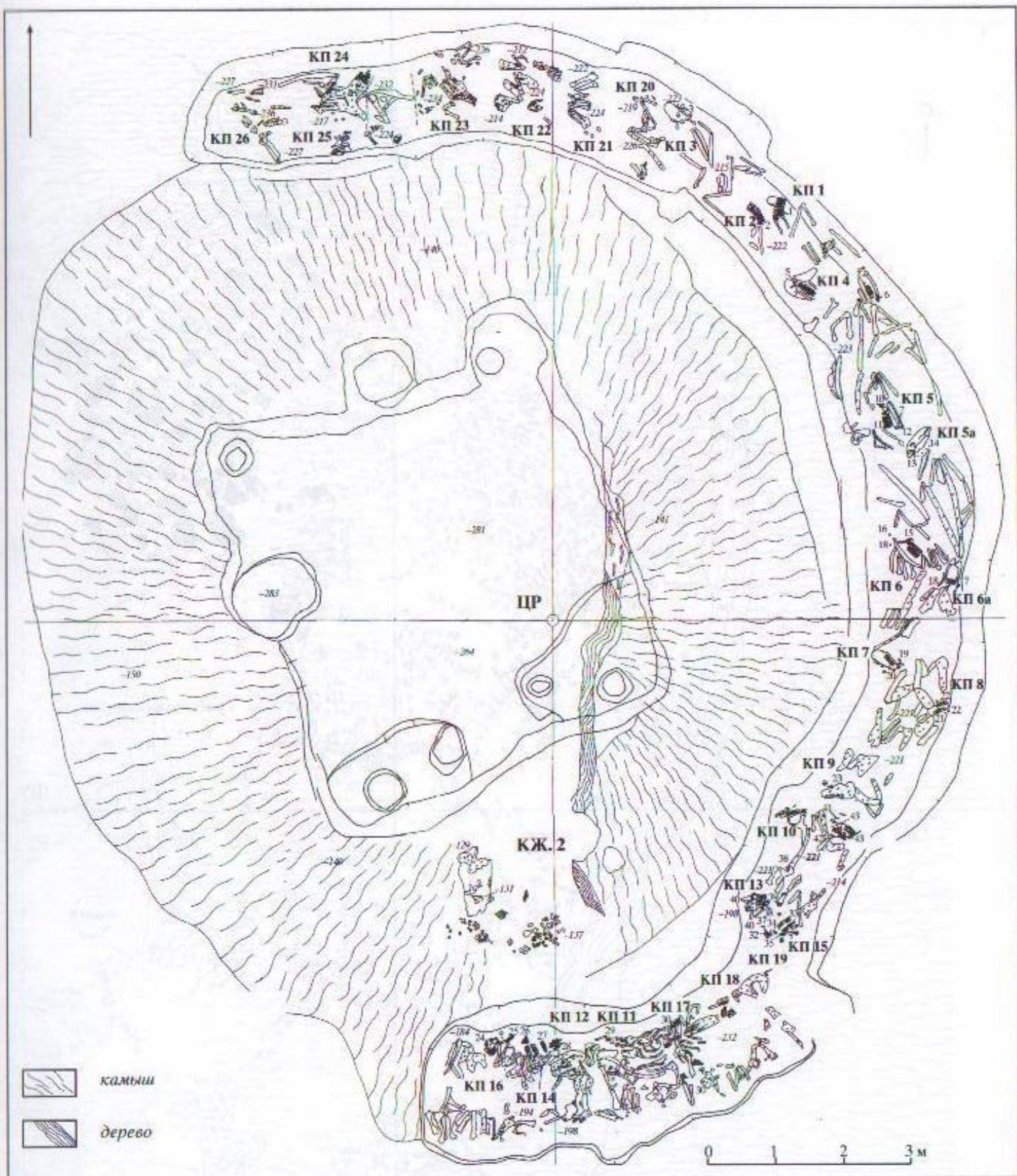
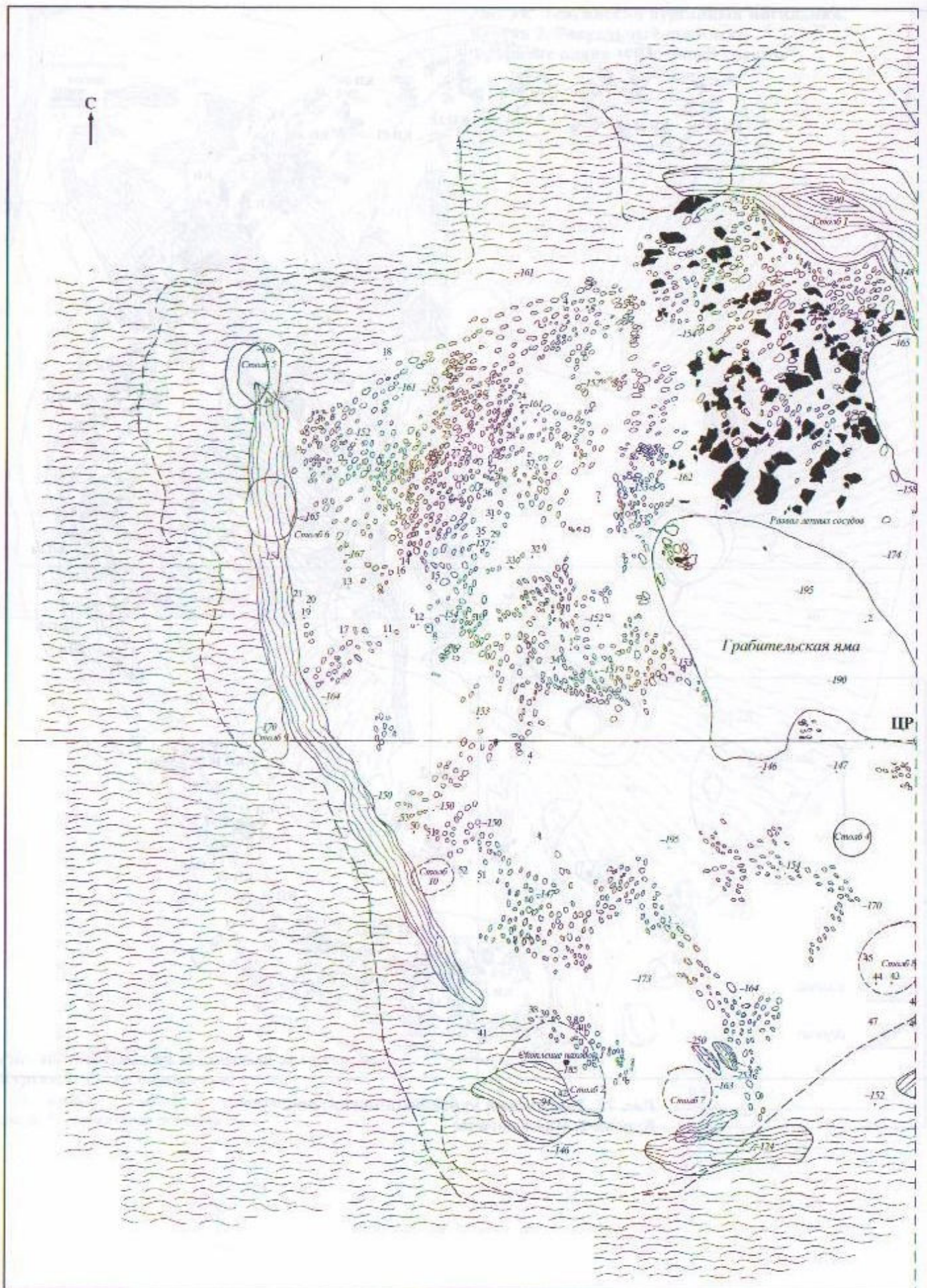

Рис. 41. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. План могилы

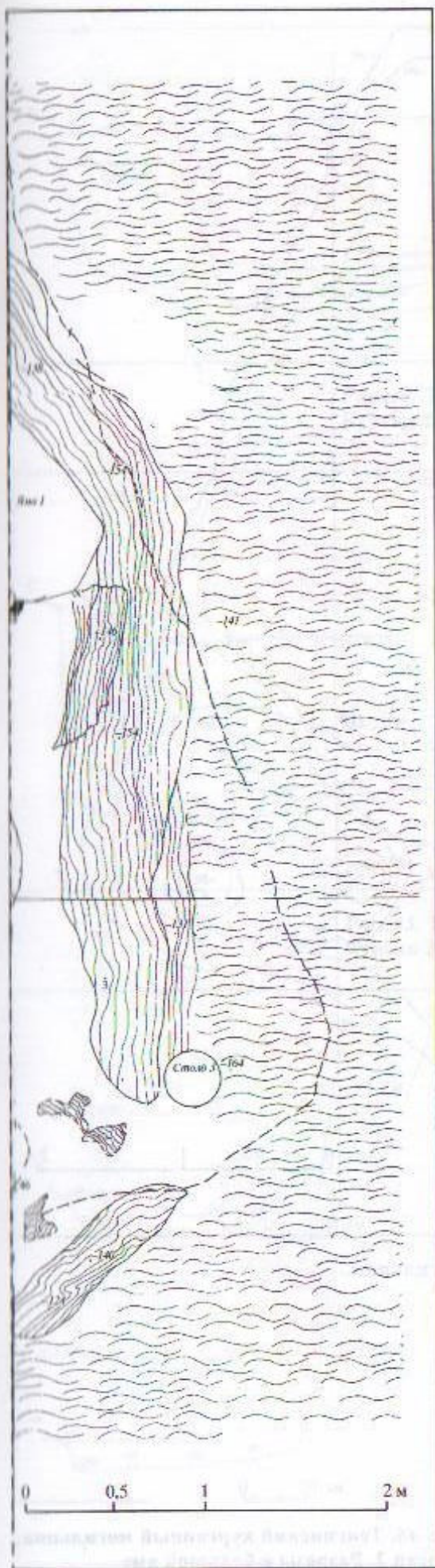
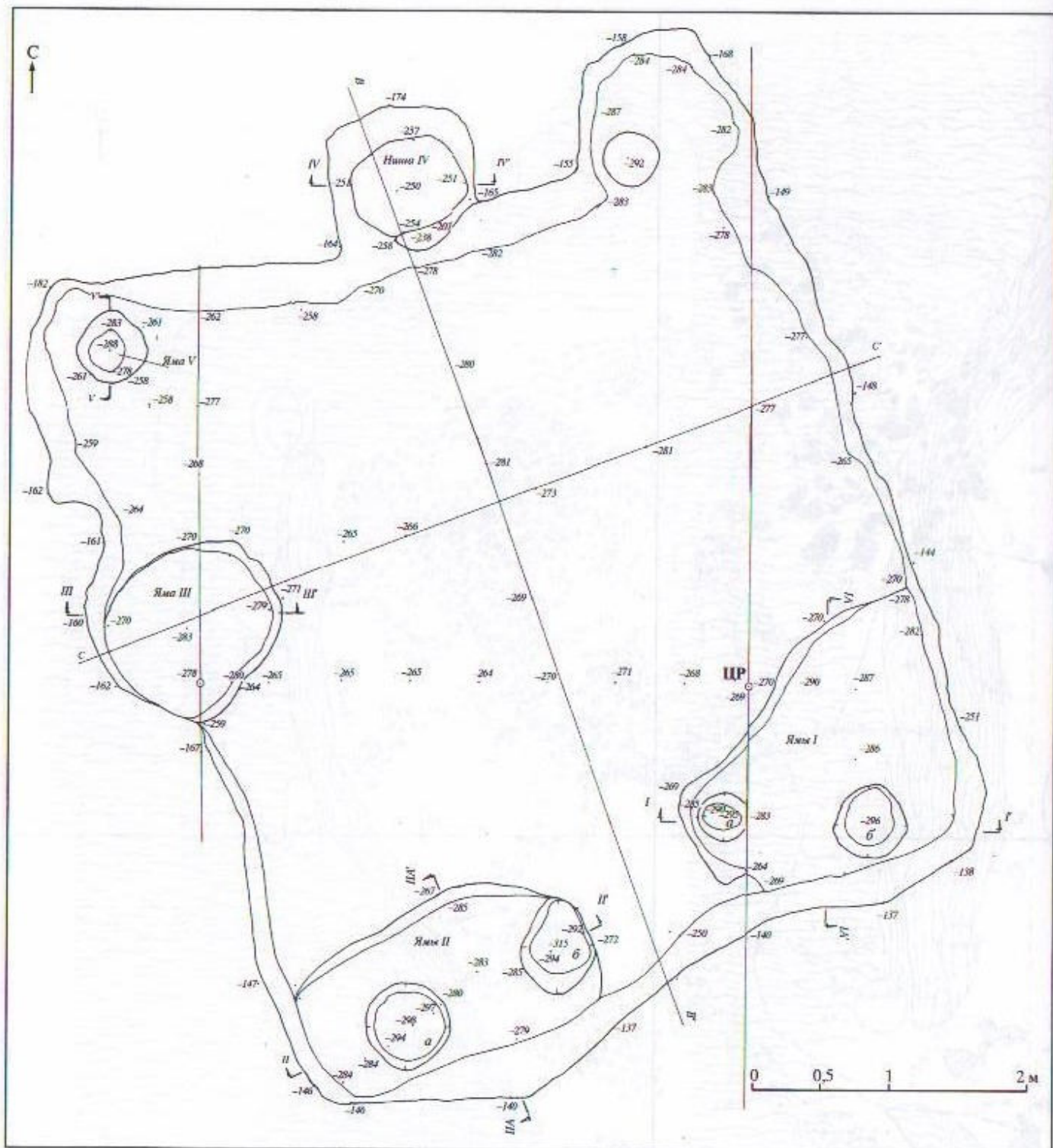
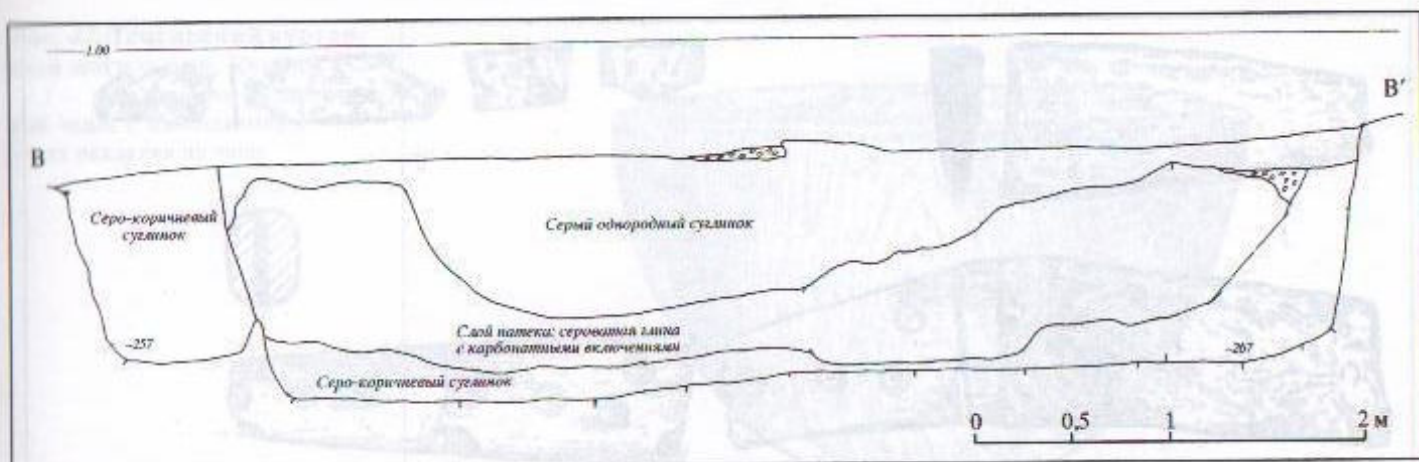

Рис. 42. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. План верхнего уровня ямы

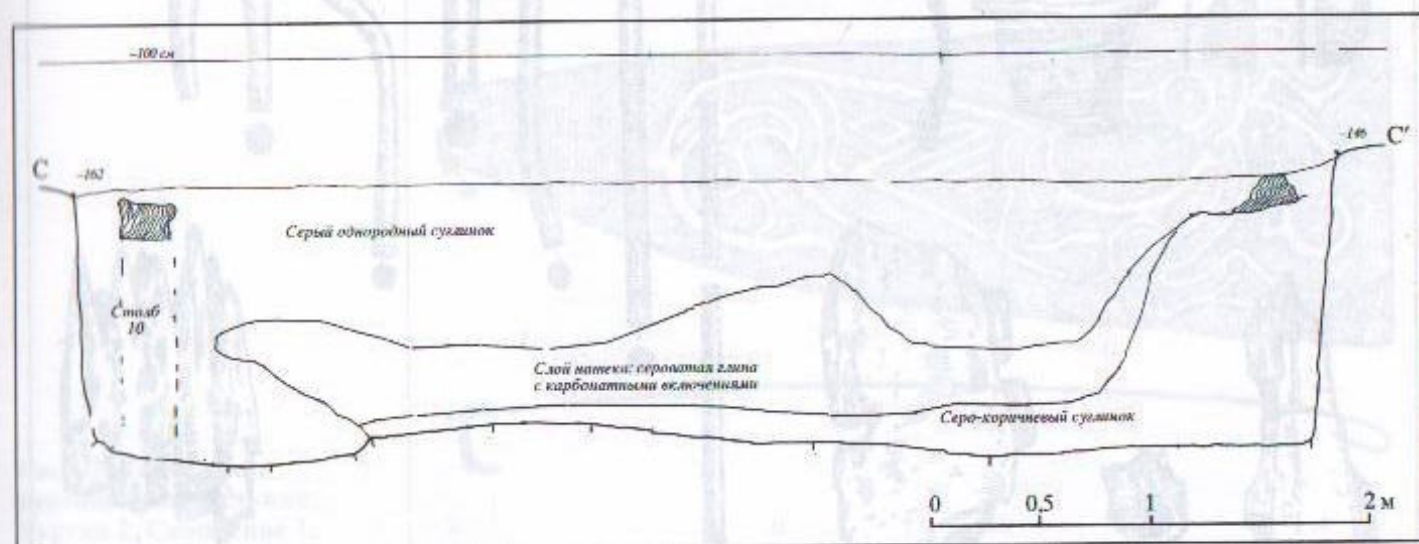

**Рис. 43. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. План ямы**

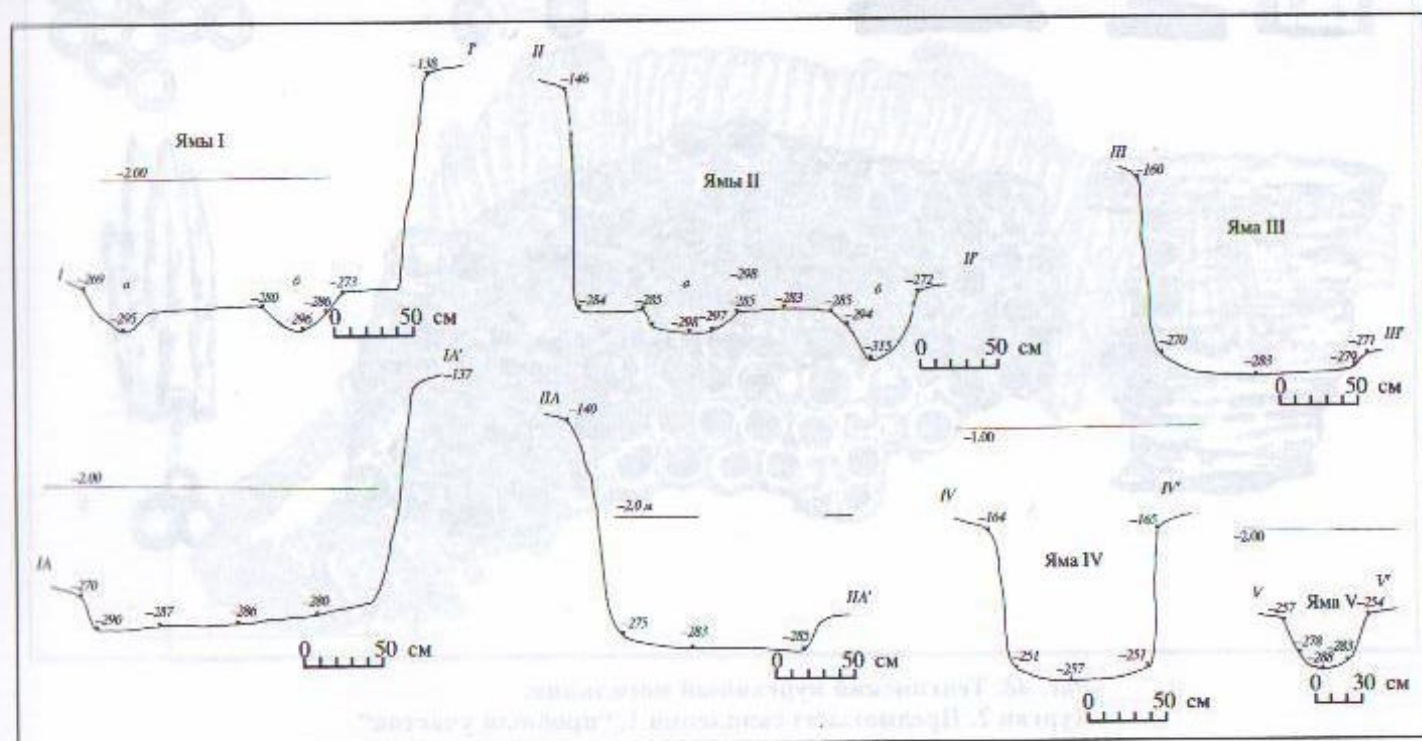
**Рис. 46. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. Разрезы в большой яме**

**Рис. 44. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. Разрез большой ямы В-В'**

**Рис. 45. Тенгинский курганный могильник.
Курган 2. Разрез большой ямы С-С'**

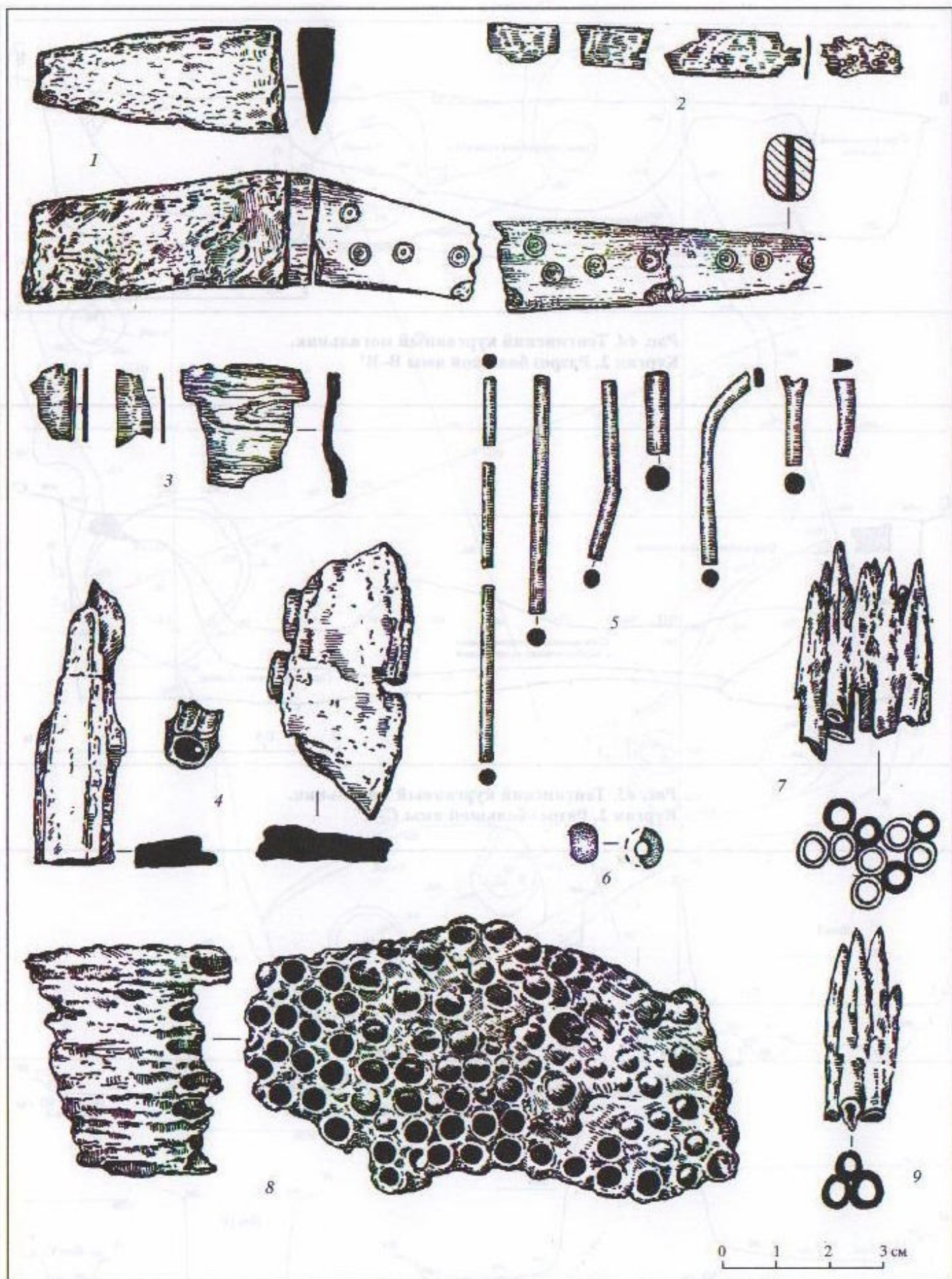

Рис. 48. Тенгинский курганный могильник.
 Курган 2. Предметы из скопления 1, "пробный участок"
 1 – железо, кость; 2, 5 – бронза; 3, 4, 7-9 – железо; 6 – стекло

Рис. 47. Тенгинский курганный могильник. Курган 2

1 — реконструкция деревянной чаши с накладками; 2 — золотая накладка на чашу

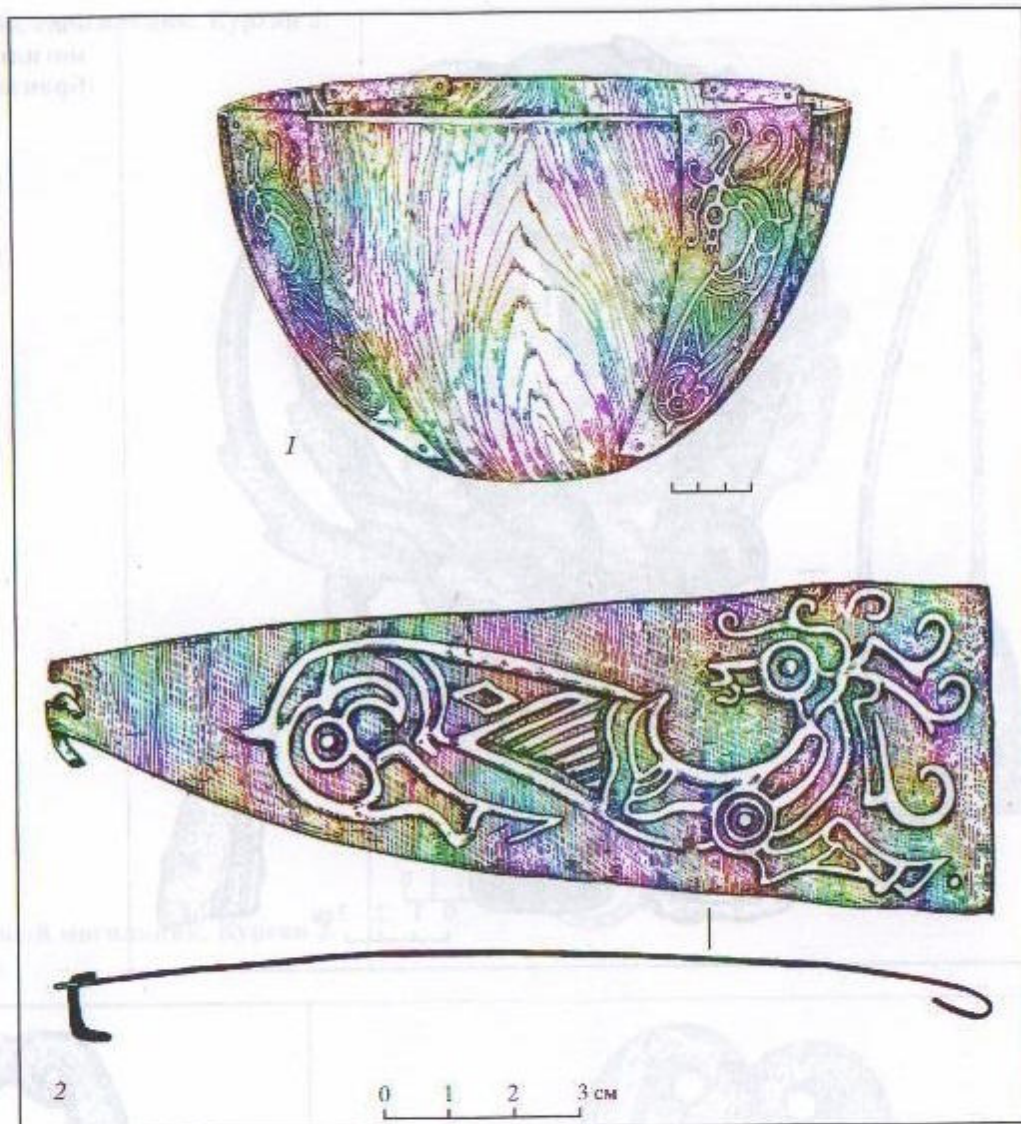

Рис. 49. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Скопление 1. Панцирный пояс. Бронза

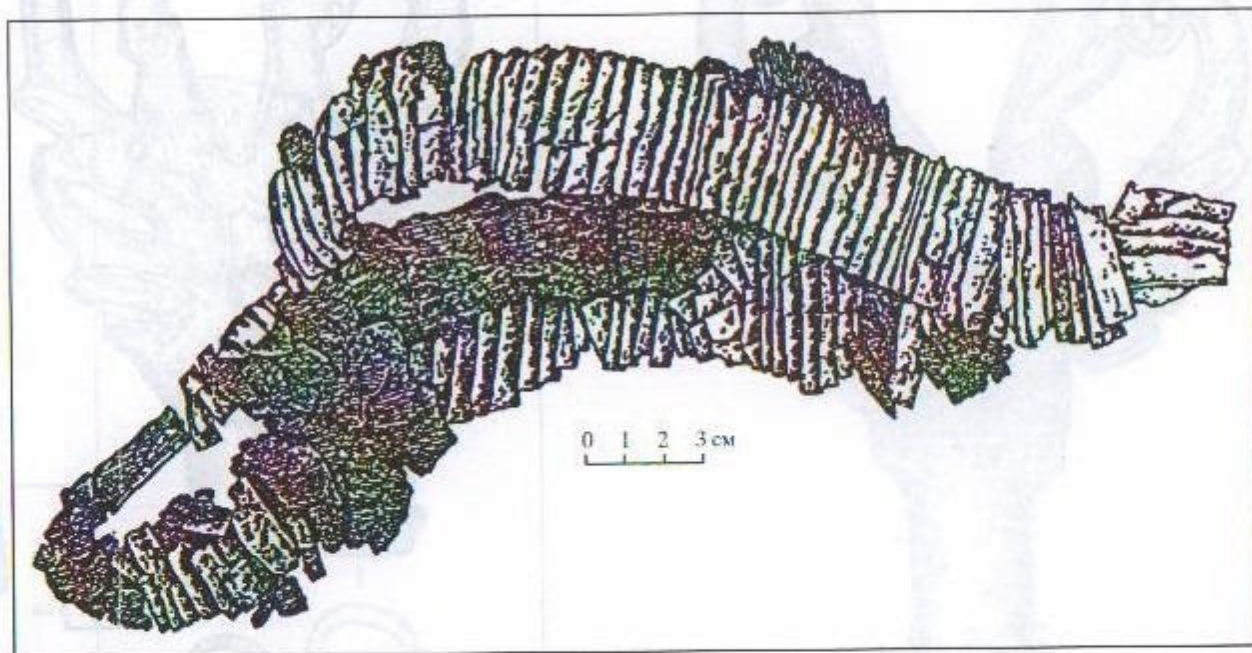

Рис. 50. Тенгинский курганный могильник. Курган 2.
Бронзовое навершие

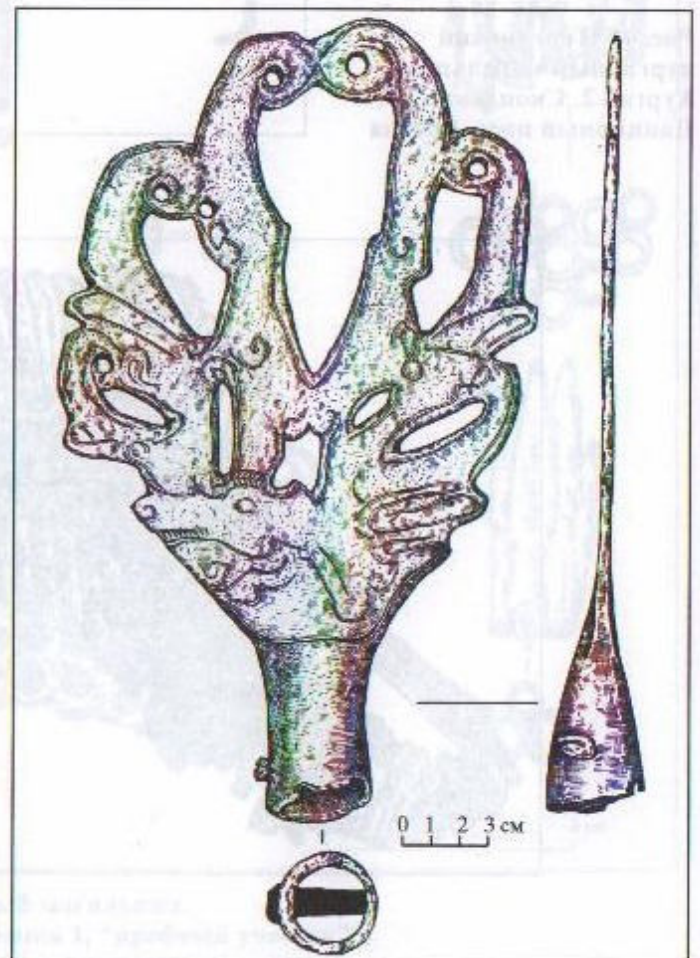

Рис. 51. Тенгинский курганный могильник. Курган 2.
Бронзовое навершие

Рис. 52. Тенгинский курганный могильник. Курган 2.
Бронзовое навершие

Рис. 53. Тенгинский курганный могильник. Курган 2.
Биметаллическое навершие

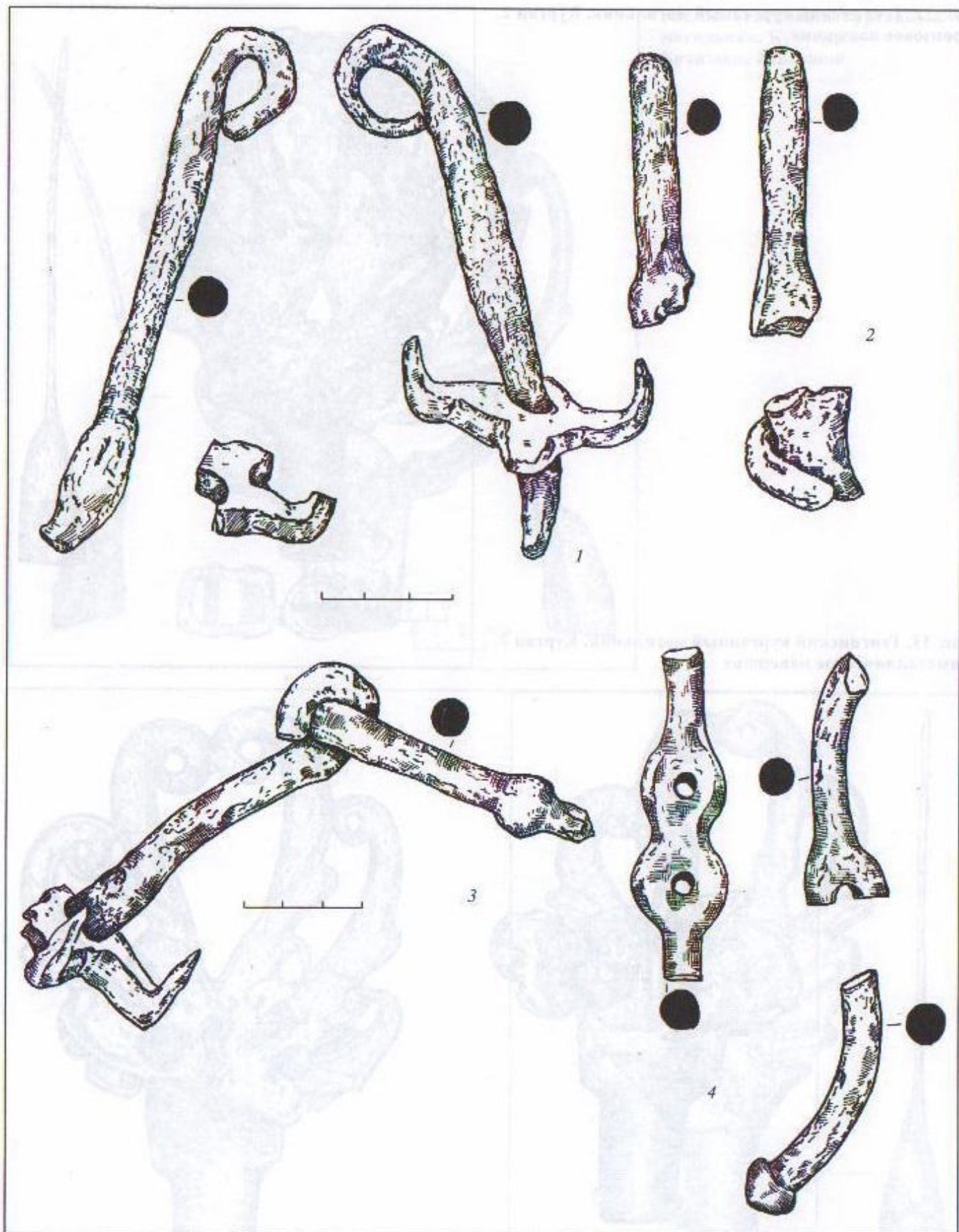

Рис. 54. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Удила и псаалии
 1, 2 – конское погребение 1; 3, 4 – конское погребение 2. Железо

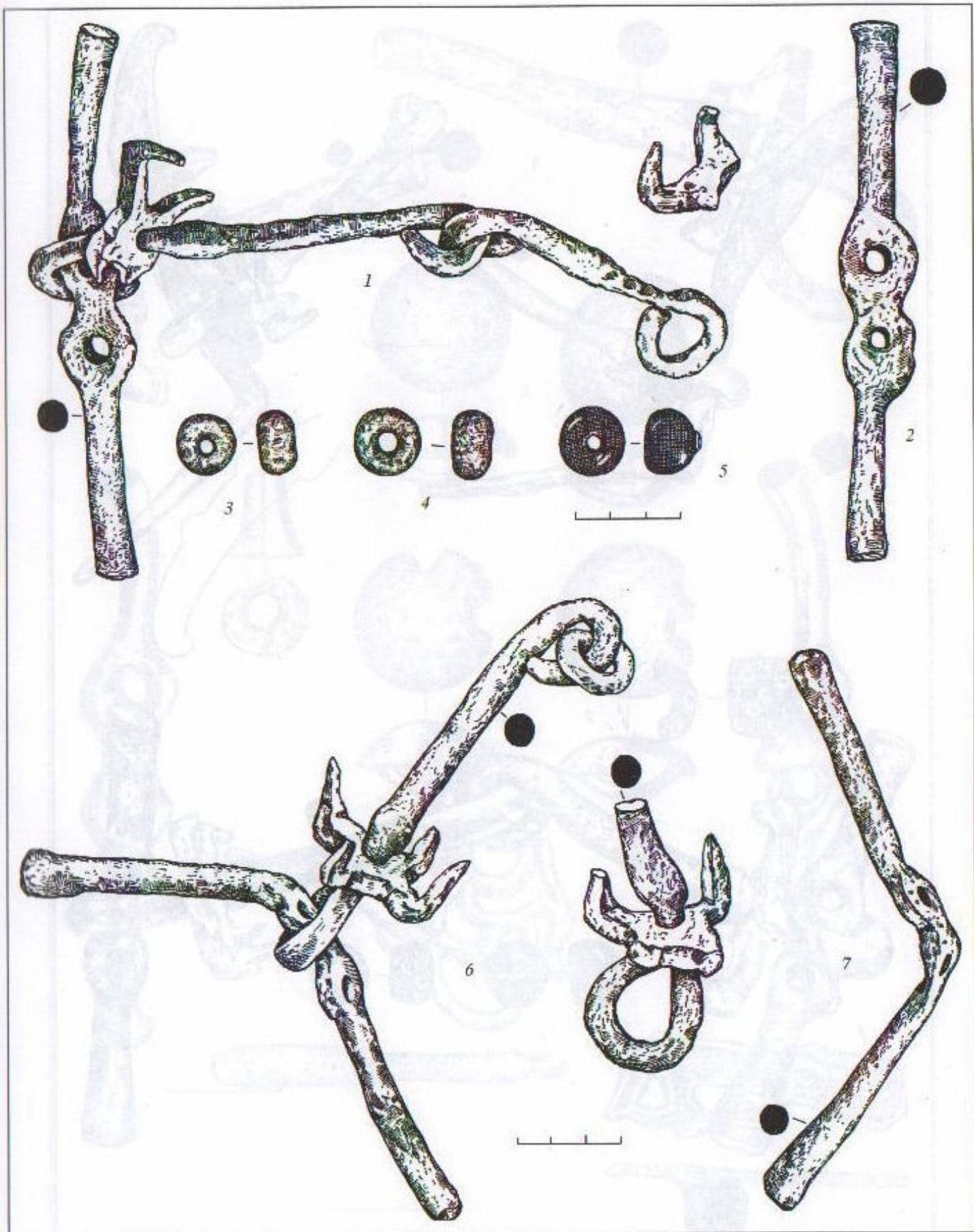

Рис. 55. Тенгинский курганный могильник. Курган 2

1, 2, 6, 7 – удила и псаля; 3–5 – бусы; 1–5 – конское погребение 3; 6, 7 – конское погребение 4.
1, 2, 6, 7 – железо; 3–5 – стекло

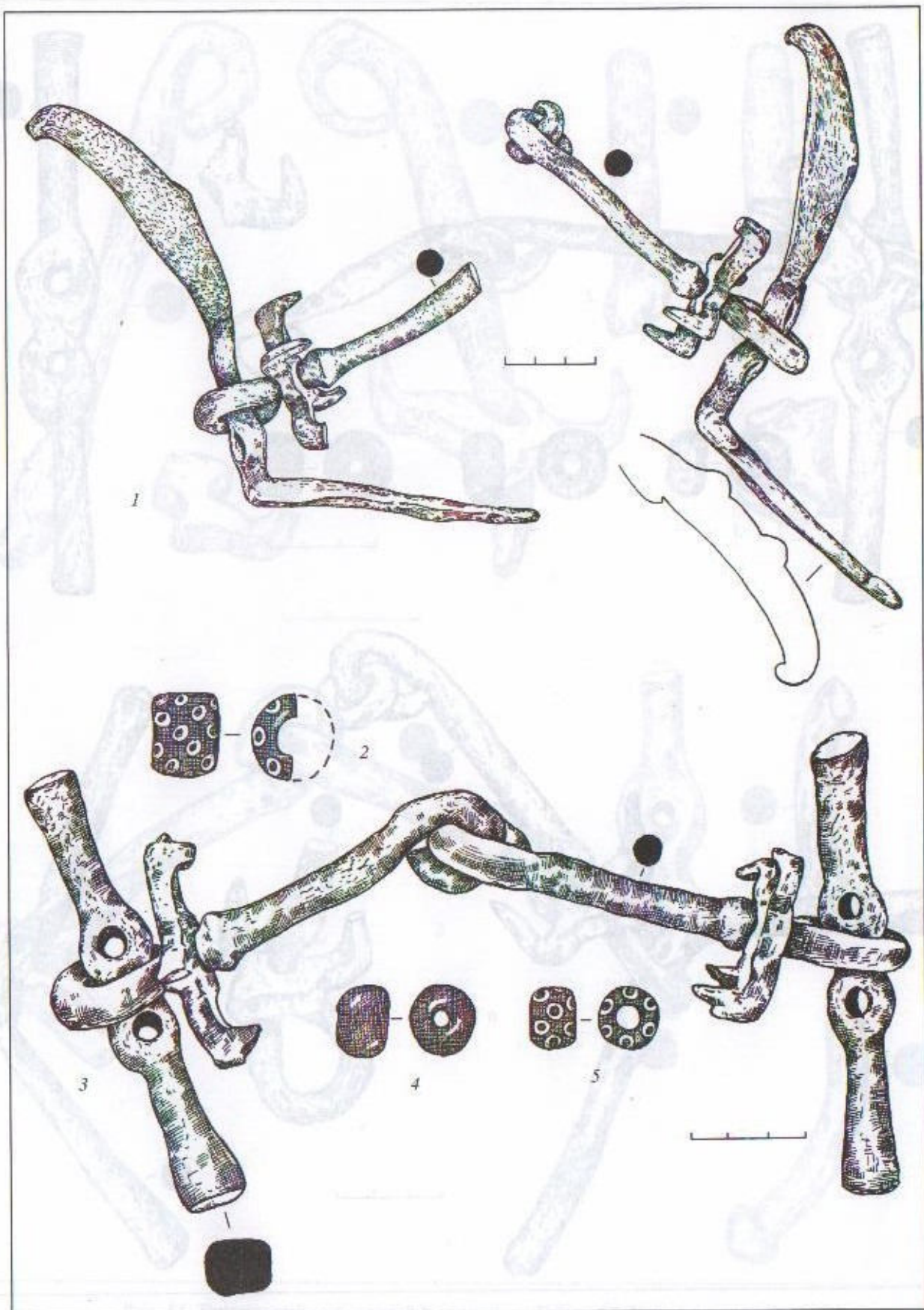

Рис. 56. Тенгинский курганный могильник. Курган 2

*1, 3 – удила и псалии; 2, 4, 5 – бусы; 1 – конское погребение 4а; 2–5 конское погребение 5а.
1, 3 – железо; 2, 4, 5 – стекло*

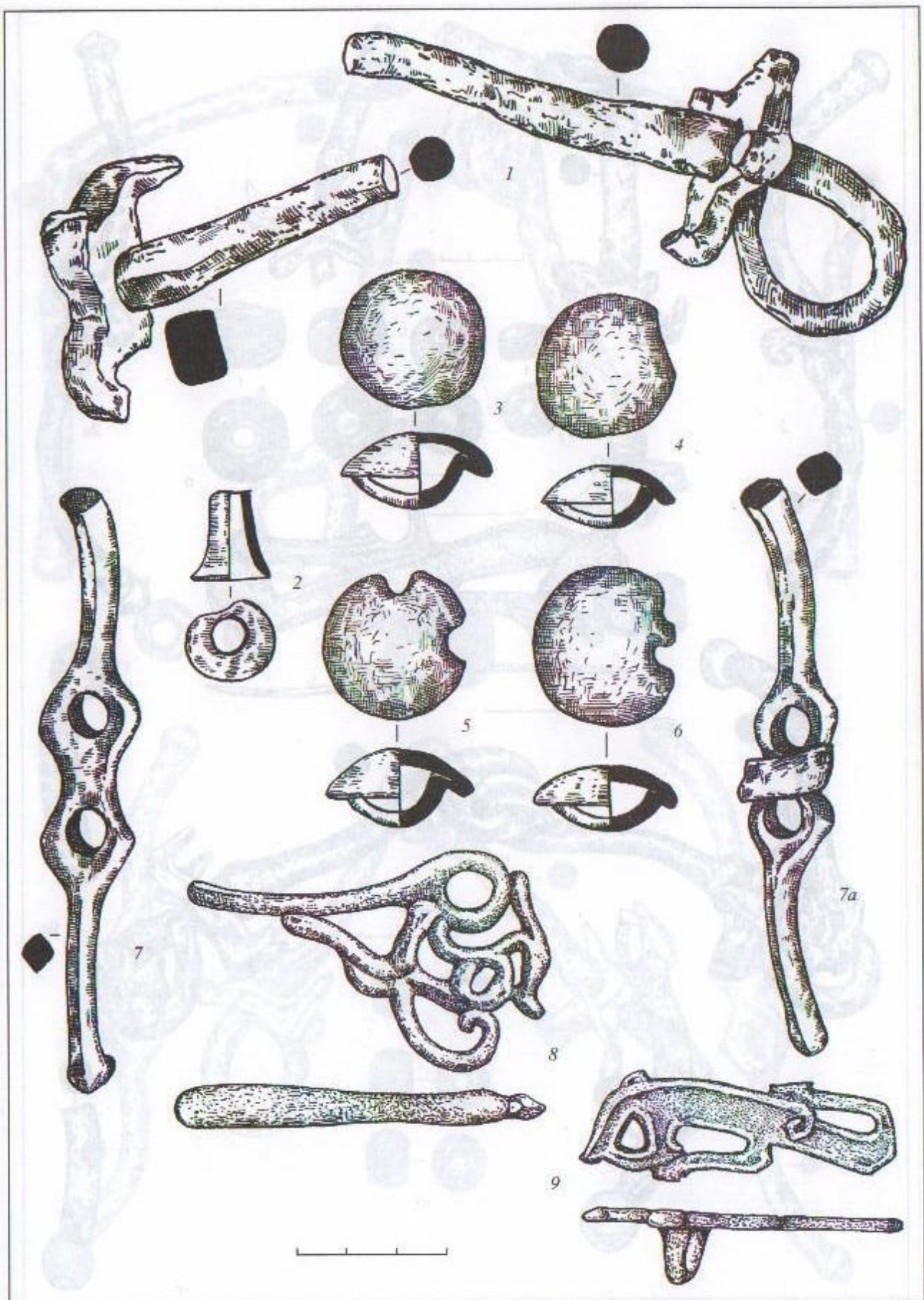

Рис. 57. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Конское погребение 5
 1 – удила; 2 – ворворка; 3–6 – бляхи; 7, 7а – псалии; 8 – наносник; 9 – налобник; 1 – железо;
 2–9 – бронза

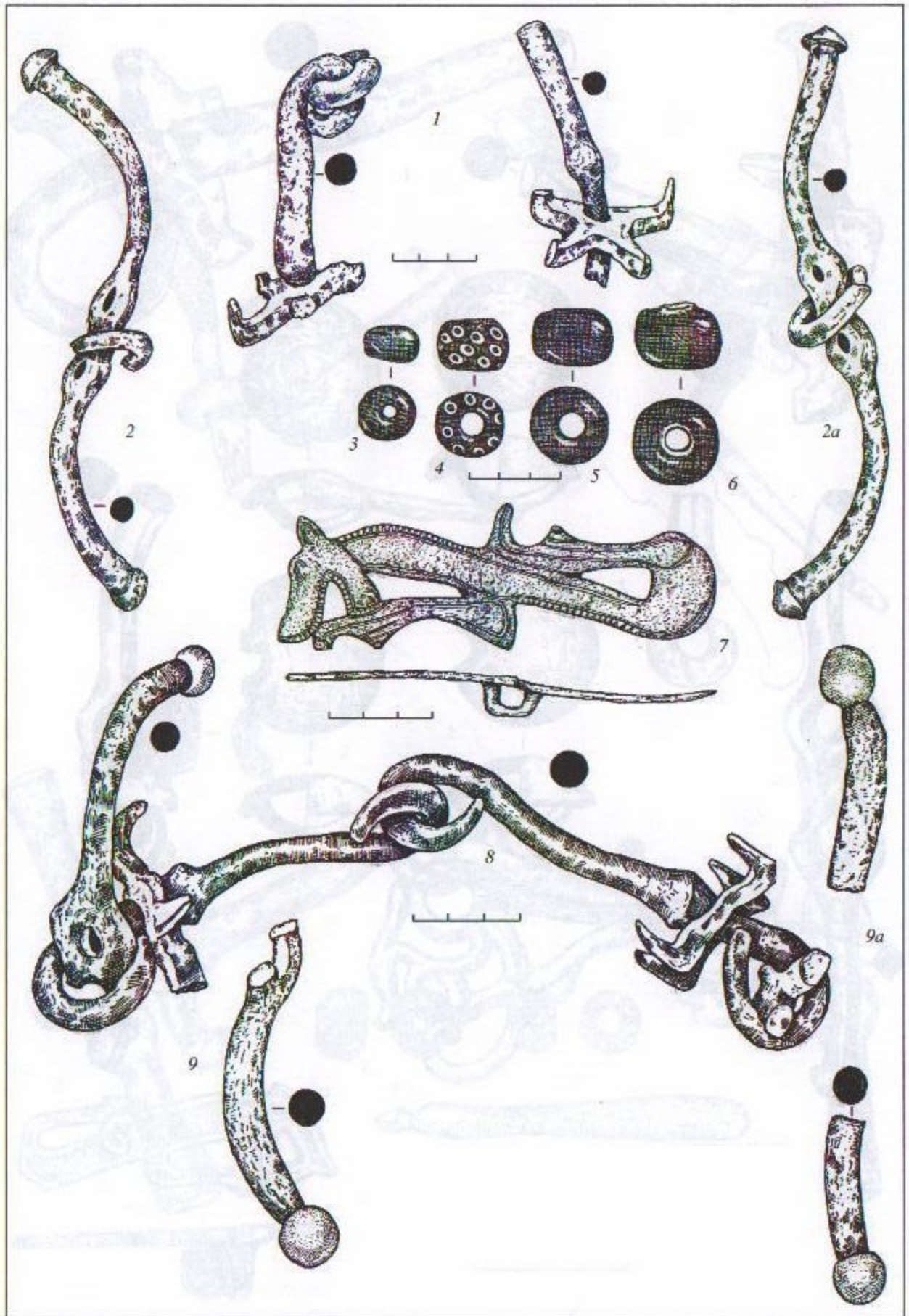

Рис. 58. Тенгинский курганный могильник. Курган 2
 1, 2, 2а, 8, 9 – удила и псаля; 3-6 – бусы; 7 – палобник; 1-6 – конское погребение б; 7-9, 9а – конское погребение ба. 1, 2, 8 – железо; 3-6 – стекло; 7 – бронза; 9 – железо с бронзой

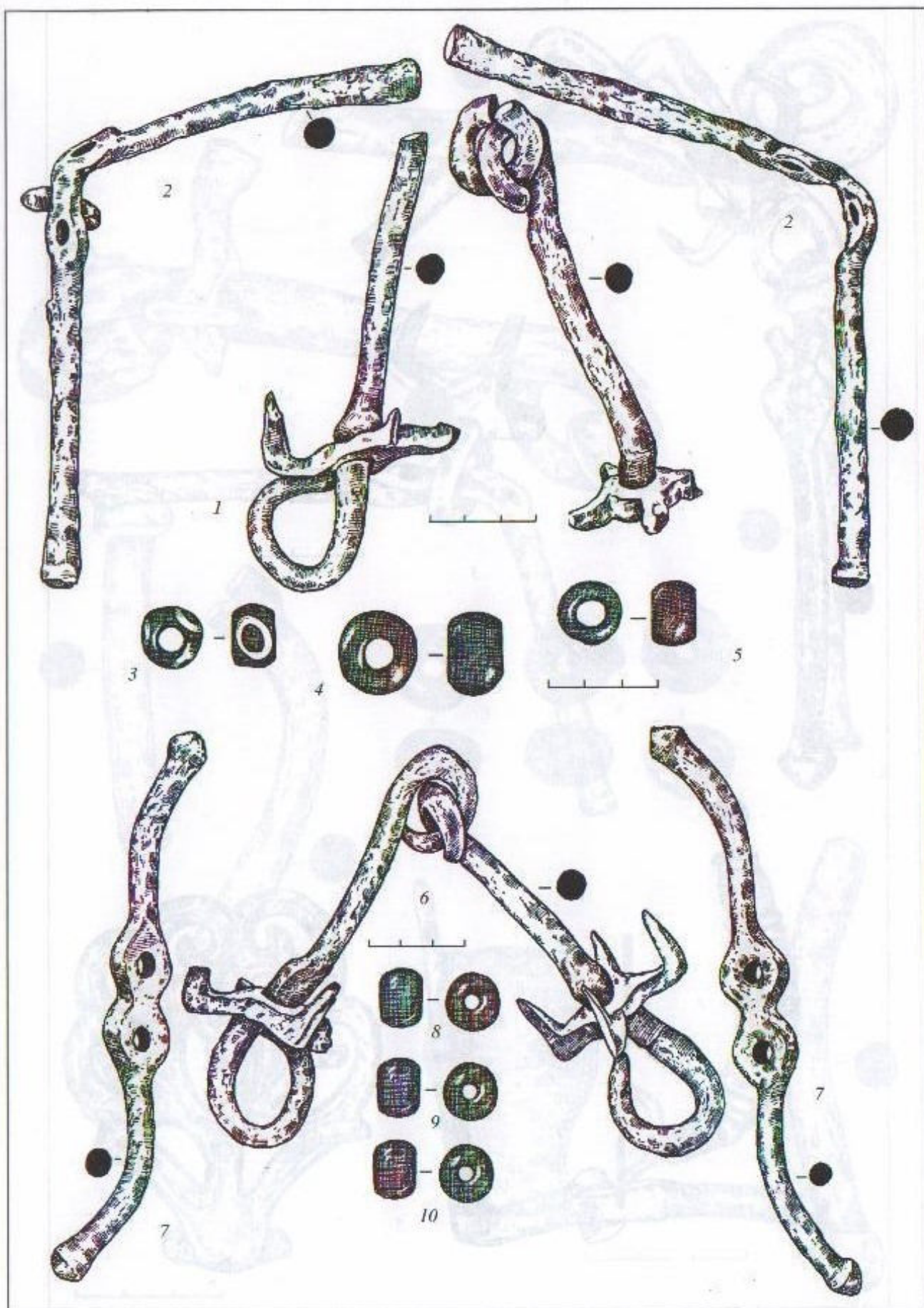

Рис. 59. Тенгинский курганный могильник. Курган 2

1, 2, 6, 7 – удила и псаали; 3–5, 8–10 – бусы; 1–5 – конское погребение 7; 6–10 – конское погребение 8. 1, 2, 6, 7 – железо; 3–5, 8–10 – стекло

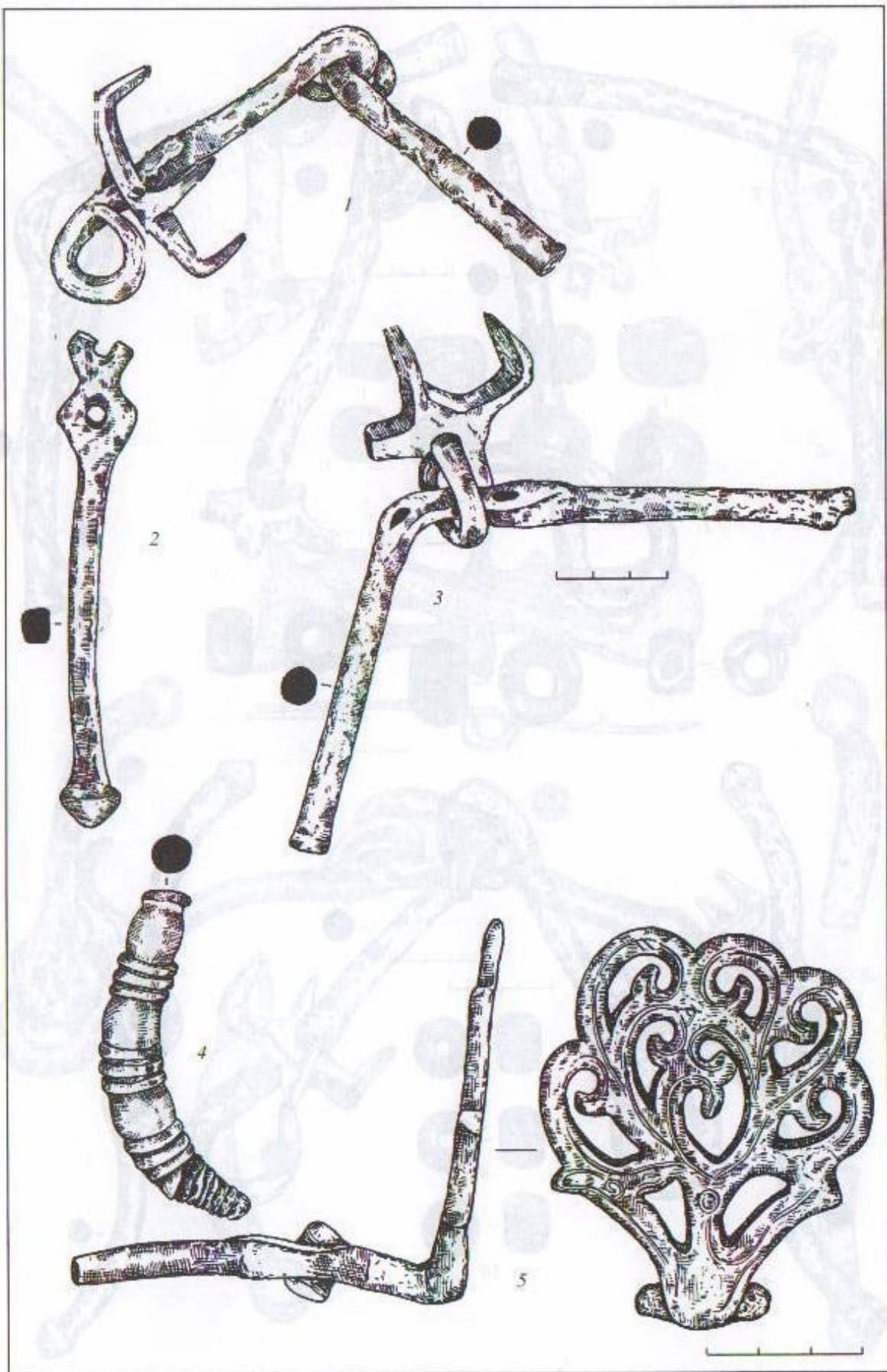

Рис. 60. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Удила и псалии
 1-3 – конское погребение 9; 4-5 – конское погребение 11. 1-3 – железо; 4 – бронза и железо;
 5 – бронза

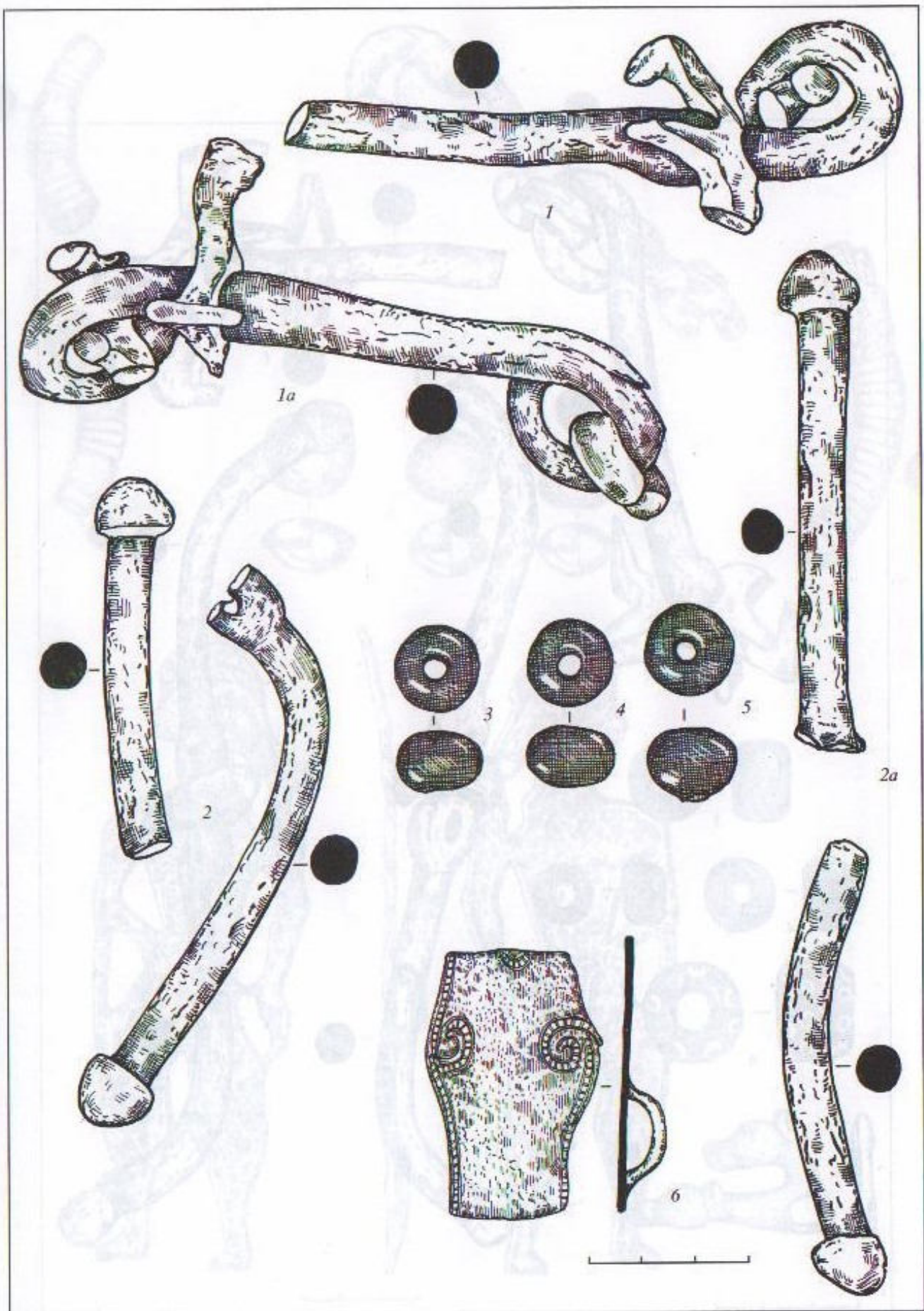

Рис. 61. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Конское погребение 10
 1, 2 – удила и псалии; 3–5 – бусы; 6 – налобник; 1, 2 – железо; 3–5 – стекло; 6 – бронза

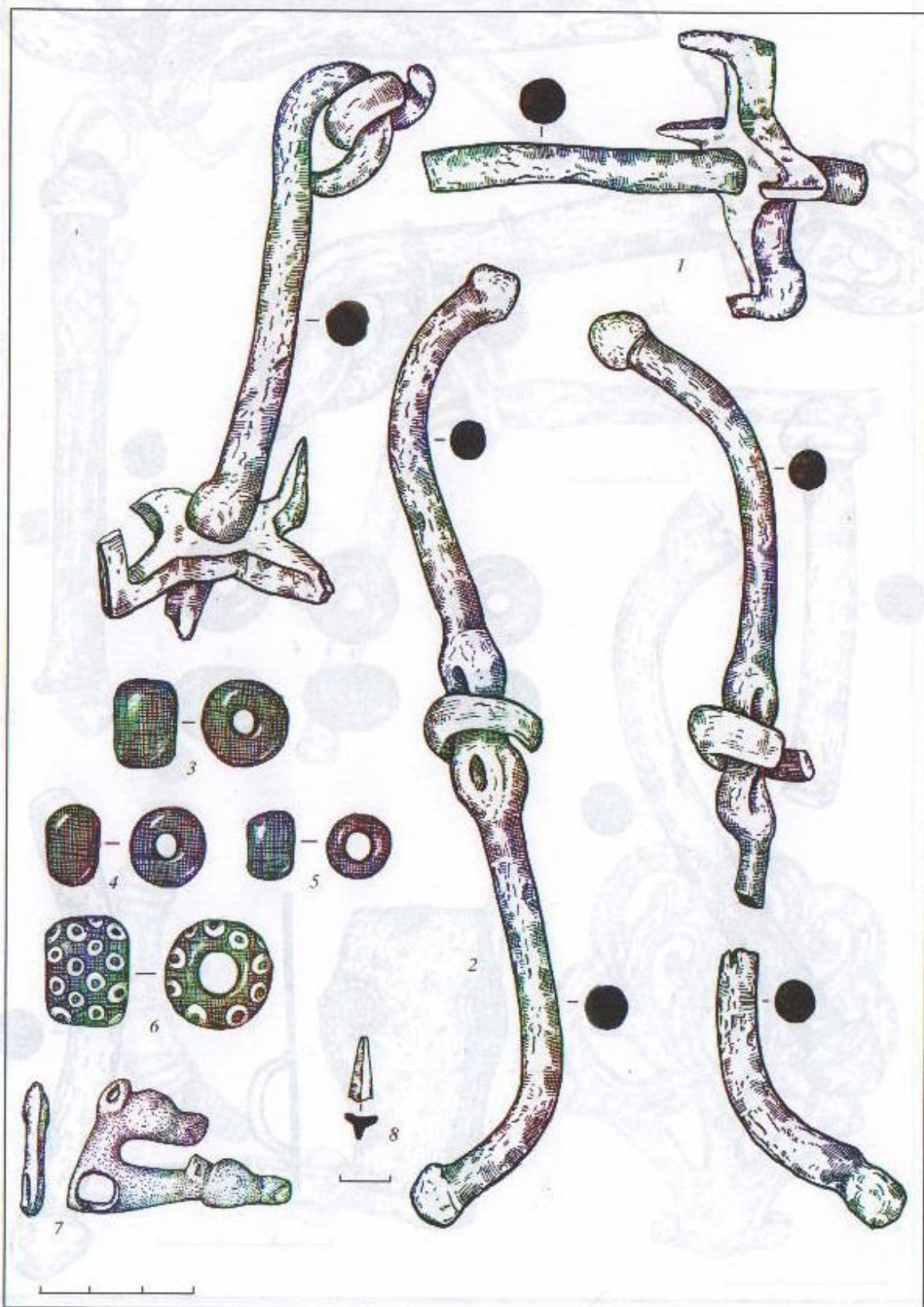

Рис. 62. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Конское погребение 13
 1, 2 – удила и псалки; 3-6 – бусы; 7 – наносник; 8 – наконечник стрелы; 1, 2, 8 – железо;
 3-6 – стекло; 7 – бронза

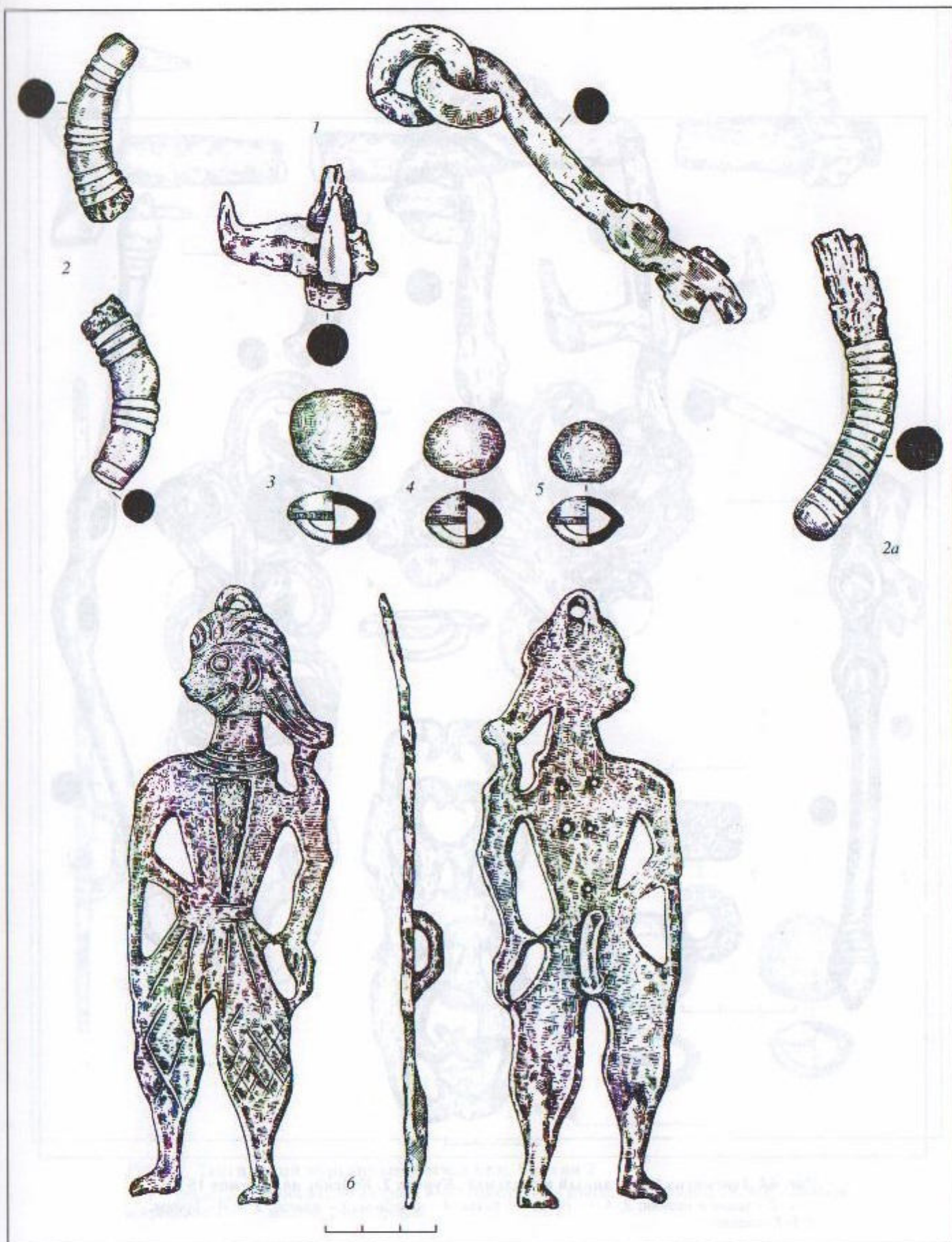

Рис. 63. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Конское погребение 14

1, 2 – удила и псалии; 3–5 – бляхи; 6 – налобник; 1 – железо; 2 – бронза и железо;
3–6 – бронза

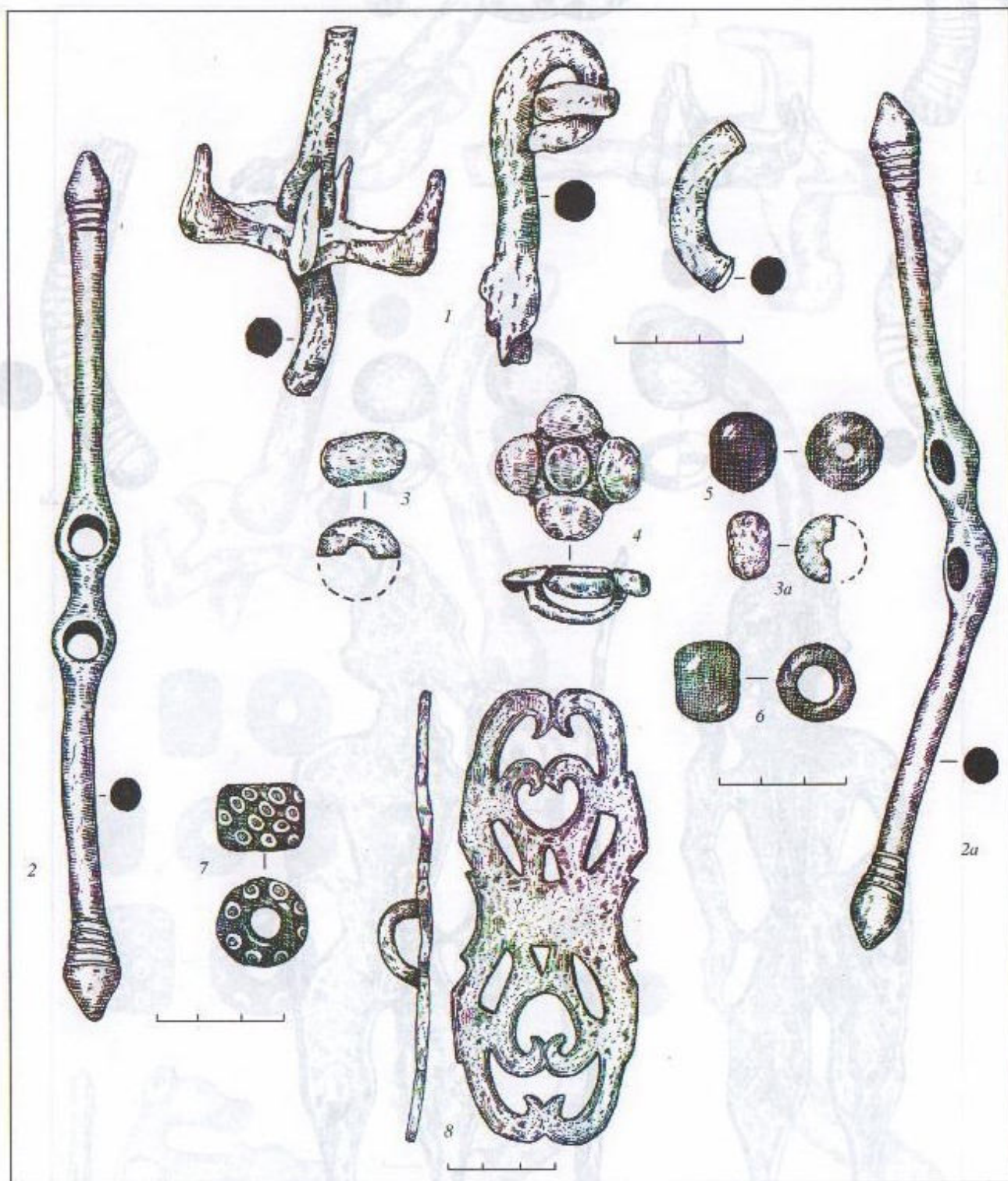

Рис. 64. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Конское погребение 15

1, 2 – удила и псалии; 3, 5–7 – бусы; 4 – бляха; 8 – налобник; 1 – железо; 2, 4, 8 – бронза;
3, 5–7 – стекло

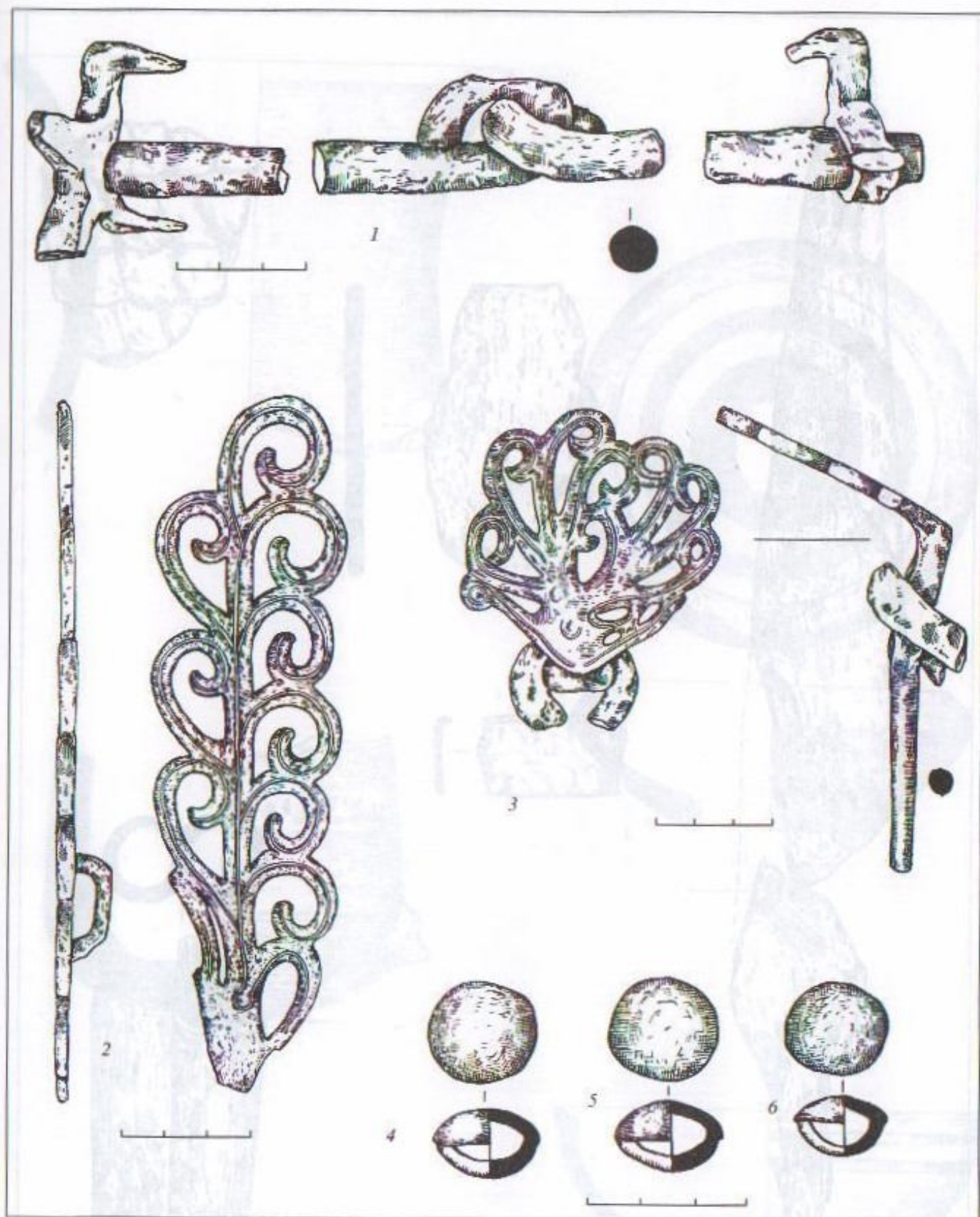

Рис. 65. Тенгинский курганный могильник. Курган 2

1 – удила; 2 – палобник; 3 – псалий; 4 – 6 – бляхи; 1–3 – конское погребение 16; 4–6 – конское погребение 17. 1 – железо; 2–6 – бронза

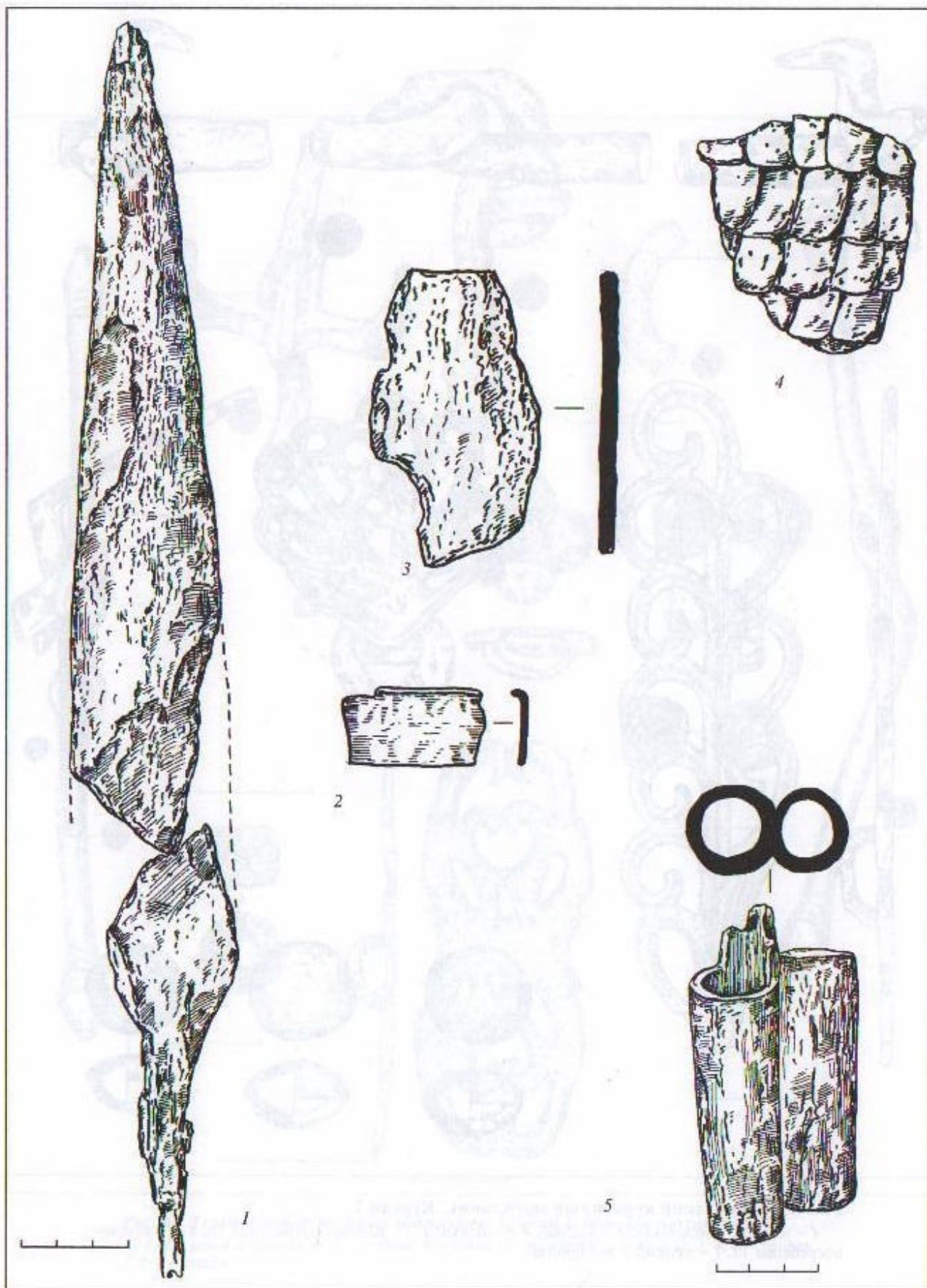

Рис. 66. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Предметы с перекрытия конской могилы

1, 3-5 - железо; 2 - бронза

Рис. 67. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Ритуальный комплекс
 1 – деревянная корчага; 2 – деревянная кружка; 3 – гончарная мисочка с полосками лака;
 4 – серолощенная гончарная мисочка

Рис. 68. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Ритуальный комплекс. Импортные изделия из керамики

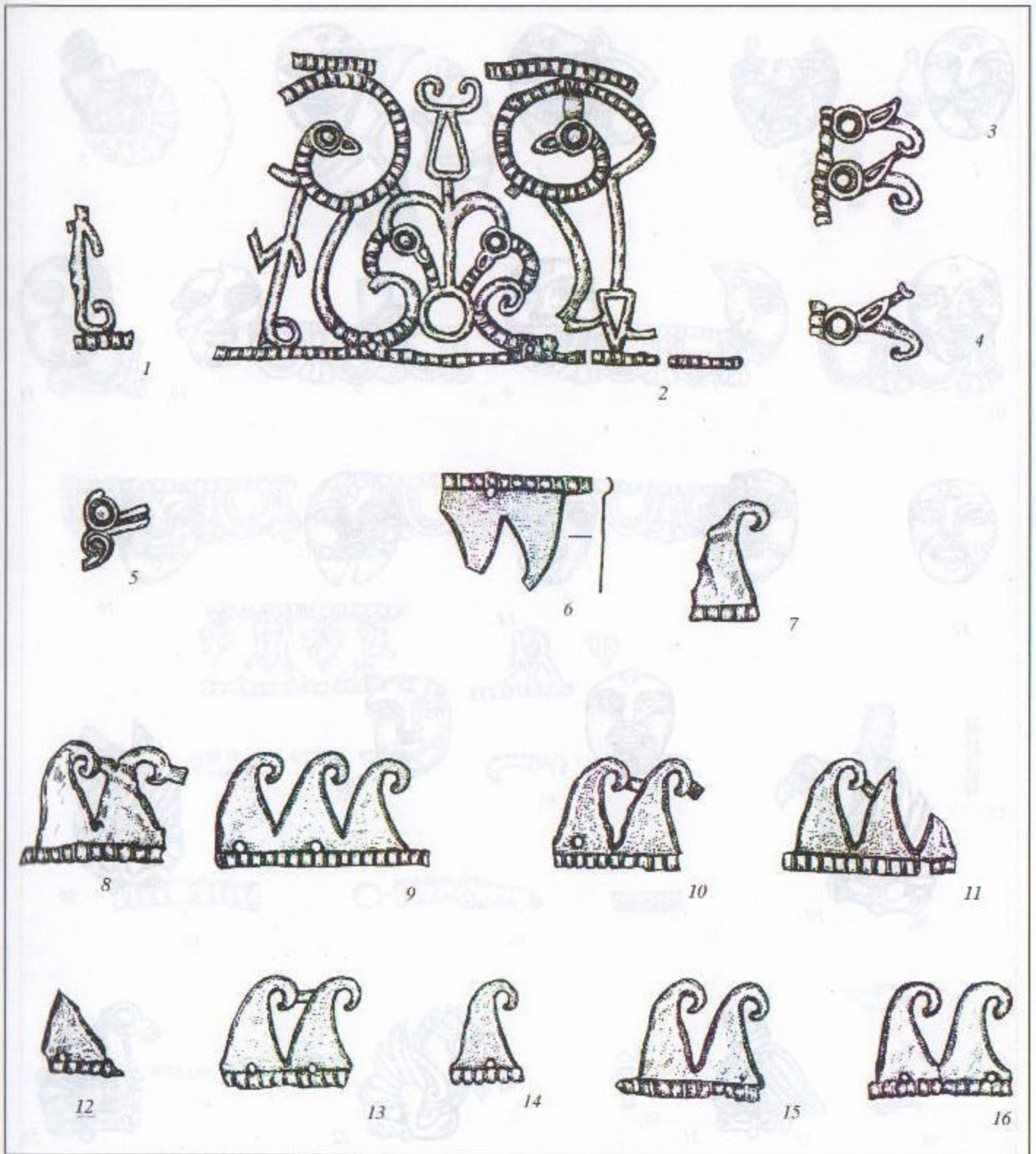

Рис. 69. Тенгинский курганный могильник. Курган 2.
 Центральная часть и фрагменты нашивных пластин диадемы. Золото

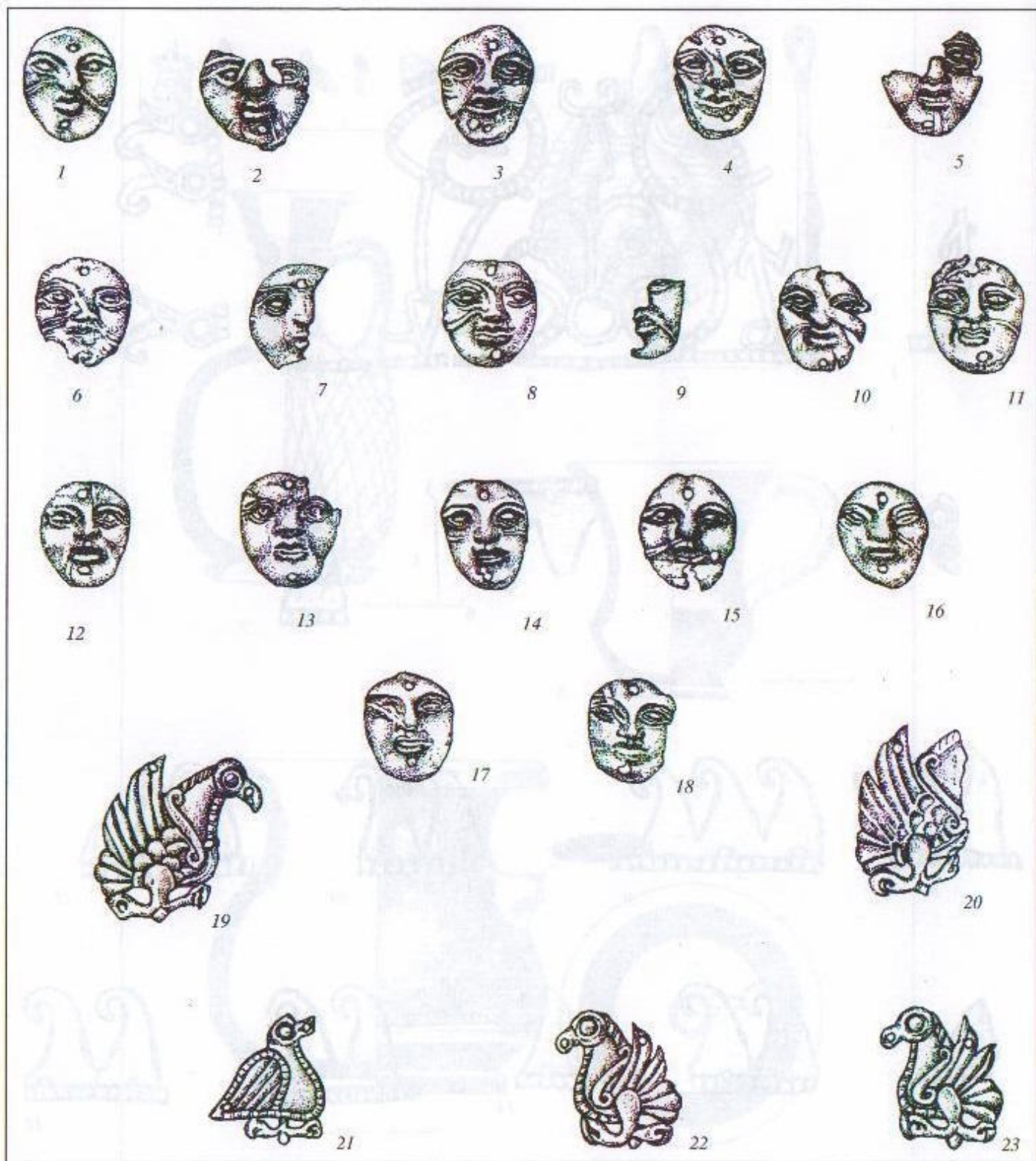

Рис. 70. Тенгинский курганный могильник. Курган 2.
Золотые нашивные бляшки

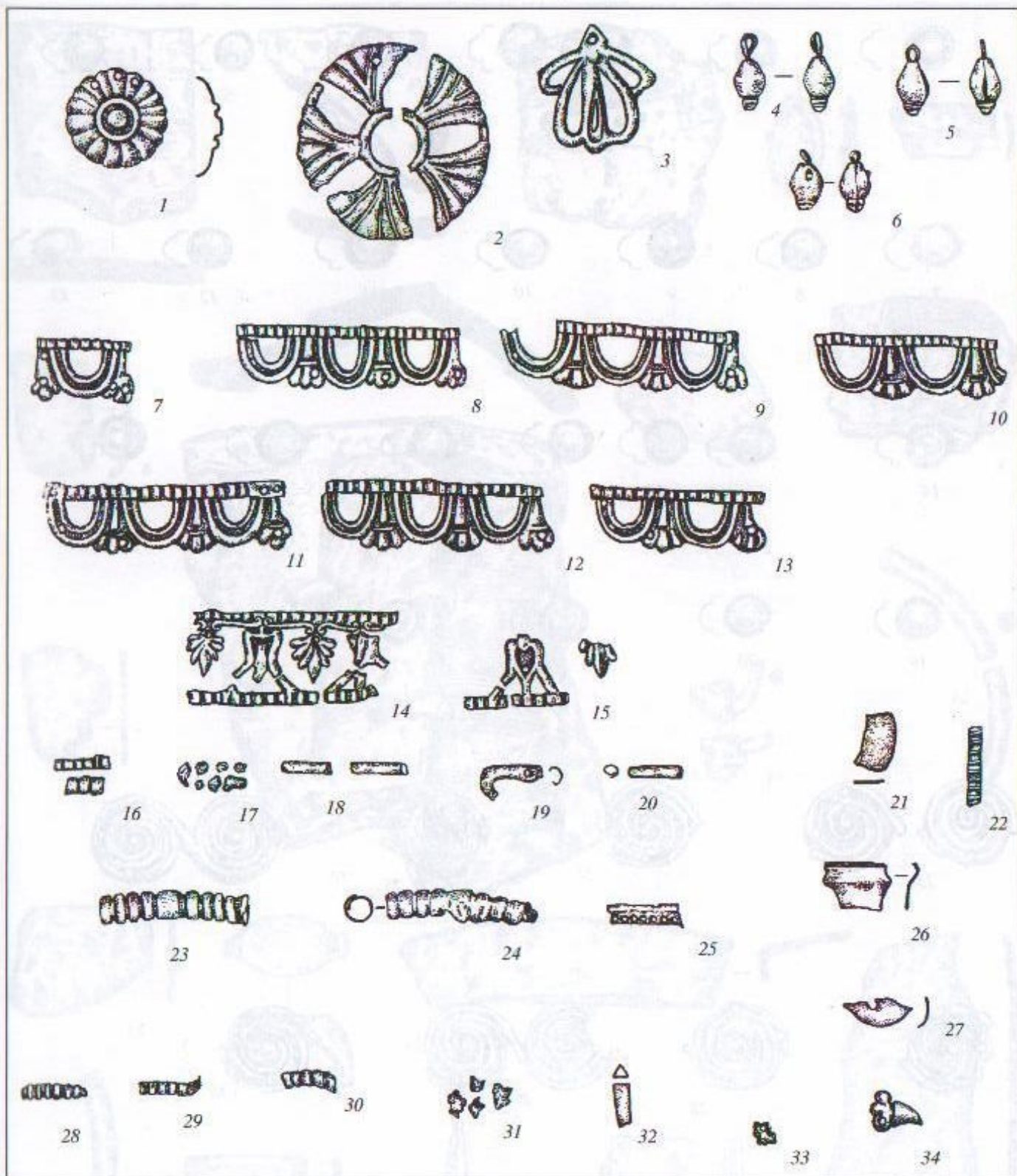

Рис. 71. Тенгинский курганный могильник. Курган 2.
Золотые нашивные бляшки, пластины и подвески, пронизи, фрагменты фольги

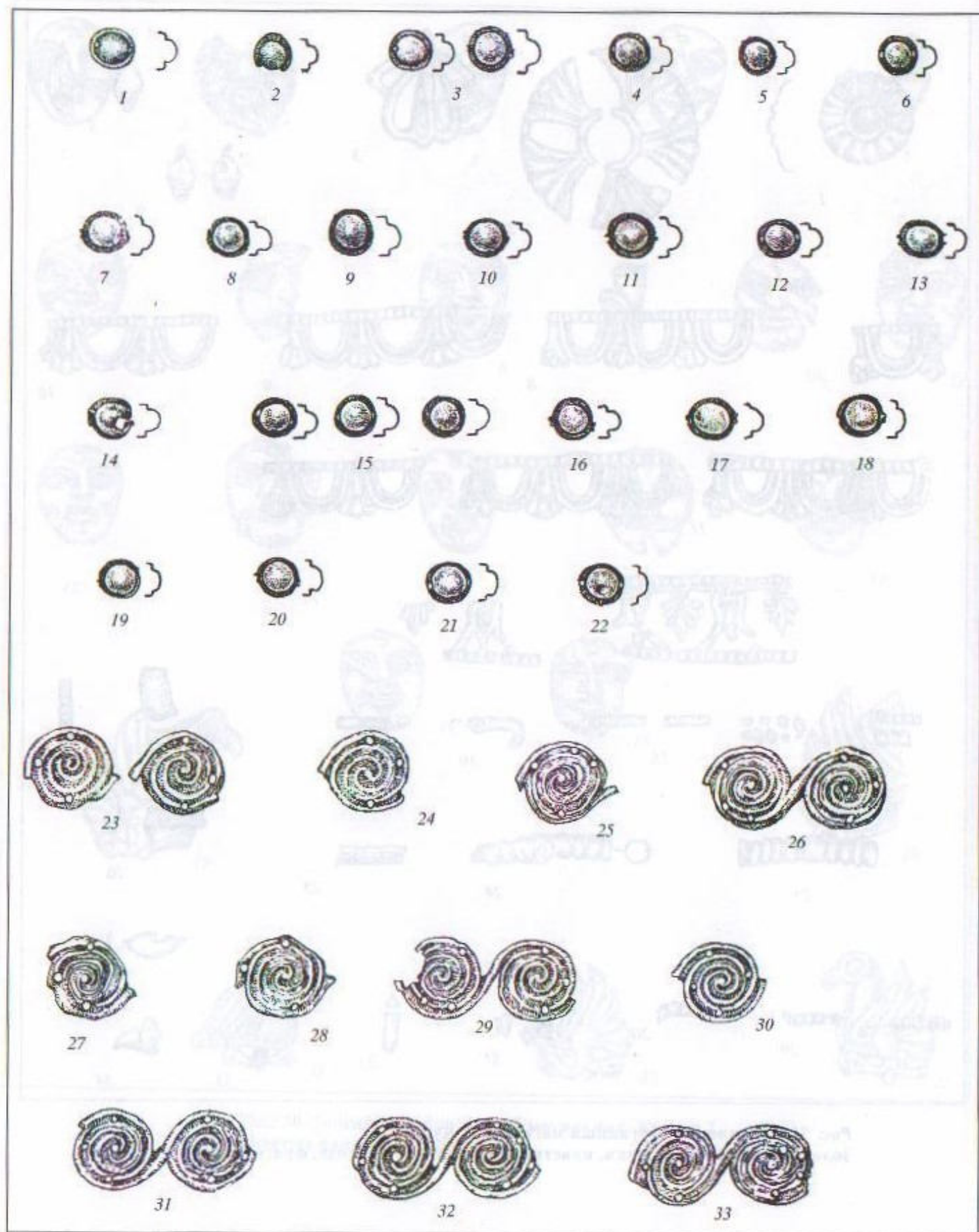

Рис. 72. Тенгинский курганный могильник. Курган 2.
Золотые нашивные бляшки

Рис. 73. Тенгинский курганный могильник. Курган 2.

Изделия из бронзы и железа

4, 9, 11–13, 15–18, 20 – бронза; 1–3, 5–8, 10, 14 – железо;
19 – бронза с железом

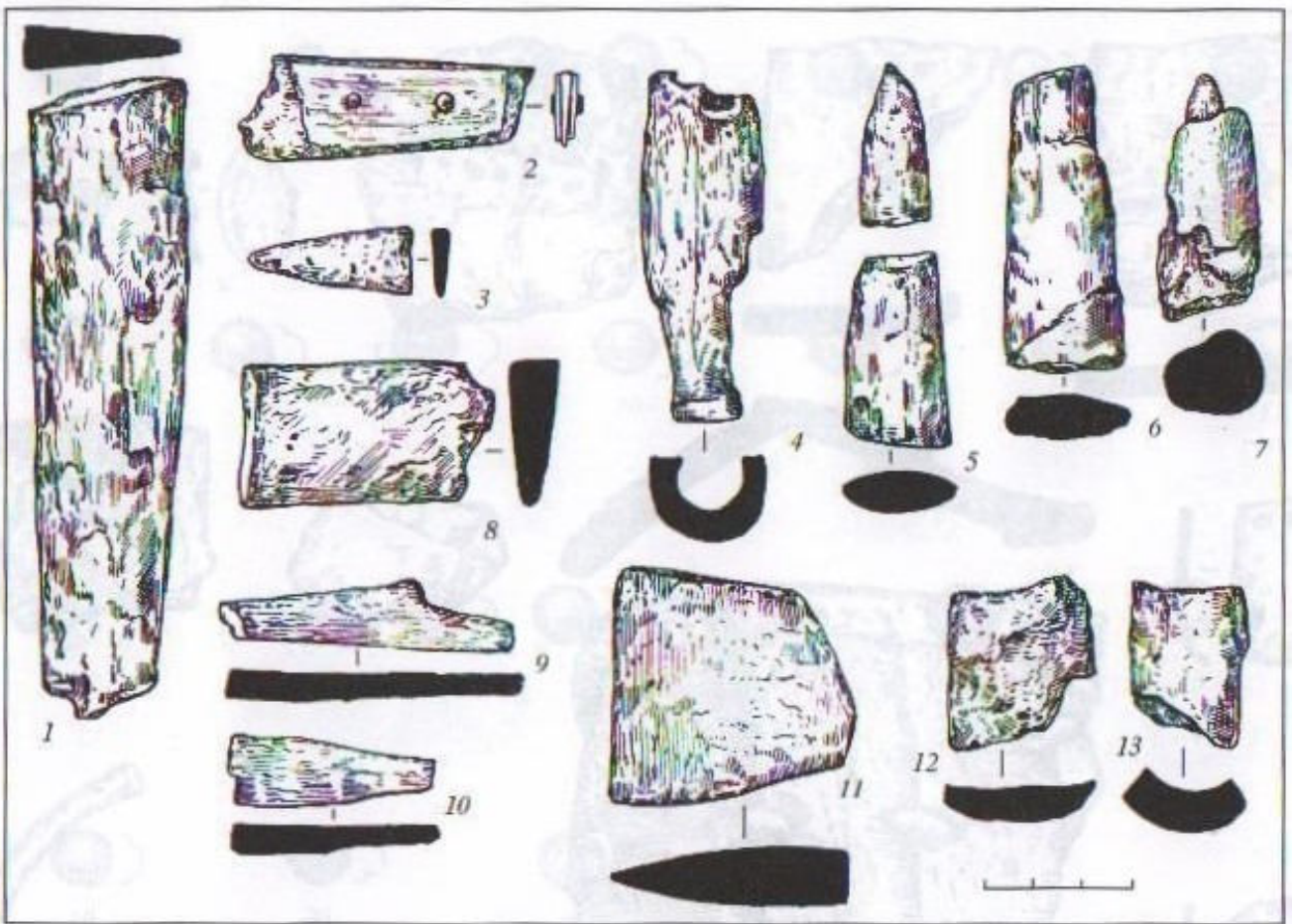

Рис. 74. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Изделия из железа

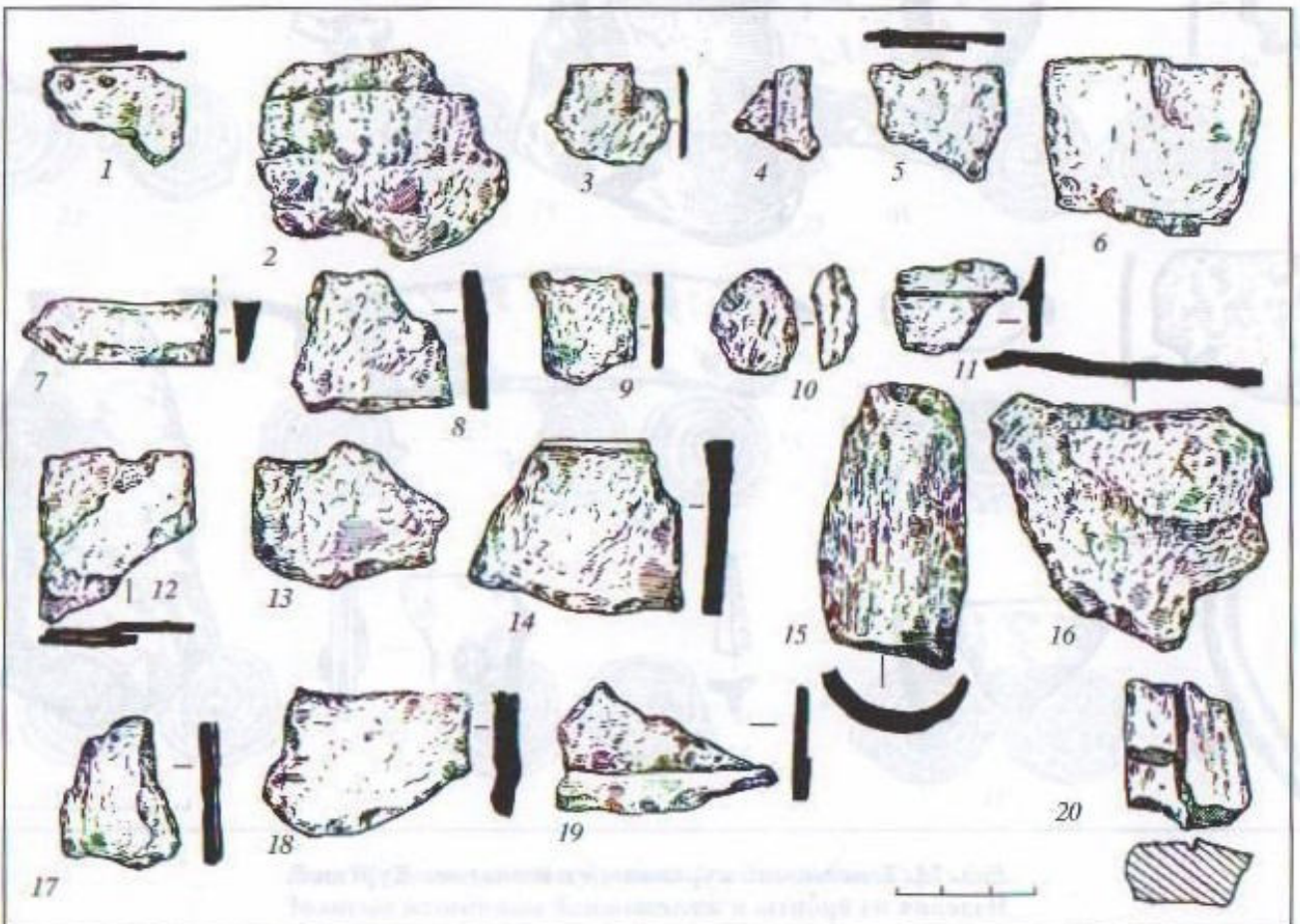

Рис. 75. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Изделия из железа

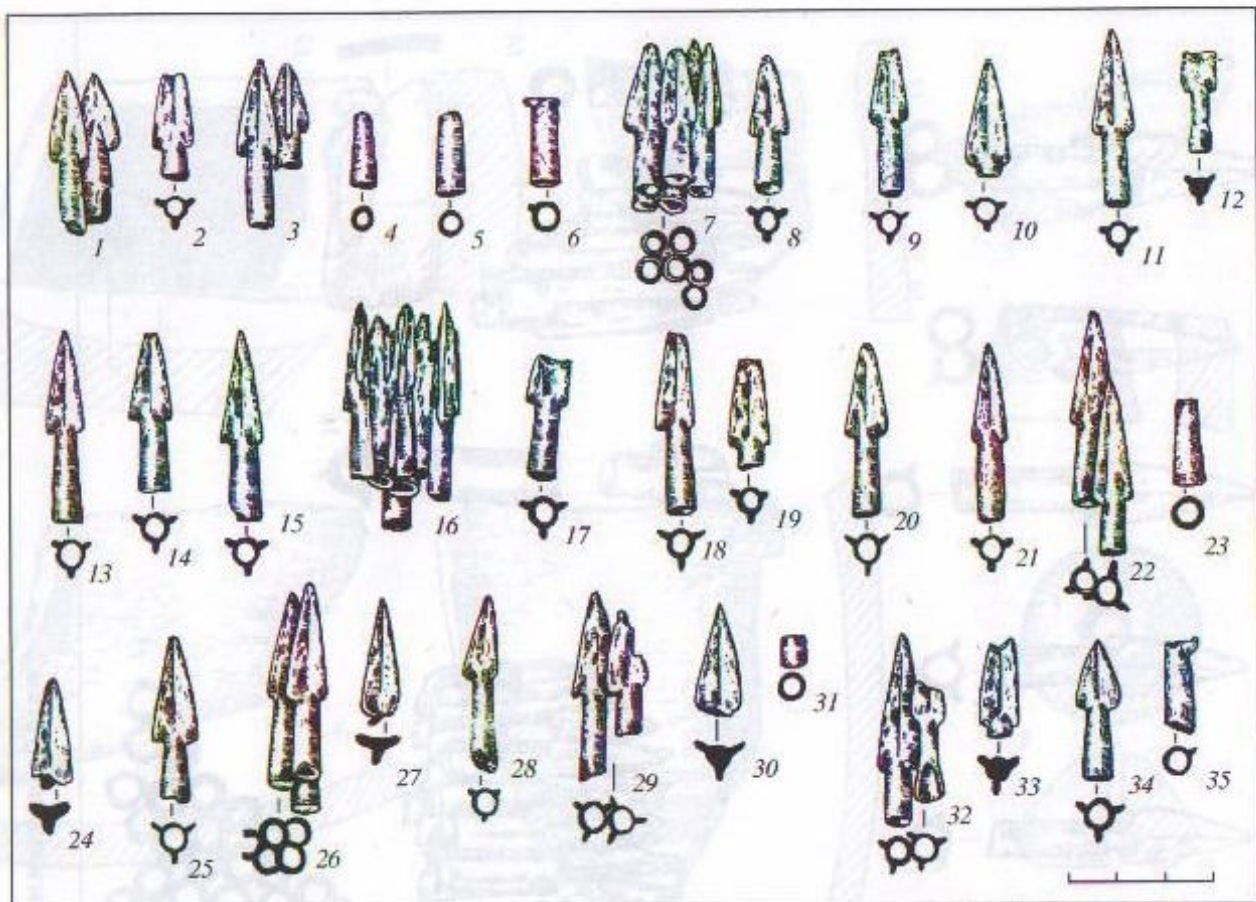

Рис. 76. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Железные наконечники стрел

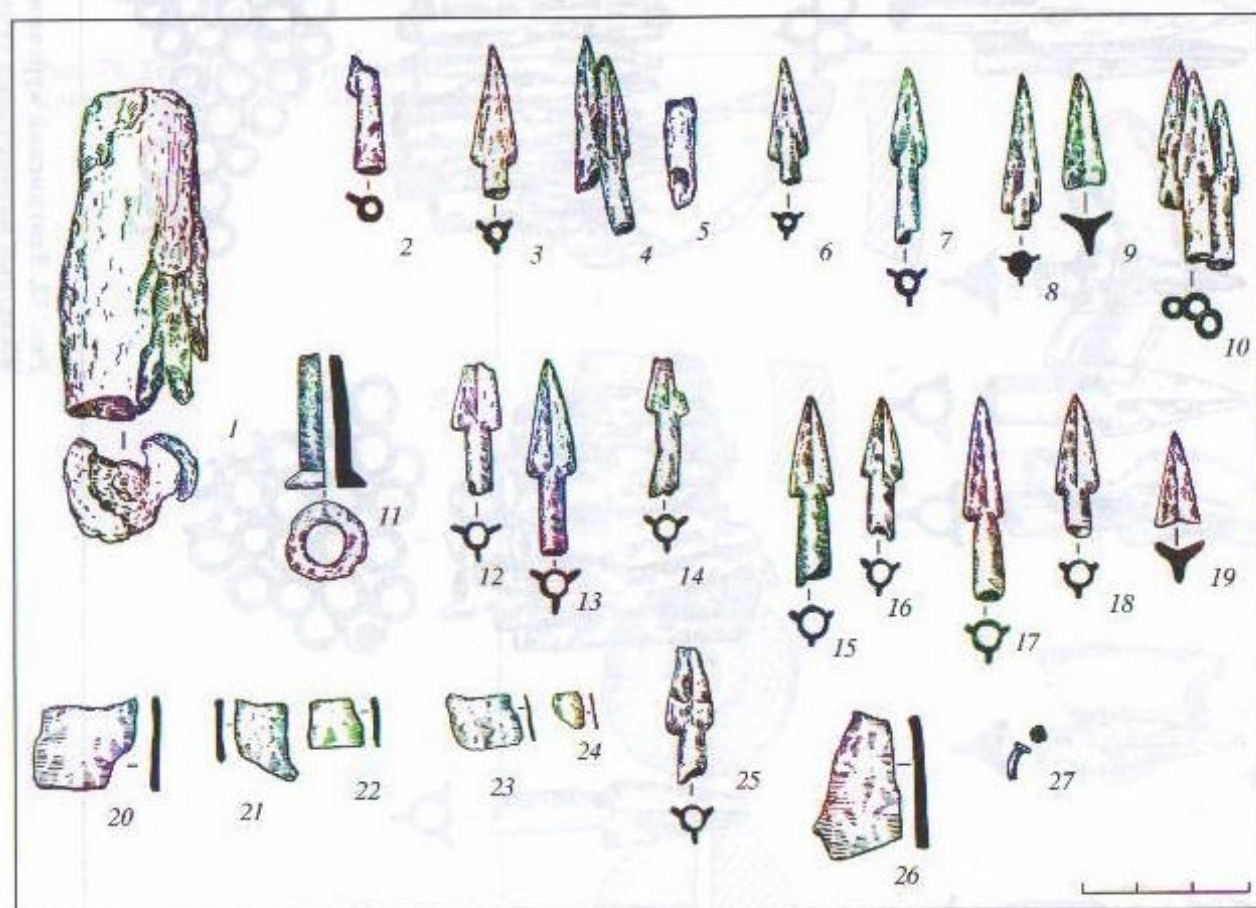

Рис. 77. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Изделия из железа и бронзы
1-10, 12-19, 25 - железо; 11, 20-24, 26, 27 - бронза

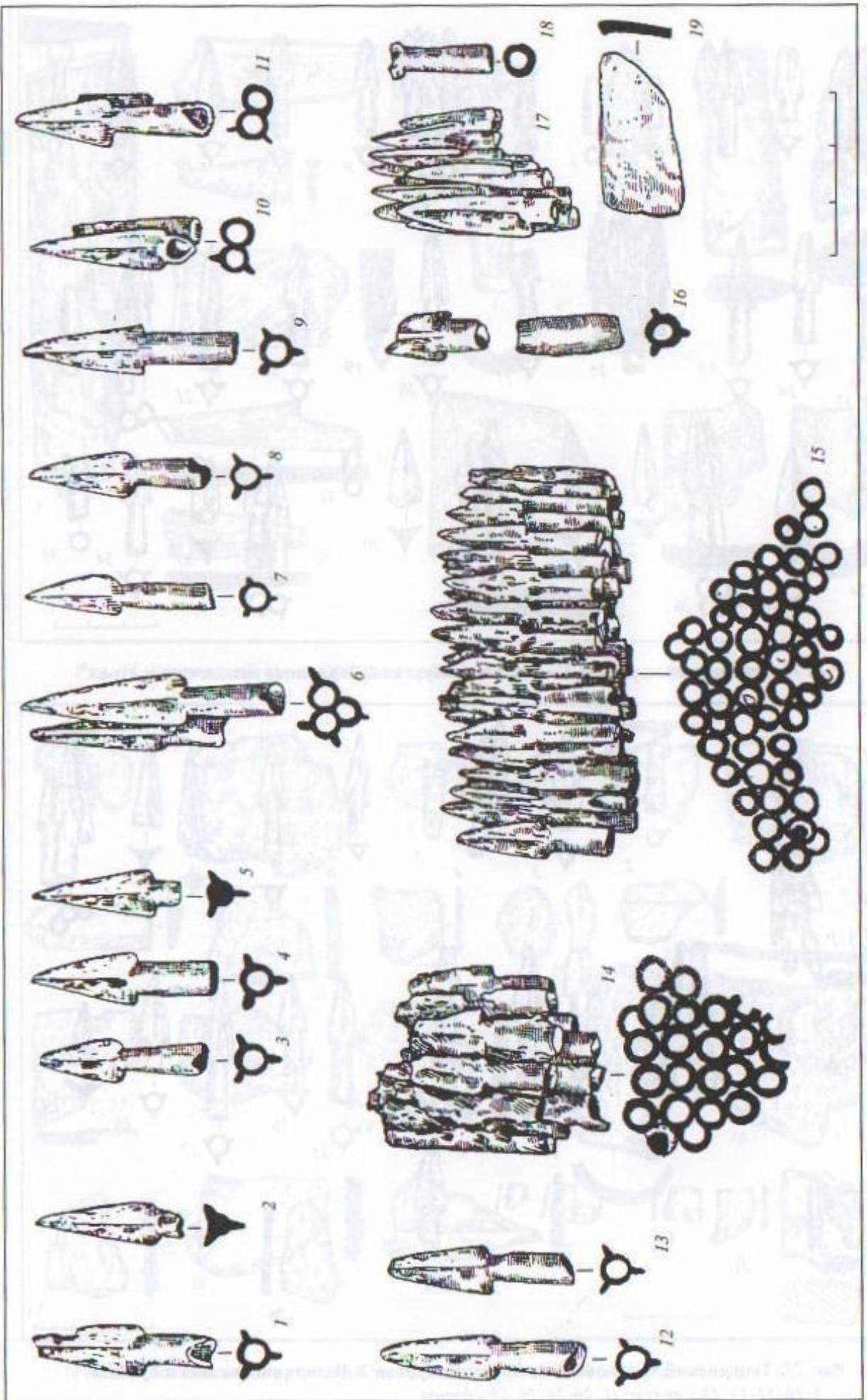

Рис. 78. Теги́нский курганный могильник. Курган 2.
Железные наконечники стрел

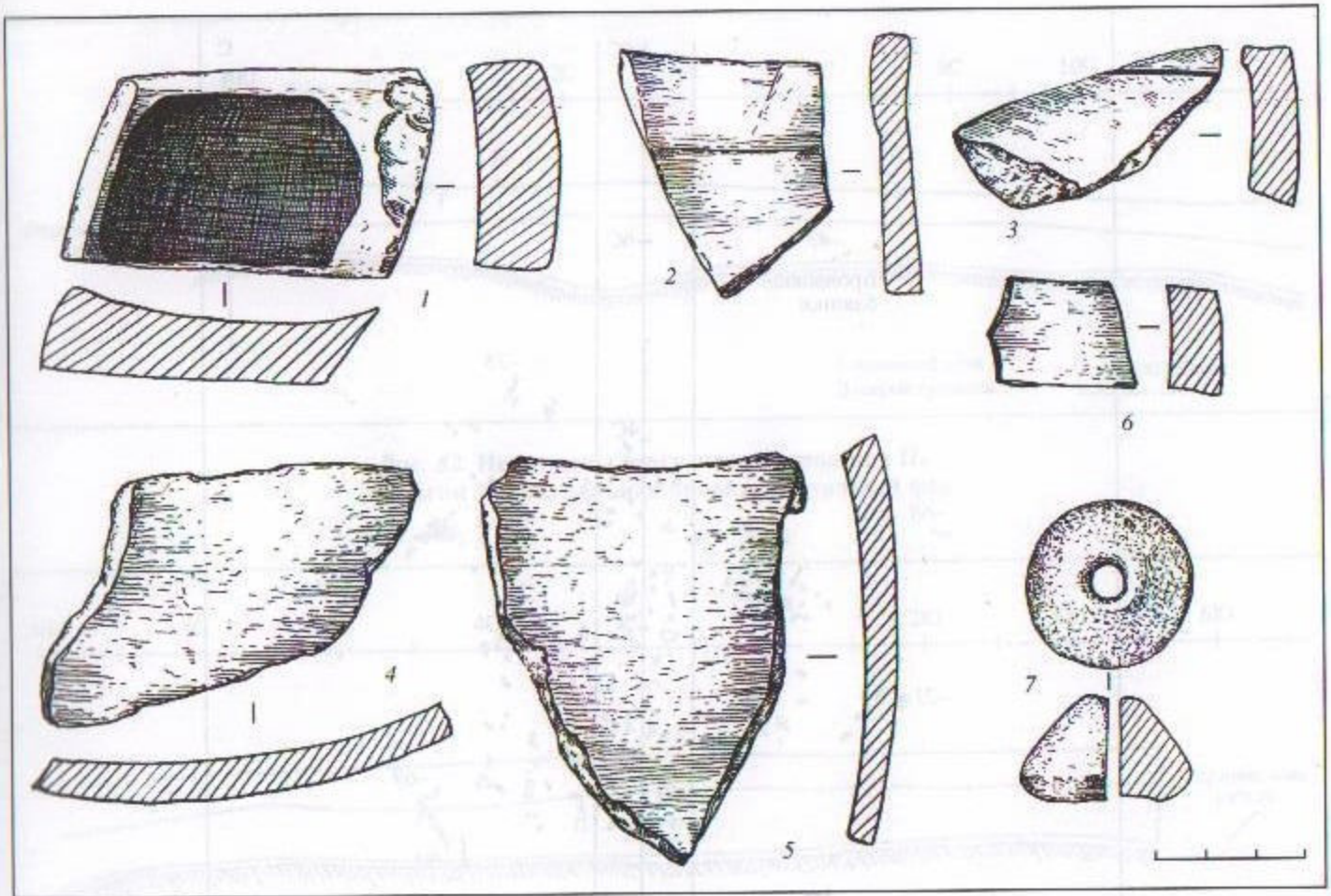

Рис. 79. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Керамика

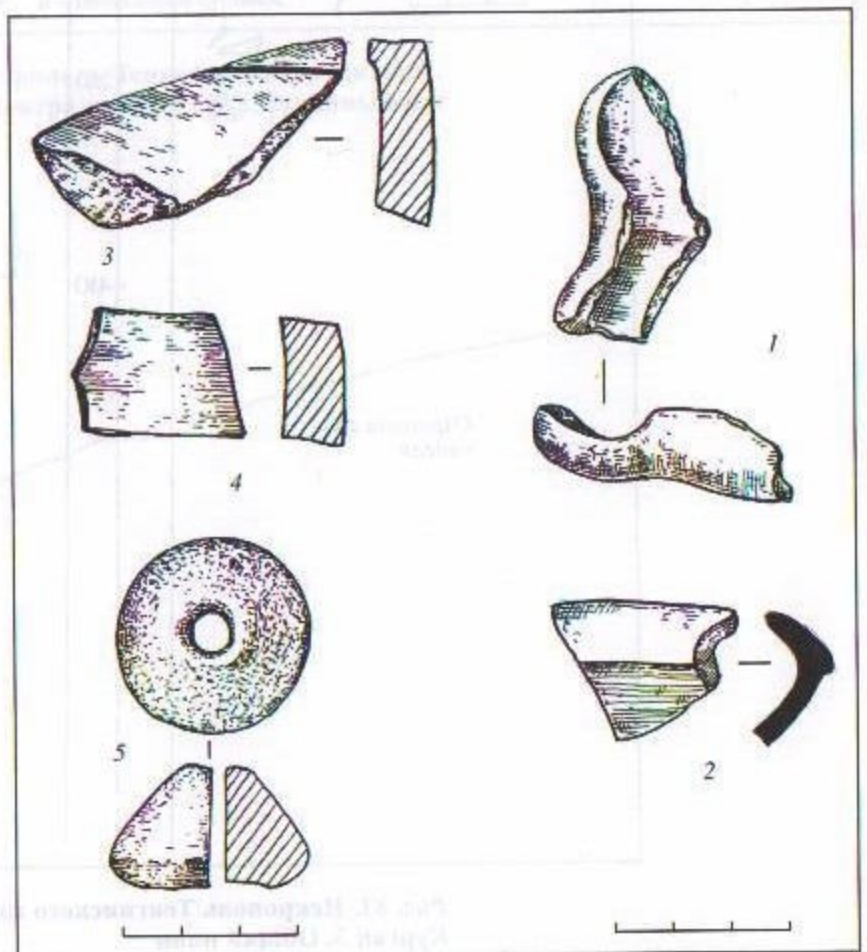

Рис. 80. Тенгинский курганный могильник. Курган 2. Керамика

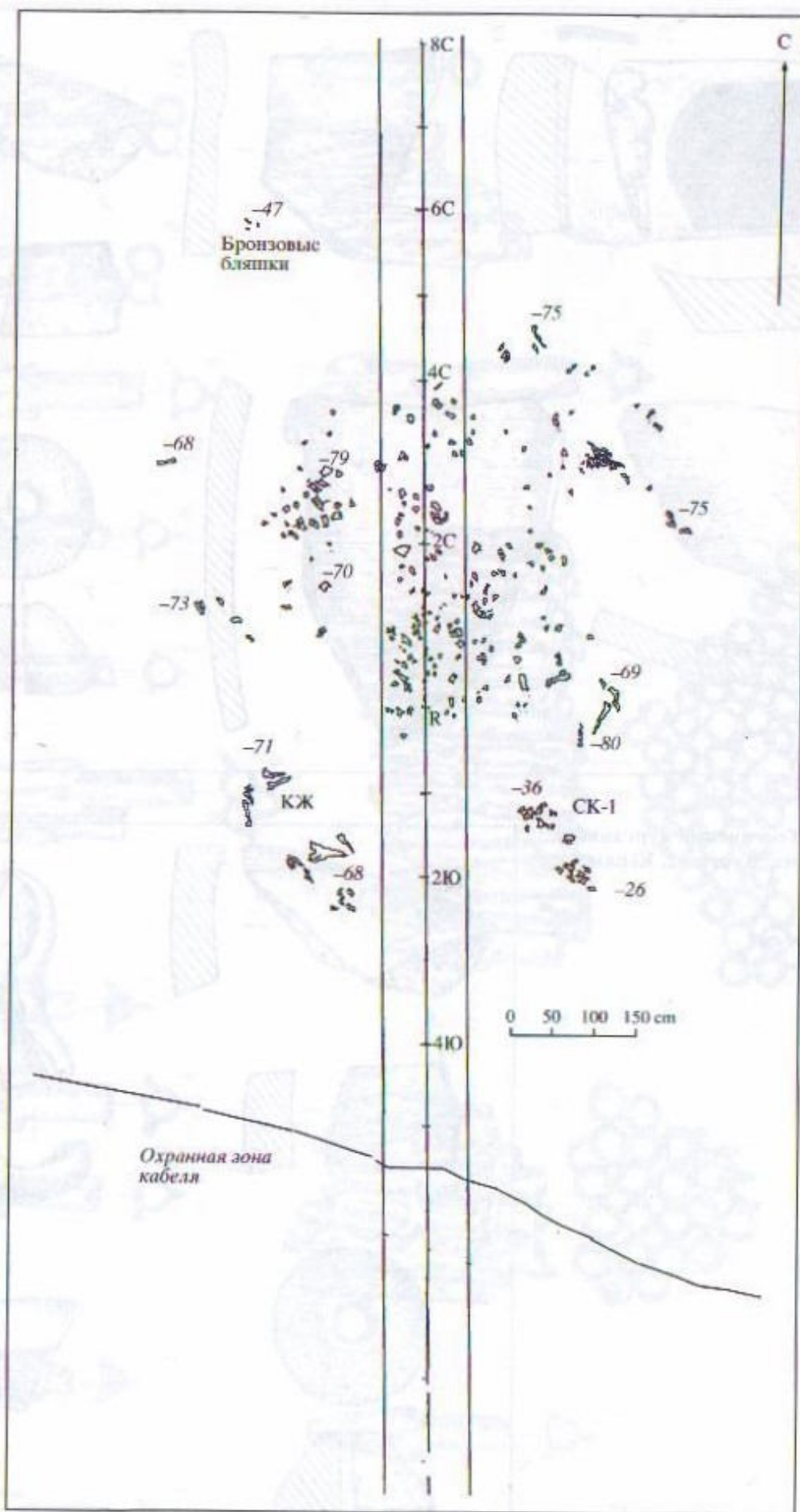
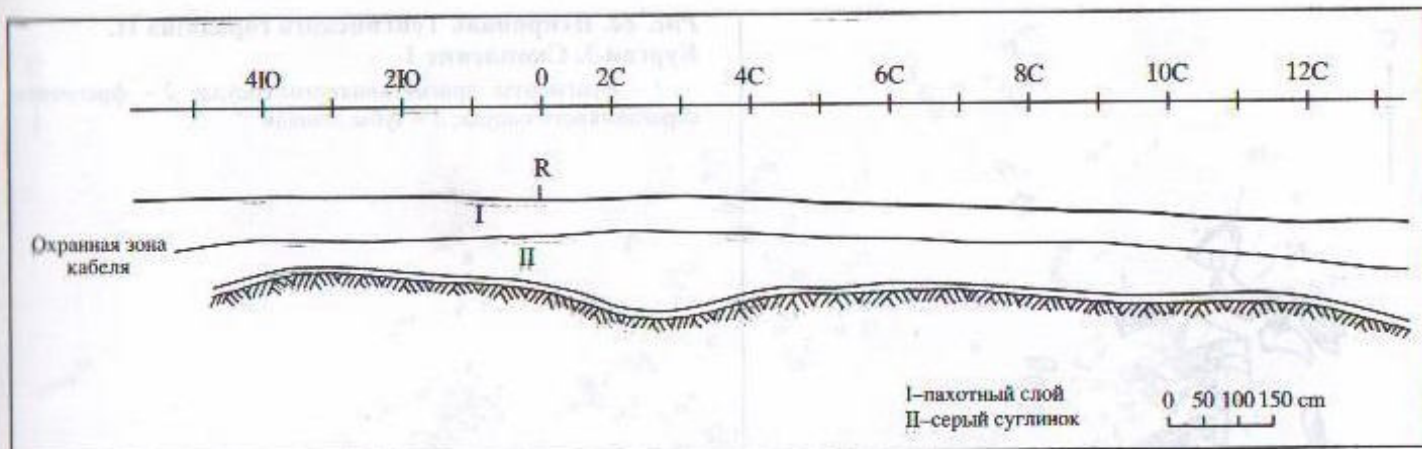
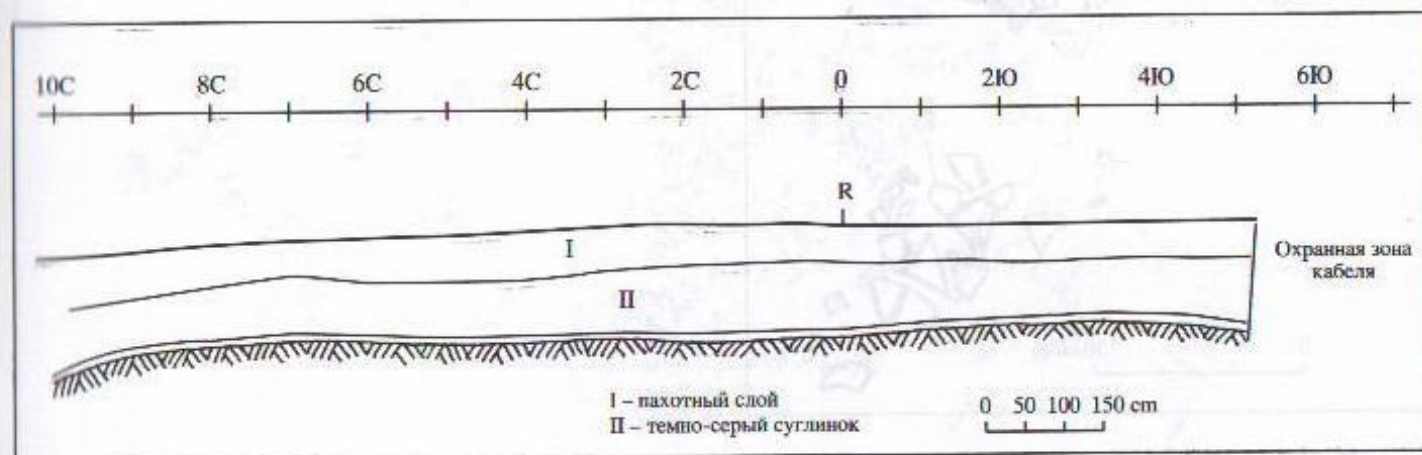

Рис. 81. Некрополь Тенгинского городища II.
Курган 3. Общий план

**Рис. 82. Некрополь Тенгинского городища II.
Курган 3. Центральная бровка. Восточный фас**

**Рис. 83. Некрополь Тенгинского городища II.
Курган 3. Центральная бровка. Западный фас**

*Рис. 82. Некрополь Тенгинского городища II.
Курган 3. Центральная бровка. Восточный фас*

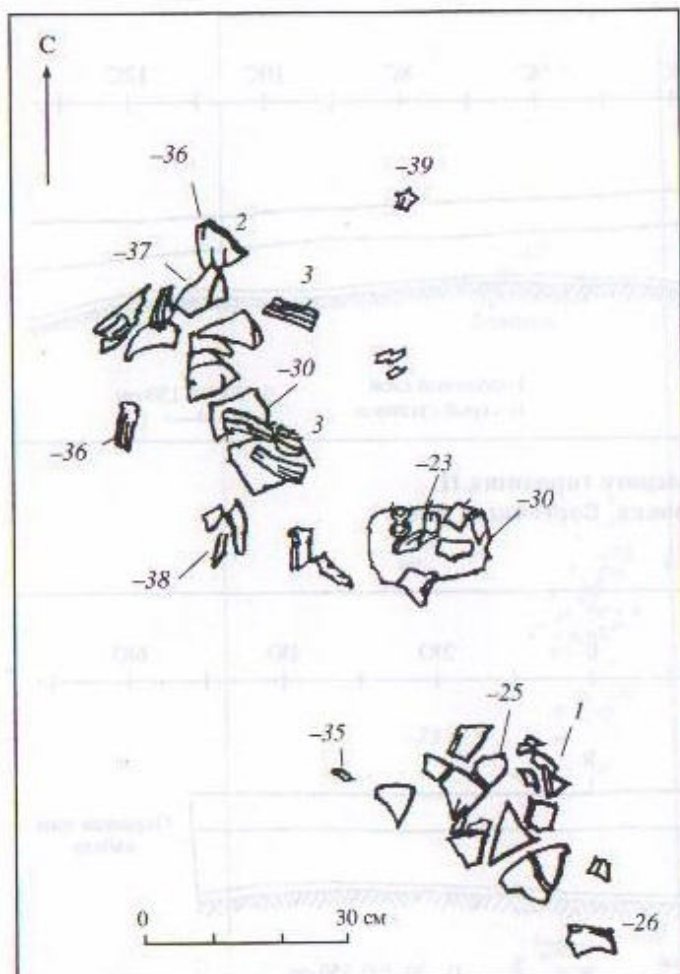

Рис. 84. Некрополь Тенгинского городища II. Курган 3. Скопление 1

1 – фрагменты красноглиняного сосуда; 2 – фрагменты сероглиняного сосуда; 3 – зубы лошади

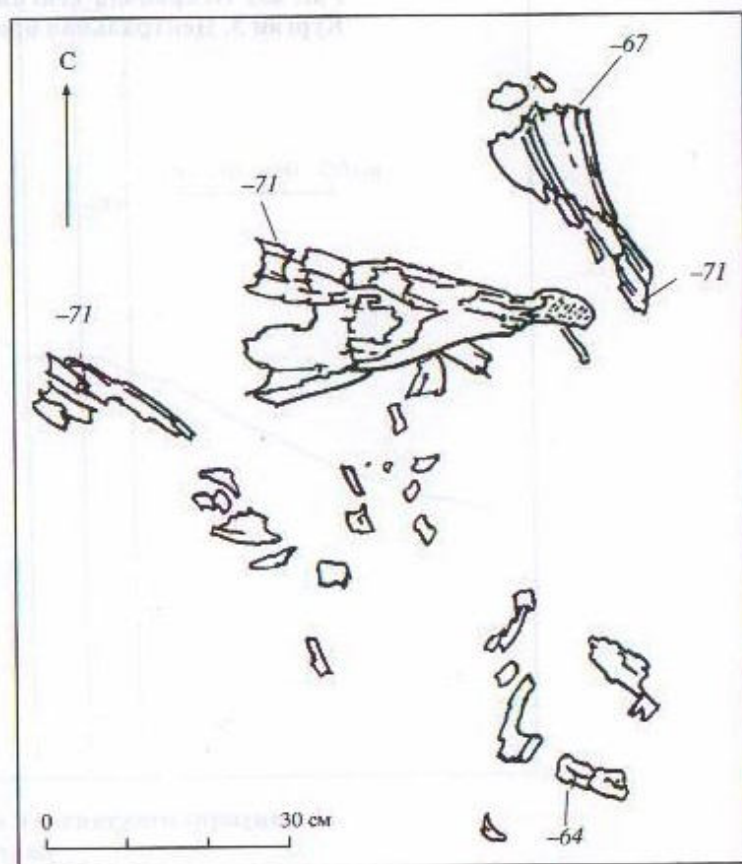

Рис. 85. Некрополь Тенгинского городища II. Курган 3. Кости животных 2

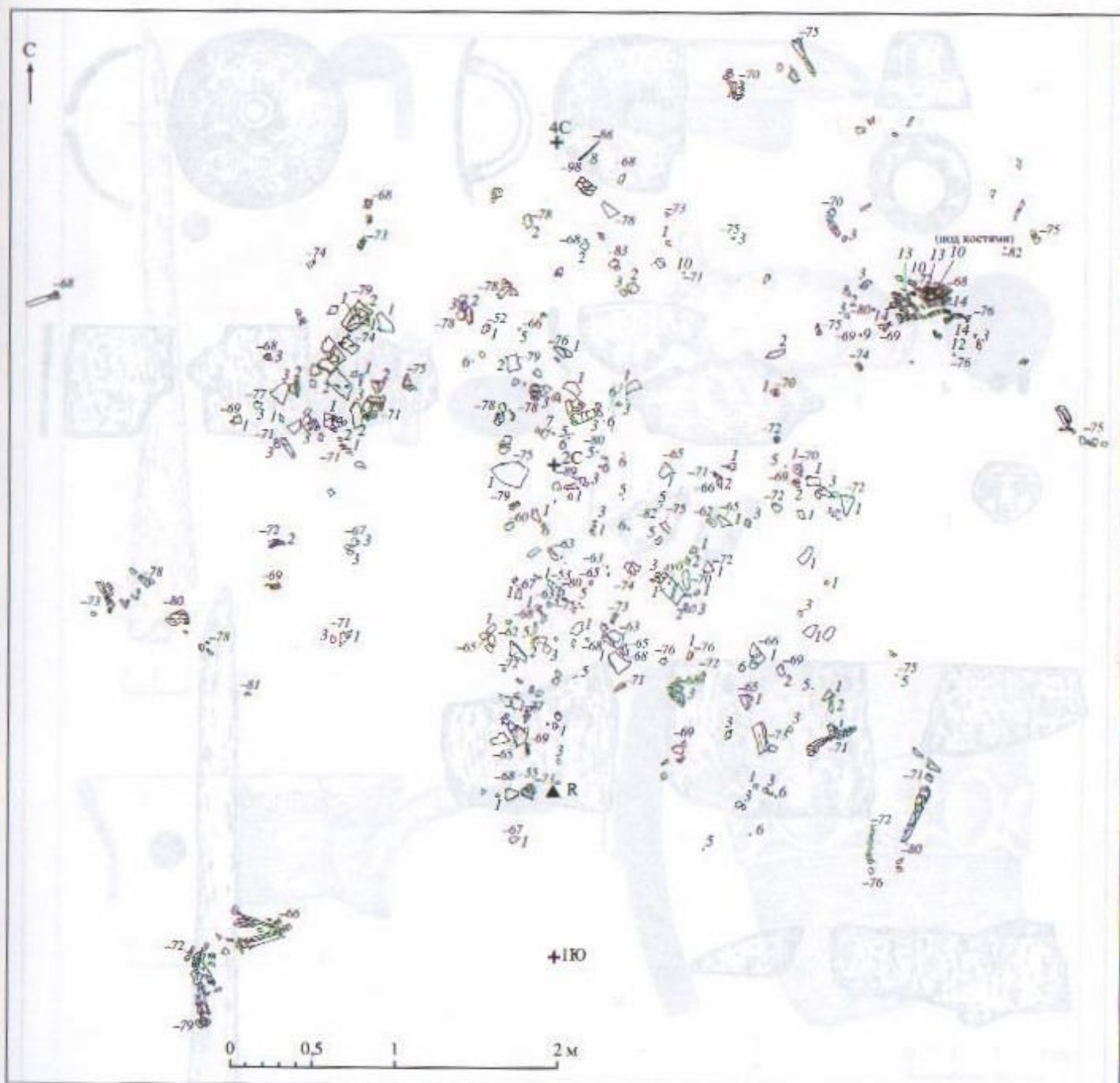

Рис. 86. Некрополь Тенгинского городища II. Курган 3. Ритуальный комплекс

1 – фрагменты красноглиняной керамики; 2 – фрагменты сероглиняной керамики; 4 – фрагменты желтоглиняной керамики; 5 – фрагменты бронзовых пластин; 6 – фрагменты железного предмета; 7 – бляшка золотая; 8 – предмет железный; 9 – наносник бронзовый; 10 – бляшки бронзовые; 11 – пронизка бронзовая; 12 – ворворка; 13 – фрагменты псалиев; 14 – удила железные

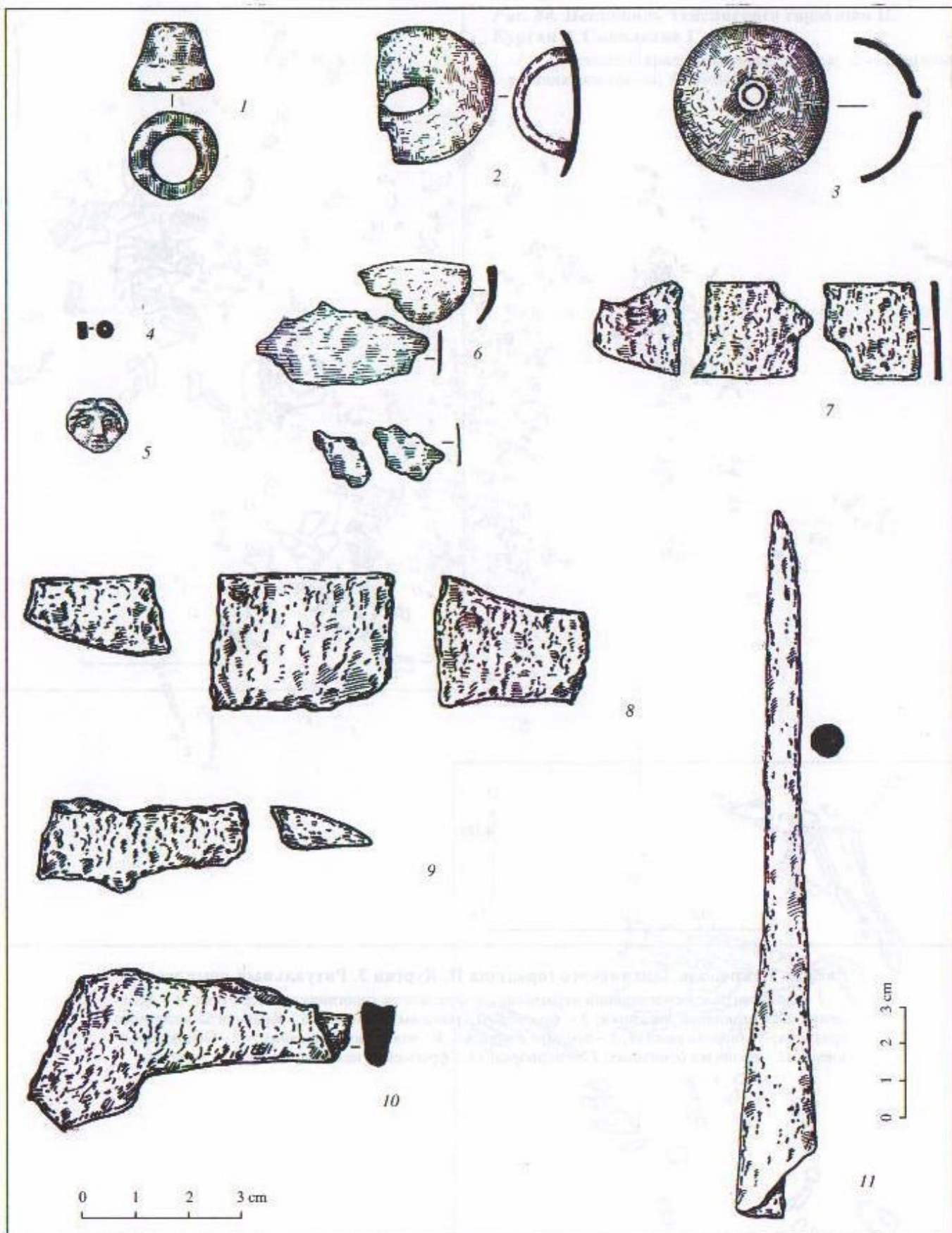
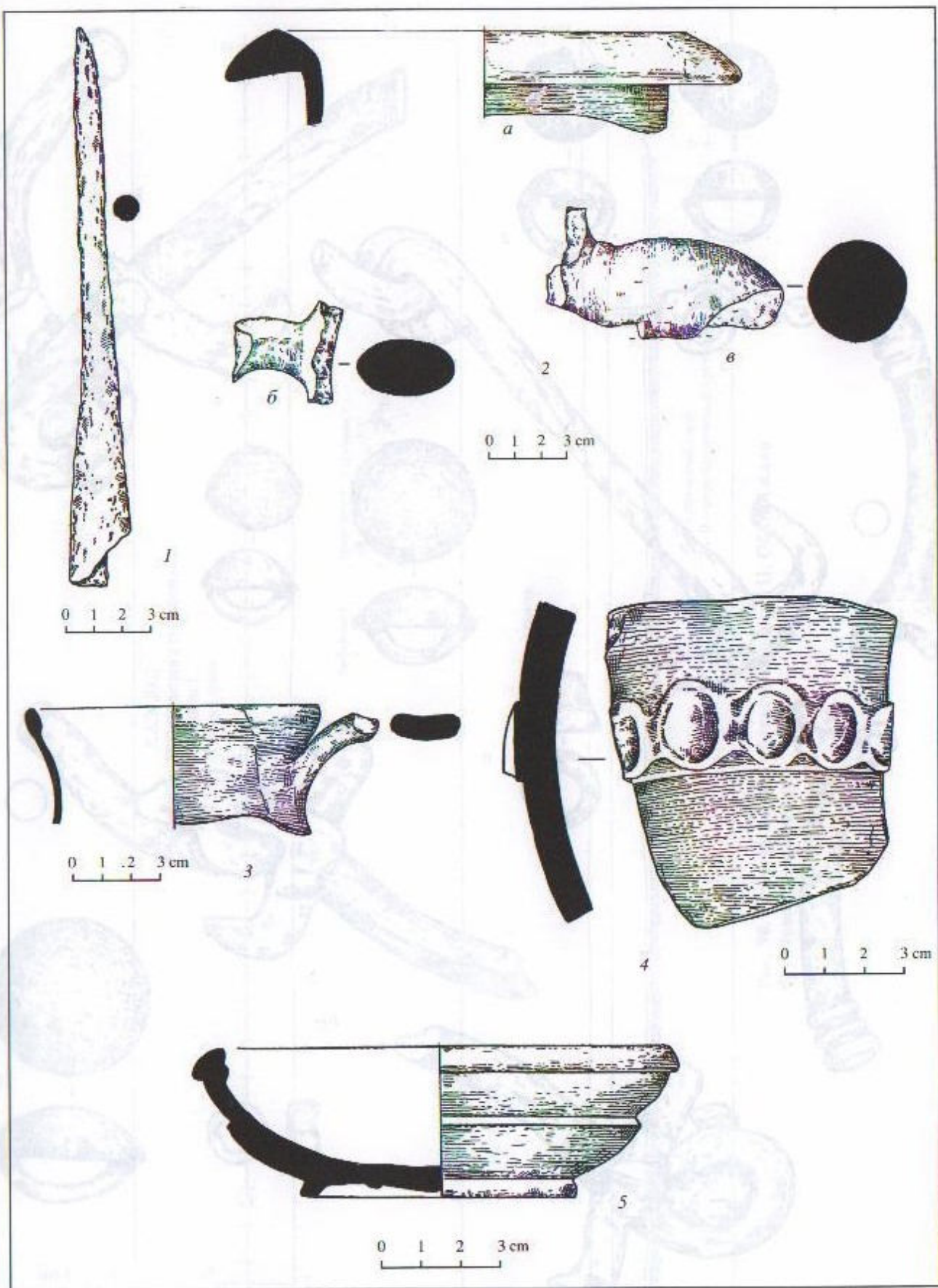

Рис. 87. Некрополь Тенгинского городища II. Курган 3

1-4 – находки из насыпи; 5-11 – находки из ритуального комплекса. 1-3, 6 – бронза; 4 – стекло, 5 – золото, 7-11 – железо

**Рис. 88. Некрополь Тенгинского городища II. Курган 3.
Находки из ритуального комплекса**

1 – железо; *2–5* – керамика

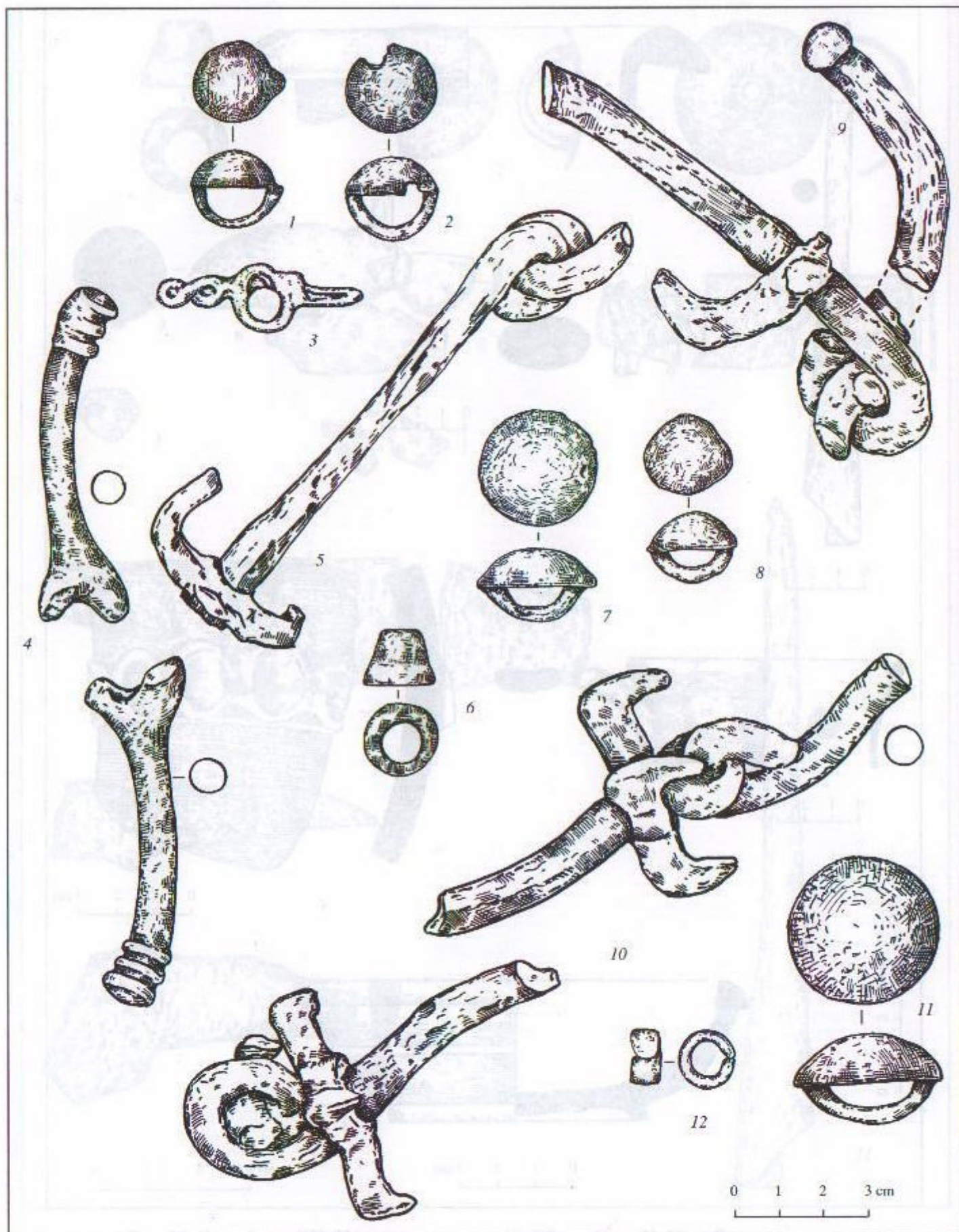
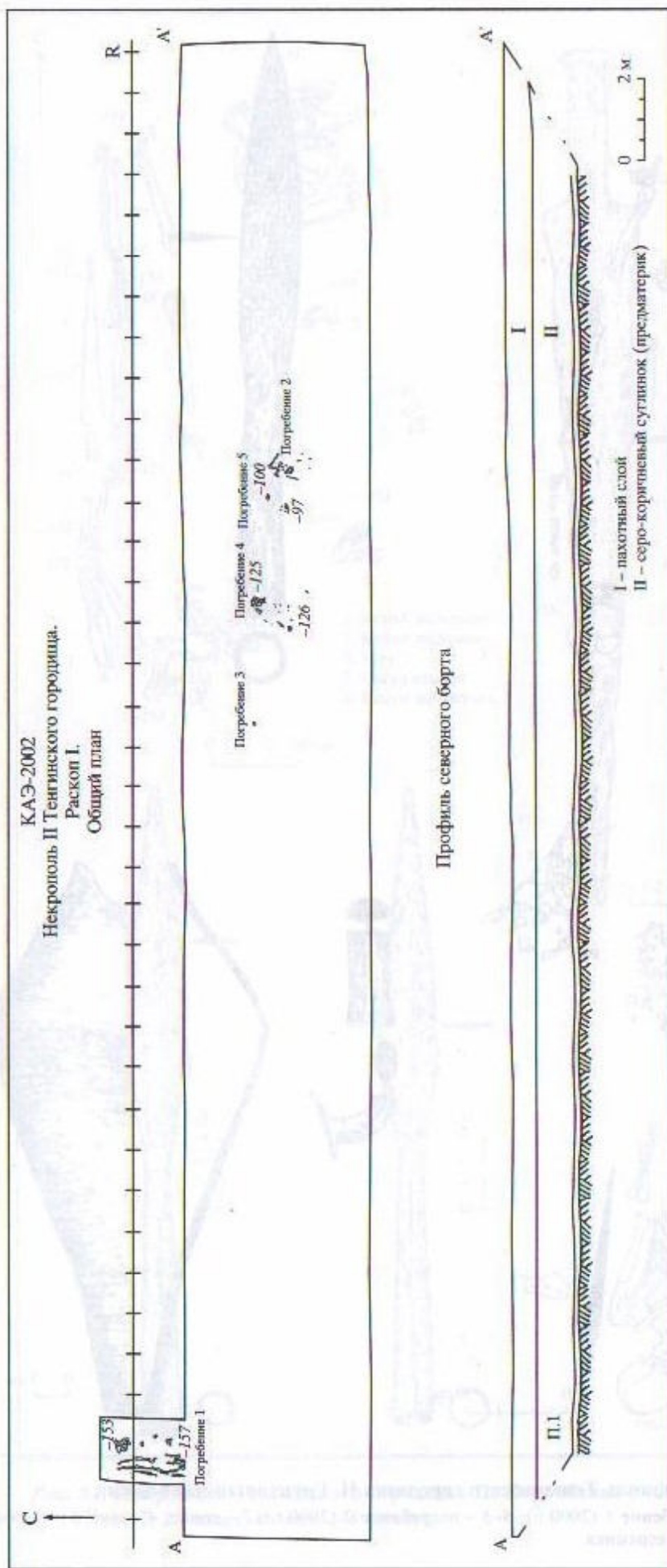

Рис. 89. Некрополь Теингинского городища II. Курган 3.
 Уздечные принадлежности из ритуального комплекса
 1-3, 6-8, 11, 12 - бронза; 4, 9 - железо и бронза; 5, 10 - железо

**Рис. 90. Некрополь Тенгинского городища II. Общий план
грунтового могильника**

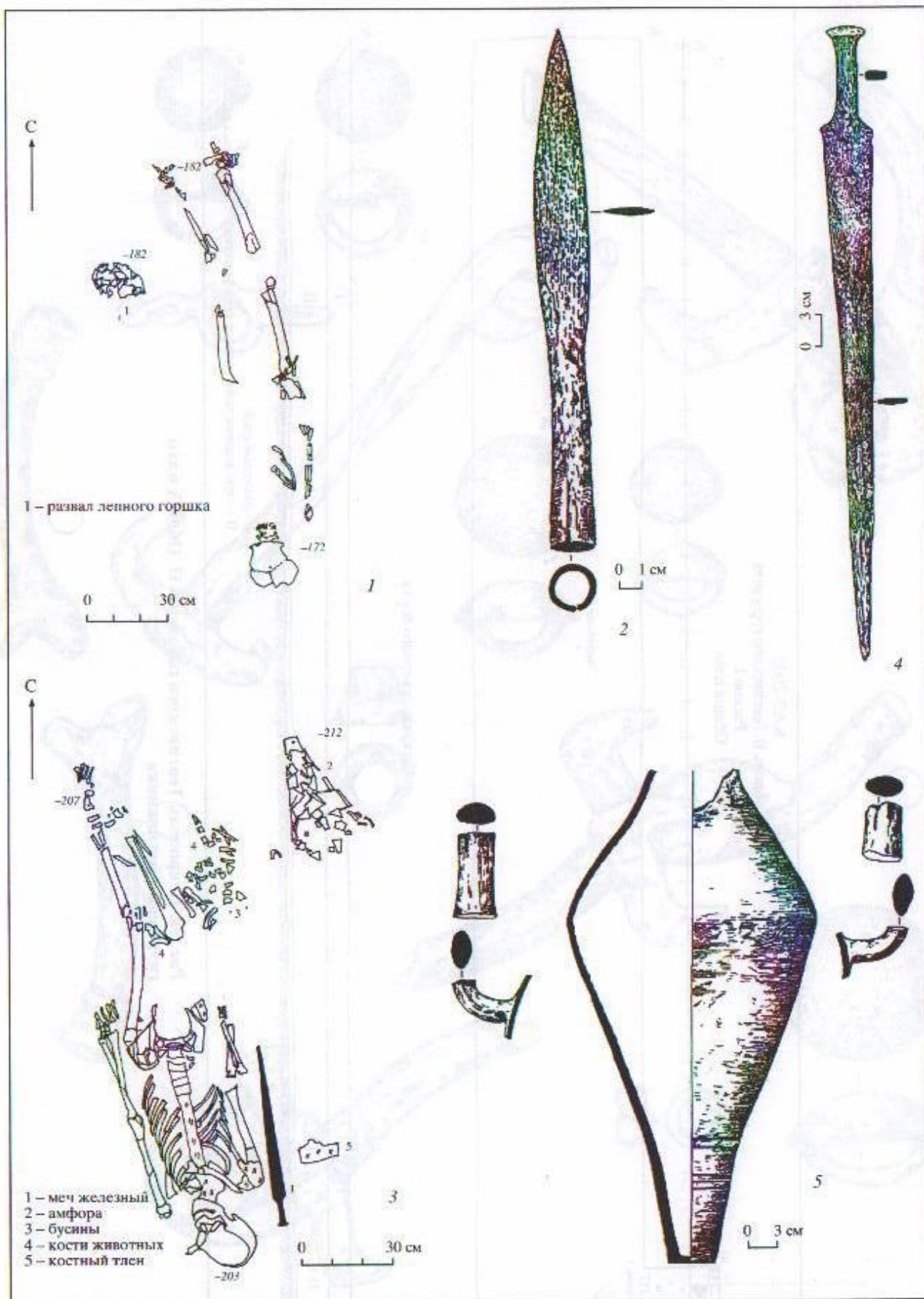

Рис. 91. Некрополь Тенгинского городища II. Грунтовый могильник

1–2 – погребение 1 (2000 г.); 3–5 – погребение 2 (2000 г.), 2 – конье; 4 – меч; 5 – амфора. 2, 4 – железо; 5 – керамика

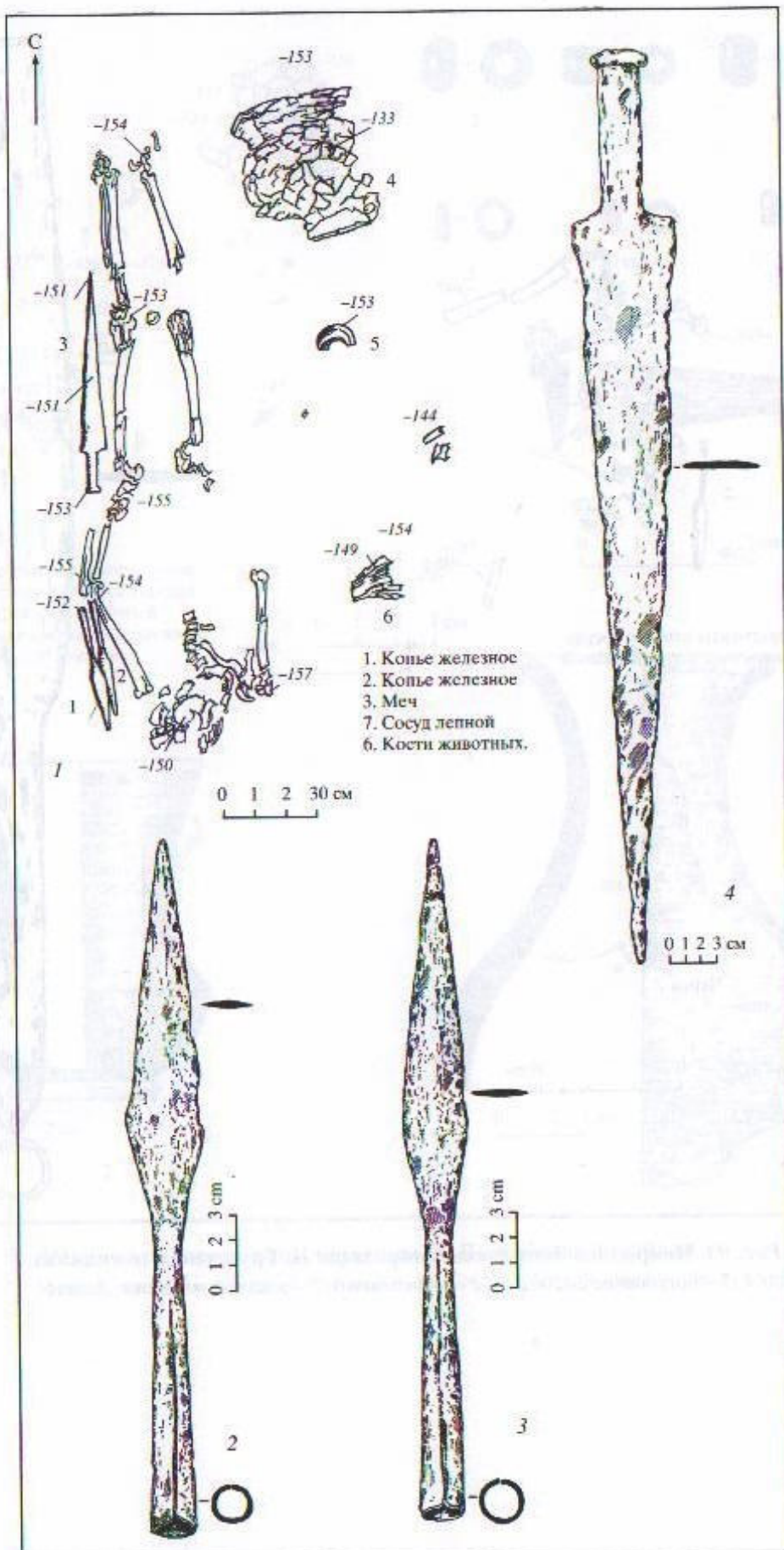

Рис. 92. Некрополь Тенгинского городища II. Погребение 1 (2002 г.)
1 – план; 2, 3 – копья; 4 – меч; 2-4 – железо

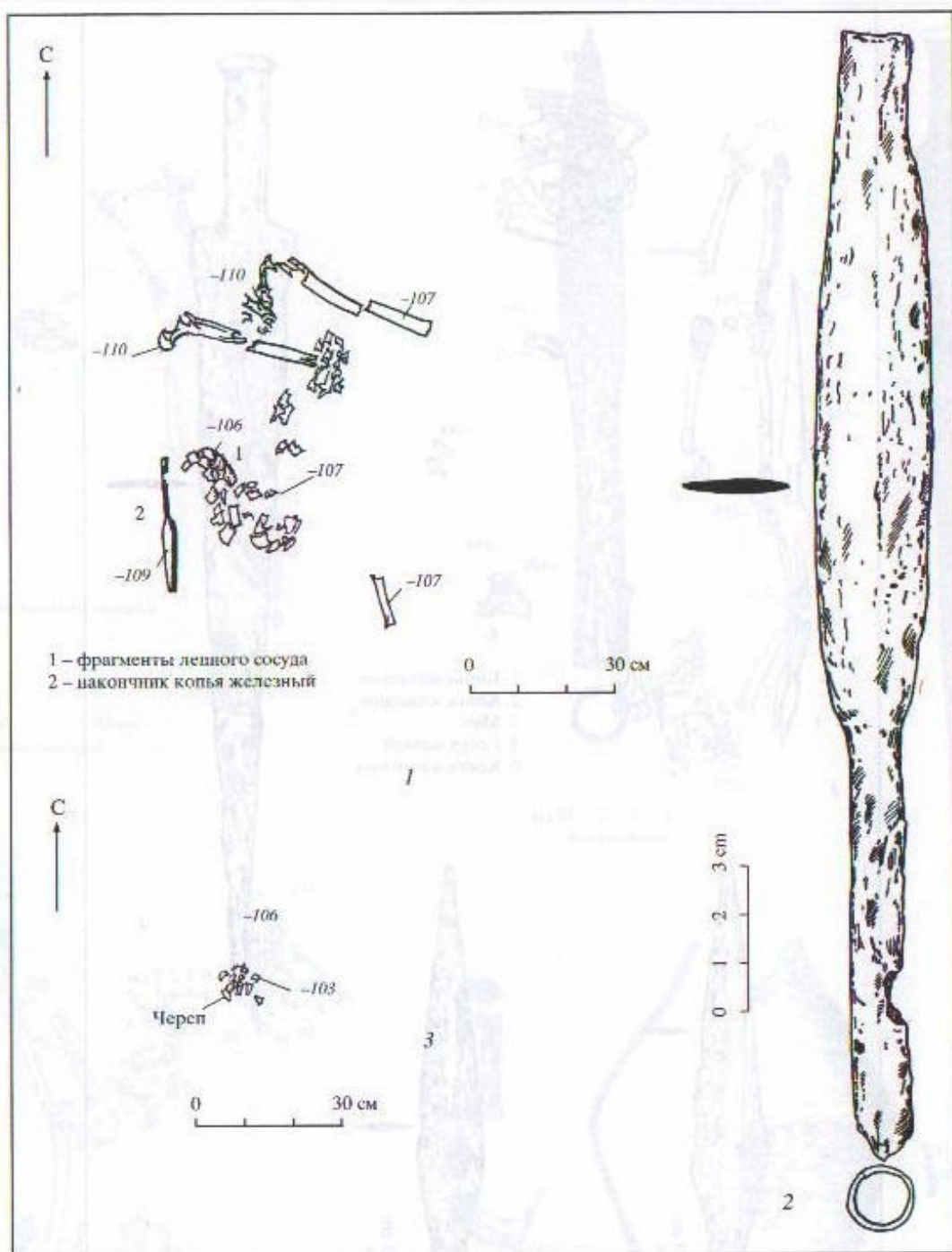

Рис. 93. Некрополь Тенгинского городища II. Грунтовый могильник
 1, 2 – погребение 2 (2002 г.); 3 – погребение 3. 2 – наконечник копья, железо

Рис. 94. Некрополь Тенгинского городища II. Погребение 4 (2002 г.)

2–7 – бусы; 8 – нож; 9 – кубок; 10 – лепной сосуд. 2–7 – стекло; 8 – железо; 9, 10 – керамика

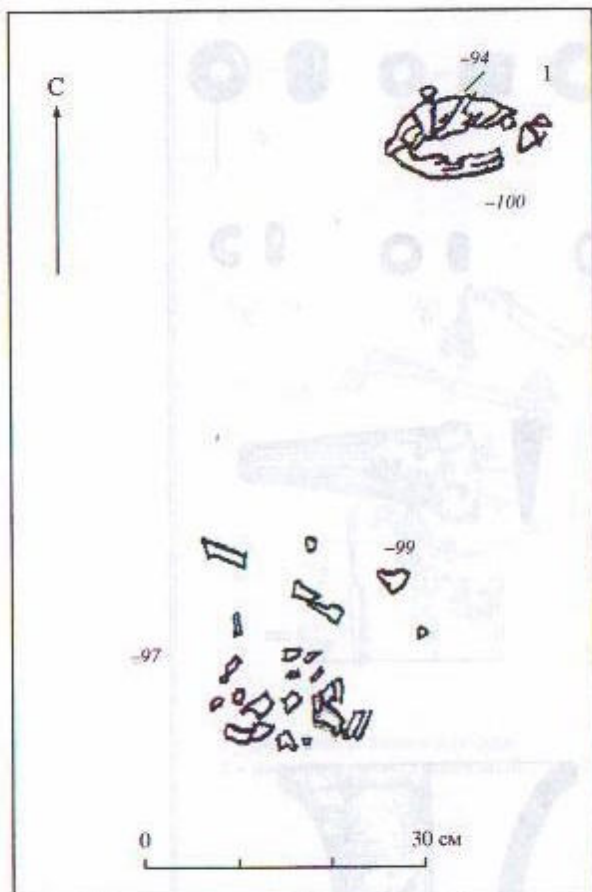
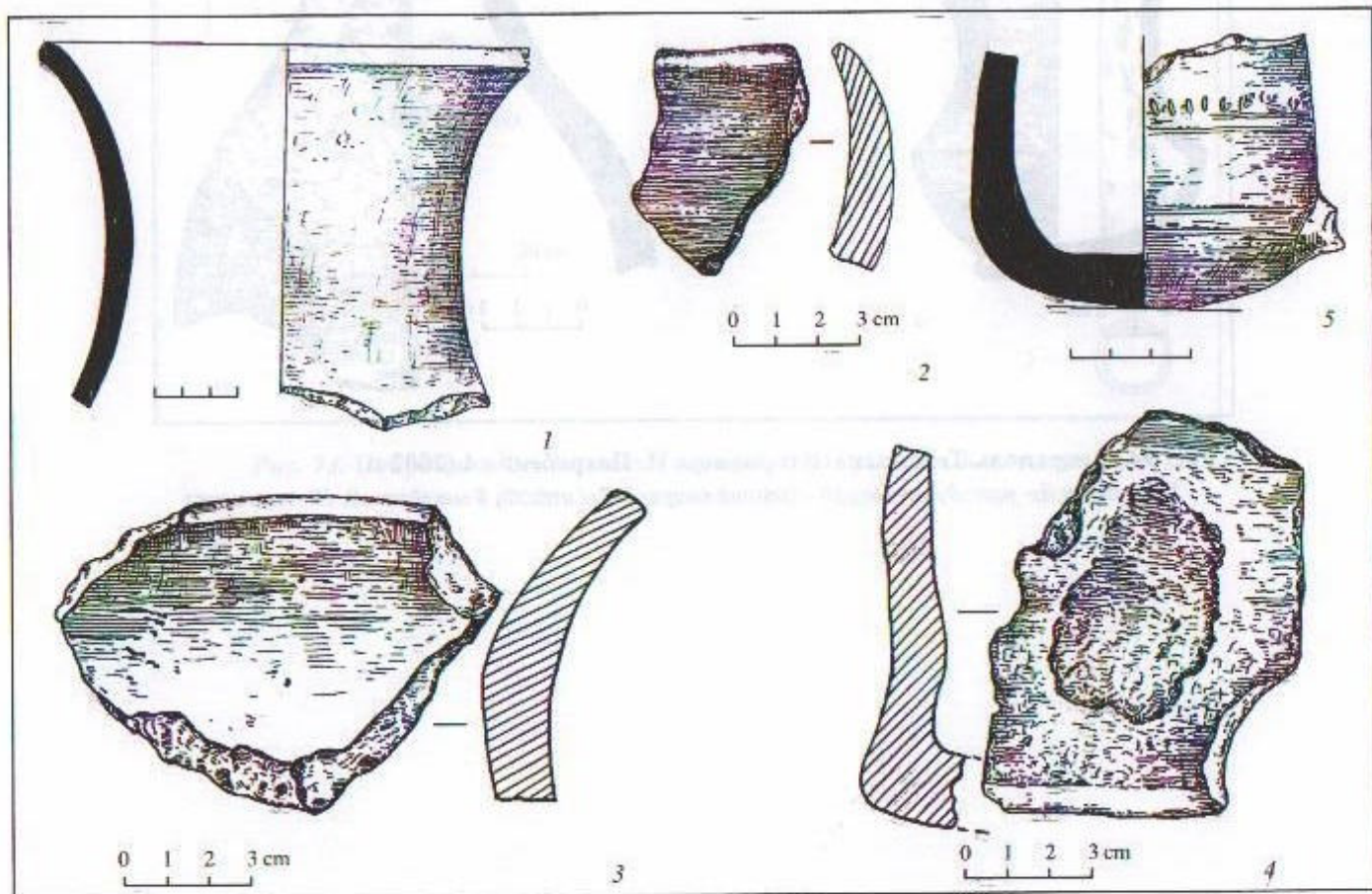

Рис. 95. Некрополь Тенгинского городища II.
Погребение 5 (2002 г.)

1 – Развал сосуда

Рис. 96. Тенгинские святилища. Лепная керамика

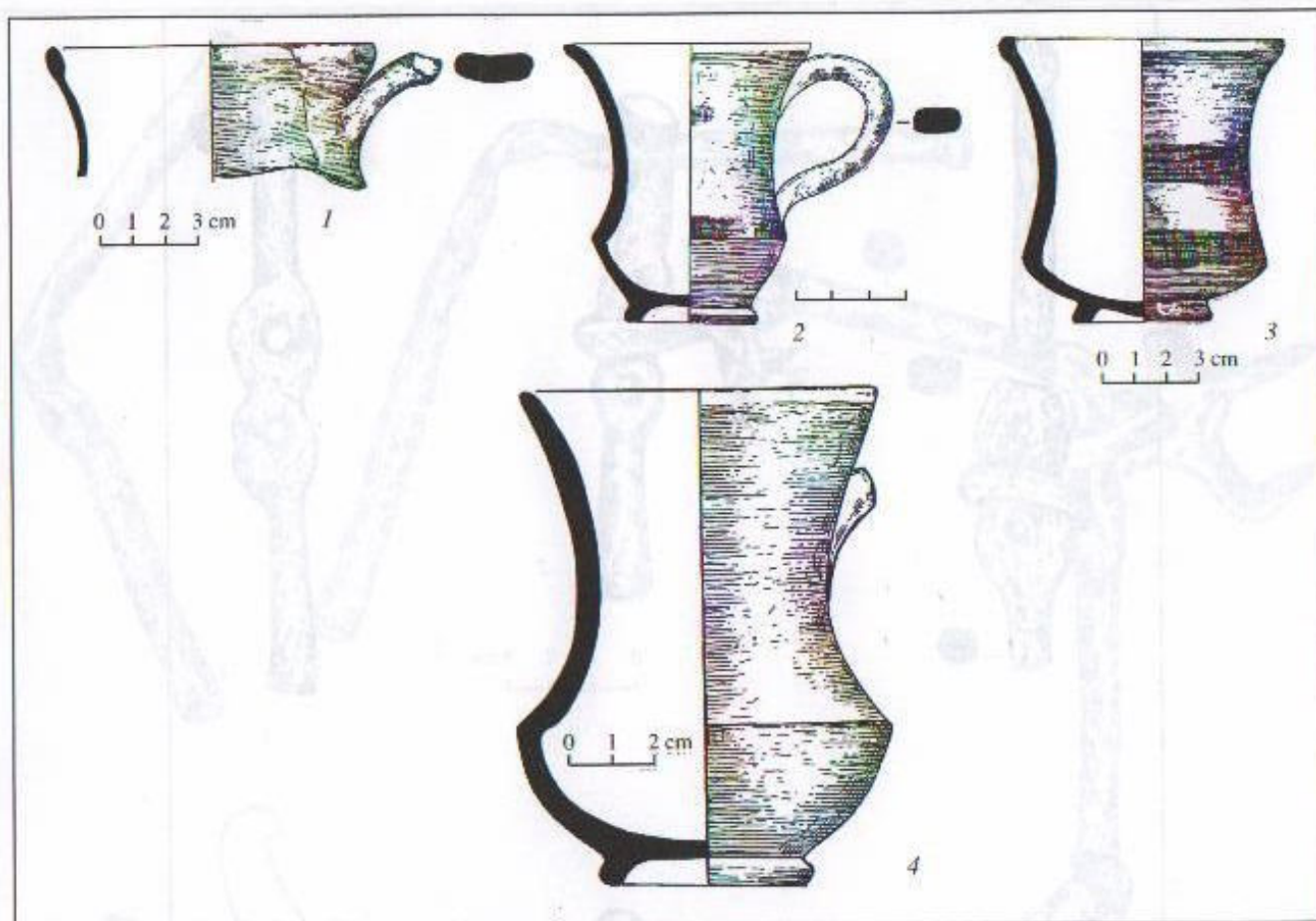

Рис. 97. Гончарные кубки

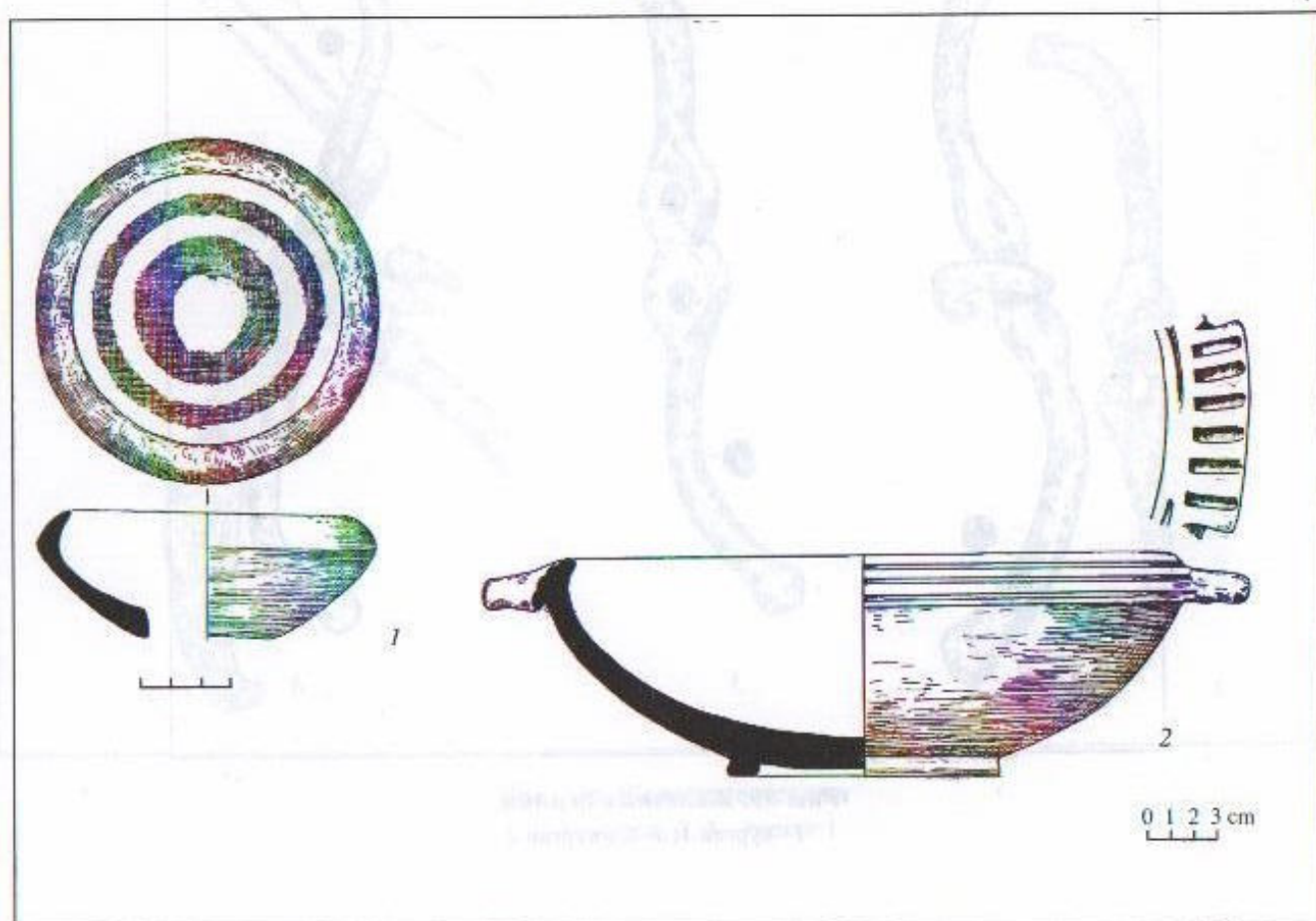

Рис. 98. Красноглиняная гончарная керамика

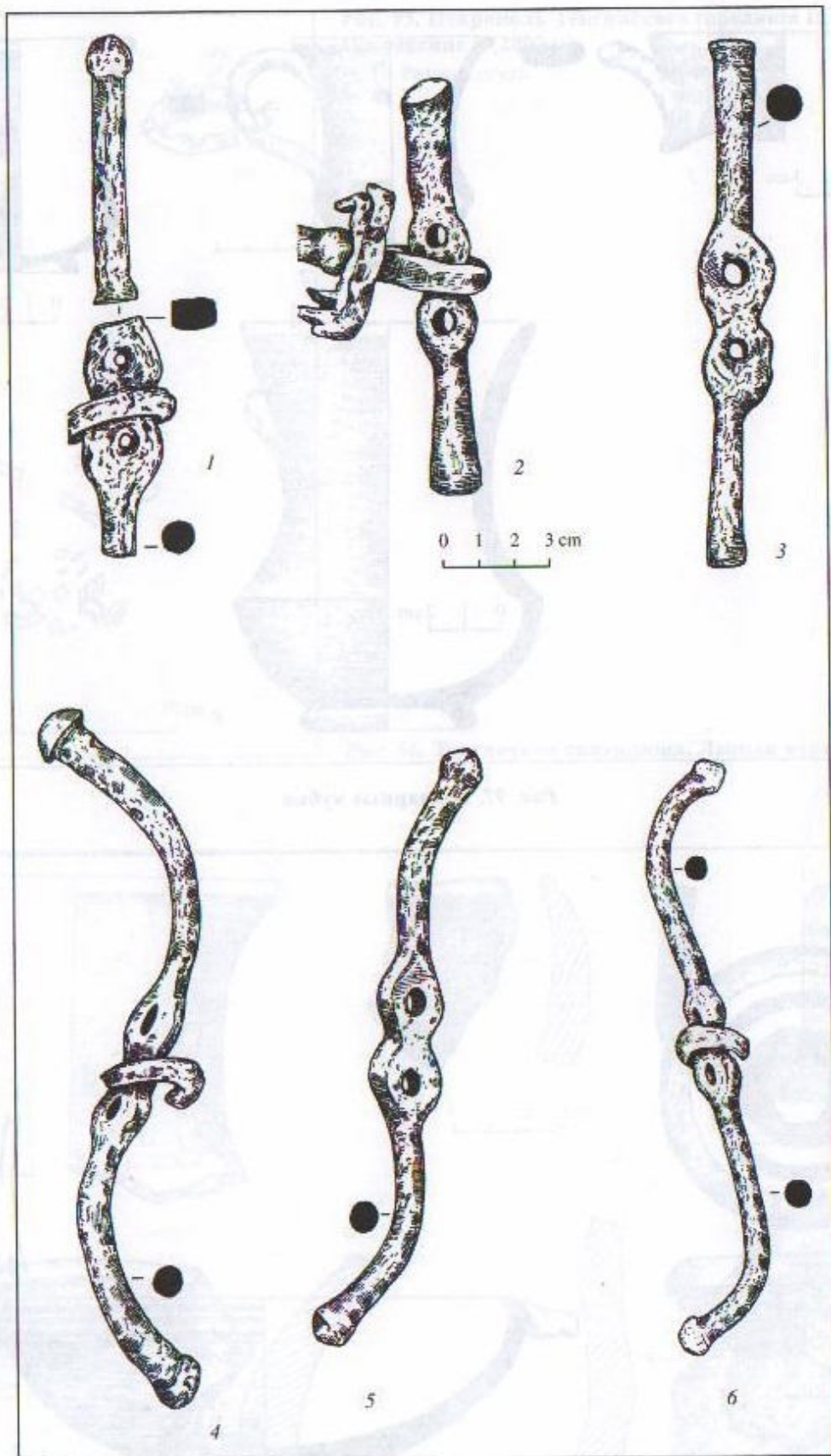

Рис. 99. Железные псалии
 1— курган 1; 2—6— курган 2

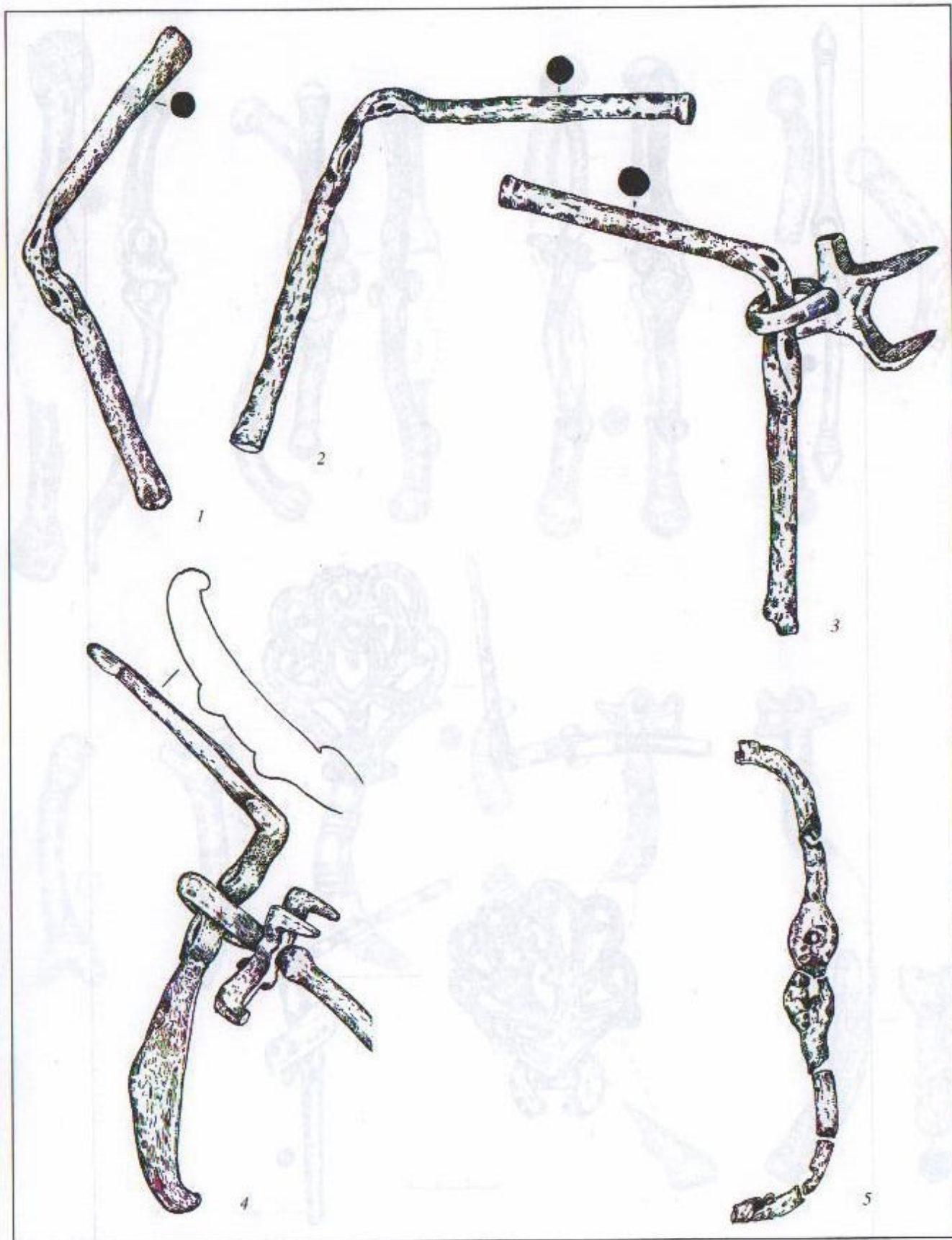

Рис. 100. Железные пса́ли

1-4 - курган 2; 5 - курган 1

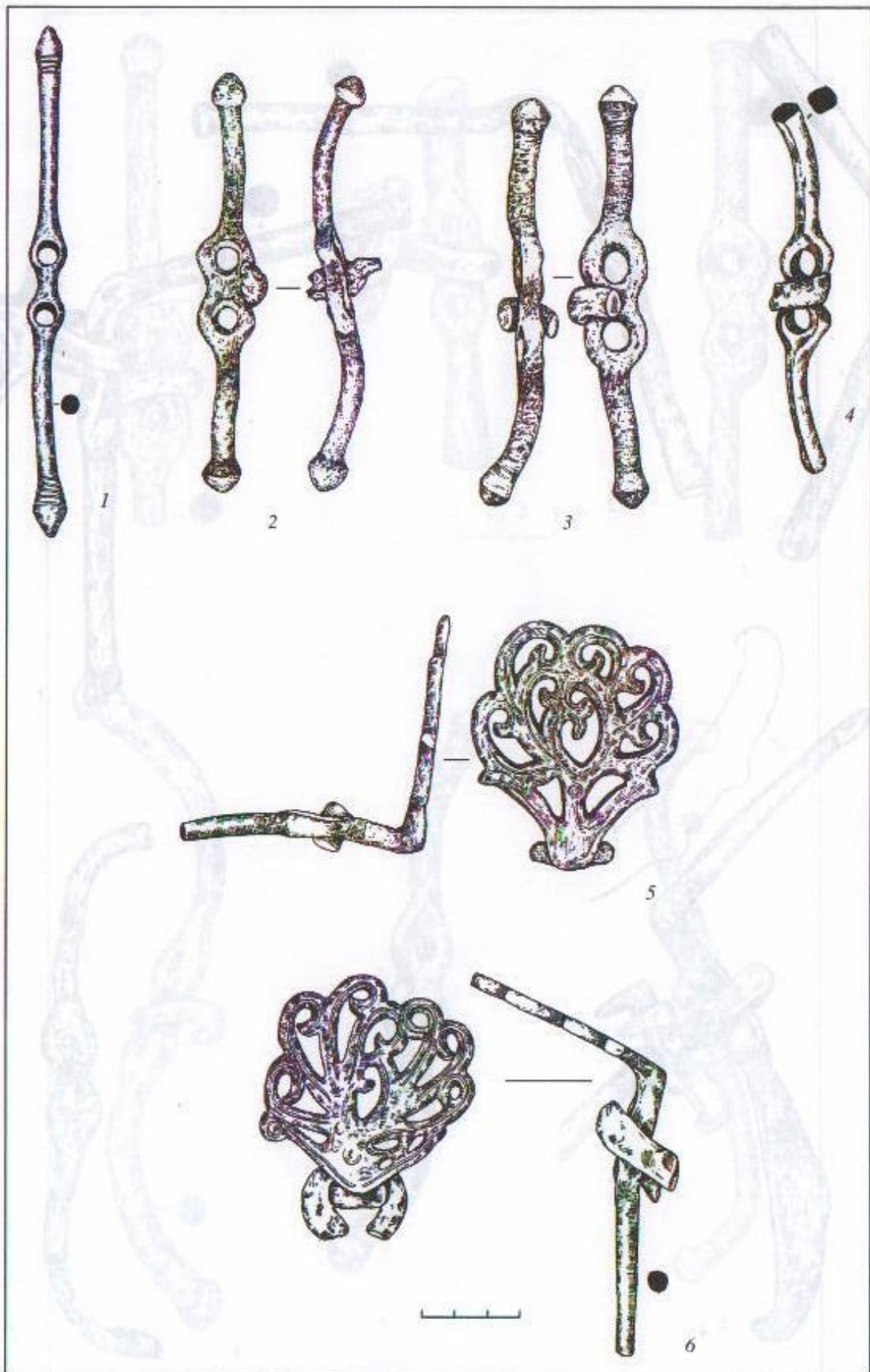

Рис. 101. Бронзовые псалли
 1, 4-6 - курган 2; 2, 3 - курган 1

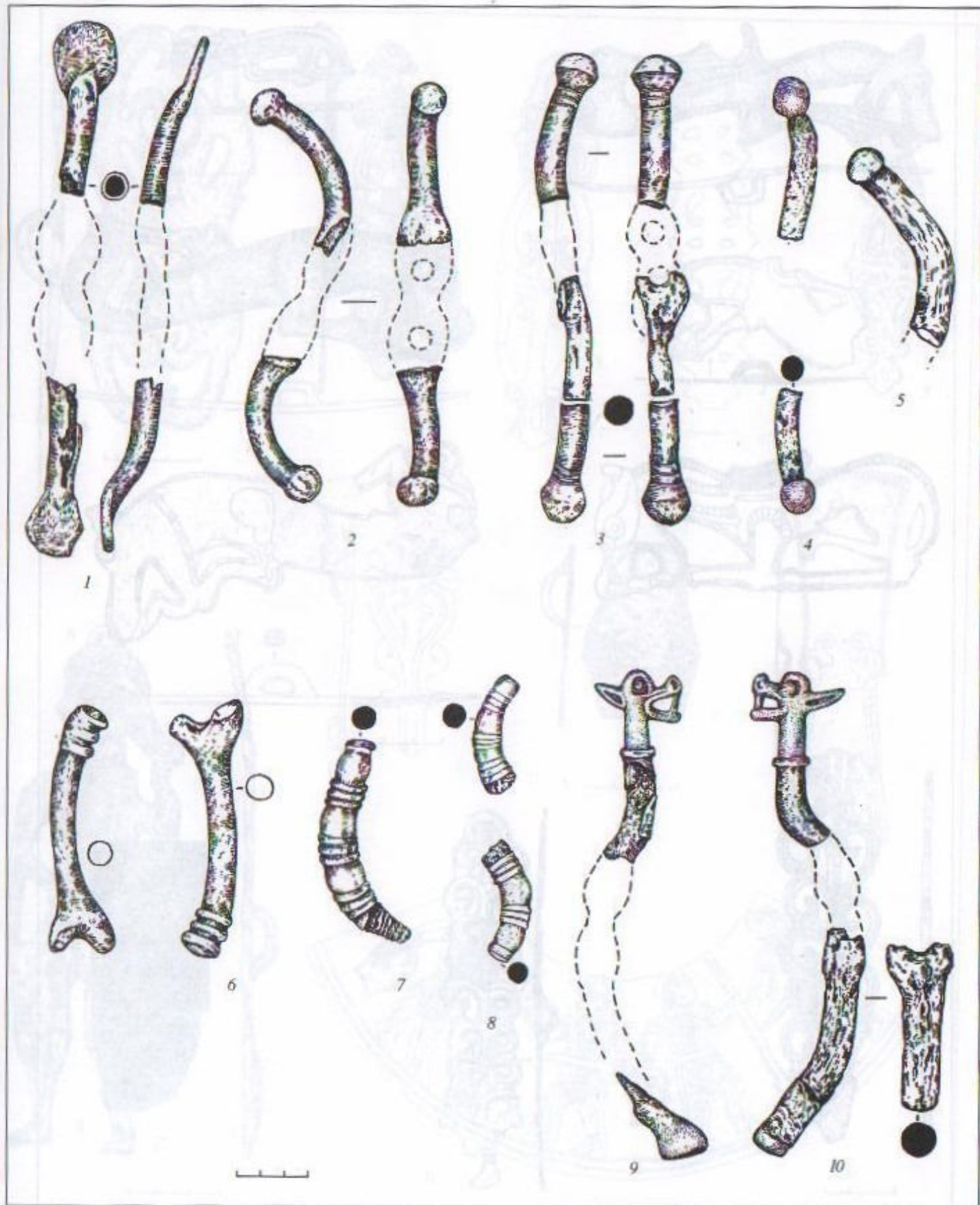

Рис. 102. Биметаллические пса́ли

1-3, 9, 10 - курган 1; 4, 7, 8 - курган 2; 5, 6 - курган 3

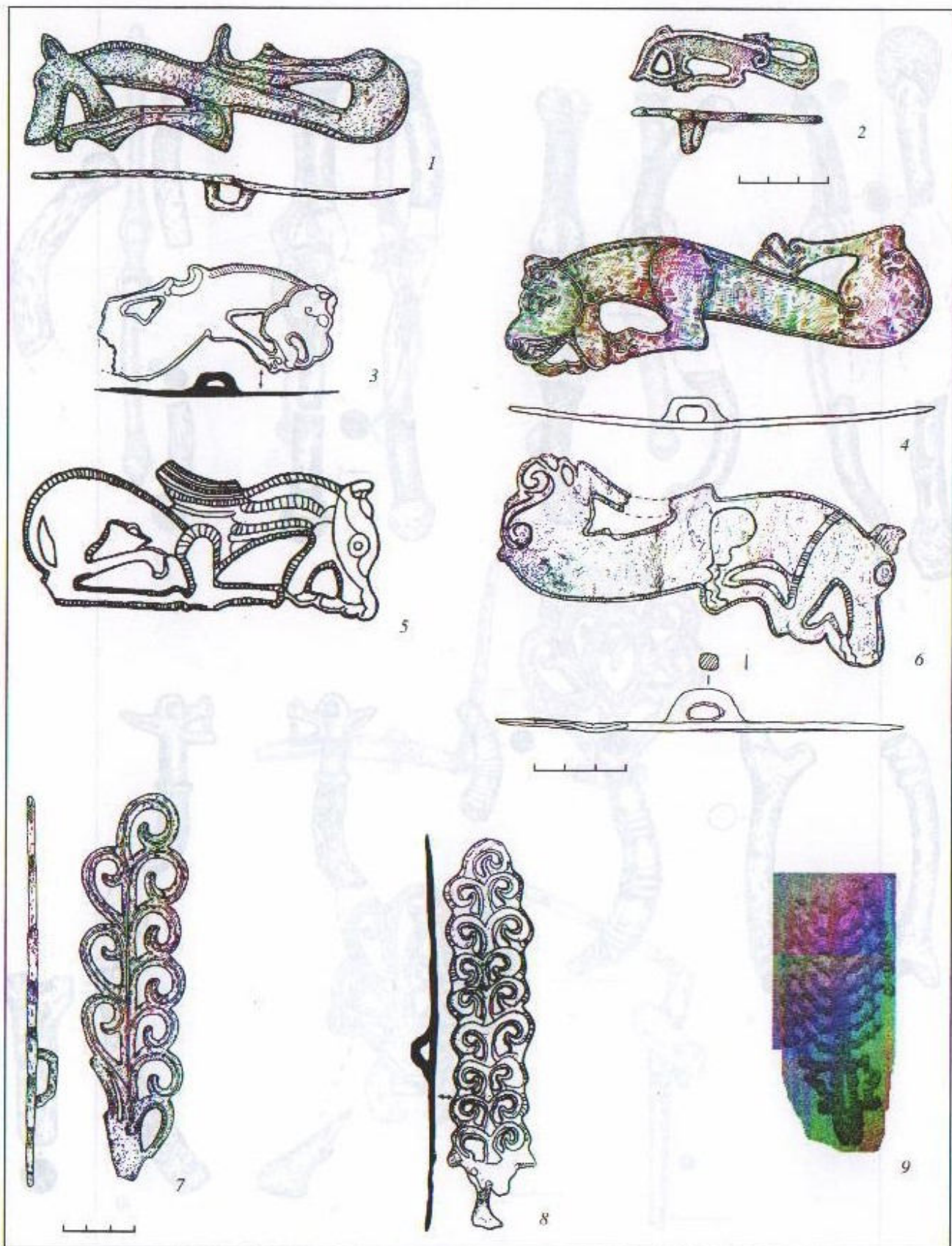

Рис. 103. Бронзовые налобники

1, 2, 7 – Тенгинский курган 2; 3 – Гюэнос (по: Шамба, 1988); 4 – Уляп, курган 2; 5 – Краснодарский музей; 6 – Мезмай (частная коллекция); 9 – Третий Семибратний курган

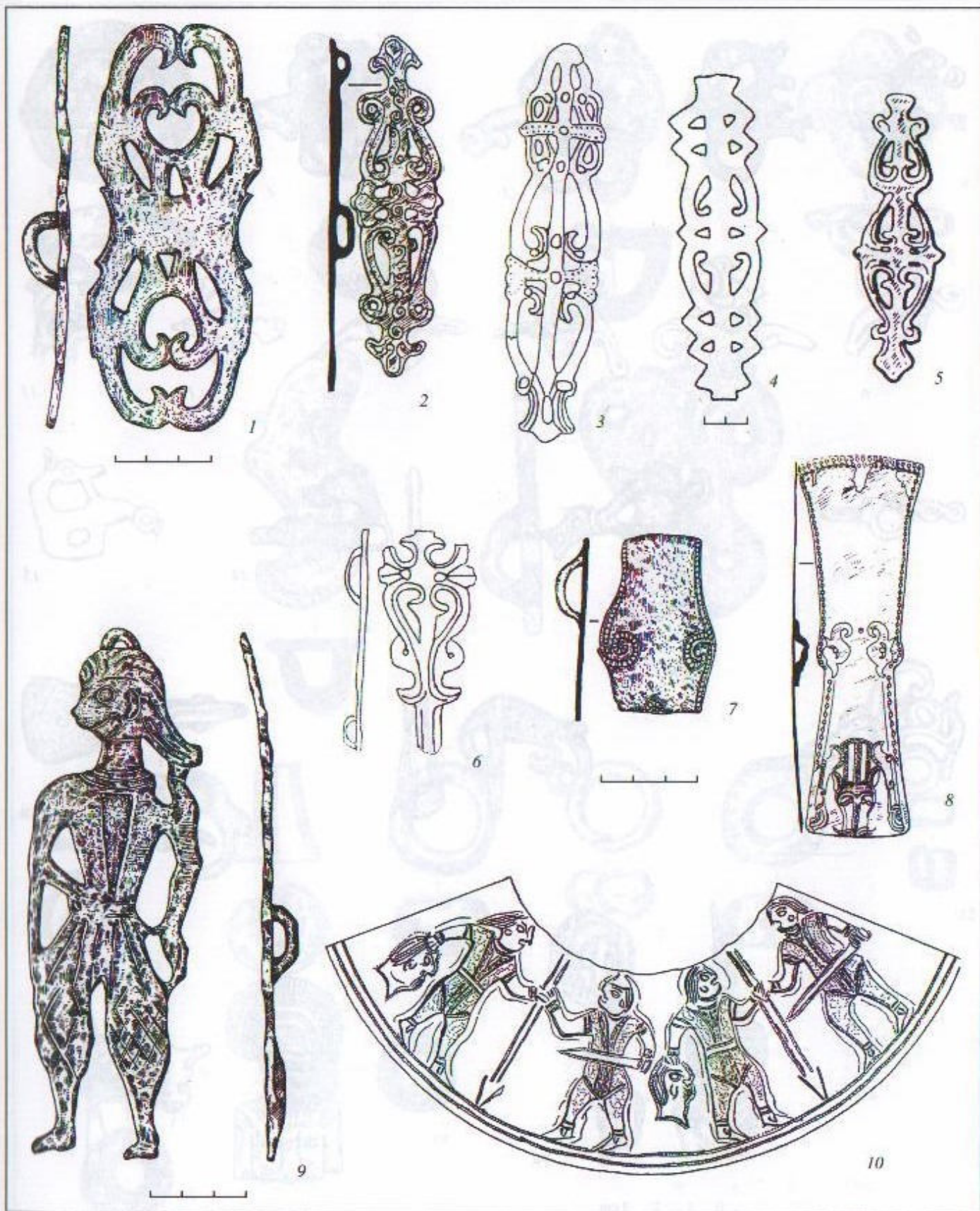

Рис. 104. Бронзовые налобники

1, 7, 9 – Тенгинский курган 2; 2, 8 – Гюзнос (по: Шамба, 1988); 3, 6 – станица Гурийская (ГЭ);
4 – Могильник у хутора Прикубанский; 5 – могильник Лебеди III. 10 – рисунок на колпачке из
Курджипского кургана

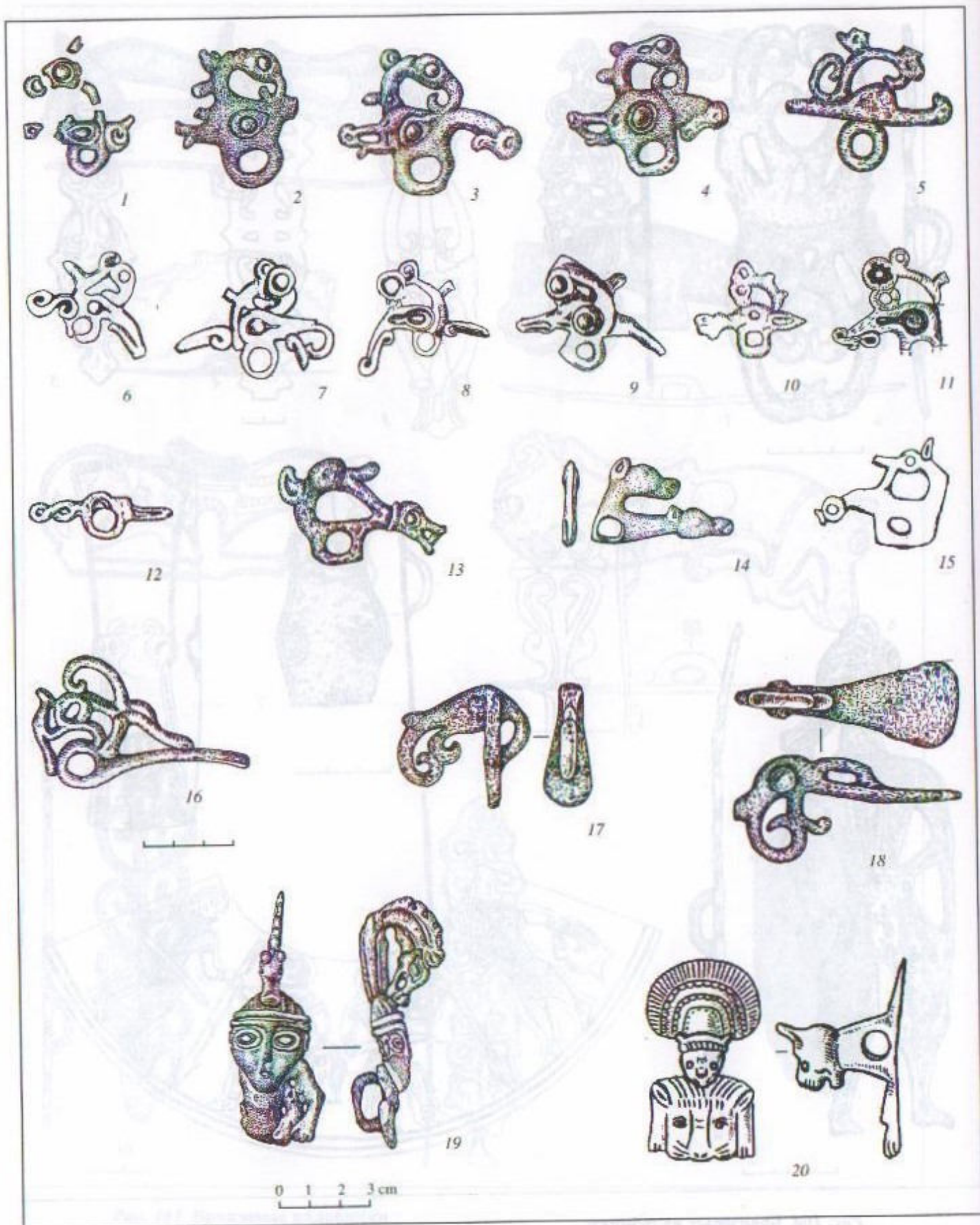

Рис. 105. Наносники. Бронза

1-5, 13, 17-19 - Тенгинский курган 1; 6 - Карагадеуашх; 7, 15 - Воронежские курганы; 8 - Краснодарский музей; 9 - Фанагория; 10 - Шолоховский курган; 11 - Агдузела; 12 - Тенгинский курган 3; 14, 16 - Тенгинский курган 2; 20 - Чмырева могила

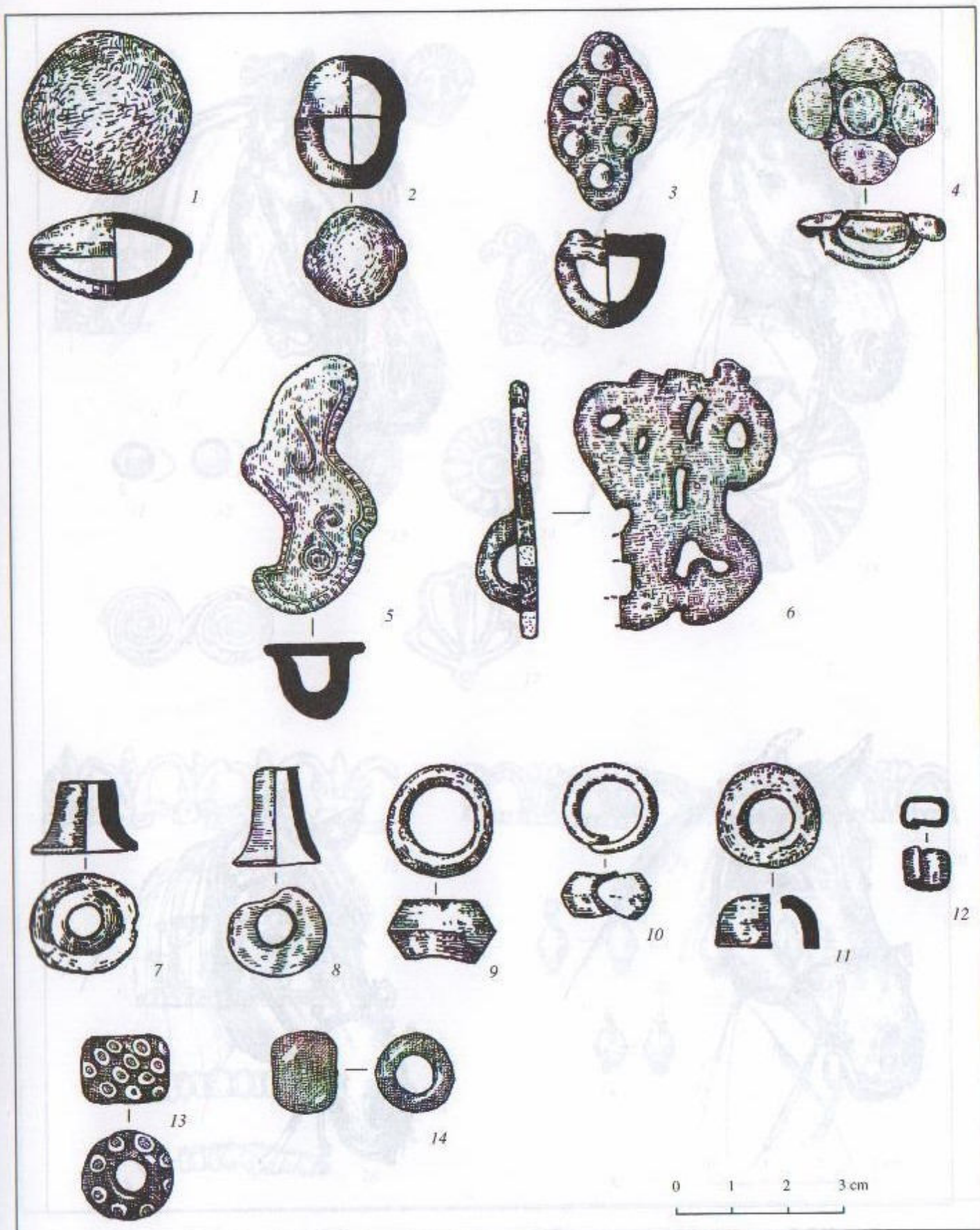

Рис. 106. Тенгинские курганы. Уздечные бляхи и бусы
 1-12 - бронза; 13, 14 - стекло

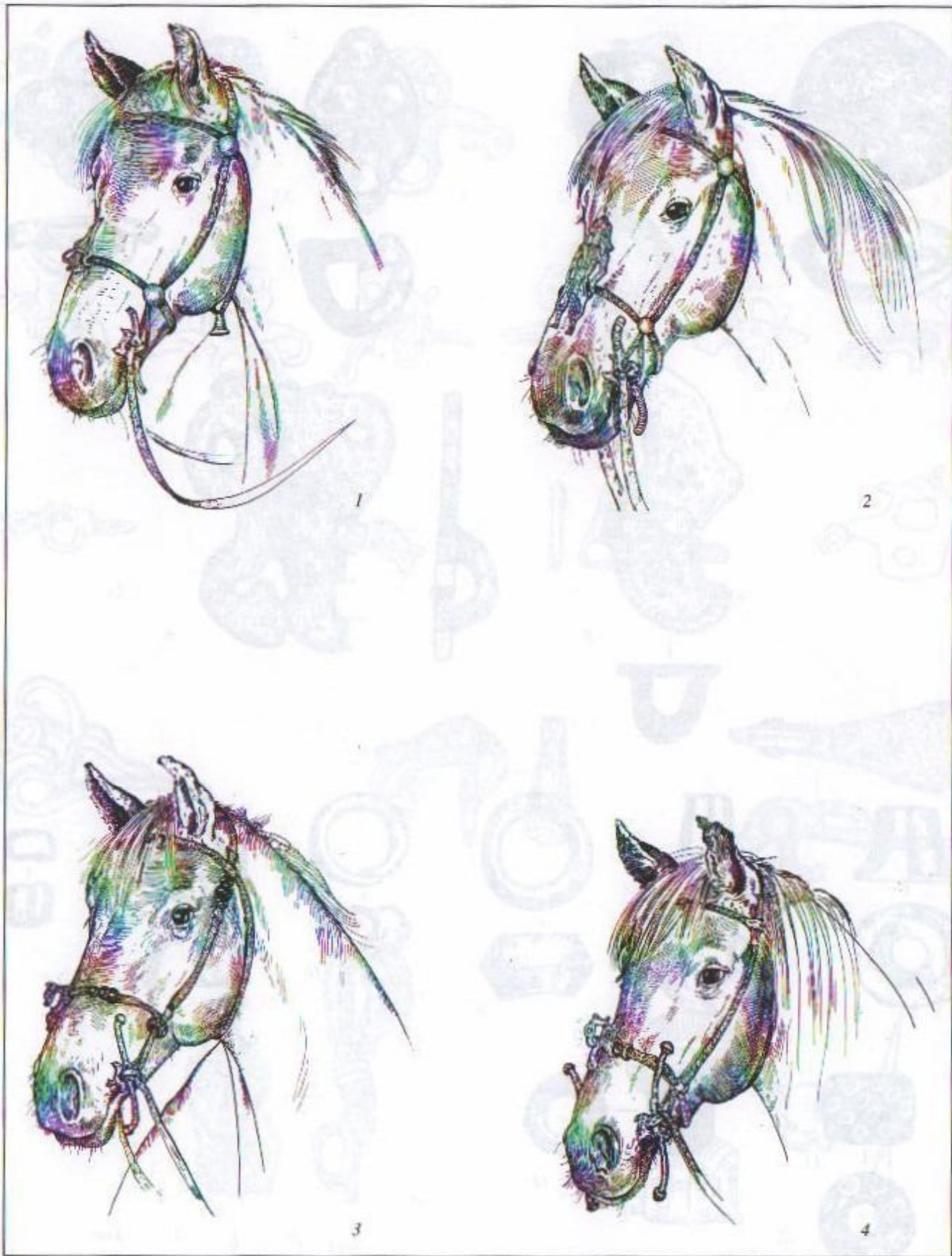

Рис. 107. Реконструкции конских уздечек из Тенгинских курганов 1 и 2

1 – курган 2, погребение 5; 2 – курган 2, погребение 14; 3 – курган 2, погребение 13; 4 – курган 1, погребение 5

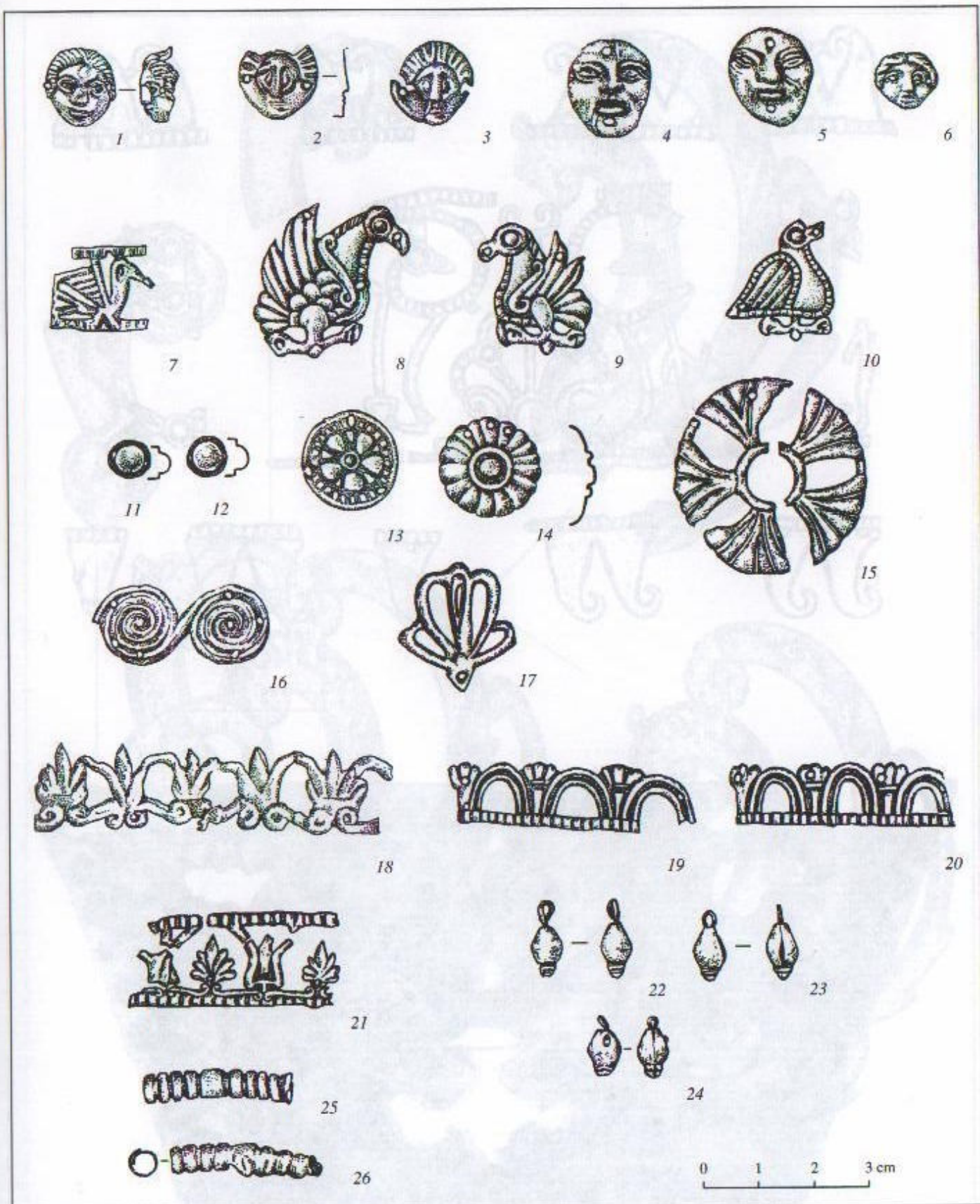

Рис. 108. Золотые украшения из Тенгинских курганов

1-3, 7, 13 - курган 1; 4, 5, 8-12, 14-26 - курган 2; 6 - курган 3

Рис. 109. Золотая диадема из кургана 2 (1); покрывало из Вергины (2)

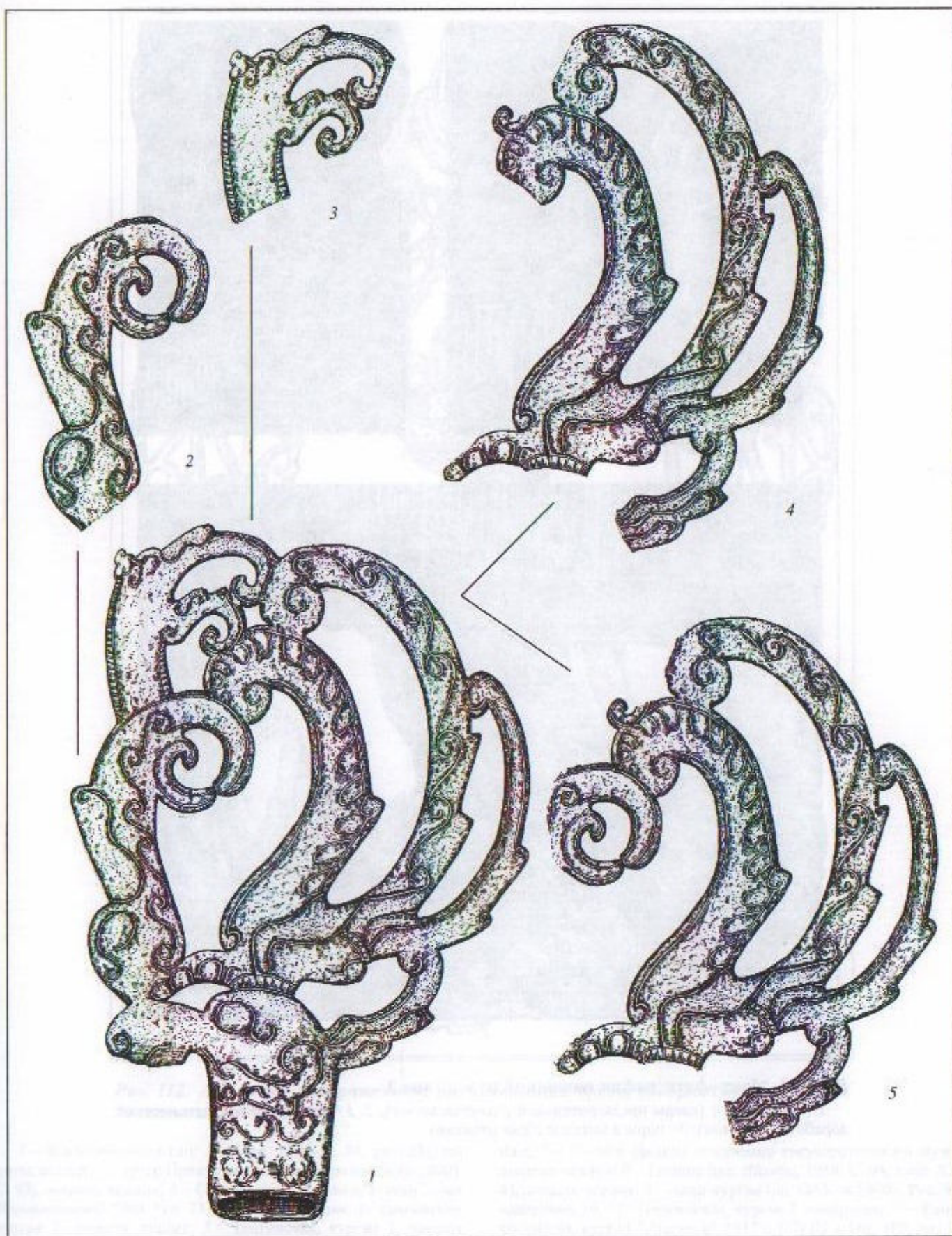

Рис. 110. Навершие из кургана 2

1 – навершие в целом; 2, 3 – головы птиц (элементы трансформации рогов олени);
4, 5 – фигура грифона (элемент трансформации рогов олени)

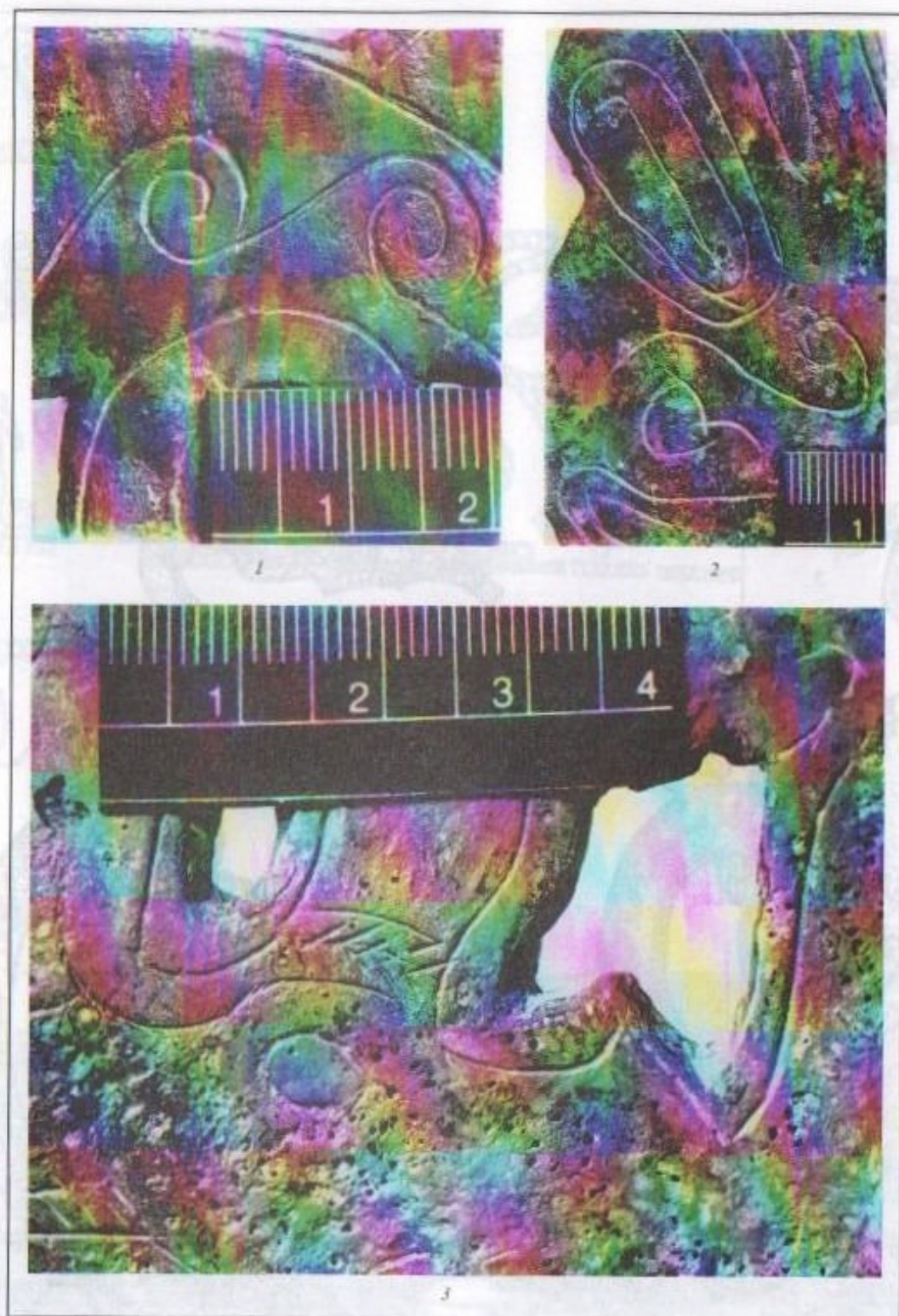

Рис. III. Макрофотографии наконечников из кургана 2

1 – наконечник 1 (следы предварительной разметки волнот); 2, 3 – наконечник 2 (следы насечки, доработки чеканом); 3 – поры в металле (брак отливки)

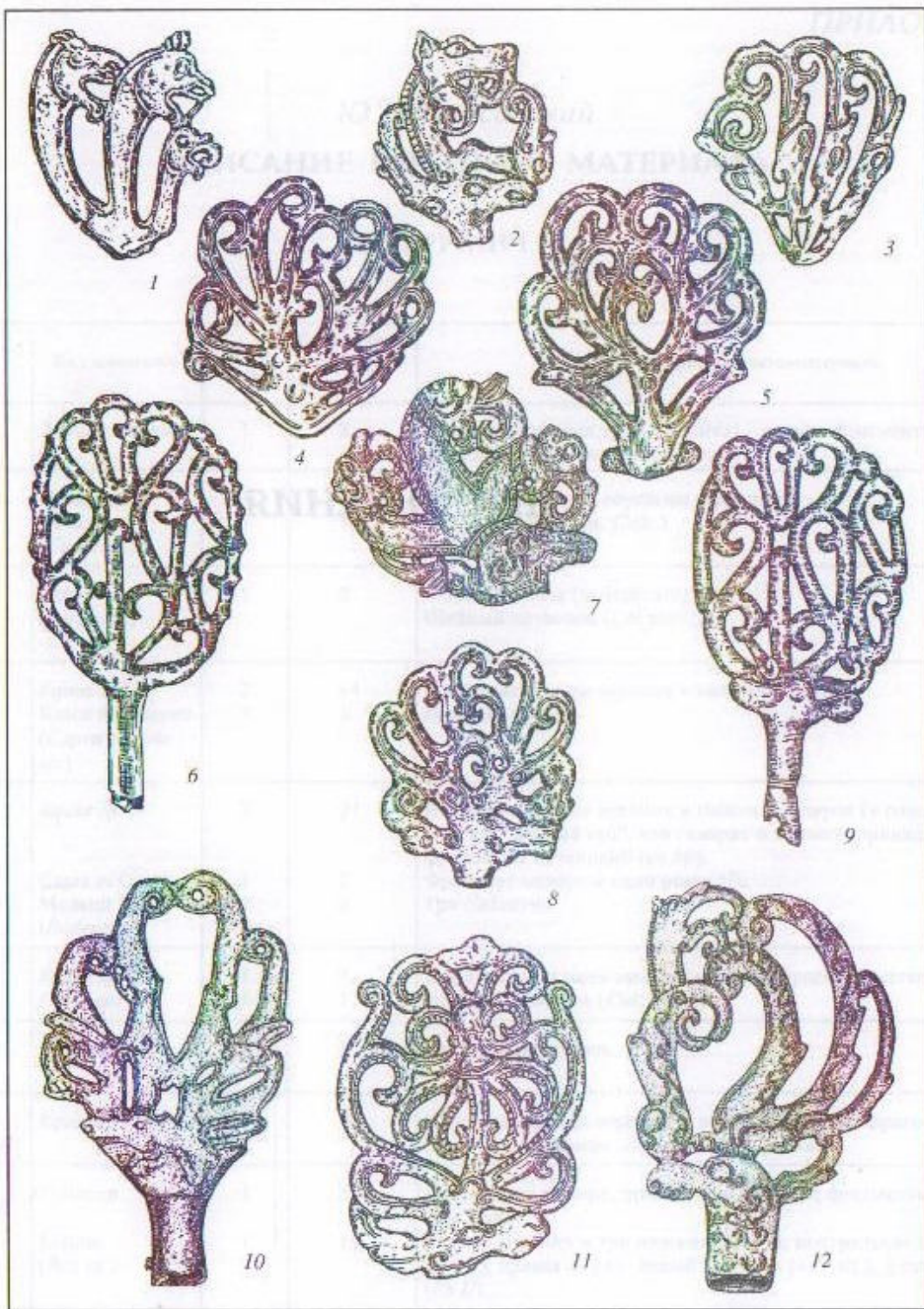
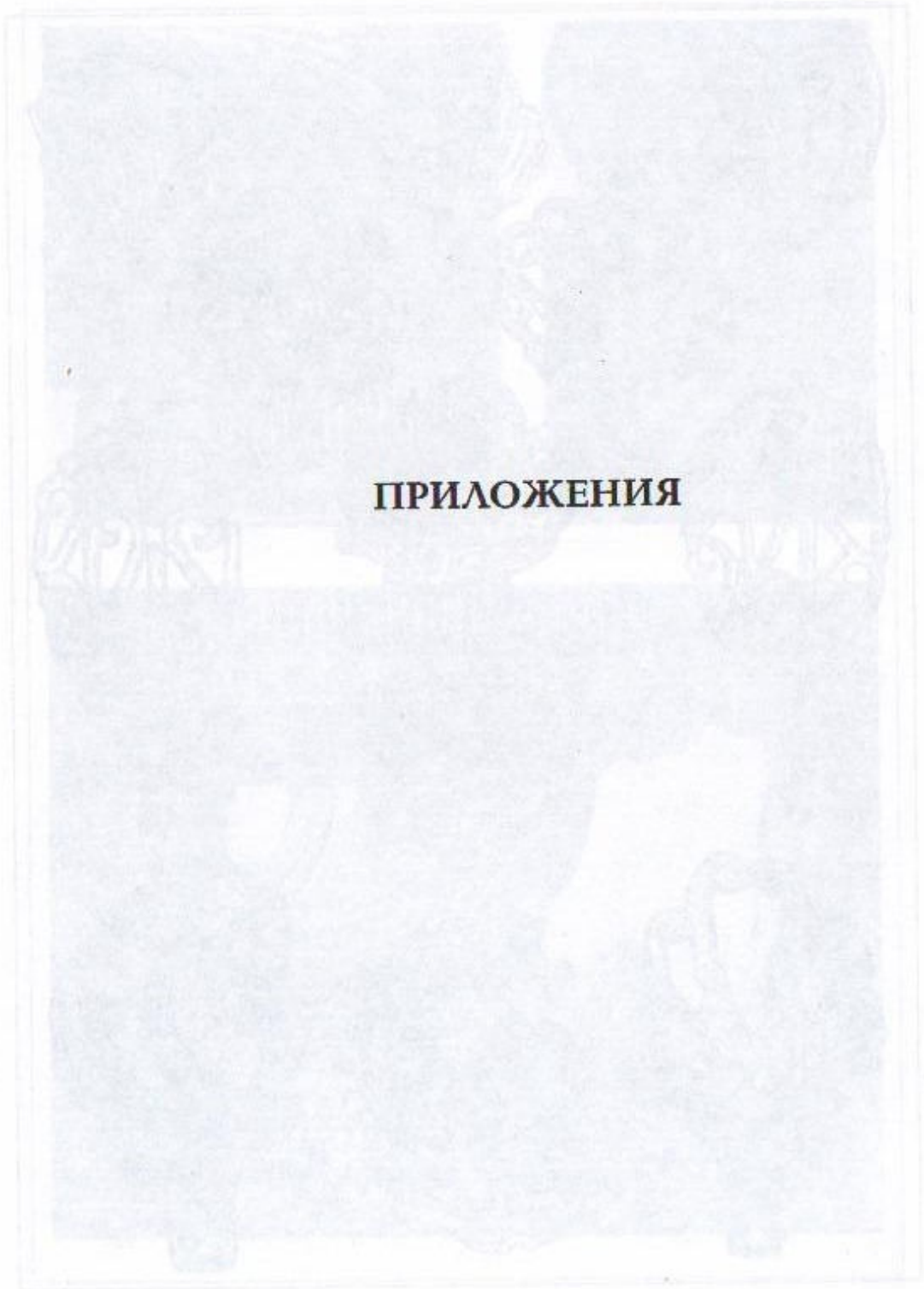

Рис. 112. Аналогии изображениям на навершиях среди изображений на вещах “елизаветинского круга”

1 – Елизаветинская (по: *Хазанов*, 1975. С. 54, рис. 23), лопасть псаля; 2 – хутор Прикубанский (по: *Марченко и др.*, 2001. С. 93), лопасть псаля; 3 – Семибратние курганы, курган 3 (по: *Переводчикова*, 1994. Рис. 25, б), лопасть псаля; 4 – Тенгинская, курган 2, лопасть псаля; 5 – Тенгинская, курган 2, лопасть псаля; 6 – Анап-курган (по: ОАК за 1900 г. Рис. 96), павер-

шие; 7 – Гюзнос (фонды Абхазского государственного музея), лопасть псаля; 8 – Гюзнос (по: *Шамба*, 1988. С. 94, табл. XIX, б), лопасть псаля; 9 – Анап-курган (по: ОАК за 1900 г. Рис. 97), навершие; 10, 12 – Тенгинская, курган 2, навершия; 11 – Елизаветинская, курган 7, раскопки. 1917 г. (ГЭ Ку 1/146, 180; по: *The Golden Deer...*, 2000. Cat. 153), лопасть псаля

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Приложение к плану № 101 от 1912 года. В нем описаны работы по устройству канализации в районе станции метрополитена. Работы выполнены в соответствии с проектом, утвержденным 10-м собранием Мосгорсовета 15-го декабря 1912 года. В проекте указаны: а) местоположение канализационных коллекторов; б) глубина заложения коллекторов; в) материал коллекторов; г) способ устройства коллекторов; д) способ очистки стоков; е) способ отвода стоков в канализационную сеть.

2. Приложение к плану № 102 от 1912 года. В нем описаны работы по устройству канализации в районе станции метрополитена. Работы выполнены в соответствии с проектом, утвержденным 10-м собранием Мосгорсовета 15-го декабря 1912 года. В проекте указаны: а) местоположение канализационных коллекторов; б) глубина заложения коллекторов; в) материал коллекторов; г) способ устройства коллекторов; д) способ очистки стоков; е) способ отвода стоков в канализационную сеть.

Ю.Н. Спасовский

ОПИСАНИЕ КОСТНОГО МАТЕРИАЛА

КУРГАН I

Таблица I

Стратиграфическая привязка	Вид животного	Число особей	Количество костей (фрагментов)	Характеристика остеоматериала
СК-1; Ю-3 сектор	Лошадь (<i>Equus sp.</i>)	1	8	Нижние коренные зубы (<i>Molares</i>) – сильно фрагментированы, материал крошится, частично обуглен.
СК-1; С-3 сектор	<i>Equus sp.</i> Собака (<i>Canis sp.</i>)	1 1	2 1	Верхние моляры – обуглены, крошатся. Пяточная кость (<i>os Calc.</i>)
СК-1; С-3 сектор, тризна	Заяц (<i>Lepus sp.</i>)	1	2	Левая плечевая (<i>os Hum.sin</i>), Шейный позвонок (<i>Col.cerv.</i>).
СК-1; тризна	<i>Equus sp.</i> Козел или баран (<i>Capra et Ovis sp.</i>)	2 1	14 1	Неполные аркады верхних и нижних моляров. Верхний моляр.
СК-1; Ю-В сектор, тризна	<i>Equus sp.</i> <i>Capra et Ovis</i> Мелкий Грызун (<i>Rodentia</i>)	3 1 1	27 2 3	Неполные аркады верхних и нижних моляров (у одной особи отмечен “волчий зуб”, что говорит о половой принадлежности); фрагменты метаподий (<i>os Mt</i>). Фрагмент моляра и один резец (I) Три <i>Col.cerv.</i>
СК-1; В – бровка	<i>Equus sp.</i> <i>Canis sp.</i>	1 1	3 1	Два верхних и один нижний моляры; фрагмент метаподии (<i>os Mtc</i>). Грудной позвонок (<i>Col. Thor.</i>).
СК-1; Ю – бровка	<i>Equus sp.</i>	1	2	Фрагменты: <i>os Hum, os Mt.</i>
СК-1; “из-под гальки”	<i>Equus sp.</i>	1	10	Неполные аркады верхних и нижних моляров; фрагмент лопатки (<i>os Scap.</i>); фрагмент лучевой кости (<i>os Rad.</i>).
“погребение лошади” КП-1	<i>Equus sp.</i> Корова (<i>Bos sp.</i>)	1 1	5 11	Два нижних моляра; правая, целая <i>os Rad</i> ; фрагменты: левой <i>os Rad</i> и <i>os Hum.</i> Четыре верхних и три нижних моляра; центральная кость (<i>os Centr.</i>); правая <i>os Mtc</i> ; левый астрагал (<i>os Astr.</i>); фаланга пальца (<i>Ph II</i>).
СК-1; КП-2	<i>Equus sp.</i> <i>Bos sp.</i>	2 3	11 9	Четыре верхних моляра; правая пясть (<i>os Mtc</i>); фрагменты: <i>os Hum, PhI, os Rad</i> и плюсны (<i>os Mt</i>). Разрозненные верхние и нижние моляры; два молочных зуба с остатками челюстной кости.
СК-1; КП-3	<i>Equus sp.</i> <i>Bos sp.</i> <i>Rodentia ex gr.</i>	3 2 1	28 9 2	У одной особи почти полная аркада моляров, у других – часть; фрагменты: <i>os Scap</i> , бедренной кости (<i>os Fem.</i>). Фрагменты верхних моляров и <i>os Centr.</i> Два <i>Col. cerv.</i>
СК-1; КП-4	<i>Equus sp.</i>	1	8	Верхние и нижние моляры – частично обуглены.
СК-1; КП-5	<i>Equus sp.</i>	1	25	Полные аркады верхних и нижних зубов (имеется “волчий зуб”).

Стратиграфическая привязка	Вид животного	Число особей	Количество костей (фрагментов)	Характеристика остеоматериала
СК-1; КП-6	<i>Equus sp.</i>	1	20	Неполные аркады верхних и нижних зубов – частично обуглены.
СК-1; КП-7	<i>Equus sp.</i>	1	18	Неполные аркады верхних и нижних моляров – обуглены, расслаиваются вдоль эмалевых пластин.
СК-1; КП-8	<i>Equus sp.</i>	2	14	Почти целые кости конечностей: <i>os Fem</i> , берцовые кости (<i>os Tibia</i>), <i>os Astr</i> , <i>os Calc</i> , <i>os Mtc</i> , <i>os Mt</i> , <i>PhI</i> (3), <i>PhII</i> , <i>PhIII</i> . Фрагменты костей конечностей: <i>os Mt</i> , <i>os Calc</i> , <i>os Fem</i> , <i>os Tibia</i> , <i>os Astr</i> , <i>os Centr</i> , <i>PhI</i> .
	<i>Bos sp.</i>	3	11	
СК-1; КП-9	<i>Equus sp.</i>	1	4	Фрагменты позвонков и два фрагмента <i>os Rad</i> – обуглены.
СК-1; КП-10	<i>Bos sp.</i>	1	4	Два верхних и два нижних моляра.
СК-1; КП-11	<i>Equus sp.</i>	1	4	Два верхних и два нижних моляра – обуглены, расслаиваются.
СК-1; КП-12	<i>Equus sp.</i>	1	50	Фрагменты верхних и нижних моляров – сильно обуглены, расслоены; два моляра – почти целые, но расслаиваются.
СК-1; КЖ-1	<i>Canis sp.</i>	1	45	Почти полная аркада зубов и скелет конечностей – сохранность хорошая. У зубов характерно сбиты вершины коронок.

Примечание: всего просмотрено около 1200 костей и их фрагментов, из них идентифицировано 353. Остальная, большая часть остеологического материала представлена сильно раздробленными фрагментами трубчатых костей. Кроме того, некоторые фрагменты и кости были подвержены воздействию огня – встречаются как частично, так и сильно обугленные фрагменты.

В целом большая часть материала представлена останками лошадей, в меньшей мере останками крупного рогатого скота и единично – мелкого. Примечательно то, что некоторые лошади подверглись воздействию огня, на что указывает обугленность многих их костей, особенно – зубов.

Отдельный интерес представляет материал из “КЖ-1”, где были идентифицированы останки собаки. Первоначальный анализ показал, что собака была крупных размеров (со среднего волка), кроме этого на всех ее зубах сколоты вершины, было это сделано прижизненно или это последствия захоронения, сказать трудно – данный материал требует детального анализа.

Принятые сокращения: КЖ – кости животных; КП – конское погребение; СК – скопление.

КУРГАН 2

Таблица 2

Стратиграфическая привязка	Вид животного	Число особей	Количество костей (фрагментов)	Характеристика остеоматериала
Деревянное перекрытие	Свинья (<i>Sus sp.</i>)	1	3	Фрагменты двух моляров и часть челюстной кости.
	<i>Capra et Ovis sp.</i>	1	4	Верхний третий моляр, фрагменты: <i>os Hum</i> , <i>os Astr</i> , <i>os Tibia</i> .
К.П. № 1	(<i>Equus sp.</i>) (<i>ad.</i>)	1	20	Фрагменты костей конечностей и неполные аркады верхних и нижних зубов. Целых костей нет.
	(<i>Equus sp.</i>) (<i>ad.</i>)	1	1	Нижний третий моляр – M_3 (коренной зуб).
К.П. № 2	(<i>Equus sp.</i>) (<i>ad.</i>)	1	80	Фрагменты костей конечностей (очень мелкие осколки) и неполные аркады верхних и нижних зубов. Целых костей нет.
	<i>Bos dom.</i> (<i>ad.</i>)	1	1	Нижний моляр (коренной зуб).
К.П. № 3	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	74	Полные аркады верхних и нижних моляров, полуаркады резцов, фрагменты трубчатых костей конечностей и осевого скелета.
К.П. № 4	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	21	Фрагменты костей конечностей (мелкие осколки) и неполные аркады верхних и нижних зубов.
К.П. № 4a	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	21	Неполные аркады верхних и нижних моляров, мелкие фрагменты трубчатых костей конечностей.

Стратиграфическая привязка	Вид животного	Число особей	Количество костей (фрагментов)	Характеристика остеоматериала
К.П. № 5	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i> ♂)	1	24	Полные аркады верхних и нижних моляров, мелкие осколки трубчатых костей.
К.П. № 5а	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	22	Неполные аркады верхних и нижних моляров, фрагменты трубчатых костей конечностей (<i>плечевой и метаподий</i>).
К.П. № 6	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	24	Полные аркады верхних и нижних моляров, мелкие осколки трубчатых костей.
К.П. № 6а	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	65	Неполные аркады верхних и нижних моляров, фрагменты трубчатых костей конечностей.
К.П. № 7	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	30	Полные аркады верхних и нижних моляров, мелкие осколки трубчатых костей.
	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	2	Верхний третий моляр и третий резец (<i>окраек - I₃</i>).
К.П. № 8	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	22	Неполные аркады верхних и нижних моляров, фрагменты бедренной (<i>os Fem</i>) и плечевой (<i>os Hum.</i>) костей.
	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	1	Верхний моляр.
К.П. № 10	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	30	Неполные аркады верхних и нижних моляров.
К.П. № 11	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	1	Средний резец (<i>зацеп - I₁</i>).
	<i>Bos dom.</i> (<i>ad.</i>)	1	16	Неполные аркады верхних и нижних моляров.
К.П. № 12	<i>Bos dom.</i> (<i>ad.</i>)	1	40	Неполные аркады верхних и нижних моляров, мелкие осколки трубчатых костей конечностей.
К.П. № 13	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i> ♂)	1	30	Неполные аркады верхних и нижних моляров, фрагменты трубчатых костей конечностей.
К.П. № 14	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	25	Неполные аркады верхних и нижних моляров, фрагменты трубчатых костей конечностей.
К.П. № 15	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	24	Полные аркады верхних и нижних моляров.
К.П. № 16	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	36	Неполные аркады верхних и нижних моляров, фрагменты трубчатых костей конечностей и осевого скелета.
К.П. № 17	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	30	Верхний третий моляр, фрагменты плечевой (<i>os Hum.</i>) и лучевой (<i>os Rad.</i>) костей, многочисленные мелкие осколки трубчатых костей.
	<i>Bos dom.</i> (<i>ad.</i>)	1	4	Три нижних премоляра (<i>Pm₂₋₄</i>) и нижний третий моляр (<i>M₃</i>).
К.П. № 18	<i>Bos dom.</i> (<i>ad.</i>)	1	28	Фрагменты верхних и нижних моляров и осколки трубчатых костей.
К.П. № 19	<i>Bos dom.</i> (<i>ad.</i>)	1	40	Фрагменты нижних моляров, неполная аркада резцов и осколки трубчатых костей.
К.П. № 20	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	30	Фрагменты трубчатых костей конечностей – очень плохой сохранности.
К.П. № 21	<i>Equus sp.</i> (<i>ad.</i>)	1	11	Фрагмент метаподии (<i>os Mt</i>) и мелкие осколки трубчатых костей.
	<i>Bos dom.</i> (<i>ad.</i>)	1	8	Неполные аркады верхних и нижних моляров.

Стратиграфическая привязка	Вид животного	Число особей	Количество костей (фрагментов)	Характеристика остеоматериала
К.П. № 22	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	50	Неполные аркады верхних и нижних моляров и фрагменты трубчатых костей.
К.П. № 23	<i>Equus sp. (ad.)</i>	1	30	Фрагменты трубчатых костей конечностей.
К.П. № 24	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	56	Неполные аркады верхних и нижних моляров, мелкие осколки трубчатых костей.
К.П. № 25	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	30	Один верхний моляр, многочисленные мелкие осколки трубчатых костей.
К.П. № 26	<i>Equus sp. (ad.)</i>	1	30	Фрагменты метаподий (<i>os Mt</i>) и других трубчатых костей конечностей.
“Задница” между К.П. № 23 и К.П. № 24	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	20	Нижний третий моляр (M_3), два фрагмента других моляров и многочисленные мелкие фрагменты трубчатых костей.
Северо-западный сектор	<i>Equus sp. (sen. ♂)</i>	1	20	Неполные аркады сильно стертых моляров, фрагменты трубчатых костей.
Северо-западный сектор	<i>Equus sp. (ad.)</i>	1	21	Неполные аркады верхних и нижних моляров.
	<i>Equus sp. (ad.)</i>	1	20	Неполные аркады верхних и нижних моляров.
	<i>Equus sp. (ad.)</i>	1	20	Неполные аркады верхних и нижних моляров, фрагменты трубчатых костей.
	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	19	Неполные аркады верхних и нижних моляров.
	<i>Bos dom. (Juv.)</i>	1	3	Три молочных зуба (D_{2-4}).
Юго-восток. Перемычка вала. Скопление 1	<i>Equus sp. (ad.)</i>	1	30	Неполные аркады верхних и нижних моляров, фрагменты трубчатых костей конечностей.
	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	3	Фрагменты верхних моляров.
К.Ж-2 Северо-западный сектор	<i>Молодая корова или лошадь (Juv. Bos et Juv. Equus).</i>	1	15	Сильно фрагментированные части трубчатых костей, что делает невозможным точную идентификацию останков.

Примечание: всего просмотрено около 1500 костей и их фрагментов, из них идентифицировано 1195 – остальная часть остеологического материала представлена сильно раздробленными фрагментами трубчатых костей.

Большая часть материала представлена останками лошадей (*Equus sp.*), в меньшей мере – останками коровы (*Bos dom.*); встречены кости свиньи и овцы/козы.

Обращает на себя внимание неудовлетворительный характер сохранности материала. Все кости, в том числе и большинство зубов, сильно рассохлись и рассыпаются в руках. К хранению материал не пригоден.

КУРГАН № 3

Таблица 3

Стратиграфическая привязка	Вид животного	Число особей	Количество костей (фрагментов)	Характеристика остеоматериала
КЖ-1	<i>(Equus sp.) (ad.)</i>	1	30	Фрагменты плечевой (<i>os Hum.</i>), лучевой (<i>os Rad.</i>) и локтевой (<i>os Ulna</i>) костей.
КЖ-2	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	41	Фрагменты костей конечностей и неполные аркады верхних и нижних зубов. Целых костей нет.
	<i>(Equus sp.) (ad.)</i>	1	4	Фрагменты костей осевого скелета (позвочника).

Стратиграфическая привязка	Вид животного	Число особей	Количество костей (фрагментов)	Характеристика остеомертала
КЖ-3	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	12	Фрагменты костей конечностей.
Бровка	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	5	Фрагменты костей конечностей, неполная аркада нижних резцов (I).
СК-1	<i>(Equus sp.) (ad.)</i>	1	2	Неполные аркады верхних и нижних зубов (<i>Pm, M</i>).
	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	8	Фрагменты костей конечностей.
СК-1 2-й горизонт западного пола	<i>(Equus sp.) (ad.)</i>	1	5	Зубы: два верхних и три нижних моляра.
	<i>(Equus sp.) (ad.)</i>	1	80	Фрагменты костей конечностей. Почти полной сохранности пястная кость (<i>MetIII</i>).
	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	2	Зубы: второй и третий нижний моляры ($M_{2,3}$).
	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	2	Два фрагмента таранной кости, или астрагалла (<i>os Astr.</i>)
	<i>Capra et Ovis</i>	1	1	Один нижний моляр (<i>M</i>).
1-й горизонт	<i>(Equus sp.) (ad. ♂)</i>	1	8	Неполная аркада зубов (<i>Pm, M</i>) старого жеребца – жевательные поверхности сильно и неравномерно стертые.
СК-1 2-й горизонт восточное пола	<i>Equus sp. (ad.)</i>	1	2	Зубы: два резца – зацеп и средний.
	<i>(Equus sp.) (ad.)</i>	1	60	Фрагменты костей черепа, осевого скелета и конечностей – сильно раздроблены.
	<i>(Equus sp.) (ad.)</i>	1	18	Неполная аркада зубов (<i>Pm, M</i>).
	<i>(Equus sp.) (ad.)</i>	1	17	Неполная аркада зубов – жевательная поверхность сильно стерта.
СК-1 2-й уровень бровка	<i>(Equus sp.) (ad.)</i>	1	2	Зубы: два верхних моляра ($M_{2,3}$)
	<i>Bos dom. (ad.)</i>	1	1	Зубы: нижний моляр.
	<i>Capra et Ovis</i>	1	1	Зубы: верхний моляр.
СК-1 бровка	<i>(Equus sp.) (ad. ♂)</i>	1	30	Фрагменты костей конечностей, неполная аркада зубов взрослого жеребца.

Примечание: всего просмотрено около 500 костей и их фрагментов, из них идентифицировано 331 – остальная часть остеологического материала представлена сильно раздробленными фрагментами трубчатых костей.

Большая часть материала представлена останками лошадей (*Equus sp.*), в меньшей мере останками крупного рогатого (*Bos dom.*) и мелкого рогатого скота (*Capra et Ovis*).

А.А. Гольева, Институт географии РАН, г-р геогр. наук

АНАЛИЗ ДРЕВЕСИНЫ ИЗ КУРГАНА 2

На анализ было представлено 13 образцов. Материал был изучен при помощи бинокля (рабочее увеличение 16–24 раза) и электронного сканирующего микроскопа (рабочее увеличение для данных объектов 40–60 раз).

Результаты исследования представлены в таблице. В качестве приложения даны микрофотографии ряда исследованных объектов.

№ П/и	Объект исследования	Тип образца	Порода	Примечания
Курган 2				
1	СВ сектор, 1 столб	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	
2	ЮВ сектор, 4 столб	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	
3	Дерево из ЮВ угла	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	
4	Дерево из СЗ сектора рядом с СКЖ 1	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	Очень сильно спрессовано. (фото 1)
5	Древко наверху 1	Древесина	–	Труха – неопределяемо
6	Восточный сектор. Перекрытие у восточной стенки ямы	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	Очень плохая сохранность
7	СВ и ЮВ секторы. Дерево с перекрытия у восточной стенки ямы	Древесина	Дуб – <i>Quercus L.</i>	Очень плохая сохранность, (фото 2)
8	Столб 5	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	(фото 3)
9	Столб 6	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	(фото 4)
10	ЮВ сектор. Перекрытие	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	Очень плохая сохранность
11	ЮЗ сектор, столб 2	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	
12	Верхний уровень перекрытия, дерево	Бурая масса	–	Не древесина, трава (фото 5) и возможно, кора
Курган 1				
13	СВ сектор. Плаха перекрытия над могилкой копя	Дерево	Дуб – <i>Quercus L.</i>	(фото 6)

Основные выводы. Практически все исследованные образцы принадлежат одной породе дерева – дубу. Годичные кольца, как правило, хорошо выражены, очень широкие, что свидетельствует об очень благоприятных природно-климатических условиях для произрастания данной породы. Скорее всего дубы доминировали в регионе среди древесных пород. Плохая сохранность древесины из перекрытий

связана с относительной близостью к поверхности и поэтому повышенной микробиологической активностью.

Перекрытие верхнего уровня кургана 2 было сделано не из древесины. Это был слой из травы. Не исключается использование коры в качестве одного из слоев. Для определения травы образец был дополнительно исследован на фитолиитный состав.

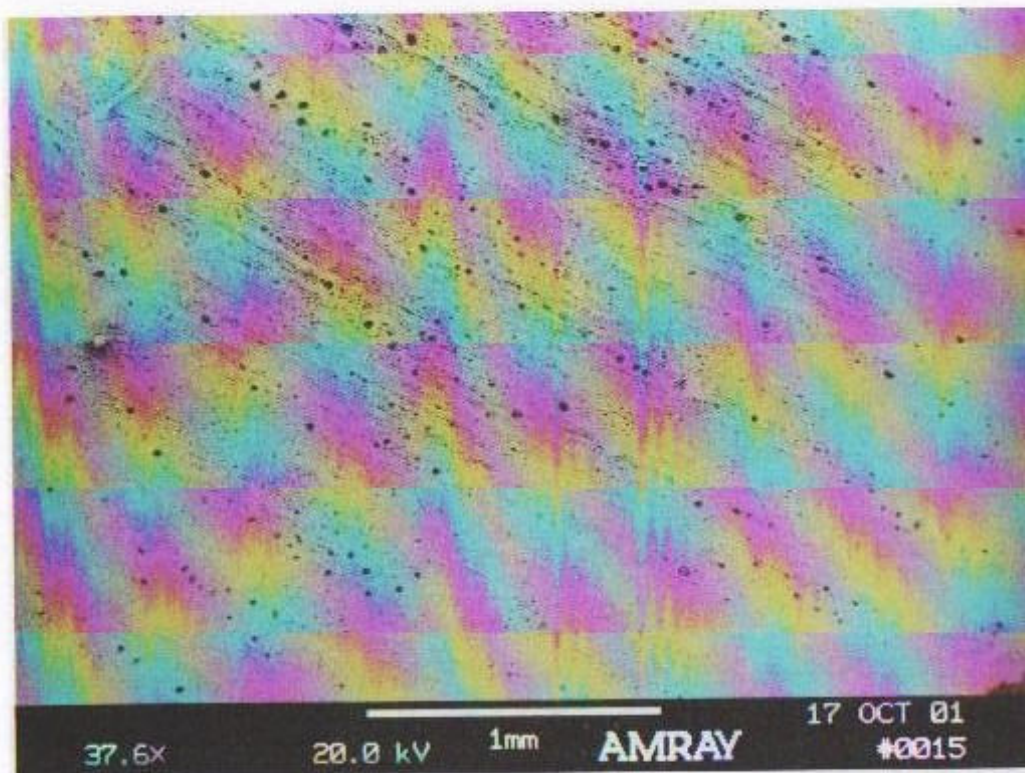

Фото 1. Курган 2. Дуб из северо-западного сектора, рядом с КЖ 1

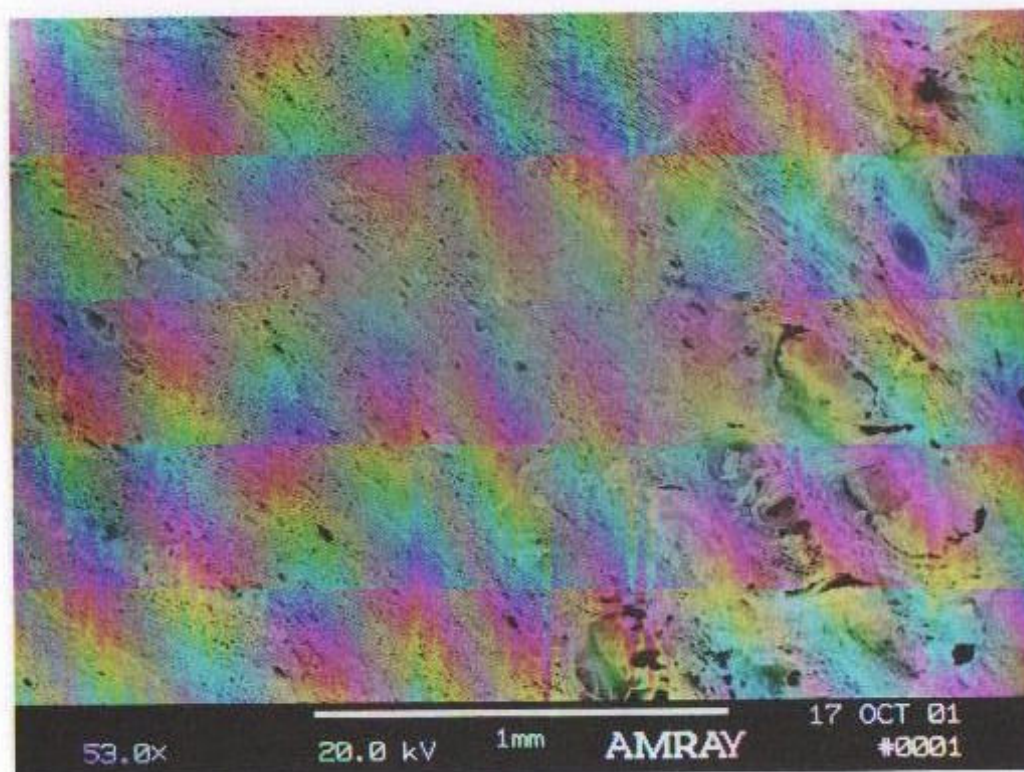

Фото 2. Курган 2. Дуб с перекрытия у восточной стенки ямы

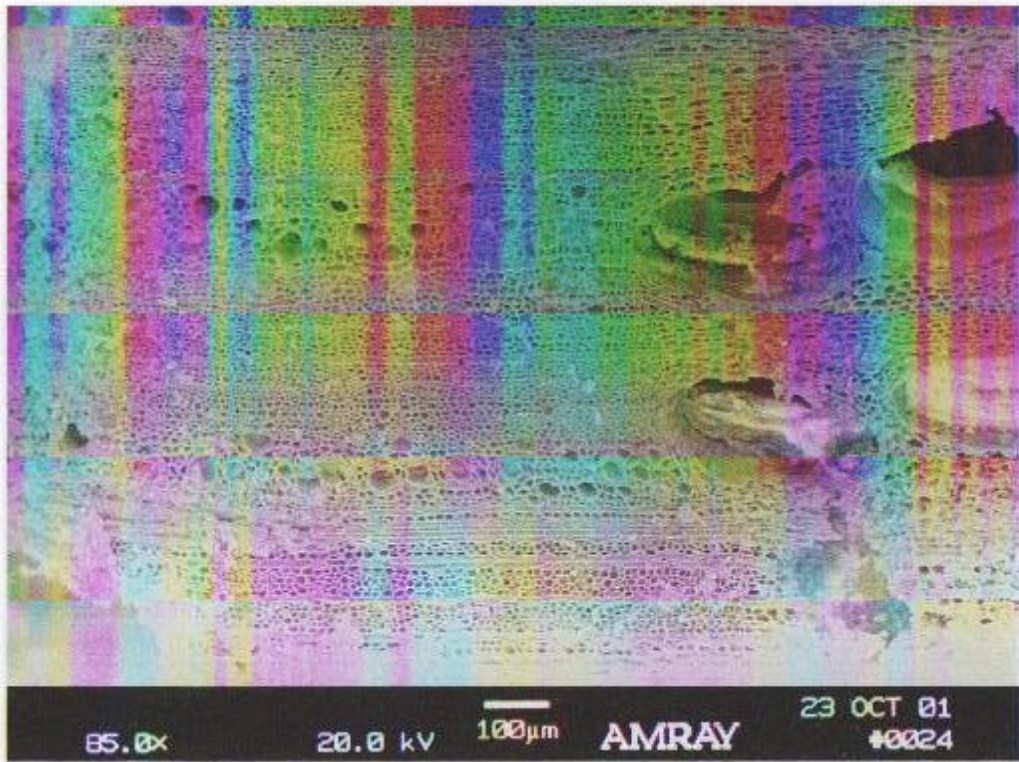

Фото 3. Курган 2. Дуб, из которого был сделан столб 5

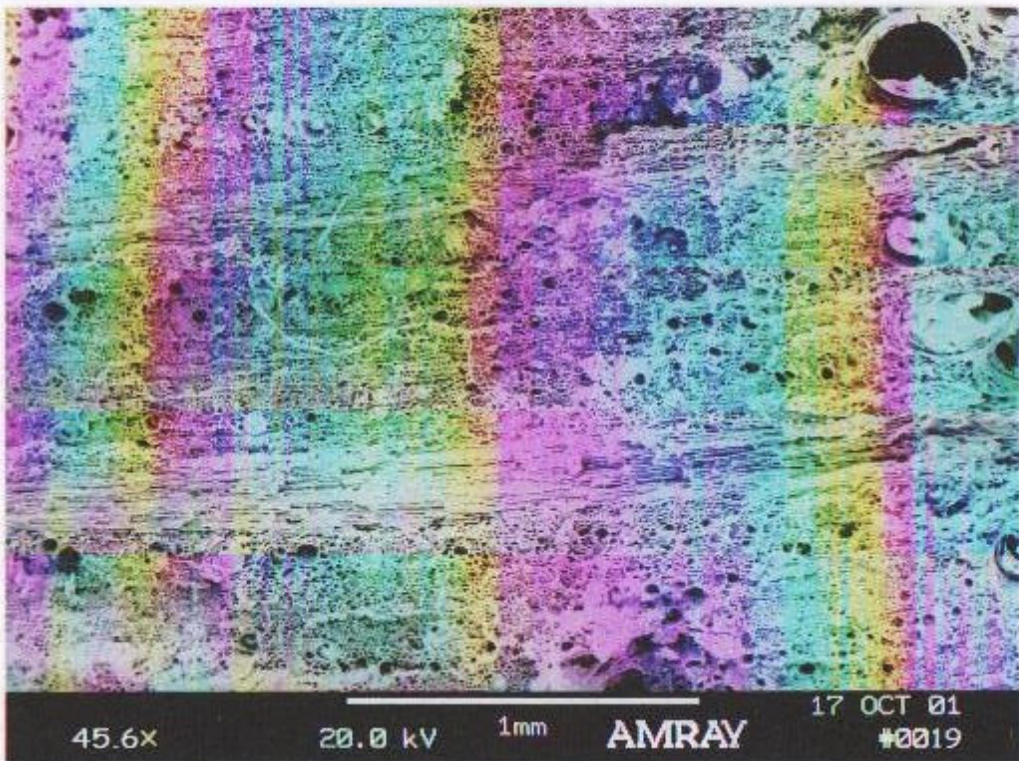

Фото 4. Курган 2. Дуб, из которого был сделан столб 6

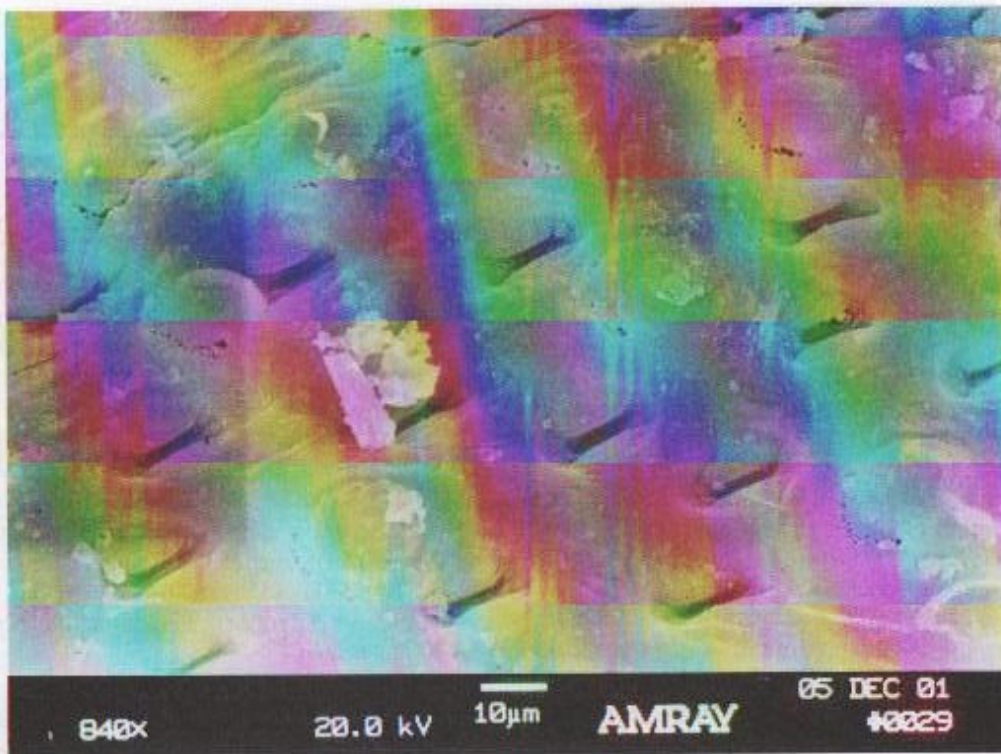

Фото 5. Курган 2. Трава с верхнего уровня перекрытия

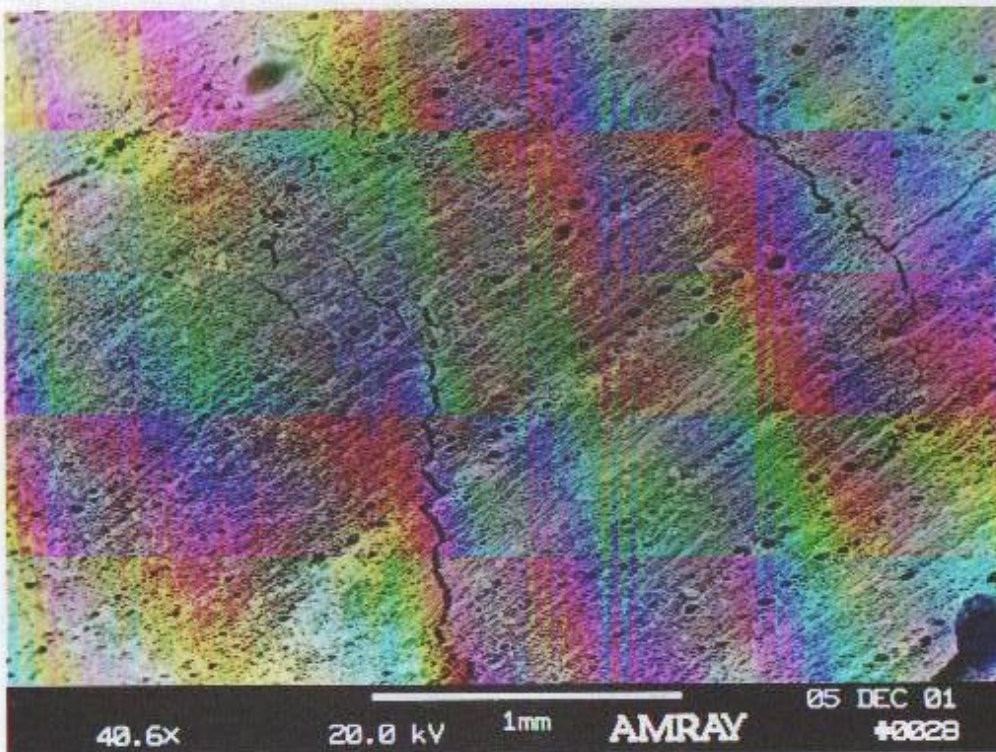

Фото 6. Курган 1. Дубовая плаха из северо-восточного сектора

На биоморфный анализ был представлен ряд образцов из перекрытий. Образцы были подготовлены и изучены стандартным для данного анализа методом, который опубликован (Гальева, 2001).

1. Перекрытие верхнего уровня. Образец содержит большое количество крупных кутикулярных слепков, т.е. на данном месте находилась значительная по объему растительная масса. Наличие устьиц и структура устьичного аппарата на ряде кутикулярных слепках свидетельствуют, что это были листья однодольных. Фитолиты в виде конических форм типичны для растений семейства осоковых (*Cyperaceae*). Для данного семейства характерны и другие формы, в изобилии присутствующие в образце. К данному семейству принадлежит такое растение, как камыш (*Scirpus*). Скорее всего именно из него и было создано перекрытие верхнего уровня.
2. Северо-восточный сектор. Камышовый тлен. Образец содержит обилие крупных однотипных частиц кутикулярных слепков, с характерным рисунком устьичного аппарата. Это указывает на то, что на данном месте была большая по объему масса из одного и того же растения (стебли и листья), принадлежащего семейству однодольных. Фитолиты специфической формы (фото 7 и 8) позволяют сделать вывод, что использовался камыш.
3. Юго-восточный сектор. Фрагмент растительного тлена с перекрытия ямы. Образец содержит большое количество фитолитов и крупных частиц кутикулярных слепков. Следовательно, на данном месте естественным путем разлагались травы семейства однодольных. Рисунок межклеточных стенок у кутикулярных слепков не характерен для семейства осоковых. Выявленные в большом количестве фитолиты также не формируются у растений данного семейства, они типичны для злаков (фото 9 и 10). Следовательно, на данном месте в качестве пере-

крытия ямы камыш не использовался. Анализ не выявил фитолитов, формирующихся в тростнике (наиболее часто встречающемся в перекрытии растения семейства злаковых), т.е. тростник также не использовался. Среди известных и опубликованных форм фитолитов злаков данные формы не встречены. Скорее всего для перекрытия использовался какой-то местный злак, возможно, не имеющий широкого распространения за пределами региона.

4. Центр древесного перекрытия, древесный тлен. Образец содержит большое количество крупных кутикулярных слепков и фитолитов. Это указывает на то, что на данном месте разлагались однодольные травы. Древесной растительности не было, так как в составе биоморф нет древесного детрита. Состав фитолитов позволяет определить растение, из которого делалось перекрытие – камыш (*Scirpus*).
5. Отпечатки камыша (?) уровень древнего горизонта. Образец содержит в основном фитолиты, кутикулярных слепков мало. Среди фитолитов преобладают формы камыша, но присутствуют и формы, типичные для злаков и двудольных трав. Возможно, на данном месте были разные травы, среди которых был и камыш. Не исключено, что часть фитолитов принадлежит растениям, росшим на данном месте на момент создания кургана и погребенным под насыпью.
6. Образец камышового тлена. Образец содержит большое количество крупных кутикулярных слепков и фитолитов, типичных для камыша (*Scirpus*). Следовательно, здесь действительно был камыш.

Таким образом, проведенное исследование образцов показало, что чаще всего при создании перекрытий использовался камыш. Но в ряде случаев использовались и другие травы, возможно, местные злаки.

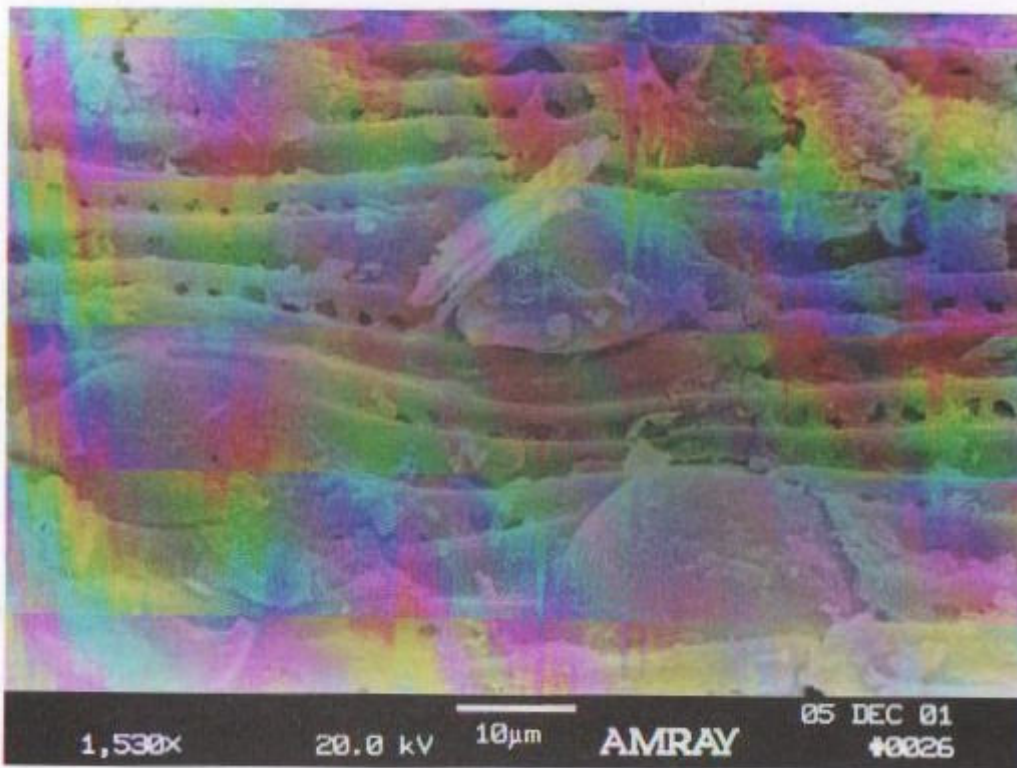

Фото 7. Курган 2. Камышовый тлен из северо-западного сектора. Фитолиты камыша

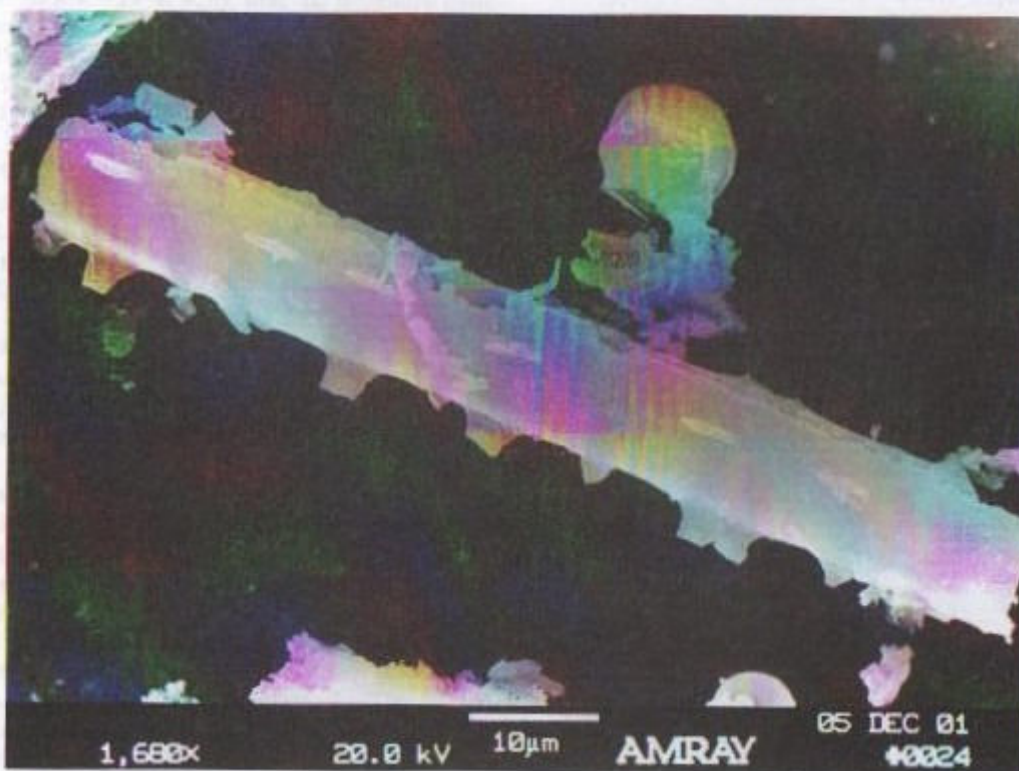

Фото 8. Курган 2. Камышовый тлен из северо-западного сектора. Фитолиты камыша

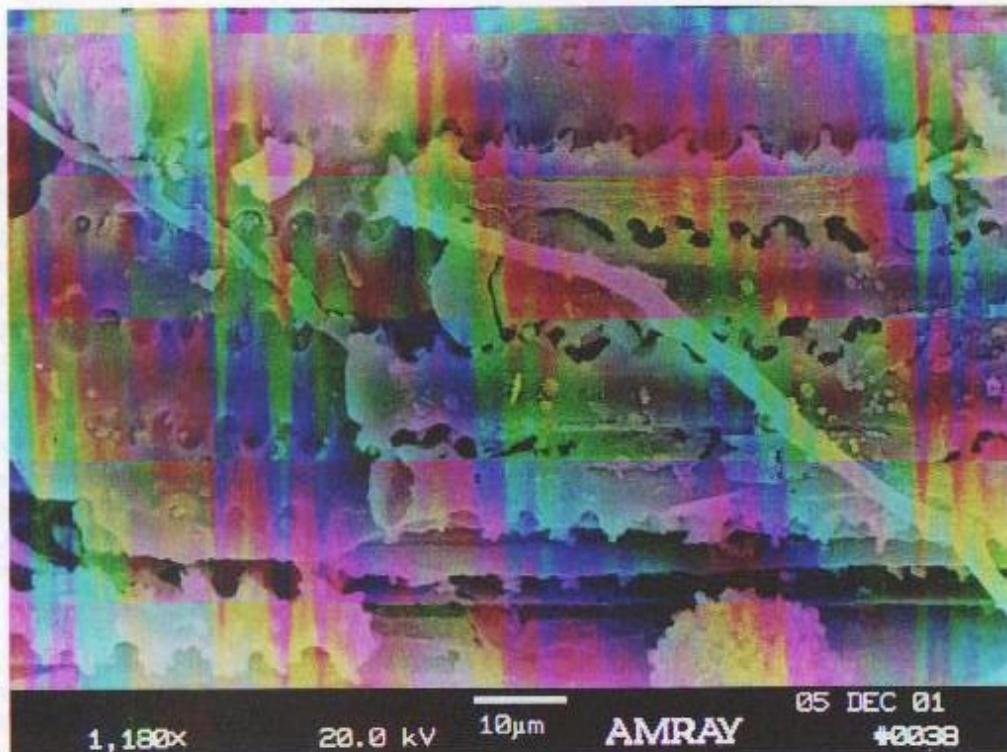

Фото 9. Курган 2. Фитолиты растительного тлена перекрытия ямы

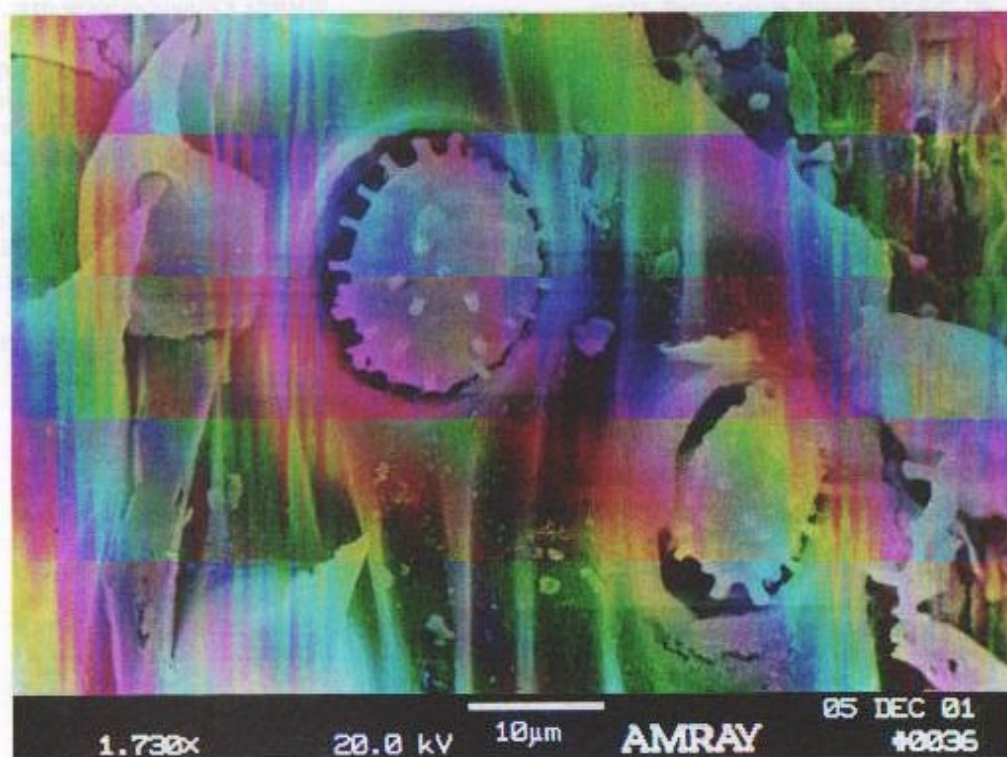

Фото 10. Курган 2. Фитолиты растительного тлена перекрытия ямы

- Алексеев А.Ю., 1986. Нашивные бляшки из Чертомлыкского кургана // Античная торговля. Л.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык: Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев.
- Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М. Вып. Г1-12.
- Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. М. Вып. Г1-12.
- Алексеева Е.М., 1982. Юго-восточная часть некрополя Горгииппия // Горгииппия. Краснодар. Т. II.
- Алексеева И.Л., Охотников С.Б., Редина Е.Ф., 1997. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.): Мат-лы полевого семинара. Тирасполь.
- Анфимов Н.В., 1951. Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской // МИА. № 23.
- Анфимов Н.В., 1953. Древние поселения Прикубанья. Краснодар.
- Анфимов Н.В., 1954. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Ленинград.
- Артамонов М.И., 1976. Искусство скифов: Триста веков искусства. М.
- Балонов Р.Ф., 1987. Святые места скифской эпохи в Адыгее // Скифо-сибирский мир. Новосибирск, 1987.
- Барамидзе М., Пахкадзе Г., Бжания В., Шамба Г., Квириквелия Г., Чигочвали Т., Орджоникидзе А., Гунба М., Голубева Л., 1980. Археологические исследования в Абхазии // Полевые археологические исследования в 1977 г. Тбилиси.
- Беглова Е.А., 1989. Погребальный обряд уляпских грунтовых могильников в Красногвардейском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп.
- Беглова Е.А., 1995. Керамика Закубанья VI–IV вв. до н.э. как исторический источник: Дис. ... канд. ист. наук. М.
- Беглова Е.А., 2000а. О культовых комплексах в меотской культуре Закубанья // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Кисловодск.
- Беглова Е.А., 2000б. Ритуальный комплекс Тенгинского могильника // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском (VII–I вв. до н.э.): Тез. докл. междунар. конф. СПб.
- Беглова Е.А., 2002. Предметы конского убора из Тенгинского могильника // Материальная культура Востока. М. Вып. 3.
- Беглова Е.А., 2004. Первый ритуальный комплекс Тенгинского могильника // ОРУС: Междисциплинарные исследования в археологии. М. Вып. 3.
- Беглова Е.А., 2005. Второй ритуальный комплекс из Тенгинского грунтового могильника // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и докл. Краснодар; Адлер.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 1998а. Древнейшая фортификация меотской культуры // Проблемы археологии Восточной Европы: Тез. докл. конф. Ростов-на-Дону.
- Беглова Е.А., Эрлих В.Р., 1998б. Материалы к изучению бытовых памятников меотов Закубанья // Архив сектора археологии Кавказа ГМИИВ. Рукопись.
- Беренштам Б.Л., 1882. Дневник археологических работ, введенных на Кавказе в 1879 г. // Пятый археологический съезд в Тифлисе: Труды предварительных комитетов. М. Т. I.
- Беспалый Е.И., 1985. Курганы I в. н.э. у г. Азова // СА. № 4.
- Бессонова С.С., 1994. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. Киев.
- Болтрик Ю.В., Физалко А.Е., 2007. Украшения и скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Старожитности Степового Причерноморья і Криму. Запоріжжя. Т. XIV.
- Вальчук С.Б., 1997. Предскифские колесницы и «новочеркасские клады» // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы // МИАР. М. № 1.
- Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В., 1993. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар.
- Власова Е.В., 2000. Скифский рог // Античное Причерноморье. СПб.
- Власова Е.В., 2001. «Семибратние курганы» // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского: Тез. докл. СПб.
- Воронов Ю.Н., 1975. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир. Киев.
- Воронов Ю.Н., 1991. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскурии // СА. № 1.
- Габуев Т.А., Эрлих В.Р., 2001. Два погребения V в. до н.э. из Предкавказья: (из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М. (МИАР; № 3).
- Галанина Л.К., 1980. Курджипский курган. Л.
- Галанина Л.К., 1985. К проблеме взаимоотношения скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского курганного могильника) // СА. № 3.
- Галанина Л.К., 1989. Новые погребальные комплексы раннескифского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки Адыгов. Майкоп, 1989.
- Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. М.
- Галанина Л.К., 2003. Золотые украшения из Елизаветинских курганов в Прикубанье // АСИЭ. СПб. Т. 36.
- Галанина Л.К., 2005. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н.э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н.И. Веселовским в 1913 г.) // АСИЭ. СПб. Т. 37.
- Галанина Л.К., Алексеев А.Ю., 1990. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время по данным келермесских комплексов // АСИЭ. Л. Т. 30.

- Галанина Л.К., Лесков А.М., 1996. Ульские курганы как исторический источник // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Piotровского: Тез. докл. СПб.
- Галанина Л.К., Лесков А.М., Эрлих В.Р., Переводчикова Е.В., в печати. Ульские курганы.
- Гей А.Н., 1984. Отчет о работе Абинского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11062.
- Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. М. Вып. 188.
- Геродот, 1972. История в десяти книгах / пер. Г.А. Стратоновского. Л.
- Гольева А.А., 2001. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. Москва; Сыктывкар; Элиста.
- Грязнов М.П., 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.
- Гудкова А.В., 1978. Раскопки курганов у с. Червоный Яр на Нижнем Подунавье // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев.
- Гуллев В.И., Савченко Е.И., 2004. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции 2001–2003 гг. М.
- Гуцалов С.Ю., 2010. Погребальные сооружения могильника Кырык-Оба II в Западном Казахстане // РА. № 2.
- Давыденко Г.Г., 2005. Случайные находки из Мостовского района // Двенадцатые чтения по археологии Средней Кубани: (Краткое содержание докладов). Армавир.
- Дмитриев А.В., 1973. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска и в Крымском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. №10757, а. б.
- Древний город Нимфей: Каталог выставки. СПб., 1999. Древности Поднепроя. Киев, 1899. Вып. II.
- Евдокимов Г.Л., Фридман М.И., 1991. Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии. Киев.
- Ельницкий Л.А., 1961. Знания древних о северных странах. М.
- Енисова Н.В., Колосков С.А., Митоян Р.А., 1997. О применении рентгено-флуоресцентного энерго-дисперсного анализа в археологии // Вести. Моск. ун-та. Серия "История". 1997. № 1.
- Ждановский А.М., 1976. Исследование Начерзийского могильника в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6169.
- Ждановский А.М., 2006. Курган 30 у аула Начерзий // Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на групповом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону. Прил.
- Ждановский А.М., Марченко И.И., 1989. Ираноязычные кочевники в Прикубанье // Тез. докл. конф. "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья". Запорожье.
- Ждановский А.М., Марченко И.И., 1998. Проблемы периодизации и хронологии раннего железного века Прикубанья // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар.
- Зайцева К.И., 1997. Культовые чаши V–I вв. до н.э. из Северного Причерноморья // ТГЭ. СПб. Т. 28.
- Зайцева К.И., 2000. Культовые чаши I в. до н.э. – IV в. н.э. из Северного Причерноморья // Античное Причерноморье. СПб.
- Замятин С.И., 1946. Скифский могильник "Частые курганы" под Воронежем // СА. Т. VIII.
- Золотые олени Евразии: Каталог выставки. СПб., 1991.
- Иессен, 1954. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // ВССА. М., 1954.
- Ильинская В.А., 1963. "Про скифські навершки" // Археологія. № XV.
- Ильинская В.А., 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев.
- Ильинская В.А., 1973. Скифская узда IV в. до н.э. // Скифские древности. Киев.
- Каменецкий И.С., 1982. Отчет III-го разведочного отряда о работах в Усть-Лабинском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 11873.
- Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Стены Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.
- Каменецкий И.С., 1990. Племена Закубанья в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Капторович А.Р., 1992. "Петушки" – один из образов звериного стиля степной Скифии // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ в 1989–1990 гг.: Мат-лы семинара по скифо-сарматской археологии. М.
- Капторович А.Р., 1995. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля // РА. № 4.
- Капторович А.Р., 2003. Эволюция некоторых образов скифского звериного стиля и проблема контактов Прикубанья, Подонья, Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Городцова в Гос. Историческом музее: Тез. конф. М. Ч. II.
- Капторович А.Р., Эрлих В.Р., 2006. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи. М.
- Капторович А.Р., Эрлих В.Р., 2009. Антропоморфные изображения в меото-скифской торевице // Stratum-plus, 2005–2009. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест. № 3: Скифские интерпретации.
- Капторович А.Р., Яблонский Л.Т., 2009. О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград. Вып. 10.
- Конь и всадник: Взгляд сквозь века: Каталог выставки. М., 2003.
- Кобылина М.М., 1951. Поздние боспорские пелики // МИА. М. № 19.
- Кобылина М.М., 1972. Раскопки Фаногории // АО 1968 г. М.
- Ковпаненко Г.Т., 1980. Сарматское погребение в Соколовой Могиле: (предварительная публикация) // Скифия и Кавказ. Киев.
- Козенкова В.И., 2002. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. М.
- Копейкина Л.В., 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевица. Л.
- Копылов В.П., 2006. О проникновении пунийских товаров на Нижний Дон в IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Сб. ст. по мат-лам XI Междунар. научн. конф. Ростов-на-Дону.
- Коровина А.К., 1957. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. № 2.
- Королькова Е.Ф., 2001а. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ. СПб. Т. 35.
- Королькова Е.Ф., 2001б. Ритуальная посуда кочевников // Золотые олени Евразии. СПб.
- Крупнов Е.И., 1952. Жемталинский клад. М.
- Кубышев А.И., 1997. Стеклопосудные погребальные "кулоны" раннеэллинистического времени из Северного Причерноморья // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н.э. – IV в. н.э.): Мат-лы полевого семинара. Тirasполь.
- Кузьмина Е.Е., 1976. О семантике изображений на Чертомлыкской амфоре // СА. № 3.
- Кунина Н.З., 2000. Стеклопосудные медальоны с рисунками из некрополя Пантикапея // Античное Причерноморье. СПб.
- Куфтин Б.А., 1949. Материалы по археологии Колхиды. Тбилиси. Т. 1.
- Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В., 1894. Курган Карагодеуашх // МАР. СПб. Вып. 13.

- Лебедева Е.Ю., 1994. Результаты исследований палеоботанических материалов с меотских памятников Прикубанья // Боспорский сборник. М. Вып. 5.
- Лесков А.М., 1974. Скарби курганів Херсонщини. Київ.
- Лесков А.М., 1985. Введение // Сокровища курганов Адыгеи. М.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Днепровский К.А., Ксенофонтова И.В., 1983. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в Адыгейской АО Краснодарского края в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9855.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., 2005. Мсоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н.э.: Некрополи у аула Уляп: Погребальные комплексы. М.
- Лесков А.М., Днепровский К.А., Лапушина В.Л., Носкова Л.М., 1982. Отчет о раскопках курганов в районе аула Уляп Красногвардейского района Адыгейской АО Краснодарского края в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8672.
- Лесков А.М., Носкова Л.М., Ксенофонтова И.В., 1981. Отчет о раскопках Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8848.
- Лесков А.М., Эрлих В.Р., 1999. Могильник Фарс/Клады. М.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 1998. Некоторые итоги исследования оборонительных сооружений Старокорсупского городища № 2 // Археология и этнография Северного Кавказа: Сб. научных трудов. Краснодар.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2001. Погребения VI–V вв. до н.э. из грунтовых могильников меотских городищ Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 1.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2005. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников Правобережья Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар. Вып. 5.
- Ловиче П.Г., 2004. О чем поведал Курджипский курган // Информационно-аналитический вестник. Майкоп. Вып. 8.
- Лылова Е.В., 2002. Золотая серьга из четвертого Прохоровского кургана // Боспорский феномен: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб. Ч. II.
- Лылова Е.В., 2008. Серьги из I Филипповского курганного могильника // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: Мат-лы Междунар. научн. конф. "Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий". Оренбург.
- Максименко В.Е., 1983. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону.
- Малышев А.А., 1992. Позолоченные терракотовые медальоны с изображением Медузы Горгоны в Прикубанье // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг.: Мат-лы семинара по скифо-сарматской археологии. М.
- Малышев А.А., 1996. Античный импорт в Закубанье (VI–IV вв. до н.э.): По материалам раскопок II Тенгинского городища // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX "Крупновские чтения": Тез. докл. М.
- Манцевич А.П., 1969. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М. (МИА; Вып. 150).
- Манцевич А.П., 1973. Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. Л. Т. 15.
- Манцевич А.П., 1987. Курган Солоха. Л.
- Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В., 2001. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар; Анапа.
- Махортых С.В., 1989. К хронологии скифских памятников Предкавказья // I Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар.
- Махортых С.В., 1991. Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII–VII вв. на юге Европейской части СССР // Древности Кубани: (Мат-лы научно-практич. конф.). Краснодар.
- Махортых С.В., 1992. Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII–VII вв. на юге Европейской части СССР // Античная цивилизация и варварский мир: (мат-лы III археологического семинара). Новочеркасск. Ч. I.
- Медведев А.П., 1997. Об атрибуции "жреческих" погребений у ираноязычных кочевников II–I тыс. до н.э. // Исторические записки. Воронеж. Вып. 2.
- Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. М. (САИ; Вып. Д1-4).
- Мелюкова А.И., 1976. К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Мелюкова А.И., 1981. Краснокутский курган. М.
- Могилев О.Д., 2008. Споряження коня скифської доби у Лісо-степу Східної Європи. Київ.
- Мордвищева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В., в печати. Сокровища Древней Кубани: Предметы торевтики и украшения из драгоценных металлов в коллекции Краснодарского историко-археологического музея-заповедника.
- Мозолевский Б.Н., 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев.
- Мозолевский Б.Н., 1979. Товста Могила. Київ.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В., 2005. Курганы скифского Героса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев.
- Монахов С.Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Москва; Саратов.
- Мунчаев Р.М., 1963. Луговой могильник // Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Науменко С.А., 1981. Отчет I Разведочного отряда Северокавказской экспедиции ИА РАН СССР в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. № 9724.
- Нехаев А.А., 1984. Отчет о работе Адыгейской археологической экспедиции Адыгейского областного краеведческого музея на территории Красногвардейского и Майкопского районов Адыгейской АО Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 10588.
- Нехаев А.А., 1985. Отчет Адыгейской археологической экспедиции за 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 10923.
- Нехаев А.А., 1986. Отчет Адыгейской археологической экспедиции за 1986 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 14072.
- ОАК за 1878 г. СПб., 1981.
- ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
- ОАК за 1900 г. СПб., 1903.
- ОАК за 1903 г., СПб., 1906.
- ОАК за 1908 г. СПб., 1912.
- ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.
- Островерхов А.С., 2009. Скляпі медальйони і деякі питання ідеологічних уявлень населення Північного Причерномор'я у IV–III ст. до н.е. // Археологія. Київ. № 3.
- Переводчикова Е.В., 1980. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2.
- Переводчикова Е.В., 1984. Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования. Краснодар.
- Переводчикова Е.А., 1987. Локальные варианты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. № 4.
- Переводчикова Е.В., 1994. Язык звериных образов. М.
- Переводчикова Е.В., Раевский Д.С., 1981. Еще раз о скифских навершиях // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье: (история и культура). М.
- Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. М. Вып. Д1-4.
- Прокопченко Ю.А., 2001. К вопросу о выделении в материалах IV–I вв. до н.э. памятников Ставрополя узко датируемых

- ся комплексов IV–III вв. до н.э. // Третья кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар; Анапа.
- Прокопенко Ю.А., 2005. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь.
- Пузикова А.И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья: (Публикация комплексов). М.
- Пьянков А.В., 1998. Керамические украшения с позолотой с Северного берега Краснодарского водохранилища // Древности Кубани. Краснодар. Вып. 6.
- Рявич И.Г., 1983. Эталоны микроструктур “оловянной бронзы” // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. М. Вып. 8 (38).
- Раев Б.А., Беспалый Г.Е., 2006. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского кургана. Ростов-на-Дону.
- Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
- Рябова В.О., 1984. Дерев'яні чаші з оббивками з курганів Скіфського часу // Археологія. № 46.
- Рябова В.А., 1989. Ритуальные сосуды как источник социально-политической истории Скифии // Тез. докл. областн. конф. “Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья”, посвящ. 90-летию Б.Н. Гракова. Запорожье.
- Савельева Т.В., Смирнов К.Ф., 1972. Ближневосточные древности на Южном Урале // ВДИ. № 3.
- Савченко Е.И., 2001. Могильник скифского времени “Терновое-I – Колбино I” на Среднем Дону: (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. М.
- Сазонов А.А., 1992. Отчет о работе Теучежского отряда археологической экспедиции АРИГИ в 1992 г. // Архив ИА РАН. Р-I.
- Сазонов А.А., 1995а. Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на реке Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп.
- Сазонов А.А., 1995б. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп.
- Сазонов А.А., 1998. Могильник Чишхо: поздние протомеоты и раннескифские древности // XX юбилейные международные “Крупновские чтения” по археологии Северного Кавказа. Ставрополь.
- Сазонов А.А., 2000. Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Майкоп.
- Смирнов К.Ф., 1958. Меотский могильник у ст. Пашковской // МИА. М.; Л. № 64.
- Смирнов К.Ф., 1961. Вооружение савроматов // МИА. М.; Л. Вып. 101.
- Смирнов К.Ф., 1964. Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М.
- Смирнов К.Ф., 1980. О мечях синдо-меотского типа // КСИА. М. Вып. 162.
- Сокровища курганов Адыгеи; Каталог выставки. М., 1985.
- Стены Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. (Археология СССР).
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев.
- Тов А.А., 1989. Протомеотский могильник Чишхо близ аула Тауйхабль в Теучежском районе // Меоты – предки Адыгов. Майкоп.
- Трейстер М.Ю., 2002. Металлические сосуды из Зеленского кургана и некоторые находки из Карагадеуашха: (к вопросу о контактах Северной Греции и Боспора во второй половине IV в. до н.э.) // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб. Ч. 2.
- Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. М. Вып. VIII.
- Уварова П.С., 1902. Археология // Коллекции Кавказского музея. Тифлис. Т. V.
- Уильямс Д., Огден Дж., 1995. Греческое золото: Ювелирное искусство классической эпохи: V–IV вв. до н.э. СПб.
- Фиалко Е.Е., 2004. Деревянные чаши – знаки воинской доблести у скифов // Старожитности Степового Причерноморья I Криму. Запоріжжя. Вып. XI: Збірник наукових праць: Мат-ли конф. “Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я” (до 105-річчя з дня народження Б.М. Гракова).
- Черненко Е.В., 1973. “Оружие из Семибратних курганов” // Скифские древности. Киев.
- Чурсин В.М., 1982. Плавка медных сплавов. М.
- Шамба С.М., 1988. Гюэнос-I. Тбилиси.
- Шедевры древнего искусства Кубани: Каталог выставки. М., 1987.
- Шилов В.П., 1950. О расселении меотских племен // СА. 1950. № XIV.
- Шкурко А.И., 1982. Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М. (Тр. ГИМ; Вып. 64).
- Шталь И.В., 2000. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ: (пелики, IV в. до н.э., керченский стиль). М.
- Шульц П.Н., Навротский Н.И., 1973. Прикубанские изваяния скифского времени // СА. № 4.
- Эрлих В.Р., 1988. Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени Среднего Закубанья // Материальная культура Востока. М. Вып. 1.
- Эрлих В.Р., 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
- Эрлих В.Р., 1992. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в Скифское время // Архив ИА РАН. Р-II. № 2509.
- Эрлих В.Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.
- Эрлих В.Р., 1996. Тенгинское городище II в свете бытовых памятников меотской культуры Закубанья // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX “Крупновские чтения”: Тез. докл. М.
- Эрлих В.Р., 2001. Святилища в меотской культуре Закубанья скифского времени: (к постановке проблемы) // Боспорский феномен: Мат-лы междунар. научн. конф. СПб. Ч. 2.
- Эрлих В.Р., 2002. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах. Армавир; Москва. Вып. 8.
- Эрлих В.Р., 2004. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. № 1.
- Эрлих В.Р., 2005. “Скифский” культовый набор в меотском святилище // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тез. и докл. Краснодар.
- Эрлих В.Р., 2006. Связи Прикубанья с Поволжьем и Приуральем во второй половине IV в. до н.э.: (по материалам Тенгинских святилищ) // Город и степь в контактной евроазиатской зоне: Тез. докл. III Междунар. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. М.
- Эрлих В.Р., 2007а. Железные наконечники стрел из Прикубанья: проблемы типологии и технологии // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: Сб. памяти М.П. Абрамовой. М.
- Эрлих В.Р., 2007б. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.
- Эрлих В.Р., 2009. Курганы из окрестностей станицы Некрасовской: новые обращения к старым материалам // Пятая Кубанская археологическая конференция: Мат-лы конф. Краснодар.
- Эрлих В.Р., 2010а. Раскопки кургана Ульской группы в 2007 г. // Материальная культура Востока. М. Вып. 5.

- Эрлих В.Р., 2010б. Узла Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М. (МИАР. № 13).
- Эрлих В.Р., Кожухов С.П., 1992. Об основных этапах развития месотской культуры Закубанья // Античная цивилизация и варварский мир: (Материалы III археологического семинара). Новочеркасск. Ч. I.
- Эрлих В.Р., Маслов В.Е., Брилева О.А., 2008. Новейшее исследование Ульских курганов // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий: Юбилейные XXV "Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа": Тез. докл. Владикавказ.
- Эрлих В.Р., Нехаев А.А., 2010. Курганы эпохи скифской архаики у хутора Говердовского в Адыгее // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Кавказа: XXVI "Крупновские чтения по археологии Кавказа". Магас.
- Andronicos M., 1999. Vergina: The Royal Tombs. Athens.
- Antik kunst i dansk privateje: Udstilling i Ny Carlsberg Glyptotek 16 mai - 31 august 1974. København, 1974.
- Beglova E.A., 2002. Ritualkomplex mit menschlichen Opfergaben aus der Grabstätte von Tenginskaja // Antike Welt. № 3.
- Blank I., 1976. Griechische Goldsmuckimitationen des 4. Jahrhunderts v. Chr. // Antike Welt. Bd. 3.
- Brandt E., 1968. Antike Gemmen in Deutschen Sammlungen. München. Band 1: Staatliche Münzsammlung. München. Teil 1: Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus.
- Breitestein N., 1941. Catalogue of terracottas Cypriote, Greek, Etrusco-Italian and Roman: Danish National Museum. Copenhagen.
- Boardman J., 1970. Greek Gems and Finger Rings: Early Bronze Age to Late Classical. L.
- Boardman J., 1989. Athenian red figure Vases: The classical period. L.
- Calmeier P., 1985. Zur Genese altiranischer Motive IX: Die Verbreitung des westiranischen Raumzeugs im Achemenidenreich // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. VIII.
- Coldstream J.N., 1973. Knoss: The Sanctuary of Demeter. L.
- Conney J.D., 1976. Catalogue of Egyptian Antiquities in the British Museum. L. Vol. IV: Glass.
- Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj S., 1996. Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryżanowskiego w Ryżanówce na Ukrainie // Materiały i sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzeszów. T. XVII.
- Čhernenko E., 2006. Die Schutz Waffen der Skythen. Stuttgart. (PBF; Bd. III, H. 2).
- Erlikh V.R., 2007. Archaeological Investigation of the Sanctuary in the Necropolis of the Tenginskoe II Site: (Preliminary Publication) // Greek and Natives in the Cimmerian Bosphorus 7th-1st Centuries BC: Proceeding of the International Conference October 2000, Taman, Russia. Oxford. (BAR; International Series; 1729).
- Erlikh V.R., 2010. Recent Investigation of the Ul'ski kurgans // Nieling J., Rehm E. (eds.) Achaemenid impact in the Black Sea. Aarhus. (Black Sea Studies; 11).
- Gardiner-Garden J., 1986. Fourth century conception of maiotian ethnography // Historia. Bd. 35, N 2.
- Glass of Fitzwilliam Museum: Glass of Fitzwilliam Museum. Cambridge, 1978.
- Gli ori de Taranto in Eta Ellenistica. Milano, 1985.
- Greifenhagen A., 1970. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Berlin. Bd. I.
- Greek jewellery from the Benaki Museum Göllection. Athens, 1999.
- The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures of the Russian Steppe, N.Y. 2000.
- Hänsel A. & B., 1998. Gaben an die Götter. Berlin.
- Higgins R.A., 1954. Catalogue of the terracotta's in the Department of Greek and Roman antiquities of British Museum. London.
- Leskov A.M., 1972. Treasures from the Ukrainian barrow: latest discoveries. Leningrad.
- Leskov A.M., 1990. Grabschätze der Adygeen. München.
- Leskov A.M., 2008. The Maikop Treasure. Philadelphia.
- Marshall F.H., 1911. Catalogue of the Jewellery in the British Museum. London.
- Maxaradze G., Tsereteli M., 2007. Sairkhe. Tbilisi. На груз. яз., с англ. резюме.
- Medeas Gold: Neus Funde aus Georgien: Katalog zur Ausstellung. Berlin, 2007.
- Meeks N.D., 1986. "Tin-rich surfaces on bronze - experimental and archaeological considerations" // Archaeometry. № 28, 2.
- Metzner-Nebelsick C., 2002. Der "Thrako-Kimmerische" Formenkreis aus der Sicht der Urnefelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien. Rahden (Westf).
- L'Or des Amazones: Peuples nomads entre Asie et Europe. VI siecle av. J.-C. - IV siecle apr. J.-C. Paris, 2001.
- Piotrovsky B., Galanina L., Grach N., 1986. Scythian art: The legacy of the Scythian world: mid 7th to 3rd century B.C. Leningrad.
- Rotroff S., 1997. Hellenistic pottery: Athenian and imported wheel-made table ware and related material // The Athenian Agora. Princeton; New Jersey. Vol. XXIX.
- Scythian gold: Treasures from Ancient Ukraine. N.Y., 1999.
- Southerf K., Matthaïou A., 2000. Data from graves at Oraïokastro, Thessaloniki prefecture // Arch. Ergo Makedonia. Thessalonica, 1998. 12. На греч. яз., с англ. резюме.
- Sparkes B., Talcott L. 1970. Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th Centuries B.C. // The Athenian Agora. Princeton; New Jersey. Vol. XII.
- I Tezori dei kurgani del Caucaso Settentrionale. Roma, 1990.
- Themelis P., Touratsoglou J., 1997. Οι τάφοι του Δεββειού, ΑΘΗΝΑ.
- Touratsoglou J., 1998. Dated Gold: the evidence from Hellenistic Macedonia // The Art of the Greek Goldsmith. L.
- Tsigarida B., Ignaliadou D., 2000. The Gold of Macedon: Archeological Museum of Thessaloniki. Athens.
- Vickers M., 1979. Scythian Treasures in Oxford. Oxford.
- Vickers M., Kakhidze A., 2004. Pichvnari, Georgia 2004 // Anatolian Archaeology / British institute of archeology at Ankara research report 2004. London. Vol. 10 (2004).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АО	– Археологические открытия
АРИГИ	– Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований. Майкоп
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	– Вестник древней истории
ВНИИР	– Всероссийский научно-исследовательский институт реставрации. Москва
ВССА	– Вопросы скифо-сарматской археологии. Москва
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
КГИАМЗ	– Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии Российской академии наук
МАК	– Материалы по археологии Кавказа
МАР	– Материалы по археологии России
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. Москва; Ленинград
МИАР	– Материалы и исследования по археологии России
НМРА	– Национальный музей Республики Адыгея
ОАК	– Отчеты Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
ОАВЕС	– Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
СА	– Советская археология. Москва
САИ	– Свод археологических источников. Москва; Ленинград
ТГЭ	– Труды Государственного Эрмитажа
Ульские курганы	– <i>Галанила Л.К., Лесков А.М., Эрлих В.Р., Переводчикова Е.В.</i> Ульские курганы. В печати
BAR	– British Archaeological Report. Oxford
LIMC	– Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich
PBF	– Prähistorische bronze Funden
Skythian Art, 1986	– <i>Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.</i> Scythian art: The legacy of the Scythian world: mid 7 th to 3 rd century B.C. Leningrad, 1986.

In the **Introduction** the author presents information about the Meotians and gives a brief overview of the Meotian culture, to which the site in question is related.

Chapter 1 looks at the research history and characteristics of the Tenginsky II settlement and corresponding necropolis. The Tenginsky II settlement, with an area of approximately 13 hectares, is located on the right terrace of the Laba River three kilometers to the east to Stanitsa Tenginskaya. This archeological site was studied from 1994–1996 by the Caucasus Archeological Expedition of the State Museum of Oriental Art (Moscow). Investigations revealed an ancient fortified complex (walls and pits) belonging to the Meotian culture from to the end of the 6th century BC, together with the remains of a large building.

The site as a whole dates from the end of the 6th to the 4th century BC. An Early Hellenistic necropolis was also discovered just beyond the ruins of the northern defensive walls and trenches – the so-called ‘gates’ (Figs. 1 and 2) – after studying a weak ‘smudge’ on an areal photograph. This necropolis was excavated for three years, from 2000 to 2002, during which the archeological team uncovered three kurgan shrines and a flat grave cemetery laid out between them (Fig. 3). The recovered material demonstrated that this necropolis and the shrines in it were related to the final settlement period of the Tenginsky settlement – the second half of the 4th century BC. A Late Archaic cemetery has not been discovered.

Chapter 2 reports on the researched carried out on the three kurgan shrines studied from 2000–2002.

Kurgan 1 (Figs. 4–34) was approximately 0.5 m high with a diameter of ca. 40 m. Excavations showed that the actual mound fill of the kurgan was two times less it had originally appeared, since it had been subject to serious plough activity over time. A 10 × 10 m area was uncovered. In the center of the mound fill, patches of discoloration due to digging in the earth were discovered as high as at 50 cm depth. The upper layer of the mound fill consisted of clumps of earth interspersed with clay and ash, was full of finds

such as molded and wheelturned pottery fragments, imported Greek pottery, bronze and iron arrowheads, iron knives and their fragments, armor scales, beads, golden clothing appliques and threads, animal bones etc.

Somewhat lower, a circular pavement of river pebbles measuring about 9m in diameter was discovered at the level of the ancient horizon. 12 horse sacrifices were exposed lying on this pavement. The sacrifices consisted mainly of horse skulls with bridle elements. However, in two cases the entire body had been sacrificed. All sacrifices had been heavily subject to fire and were covered with a thick layer of ash. Finds on the horse skulls included iron looped bits, various types of iron, bronze and bimetallic (bronze with iron) double-perforated cheekpieces, numerous bronzes plaques, bronze clasps and headstall rings as well as various bridle nosebands decorated in the animal style.

A similar pebble paving was found in the center of the structure, upon which items such as animal bones, numerous fragments of broken dishes, arrowheads etc. were uncovered.

Another two horse sacrifices and one sacrificed dog were found outside the pebble pavement. These had not been affected by fire.

Further cleaning following the examination of the circular pebble pavement at the level of the ancient horizon revealed postholes from the burned pole construction.

Thus it is possible to reconstruct a wooden structure erected for the purpose of carrying out a fire ritual. The analysis of the bone material gathered inside the structure revealed no human bones, which allows us to interpret the construction as a shrine.

Kurgan 2 (Figs. 35–80) was examined in 2001. This is the first case of a huge pit being discovered in a shrine. However, no ritual activity seems to have been carried out in the pit.

The following stages of development can be reconstructed for this kurgan as part of a ritual complex.

First, a pit was dug, in which a construction of green wooden posts was erected. The pit was then covered

with a dirt fill. The protruding beams carried a wooden frame, which served as a base for a reed thatching. The upper layer of the fill from the large pit was then paved with pebbles, upon which sacrifices were carried out. Many items were found here: golden plaqueappliqués for clothing, gold-plated terracotta jewelry, glass beads, fragments of iron body armor, iron arrowheads, and numerous fragments of household dishes and animal bones.

The items lay scattered about in no particular order. It seems clear that they had been specially damaged for ritual purposes, in order to symbolize their 'death' and sacrifice. Following the ritual, the central structure was thatched with reeds, which were spread out on the abovementioned wooden frame. It is also significant that the edges of the reed thatching had originally been laid out on the ancient grassy ground, i.e. covering more than just the specially prepared ritual area. This was determined upon analysis of the lower level of the reed layer.

A horse grave was dug to the east of the central wooden structure, either at the time of its erection or somewhat later. 23 sacrificed horses and 6 bulls were placed into this grave, which was then roofed with thick oaken beams, on top of which further sacrifices were then carried out.

The southern and southeastern parts of the roofing appear to have been particularly important for the ritual context. This is where bronze cult objects such as deer-head-shaped finials were found (Figs. 50–53). A number of sacral objects were also found on a special wooden pavement that ran from the horse grave roofing towards the center of the kurgan. These included a belt, a cup with golden applications, a quiver and spearheads. The reed material found under the covering of the central structure indicates that these offerings were apparently placed there later. The last ritual to be performed consisted of the sacrificed horses and bulls in the northwest of the kurgan.

Kurgan 3 (Figs. 81–89) (height – 0.2–0.4 m; diameter – ~0.3 m) had no wooden structure. Instead, it contained a ritual area at the level of the ancient horizon consisting of an amassment of local and imported pottery and animal bones. Finds here also included the remains of two horse sacrifices together with the corresponding headstalls.

In addition to the above, the author has also included data on seven burials from the flat grave cemetery investigated in 2000 and 2002 (Figs. 90–95).

Chapter 3 – The Characteristics and Chronology of the Sacrificial Inventory of the Tenginskaya Shrines.

In this chapter the author takes a step-by-step look at the local and imported pottery as well as offensive (arrowheads, spears, Meotian swords) and defensive weaponry (fragments of scaled iron body armor, a bronze body armor waistband). An analysis of the numerous and varying horse bridle items follows. Many of the items (forehead straps, nosebands, cheekpieces) were made in the Kuban region Animal Style of the 'Elisavetinskaya' type.

The section 'Ornaments' looks at the numerous costume ornaments and clothing applications manufactured in gold, gold-plated terracotta and glass (a diadem, plaqueapplications for clothing, necklaces, beads and medallions). Special attention has been paid to the analysis of four high-quality cult items – bronze finials. The analysis was carried out by the author together with A.R. Kantorovich. An additional cult object is also discussed – a wooden cup (Fig. 47) – the gold plating of which has been reconstructed to show a stag. Judging by the imports found in the shrine (a lekythos with sieve ornament, terracotta medallions and beads) and numerous known parallels, the kurgans can be dated within the confines of the second half or more likely – the last quarter of the 4th century BC.

Chapter 4, 'The Tenginskaya Kurgans and the Phenomenon of Meotian Shrines', looks at the tradition of ritual complexes and shrines in the Meotian culture from its beginnings in Proto-Meotian sites (8th century BC) and lists all similar sites known to this day, grouping them according to chronological periods. Ritual complexes of the Meotians are known until the 2nd century BC at least.

The **Conclusion** brings together the preliminary classification of Meotian shrines. The author distinguishes four shrine types: 1) a random/unsystematic collection of sacrificial objects and animal bones beneath a small mound; 2) horse sacrifices – random skeletons or skulls of horses together with the headstalls beneath a small mound; 3) horse or bull sacrifices laid out in a circular fashion around an altar; 4) special wooden structures with a (semi-) tent-like covering – so-called 'temples'. The Tenginskaya shrines are certainly not unique amongst the numerous ritual sites of the Meotian culture, but they do represent a specific vein of their development.

Перевод Суджиты Чандрасекаран

CONTENTS

Editor's Preface (<i>U.I. Kozenkova</i>).....	5
Introduction	7
Chapter One. The History of Research of the Tenginkaya II Settlement and Necropolis	10
Chapter Two. The Excavation Report on the Tenginkaya II Necropolis	13
Chapter Three. Chronology and Characteristics of the Shrine Deposits	48
Chapter Four. The Tenginskaya Kurgans and the Phenomenon of Meotian Shrines ...	82
Conclusion	93
Illustrations	95
Supplements	
I. <i>J.N. Spasovski.</i> The Description of the Osteological Material	191
II. <i>A.A. Gol'eva.</i> The Analysis of Wooden Remains from Kurgan 2	196
Literature	203
Abbreviations	208
Summary (<i>transl. by Sudjata Chandrasekaran</i>)	209

Слово ответственного редактора (В.И. Козенкова)	5
Введение	7
Глава первая. История исследования Тенгинского городища II и его некрополя	10
Глава вторая. Отчет о раскопках культовых комплексов некрополя Тенгинского городища	13
Глава третья. Характеристика и хронология жертвенного инвентаря Тенгинских святилищ	48
Глава четвертая. Тенгинские курганы и феномен меотских святилищ	82
Заключение	93
Иллюстрации	95
Приложения	
I. Ю.Н. Спасовский. Описание костного материала	191
II. А.А. Гольева. Анализ древесины из кургана 2	196
Литература	203
Принятые сокращения	208
Summary (пер. Суджаты Чаидрасекаран)	209

АДРЕС НАУЧНОГО ЦЕНТРА ИСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Москва, Ленинский пр., 28/1

Индекс 119899, Москва, Ленинский пр., 28/1

Тел. (095) 252-11-11, 252-11-12, 252-11-13

Факс (095) 252-11-14, 252-11-15, 252-11-16

Сайт: www.ia.ras.ru

Издательство "Археология" и "Экспресс-Сервис" (Москва)
и "Книжный центр"

Издательство "Археология" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Экспресс-Сервис" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Книжный центр" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Археология" и "Экспресс-Сервис" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Археология" и "Экспресс-Сервис" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Археология" и "Экспресс-Сервис" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Археология" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Экспресс-Сервис" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Книжный центр" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Археология" и "Экспресс-Сервис" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Археология" и "Экспресс-Сервис" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Археология" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Экспресс-Сервис" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Книжный центр" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Археология" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Экспресс-Сервис" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Книжный центр" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Издательство "Археология" (Москва)
ул. Мясницкая, 28/1, стр. 1

Научное издание

Эрлих Владимир Ровальдович
СВЯТИЛИЩА НЕКРОПОЛЯ
ТЕНГИНСКОГО ГОРОДИЩА II
IV в. до н.э.

Утверждено к печати

*Ученым советом Института археологии
Российской академии наук*

*Ученым советом Государственного музея
искусства народов Востока*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *М.М. Леренман*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Ю.И. Духовская*

Технический редактор *Т.В. Жмелькова*

Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова*

Содержание	3
Введение	7
Глава первая. История возникновения и развития науки о безопасности	10
Глава вторая. Основы безопасности жизнедеятельности человека	14
Глава третья. Характеристика и структура системы безопасности человека	18
Глава четвертая. Структура системы безопасности человека	22
Заключение	26
Литература	28
Список литературы	30
И. И. Иванов. Основы безопасности жизнедеятельности человека	32
К. И. Сидоров. Основы безопасности жизнедеятельности человека	34
Литература	36
Список литературы	38
И. И. Иванов. Основы безопасности жизнедеятельности человека	40
К. И. Сидоров. Основы безопасности жизнедеятельности человека	42

Подписано к печати 19.07.2011. Формат 60 × 90^{1/8},
 Гарнитура Таймс. Печать офсетная
 Усл.печ.л. 27,0 + 3,0 вкл. Усл.кр.-отг. 40,0. Уч.-изд.л. 28,7
 Тираж 800 экз. (РНФ – 300 экз.). Тип. зак. 3854

Издательство "Наука"
 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
 в ГУП "Типография "Наука"
 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

- 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-78-01
Сайт: www.LitRAS.ru E-mail: info@LitRAS.ru
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и "Книга-почтой"

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой");
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой");
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43
www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96
(Бук. отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19
(Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой");
(код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18;
(код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва

Телефон для оптовых покупателей: (код 499) 143-84-24; 143-89-35

Сайт: www.LitRAS.ru

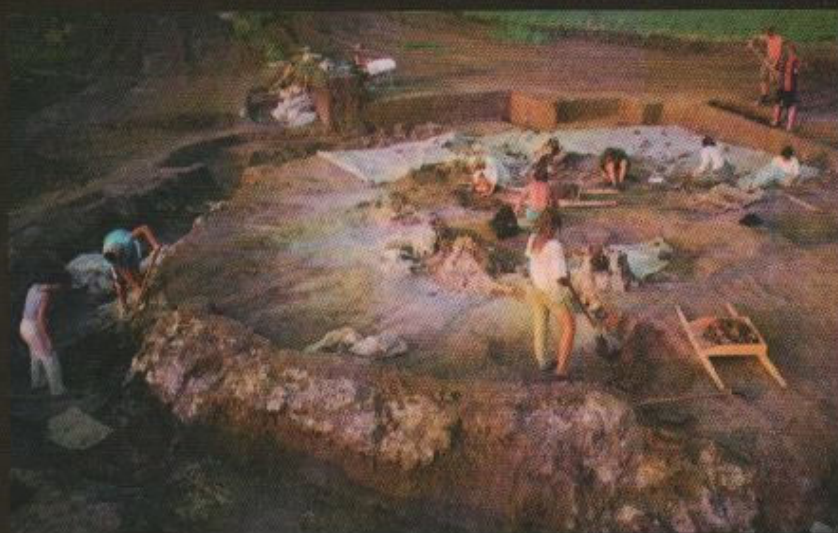
E-mail: info@LitRAS.ru

Склад, телефон (код 495) 932-74-71

Факс (код 499) 143-89-35

V. R. Erlikh

The Shrines
in the Necropolis
of the 2nd Tenginskaya
Settlement
4th Century BC

ISBN 978-5-02-036762-3

9 785020 367623

NAUKA